ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 36.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 2-го сентября.

Содержаніе: I. Безпомощность крестьянки-матери въ деревнѣ. Кир. Тихомировъ.—II. Мой дѣдушка. Н. Колосовъ.—III. Неразрывная связь въ Евангеліи вѣроученія и нравоученія. (Окончаніе). А. Д—въ.—IV. Замѣтки: a) Епископъ и кинематографъ.—b) Вводъ священника въ приходъ.—c) Церковная жизнь въ хуторской Россіи.

Безпомощность крестьянки-матери въ деревнѣ.

Всѣмъ извѣстна безпомощность темной матери-крестьянки, которая давно ищетъ яснаго пониманія истинъ евангельскаго ученія, ищетъ выхода изъ мрака предразсудковъ, суевѣрій-небылицъ,—которая ждетъ, чтобы кто научилъ ее воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, въ покорности и послушаніи.

Нуждается наша темная крестьянка также въ наученіи умѣнію ухаживать за малютками дѣтьми, за жилыми помѣщеніями въ отношеніи чистоты, свѣта, воздуха и проч. Сколько горя и совершенно ненужныхъ страданій вносится въ жизнь прихожанъ только оттого, что темная мать-крестьянка не

умѣетъ ухаживать за дѣтьми; сколько гибнетъ дѣтей отъ незнанья свойствъ самыхъ простыхъ лѣкарствъ, отъ дурного питанія и вообще недосмотра. Съ первыхъ же дней ребенку мать даетъ коровье молоко, топленое или даже сырое, завязанный въ тряпочку разжеванный бѣлый или черный хлѣбъ и провонявшую гнилую коровью соску. Въ пять—шесть мѣсяцевъ ребенку суютъ и булку и кашу, а въ девять мѣсяцевъ онъ ѣстъ уже „всякую всячину“, что́ и взрослый. Мѣстами, тотчасъ послѣ рожденія, младенца несутъ парить въ баню. Больного ребенка, при всякихъ болѣзняхъ, зимою и лѣтомъ туго-натуго повиваютъ. И мрутъ бѣдныя дѣти безъ числа!

Статистика въ этомъ отношеніи устанавливаетъ невѣроятно тяжелые факты: она свидѣтельствуетъ, что въ общемъ числѣ умирающихъ дѣтей 30,4% смертности обусловливается негигіеничностью ухода и антисанитарнымъ состояніемъ деревни. Особенно велика смертность на первомъ году жизни—вдвое и даже втрое болѣе, нежели въ западныхъ государствахъ; изъ 1000 новорожденныхъ до года умираетъ: въ Швеціи 129, въ Англіи 145, во Франціи 163, въ Германіи 185, а въ Россіи 305 человѣкъ! Отсюда общая смертность у насъ какъ нигдѣ въ Европѣ, а пожалуй и во всемъ свѣтѣ. И тяжело подумать, что и половины этихъ смертей не было бы, если бы мы, интеллигентные люди, приложили хоть малѣйшее усиліе разогнать деревенскую темноту и помочь матерямъ. Какая нибудь десятикопѣечная толково составленная брошюрка объ уходѣ за грудными дѣтьми—сколько бы она пользы принесла, если-бы ее пустить по рукамъ въ каждой деревнѣ; вѣдь теперь легко найти тамъ одинъ или два десятка грамотѣевъ.

Дѣти мрутъ въ деревнѣ не отъ одного плохого ухода, но и оттого, что въ *лѣтніе самые рабочіе мѣсяцы* они остаются дома почти безъ всякаго надзора. Вообще, если ближе ознакомиться съ способами ухода за ребенкомъ темной крестьянки въ отношеніи питанія, лѣченія, гигіены, то придется

дивиться не тому, что эти дѣти мрутъ, а что ихъ еще слишкомъ много остается въ живыхъ,—придется признать, что чаще всего своихъ дѣтей убиваютъ сами ихъ матери...

Но какъ просвѣтить темноту бѣдной матери-крестьянки, кто можетъ передать ей необходимыя полезныя свѣдѣнія объ условіяхъ здоровой разумной жизни, особенно въ сельскомъ приходѣ? Врачи, фельдшера, акушерки? Но они безсильны для выполненія этой задачи уже потому, что ихъ слишкомъ мало сравнительно съ населеніемъ, и въ силу этого они не въ состояніи справиться даже съ прямыми своими задачами. Нѣтъ, прежде всего на это должна отозваться школа и вообще люди, близко стоящіе къ ней, въ особенности сельскія матушки и приходскія учительницы.

Каждая сельская школа должна быть снабжена нарочно для этого составленной брошюрной литературой, гдѣ бы не только простымъ, но, по возможности, простонароднымъ языкомъ былъ бы выясненъ вредъ отъ обычныхъ деревенскихъ пріемовъ ухода за дѣтьми, а затѣмъ и указано, какъ нужно оберегать ихъ здоровье. Не такъ, разумѣется, трудно указать коротко и ясно, какъ поступить съ ребенкомъ при первыхъ признакахъ заболѣванія, отъ чего его въ этомъ случаѣ остерегать и проч.

Но самой существенной пользы въ дѣлѣ просвѣтленія темноты бѣдной матери-крестьянки мы ждемъ отъ приходской матушки и учительницы. Вѣдь имъ всегда такъ близко знакомы и понятны всѣ условія женской крестьянской доли въ деревнѣ и такъ хорошо извѣстны всѣ женскія нужды и печали.

Такъ какъ строй домашней жизни въ деревнѣ складывается подъ значительнымъ вліяніемъ женщины и на женщинѣ, главнымъ образомъ, лежитъ воспитаніе дѣтей, то, дѣйствуя чрезъ посредство женской половины прихода, матушки и учительницы очень много могли бы сдѣлать для воспитанія дѣтей, въ наученіи умѣнію крестьянки-матери ухаживать за малютками дѣтьми, за жилыми помѣщеніями въ отношеніи

чистоты, свѣта, воздуха и проч. Намъ извѣстно нѣсколько примѣровъ того, какъ приходскія матушки по вечерамъ въ праздничные дни (особенно зимою) устраивали въ своемъ домѣ женскія собранія. Крестьянки собираются весьма охотно, такъ что каждый разъ присутствующихъ доходило до 50—60 человѣкъ разнаго возраста; матушки простымъ языкомъ вели бесѣды, въ которыхъ дѣлились съ деревенскими слушательницами своими знаніями по разнымъ существеннымъ и жизненнымъ вопросамъ. Часто эти бесѣды сопровождались чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ, подъ руководствомъ учительницъ мѣстныхъ школъ. Съ увѣренностью можно сказать, что посѣщающія такія собесѣдованія женщины-крестьянки внесли въ свои семьи много душеполезныхъ и практическихъ знаній, относящихся къ улучшенію домашней жизни крестьянской семьи,—особенно малютокъ-дѣтей.

Высокій процентъ дѣтской заболѣваемости и смертности, какъ мы сказали, падаетъ именно на „страдную пору“, когда бѣдныя матери, уходя на цѣлый день въ поле на работу, вынуждены оставлять своихъ крошекъ дѣтей на произволъ судьбы, въ жертву голоду и всякимъ случайностямъ, когда дома остаются одни лишь дѣти да дряхлые старики и старухи, или няньки 7—10 лѣтъ. Извѣстно, какіе ужасные результаты получаются отъ такой безпризорности крестьянскихъ дѣтей: какая масса гибнетъ ихъ въ рѣкахъ, колодцахъ; сколько ихъ калѣчится, обжигается, разбивается, а нерѣдко загрызается на смерть собаками... свиньями... Сколько выгораетъ селъ отъ шалости безпризорныхъ ребятъ! Къ счастью, съ этимъ зломъ деревни можно вести борьбу посредствомъ устройства въ лѣтніе рабочіе мѣсяцы *пріютовъ-яслей для дѣтей*, содержимыхъ на земскій счетъ. Намъ кажется, что въ каждой деревнѣ должна быть устраиваема особая просторная изба съ широкимъ и чистымъ дворомъ, засаженнымъ деревьями, чтобы была тѣнь въ лѣтній зной. Сколько-нибудь опытную и добросовѣстную няньку найти въ деревнѣ хоть и не всегда легко, но все-таки, возможно. Отчеты о ясляхъ, уже устроенныхъ,

свидѣтельствуютъ, что населеніе относится къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, и свободныя женщины съ радостію предлагаютъ свой трудъ и помогаютъ, чѣмъ могутъ. Расходы на ясли ничтожны при такихъ условіяхъ—около 2 коп. въ день на ребенка при комплектѣ 50 дѣтей. Но это вѣдь и все, что нужно для устройства деревенскихъ яслей.

А между тѣмъ много-ли вы встрѣтите лѣтомъ въ нашихъ сельскихъ приходахъ такихъ пріютовъ-яслей? Одинъ, два и только. Вся бѣда въ томъ, что нѣтъ людей, которые взялись бы съ охотой и любовью за это весьма полезное дѣло,—дѣло, которое сохранило бы деревнѣ столько жизней, уберегло бы столько дѣтей отъ гибели. Наши сельскіе батюшки и матушки—въ большинствѣ случаевъ—какъ то безнадежно смотрятъ на тяжелое и печальное положеніе крестьянки-матери въ семьѣ и какъ бы его не видятъ. Не отъ того-ли наросло и накопилось такъ много ненормальности въ области церковно-приходской жизни, что сельское духовенство держитъ себя въ сторонѣ отъ бытовой народной жизни?

Въ послѣдніе 10—20 лѣтъ много уже говорилось и писалось о томъ, что нынѣшніе батюшки и матушки въ деревнѣ отдѣлились и обособились отъ народа. Нѣтъ между ними прежней близости и прежней связи. Прежніе старинные священники и матушки близко принимали къ сердцу все, что касалось прихожанъ,—смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ пріемныхъ дѣтей. Въ праздникъ не только кухня и сѣни, но и самая горница батюшки были полны народомъ. Одинъ за другимъ,—кто съ семейнымъ разладомъ, проситъ батюшку помирить, кто спрашиваетъ у него совѣта по хозяйству; тутъ матушка наставляетъ бабу, какъ беречь первые дни роженицу, тамъ „поповна“ суетъ молодухѣ какую-то травку отъ кашля... Одинъ принесъ рубль, который давно уже долженъ батюшкѣ, другой проситъ этотъ самый рубль себѣ въ долгъ...

Теперь эти картины не часты. Матушки въ большинствѣ держатъ себя барынями и даже въ кухню народъ пу-

скаютъ неохотно. Въ долгъ не даютъ, а за лѣкарствами посылаютъ къ фельдшеру; совѣтами по части ухода за дѣтьми, гигіены и хозяйства себя также не утруждаютъ. Нынѣшній священникъ часто держитъ себя въ отношеніи къ прихожанину заносчиво и разговариваетъ съ нимъ свысока. И эту нотку высокомѣрія сразу же замѣчаютъ прихожане, и батюшка изъ близкаго, родного имъ человѣка дѣлается чужимъ и далекимъ. Даже хорошая и теплая бесѣда такого священника вѣетъ на прихожанина какимъ-то холодомъ.

Конечно, много есть примѣровъ добрыхъ отношеній и мы не хотимъ замалчивать ихъ. Мы хотимъ сказать только, что то сухое, чисто барское отношеніе къ прихожанину, которое замѣтно теперь среди молодого поколѣнія священниковъ и ихъ матушекъ должно быть устранено, ибо оно въ корнѣ разрушаетъ пастырское дѣло и служитъ причиной многихъ печальныхъ явленій въ приходской жизни. При такомъ холодномъ отношеніи пастырей къ прихожанамъ и безпомощность бѣдной темной крестьянки-матери и ея дѣтей долго еще будетъ смущать нашу душу. Необходима та теплая любовь, которая объединила бы насъ во имяТого, Которому мы молимся и имя Котораго повторяемъ ежедневно.

Кир. Тихомировъ.

Мой дѣдушка.

(Изъ дѣйствительнаго прошлаго).

Теперь, когда я, пользуясь вакатомъ, временемъ учительскаго отдыха, живу на своей родинѣ, на привольныхъ Волжскихъ берегахъ, гдѣ на духовномъ поприщѣ подвизаются многіе мои родственники, гдѣ жили дѣды и прадѣды, мнѣ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ родныхъ, какъ то особенно живо припомнился образъ моего дѣдушки по отцу.

Невысоко было положеніе моего дѣдушки, но о немъ стоитъ вспомнить и сказать нѣсколько словъ. И не только „стоитъ“, но я чувствую, что я долженъ почтить его память.

Дѣдушка былъ причетникомъ въ мордовскомъ селѣ Кученяевѣ, Алатырскаго у., Симбирской епархіи. Онъ прекрасно зналъ мордовскій языкъ и для кученяевцевъ былъ „свой“ человѣкъ: вполнѣ былъ понятенъ и, конечно, доступенъ. Доходы дѣдушки были не Богъ вѣсть какъ велики, а потому онъ по необходимости долженъ былъ заниматься хозяйствомъ. Но занимался онъ не только по необходимости, но и по любви. Дѣдушка былъ, такъ сказать, поэтомъ сельскаго хозяйства, и пашня на свѣже-промоченномъ полѣ раннимъ утромъ, при восходѣ солнца, или молотьба подъ музыку цѣповъ зимой въ наскоро протопленномъ овинѣ и т. под.—все это доставляло ему истинное наслажденіе. Дѣдушка работалъ самъ, но къ работѣ привлекалъ и все свое семейство, не исключая взрослаго уже сына семинариста-богослова, теперь священника, моего отца. Послѣ того, какъ дѣти къ Ильину дню приходили пѣшкомъ изъ города на лѣтнія каникулы „съ ученья“, дѣдушка давалъ имъ дня 2—3 отдыха, а потомъ, какъ Тарасъ Бульба, будилъ ихъ рано, „ни тьма—ни заря“, и велъ въ поле жать или косить, а то на молотьбу, къ огорченію матери. Мой отецъ и теперь, когда приходитъ лѣтомъ въ поле смотрѣть работу жнецовъ на церковной землѣ, беретъ серпъ и прекрасно жнетъ, къ посрамленію теперешней молодежи, которая сплошь и рядомъ тяготится крестьянскимъ трудомъ, считая его чернымъ и унизительнымъ. Благодаря своему трудолюбію, дѣдушка всегда жилъ безбѣдно, имѣлъ много скота и иногда „держалъ“ по три лошади. Очень часто дѣдушка выѣзжалъ изъ своего Кученяева, напр., въ Алатырь на парѣ собственныхъ лошадей.

— Вотъ, и смотри, что̀ дьячокъ!—съ гордостью говорили кученяевскіе мужики:—чисто баринъ.

А дѣдушка съ чувствомъ собственнаго достоинства сидѣлъ одинъ въ тарантасѣ „за барина“ и „за кучера“. За-

дорно звенѣли въ большомъ количествѣ подвѣшенные къ упряжи бубенчики и колокольчики.

— Здравствуйте, Алексѣй Яковлевичъ!—кланялись дѣдушкѣ мужички изъ сосѣднихъ селъ:—въ Алатырь? Къ сынку?

Дѣдушка остановитъ лошадей, отвѣтитъ на вопросы, спроситъ о дѣлахъ, объ урожаѣ, поговорить обо всемъ, что интересно для него и для крестьянина, и опять зазвенятъ бубенчики и запоютъ колокольчики: дѣдушка ѣдетъ дальше.

Всей округѣ былъ извѣстенъ дѣдушка. Его знали, главнымъ образомъ, какъ рѣдкостнаго чтеца и пѣвца. У дѣдушки былъ богатѣйшій теноръ, звучный и пріятный. Каноны, пареміи, апостола и под. онъ читалъ съ чисто художественной выразительностью. Нѣкоторыя молитвословія, нѣкоторыя мѣста изъ паремій и апостола были у дѣдушки любимыми, онъ зналъ ихъ буквально наизусть и, при чтеніи ихъ, особенно въ большіе праздники, въ торжественной обстановкѣ, при большомъ стеченіи народа вдохновлялся настолько, что трогалъ и умилялъ богомольцевъ до слезъ. Слушать пѣніе и чтеніе дѣдушки собирались въ кученяевскую церковь многіе изъ сосѣднихъ селъ. Секретъ дѣдушкинаго искусства въ пѣніи и чтеніи заключался въ томъ, что пѣлъ и читалъ онъ проникновенно съ полнымъ пониманіемъ дѣла, „умно и божественно“, какъ говорили его „почитатели“. По своему времени дѣдушка считался „ученымъ“: онъ окончилъ четыре класса духовнаго училища и въ семинарію не пошелъ отчасти потому, что не было средствъ, а отчасти и потому, что въ то давнее время, когда учился дѣдушка, многіе въ духовныхъ школахъ ограничивались образованіемъ въ духовномъ училищѣ, какъ теперь многіе ограничиваются образованіемъ въ духовной семинаріи. Но самое замѣчательное, что̀ было въ дѣдушкѣ, такъ это то, что онъ, въ теченіе всей своей долгой службы, не переставалъ читать и учиться. Въ этомъ отношеніи дѣдушка представлялъ прямо нѣчто исключительное.

Онъ не имѣлъ средствъ покупать книги, какія ему хотѣлось читать и имѣть. Поэтому онъ бралъ книги у знако-

мыхъ священниковъ, благочинныхъ, у помѣщиковъ и, какъ бы ни велики были заинтересовавшія его книги, онъ переписывалъ ихъ цѣликомъ въ особыя толстыя тетради, которыя потомъ переплетались и получали видъ старинныхъ рукописныхъ книгъ. Цѣлые дни и ночи просиживалъ дѣдушка надъ перепискою разнаго рода книгъ: мягко ходило по синеватой бумагѣ гусиное перо, потрескивала въ дьячковской избѣ лучина, дѣдушка перелистывалъ страницу за страницей, и на его уставшемъ, но благородномъ лицѣ еле замѣтно свѣтилась счастливая улыбка: къ собранію его книгъ прибавится новая книга. Такимъ образомъ у дѣдушки составилась довольно богатая библіотека по разнымъ отраслямъ знанія, особенно же книгъ богословскихъ, историческихъ и житій святыхъ. Дѣдушка страстно любилъ книги самъ и любовь свою онъ хотѣлъ привить другимъ: всѣмъ, кому дѣдушка хотѣлъ оказать какое либо вниманіе, онъ дарилъ книги своего, такъ сказать, изготовленія и купленныя. Помню, первая моя книга была—подарокъ отъ дѣдушки: знаменитое „Родное Слово“. Дѣдушка зналъ, что̀ выбрать. Всѣ цѣнили его трудолюбіе, его разностороннія по его положенію знанія и относились къ нему съ неизмѣннымъ уваженіемъ. И теперь многіе изъ родныхъ и знакомыхъ съ благодарностію и съ уваженіемъ вспоминаютъ о дѣдушкѣ и показываютъ его книги-подарки.

Любовь дѣдушки къ церковнымъ чинамъ, вообще къ богослуженію, была такъ велика, что, не имѣя возможности пріобрѣсти дорогія богослужебныя книги въ свою собственность, онъ, къ величайшему удивленію всѣхъ, кто его зналъ, почти всѣ переписалъ ихъ полууставомъ. Удивительно: какая проникновенность церковнымъ духомъ нужна была для этого! Какая нужна была энергія!

Кромѣ всего, дѣдушка до крайности любилъ и хорошо умѣлъ рисовать. Свободное время посвящалъ онъ рисованію картинъ преимущественно на религіозныя темы. Особенно любилъ онъ рисовать лики святыхъ и виды знаменитыхъ храмовъ и монастырей. Между прочимъ дѣдушкой были сдѣ-

ланы иллюстрированные святцы, которые онъ зналъ наизусть, и статистическій списокъ всѣхъ монастырей Россійской Имперіи. Все жилище дѣдушки въ Кученяевѣ было сплошь увѣшано картинами его собственнаго производства. Кромѣ того, въ большомъ количествѣ раздавалъ онъ свои картины знакомымъ и прихожанамъ. Кто знаетъ: можетъ быть, при другихъ условіяхъ изъ дѣдушки вышелъ бы крупный ученый или художникъ? Несомнѣнно, что дѣдушка сознавалъ свои недюжинныя способности, ибо, помимо всего остального, ему много о нихъ говорили, а также сознавалъ и свою рѣдкостную работоспособность, но онъ всегда бы чрезвычайно скроменъ, аккуратенъ и исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ, въ высшей степени почтителенъ къ своимъ настоятелямъ. Въ должности причетника онъ прослужилъ около... 65 лѣтъ. Вполнѣ возможно, что онъ былъ бы возведенъ въ санъ діакона или даже священника, но онъ очень рано овдовѣлъ и женился вторично. Гордостью для дѣдушки и радостью для его родныхъ и знакомыхъ была большая золотая медаль, полученная имъ за 50 лѣтъ службы.

Нѣсколько разъ я видѣлъ дѣдушку въ послѣдніе годы его жизни. Тогда онъ былъ уже за штатомъ и жилъ въ Алатырѣ въ домѣ сына, моего дяди, начальника Алатырской тюрьмы. Живо представляю я себѣ маленькую, выходящую въ садъ, комнату, всю увѣшанную священными картинами дѣдушкиной работы и заставленную написанными отъ руки книгами. Дѣдушка лежитъ на очень простой постели, разбитый параличомъ и почти лишенный силъ двигаться. Но лицо его тихо и спокойно. Когда кто либо входитъ къ нему, онъ ласково улыбается, глазами приглашаетъ присѣсть и, начиная какой либо обычный разговоръ, очень скоро сбивается на излюбленныя свои религіозныя, церковныя и богослужебныя темы. У меня дѣдушка обыкновенно справлялся о церковныхъ новостяхъ и очень часто въ моемъ присутствіи начиналъ пѣть излюбленные свои срѣтенскій, вознесенскій или рождественскій каноны. Несмотря на старческіе годы и на

тяжелую болѣзнь, лицо дѣдушки озарялось святымъ вдохновеніемъ и видно было, что онъ переносится мыслію къ тому времени, когда своимъ пѣніемъ и чтеніемъ увлекалъ сотни сердецъ. На выцвѣтающихъ глазахъ дѣдушки показывались слезы.

— Подпѣвай, подпѣвай!—волнуясь, говорилъ мнѣ дѣдушка.

Я смотрѣлъ на этого святого, казалось мнѣ, старца, и мнѣ становилось безконечно жаль его:

— Какою мучительною болѣзнію привелъ его Богъ умирать!

Но съ его устъ не слетало никогда и слово ропота. Въ теченіе пяти почти лѣтъ онъ съ полною покорностію волѣ Божіей несъ тяжкій крестъ болѣзни.

Умеръ дѣдушка 82 лѣтъ.

Царство небесное этому безвѣстному труженнику, этому одному изъ послѣднихъ представителей добраго стараго времени, когда больше было людей, крѣпкихъ вѣрою и любовію къ Богу и къ Его Церкви.

О, какъ хотѣлось бы прожить такъ, какъ прожилъ дѣдушка! Но освободи, Господи, отъ тяжкихъ его предсмертныхъ мукъ!

Н. Колосовъ.

Неразрывная связь въ Евангеліи вѣроученія и нравоученія.

(Противъ современнаго морализма).

(Окончаніе) [1]).

Сущность евангельской морали сводится къ заповѣди о любви. Когда іудейскій законникъ, искушая Господа, спросилъ Его, которая изъ заповѣдей есть наибольшая въ законѣ, то Спаситель далъ такой отвѣтъ: „возлюби Господа Бога

[1]) См. № 35 за 1912 г.

твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя" (Матѳ. 22, 37—40; Мр. 12, 30—31; Лук. 10, 27). Принципъ любви—центральный въ евангельской этикѣ, дающій смыслъ, содержаніе и значеніе всѣмъ евангельскимъ заповѣдямъ. Но на чемъ же основывается въ Евангеліи этотъ возвышеннѣйшій принципъ, что̀ сообщаетъ ему незыблемую устойчивость и жизненную силу? Этотъ принципъ нравственной жизни всецѣло покоится и утверждается на вѣроученіи Евангелія; только оно одно вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о внутреннихъ основаніяхъ всеобщей любви, какъ обязательнаго для всѣхъ нравственнаго закона. Возьмите вы Евангеліе и вычеркните изъ него всѣ тѣ мѣста, которыя содержатъ догматическое ученіе о Богѣ, о Троицѣ, о Лицѣ Іисуса Христа и о спасеніи чрезъ Него всего рода человѣческаго и померкнетъ оно, и перестанетъ оно свѣтить своимъ великимъ сіяніемъ любви, которая душу свою полагаетъ за людей, и потеряется тогда непоколебимая опора нравственности, и рушится тогда самая надежда человѣчества, въ горячемъ желаніи жаждущаго: „*да пріидетъ Царствіе Твое*" (Мѳ. 6, 10). Не съ кровли, не со стѣнъ, а съ фундамента начинается стройка всякаго зданія. Такъ и въ Евангеліи. На незыблемой основѣ теоретическаго міросозерцанія предлагается устроеніе Царства Божія и въ догматическихъ истинахъ ярко блещетъ этическій свѣтъ, чтобы каждый могъ находить въ нихъ руководственныя правила для своей нравственно-практической жизнедѣятельности.

Евангеліе начинаетъ не съ любви къ ближнему, а съ любви къ Богу и въ этой любви полагаетъ источникъ любви къ людямъ (Мѳ. 22, 37—40; Мр. 12, 30—31, Лук. 10, 27). Дѣйствительно, любовь можетъ тогда только стать высшимъ принципомъ жизни, лишь въ томъ случаѣ имѣть для людей обязательное значеніе, когда она будетъ не простымъ отвлеченнымъ понятіемъ, не преходящимъ чувствомъ, а

абсолютною метафизическою реальностью, воплощаемою въ такой же самосознающей личности, каковъ и самъ человѣкъ. Лишь въ этомъ случаѣ люди могутъ и должны ради любви подавлять въ себѣ противоположныя ей наклонности и чувства. И вотъ Евангеліе, дѣйствительно, учитъ, что любовь воплощается въ обсолютной личности Божества. Богъ есть совершеннѣйшее добро (Мѳ. 19, 17), Онъ даруетъ жизнь всему творенію и промышляетъ о всѣхъ тваряхъ во благо (Мѳ. 6, 30; 7, 11). „Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мѳ. 5, 45). И въ чемъ иномъ сильнѣе могла выразиться любовь Божія къ людямъ, какъ не въ томъ, что Сама Она сошла съ неба на землю и воплотилась среди людей? Воплотилась не за тѣмъ, чтобы судить и наказывать людей за непослушаніе небесному Отцу, но чтобы спасти міръ (Іоан. III, 16—17), т. е. примирить насъ съ Отцемъ, возстановить дѣйствіе нарушеннаго человѣкомъ всеобщаго закона любви, дабы всѣ люди и всѣ твари снова соединились въ одно Царство Божіе, въ одинъ союзъ любви и, по прежнему, единодушно прославляли небеснаго Отца. Имѣя въ виду такую проповѣдь Евангелія о любви Божіей, христіанинъ уже нравственно обязанъ поставить любовь началомъ своей жизни и дѣятельности. Онъ ощущаетъ въ себѣ внутреннюю потребность и нравственную обязанность всегда служить другимъ, любить ближнихъ, какъ своихъ братьевъ, у которыхъ одинъ, пекущійся о нихъ, Отецъ небесный. А если христіанинъ не любитъ, то внутренно сознаетъ себя виновнымъ, такъ какъ чувствуетъ, что не любитъ и оскорбляетъ не чуждыхъ ему людей, а тѣхъ, кто на самомъ дѣлѣ родные ему по происхожденію и зависимости отъ Бога. Но, очевидно, мы можемъ истинно любить ближнихъ только въ томъ случаѣ, если любимъ своего общаго небеснаго Отца. Въ любви къ Отцу лежитъ источникъ и любви къ ближнему. Если мы любимъ Отца искренно, „всѣмъ сердцемъ,“ то будемъ любить и другъ друга, и всѣхъ, ибо,

по ученію Евангелія, мы—дѣти одного Отца небеснаго. И вотъ мысль евангельская: если христіанинъ любитъ Творца, то любитъ и Его твореніе; если любитъ божественный Первообразъ, то любитъ и Его образъ и подобіе, сіяющее въ каждомъ человѣкѣ, даже среди пороковъ въ величайшемъ грѣшникѣ: если любитъ всеблагого Промыслителя, посылающаго всѣмъ безъ различія дары Своей милости (Мѳ. 5, 45), то и самъ будетъ любовью своею угождать всѣмъ, не только друзьямъ, но и врагамъ своимъ (Мѳ. 5, 44). Какая здѣсь поистинѣ наитѣснѣйшая, органически-цѣлостная, неразрывная связь вѣроученія и нравоученія! Какой величайшій родникъ питаетъ и напояетъ евангельскую нравственность! Заповѣдь, предлагаемая намъ Евангеліемъ, о любви ко всѣмъ людямъ безъ исключенія при свѣтѣ евангельскаго ученія о Богѣ Отцѣ вполнѣ понятна, естественна и не возбуждаетъ рѣшительно никакихъ недоумѣній. Христіанинъ, всецѣло понимающій духъ Евангелія, находитъ всецѣло справедливою предъявляемую къ нему мѣрку, по какой опредѣляются его отношенія къ ближнимъ. Для христіанскаго сознанія любовь должна простираться не на однихъ лишь тѣхъ людей, которые любятъ насъ и благотворятъ намъ. „Не такъ же ли поступаютъ и язычники“ (Мѳ. 5, 47), руководящіеся однимъ естественнымъ чувствомъ и не озаренные свѣтомъ евангельскаго ученія о всеблагомъ, вселюбящемъ и всепромышляющемъ небесномъ Отцѣ? „А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мѳ. 5, 44—45). Но зачеркните это ученіе Іисуса Христа объ Отцѣ небесномъ, попробуйте на минуту отбросить его и вы вмѣстѣ съ современнымъ моралистомъ гр. Л. Н. Толстымъ будете недоумѣвать: „Любить враговъ? Но это невозможно. Это было бы одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которыя нельзя смотрѣть иначе, какъ на указанія недостижимаго нравствен-

наго идеала. Можно не вредить своему врагу, но любить его нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможное“ [1]). Но что невозможно для людей, то возможно у Бога; что невозможно для морали автономной, то возможно для нравственности христіанской, покоющейся и произростающей отъ вѣроученія евангельскаго. Такъ, стоитъ только адогматизировать принципы евангельскаго нравоученія и они теряютъ все—и свой смыслъ, и свое значеніе, и свою убѣдительность, и свою практическую осуществимость,—испаряются, какъ нѣчто безформенное и легковѣсное, отвергаются, какъ нѣчто невозможное и измышленное.

Богъ есть любовь и совершеннѣйшее добро. Но, во имя полноты и совершенства божеской жизни, надо предположить, что Богъ простираетъ Свою любовь на равныхъ Ему Лицъ. И Евангеліе, дѣйствительно, учитъ, что Богъ единъ, но не одинокъ. Евангеліе различаетъ въ Богѣ три Лица: Отецъ, отъ Него предвѣчно рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святый. Внутренняя жизнь Божества и состоитъ во взаимообщеніи любви между этими тремя Лицами. Объ этомъ Евангеліе говоритъ съ совершенной опредѣленностію. Іисусъ Христосъ многократно говорилъ, что Отецъ любитъ Его—Сына (Іоан. 3, 35, 10, 17; 15, 9—10 и др.), возлюбилъ Его прежде сложенія міра (Іоан. 17, 23—26). Поэтому Іисусъ Христосъ говорилъ ученикамъ Своимъ предъ страданіями: „Вотъ, наступаетъ часъ и насталъ уже, что вы разсѣетесь каждый въ свою сторону и Меня оставите одного; но Я не одинъ, потому что Отецъ со Мною“ (Іоан. 16, 32). А еще раньше говорилъ іудеямъ: „Пославшій Меня есть со Мною; Отецъ не оставилъ Меня одного; ибо Я всегда дѣлаю то, что Ему угодно“ (Іоан. 8, 29). Равнымъ образомъ въ Евангеліи говорится, что и Сынъ любитъ Отца (Іоан. 14, 31). Духъ Святой называется Утѣшителемъ. Это значитъ, что любовь состав-

---

[1]) См. у И. Николина. Естественное совершенство и нравственное совершенствованіе. Душеполезное чтеніе. 1907 г. м. Сентябрь, стр. 39.

ляетъ самое существо Духа (Іоан. 14, 16-17; 26, 15, 26; 16, 7). Богъ Отецъ называлъ Іисуса Христа при крещеніи и преображеніи *возлюбленнымъ* Сыномъ Своимъ. При крещеніи явился и Духъ Святой въ видѣ голубя (Мѳ. 3, 13—17 и парал.; ср. Іоан. 12, 28).

Но это общеніе любви между Лицами Божества, по ученію Евангелія, идеальное, полное, абсолютное, переходящее въ совершенное и чистое единство. Отъ принципа этическаго общенія въ любви Лицъ Божества Евангеліе переходитъ къ матафизическому принципу единосущія. Лица Божества имѣютъ одни и тѣ же свойства. Іисусъ Христосъ говорилъ Своему Отцу: „Все Мое Твое, и Твое Мое“ (Іоан. 17, 10) Лицамъ Божества принадлежитъ одно и то же совершеннѣйшее вѣдѣніе, единство въ славѣ и ученіи (Мѳ. 2, 27: Лук. 20, 22; Іоан. 15, 26; 18, 37; 12, 48—50; 14, 24; 17, 3, 7—8; 8, 28, 38; 14, 26; 16, 13—15: Мѳ. 12, 20), единство въ волѣ и дѣйствіяхъ (Іоан. 5, 19—20, 30; 6, 38; 14, 31. 5, 10; 17, 4; 11, 41—42; 16, 23; 15, 16; Лук. 11, 13; Мѳ. 12, 28; Іоан. 17, 6; 2, 18; 14, 6, ср. Іоан. 6, 44; Мѳ. 16, 16—17. Мѳ. 3, 11; Іоан. 14, 16; 18, 37 и др.), единство во власти (Мѳ. 11, 27 ср. Іоан. 3, 35; 13, 3. Іоан. 5, 27, 28; 21—22; Іоан. 17, 2 ср. ст. 7 и гл. 16, 15; 16, 7—11) и славѣ (Іоан. 13, 31—32; 17, 1—5; Мѳ. 12, 31—32).

Такимъ образомъ, всѣ лица Божества имѣютъ одну и ту же Божескую сущность. Отсюда—Отецъ, Сынъ и Духъ Святой составляютъ одно (Мѳ. 28, 19). О Своемъ единосущіи и равенствѣ съ Отцемъ Іисусъ Христосъ говоритъ неоднократно: „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца... Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ“ (Іоан. 14, 9—10); „Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ. А если творю: то, когда не вѣрьте Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (Іоан. 10, 37—38 ср. 5, 17—19); „Я и Отецъ одно“ (Іоан. 10, 30). Единосущіе Духа Святого съ Отцомъ и Сыномъ видно изъ слѣдующихъ словъ Спасителя ученикамъ: Духъ истины „прославитъ

Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ. Все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое; потому Я сказалъ, что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ" (Іоан. 16, 14—15). Въ силу такого единосущія всѣхъ трехъ лицъ Божества любовь или вражда со стороны людей къ одному лицу Божества относится и къ двумъ другимъ (Іоан. 13, 20; Мѳ. 10. 40; Іоан. 8, 42; 14, 16—17; 16, 7—11; 5, 23; 15, 23—24; Мѳ. 10, 32—33): первая призываетъ на человѣка благословеніе и любовь Божію, а вторая—отверженіе отъ Бога и наказаніе (Іоан. 12, 26; 14, 21; 16, 27 ср. 17, 6, 23).

Такъ излагается въ Евангеліи ученіе о троичности лицъ въ Богѣ. Внутренняя жизнь Божества состоитъ въ общеніи любви между лицами св. Троицы, и это общеніе возвышается до полнаго объединенія ихъ, до единосущія. Въ этомъ отношеніи взаимообщеніе между лицами Божества, такъ сказать, даетъ основной характеръ и направленіе всей нравственной жизни, предписываемой Евангеліемъ и самое ученіе о св. Троицѣ обращается въ нравоученіе.—„Что можетъ сдѣлать современный человѣкъ съ догматомъ Троицы? недоумѣваютъ адогматисты. Какъ примѣнить его къ жизни, къ самымъ жгучимъ вопросамъ?" [1]) Но г.г. Мережковскій, Розановъ, Яковлевъ и др. забываютъ самое главное, самое существенное въ Евангеліи—это неразрывную связь въ немъ вѣроученія и нравоученія. Именно вслѣдствіе этой связи всѣ догматы въ Евангеліи имѣютъ этическій смыслъ, иначе говоря, получаютъ формулировку нравоучительную. Ученіе о троичности лицъ Божества также имѣетъ великое этико-динамическое вліяніе на жизнь человѣчества.

Жизнь человѣческая должна представлять изъ себя всемірный безраздѣльный союзъ любви между людьми. За всѣхъ Своихъ послѣдователей Іисусъ Христосъ молился предъ Отцомъ Своимъ: „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во

[1]) Новый путь. 1903 г. м. Ноябрь. Записки религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ стр. 445,—слова Мережковскаго.

Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они будутъ въ Насъ едино... Да будутъ едино, какъ Мы едино“ (Іоан. 17, 21, 22). Вотъ наилучшее выраженіе нравоучительнаго значенія догмата о св. Троицѣ. Въ призываніи людей къ союзу любви состоитъ задача Царства Божія, проповѣдуемаго Евангеліемъ, и каждый человѣкъ долженъ по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать осуществленію этой цѣли. Но единеніе въ любви, говоря вообще и въ широкомъ смыслѣ. не осуществляется въ жизни человѣческой, весьма несовершенной, преисполненной всякаго рода зла и пороковъ. И вотъ существеннѣйшее общеніе любви и единеніе лицъ св. Троицы возвѣщается людямъ, какъ идеалъ, къ которому и они должны стремиться. Какъ три Ипостаси Божества составляютъ по существу одно, такъ и люди должны быть связаны въ одно цѣлое: всѣ должны быть связаны, какъ одинъ, и одинъ—какъ всѣ. Такъ евангельское ученіе о св. Троицѣ призываетъ всѣхъ къ нравственному единенію.

И если бы наши моралисты проникновеннѣе понимали живой духъ евангельскаго вѣроученія, то они никогда не посмѣли бы лишить догматъ о троичности лицъ Божества его нравственно-практическаго значенія для жизни человѣчества. Они видѣли бы, что правильное усвоеніе умомъ и сердцемъ человѣческимъ этого главнѣйшаго догмата христіанства приводитъ людей къ осуществленію на землѣ Царства Божія; объединяетъ человѣчество въ тотъ величественный духовный союзъ любви, проповѣдь о которомъ составляетъ главнѣйшее содержаніе Христова ученія.

Новое и сильнѣйшее доказательство неразрывной связи въ Евангеліи вѣроученія и нравоученія даетъ намъ ученіе о спасеніи чрезъ Христа всего рода человѣческаго,—ученіе, которое составляетъ сущность всего нравоученія евангельскаго и безъ котораго послѣднее было бы такъ же мертво и безжизненно, какъ тѣло безъ души. Дѣло Евангелія возстановить и выполнить въ человѣчествѣ первоначальный творческій планъ о спасеніи человѣка во Христѣ. Ученіе о спасеніи

составляетъ самое существо содержанія Христова Евангелія (Лук. 3, 6; Іоан. 4, 22), и почти на каждой страницѣ оно прежде всего говоритъ именно о трансцендентной задачѣ искупленія души отъ грѣха. Евангеліе всѣмъ „возвѣщаетъ конецъ наказанія, отпущеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе небесъ и сродство Сыну Божію. Что можетъ сравниться съ симъ благовѣстіемъ? Богъ—на землѣ, человѣкъ—на небѣ; все въ соединеніи: ангелы составили одинъ ликъ съ человѣками и прочими высшими силами. Очевидно стало, что древняя брань прекращена, что Божество примирилось съ нашимъ естествомъ, діаволъ посрамленъ, злые духи прогнаны, смерть связана, рай отверстъ, проклятіе уничтожено, грѣхъ истребленъ, заблужденіе удалено, истина возратилась, слово благочестія повсюду сѣется и растетъ, жизнь небесная насаждена на землѣ, вышнія силы дружественно бесѣдуютъ съ нами, ангелы непрестанно сходятъ на землю, и великая надежда на будущее воскресеніе“ [1]).

Обо всемъ этомъ возвѣстилъ намъ Сынъ Божій Іисусъ Христосъ и Самъ же явилъ Себя Спасителемъ всѣхъ людей. Въ нераздѣлимомъ и неслитномъ единствѣ Своихъ двухъ природъ, Онъ явился единымъ и единственнымъ посредникомъ между Отцемъ небеснымъ и людьми, между небомъ и землею. Чрезъ Него Богъ явился на землю и открылъ Себя людямъ, и люди восприняты Богомъ въ небесное царство. Вотъ почему, когда іудеи упрекали Іисуса Христа за Его свидѣтельство о Самомъ Себѣ, то Онъ отвѣчалъ имъ такими словами: „свидѣтельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришелъ и куда иду“ (Іоан. 8, 14).

Такимъ образомъ вся сила и сущность Евангелія не въ одномъ „чистомъ“ нравственномъ ученіи, а въ томъ, что оно

---

[1]) Св. Іоаннъ Златоустъ. Бесѣды на Евангелиста Матѳея, стр. 4, 5,—см. у прот.-проф. Д. И. Богдашевскаго: О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. Кіевъ 1902 г., стр. 24.

возродило человѣка, дало ему благодатную силу, спасительную и спасающую его. Одно нравственное ученіе Христа не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ дѣло не въ томъ только, чтобы давать нравственныя заповѣди, но и дать имъ силу Божію,—дать ученіе о томъ вѣчномъ смыслѣ, который бы подвигалъ человѣка на „дѣло Божіе“ и спасалъ его. Безъ этой силы Божіей христіанство было бы не жизнію истинной и вѣчной, а только нравственной системой, только простымъ ученіемъ. Но самъ Іисусъ Христосъ взывалъ къ Отцу: „Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ (Іоан. 17, 3). Поэтому, „Сынъ Божій пришелъ, и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная“ (Іоан. 5, 20—ср. Іоан. 1, 1—18).

И можетъ ли быть Евангеліе отдѣлено отъ дѣла Божественнаго порядка, явленнаго въ спасеніи души человѣка отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти? Что станетъ съ нравоученіемъ, если мы задумали бы выбросить изъ Евангелія ученіе о спасеніи человѣка чрезъ Іисуса Христа? Тогда бы мораль евангельская лишилась своей двигательной силы. Нравственная жизнь разыгривалась бы въ предѣлахъ пары жалкихъ октавъ, и потеряла бы безконечную скалу своихъ цѣнностей. Но если мы слышимъ со страницъ Евенгелія возвышенно-таинственныя Божественныя слова: „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16),—предъ нами открывается безконечная перспектива. Скала симфоніи безконечно удлиняется и моральная энергія настоятельно обращается къ намъ съ глубоко волнующимъ насъ, возвышеннымъ и требовательнымъ призывомъ: да любимъ другъ друга, какъ и Богъ возлюбилъ насъ и спасъ чрезъ Христа. Въ этомъ и состояла та „переоцѣнка цѣнностей“, которую произвело христіанство въ области моральной жизни. Мораль была поставлена въ связи

съ ученіемъ о Христѣ, какъ о Богѣ и Спасителѣ нашемъ, и это вѣроученіе оживотворило и возвысило ее на степень универсальной, единственной, вѣчной, никогда не переходящей. Уничтожить дѣло Божественной любви и милосердія, открытое въ ученіи Евангелія о спасеніи чрезъ Христа, это значитъ уничтожить Евангеліе въ собственномъ смыслѣ этого слова, это значитъ отъ евангельскаго ученія оставить только одно пустое имя, приравнять его ко всѣмъ этическимъ системамъ мудрецовъ и философовъ древняго и новаго времени. Нѣтъ, предъ нами безпримѣрный историческій фактъ: въ то время, какъ этическія ученія появляются и исчезаютъ въ океанѣ жизни, смѣняясь одно другимъ, христіанство въ продолженіе многовѣкового своего существованія не измѣнилось и не измѣнится въ своемъ нравоученіи. Это потому, что во всѣ времена евангельское ученіе состояло и теперь состоитъ въ утвержденіи несомнѣнной религіозной истины воплощенія Бога Христа для нашего искупленія отъ грѣха. Зачеркните ее, и вы разомъ убьете христіанство Евангелія, подмѣнивъ его христіанствомъ Гарнаковъ, Мережковскихъ, Розановыхъ, Яковлевыхъ и др.

„Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Мѳ. 28, 19—20), сказалъ Іисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ.—„Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Мр. 16, 16). Современный моралисмъ не хочетъ признавать этихъ Божественныхъ словъ. Онъ непремѣнно стремится итти своимъ самостоятельнымъ, отрѣшеннымъ путемъ. Выставивъ на своемъ знамени великіе евангельскіе нравственные завѣты, онъ отрываетъ ихъ отъ ихъ догматической почвы и раскрываетъ ихъ внѣ связи съ общимъ вѣроученіемъ Евангелія. И что же въ результатѣ? По совершенно вѣрному замѣчанію г. Минскаго, „наши моралисты, оставляя одну проповѣдь любви къ ближнему, вмѣсто свѣжихъ цвѣтовъ подносятъ

людямъ мертвое сѣно“ [1]). Христіанство нельзя исчерпать одною этическою стороною, ученіемъ о томъ, какъ должно жить человѣку, независимо отъ другой—метафизической стороны, показывающей, почему же люди обязаны достигать совершенства по Божескому подобію. „Путемъ исключительно человѣческимъ, говоритъ современный публицистъ-мыслитель Н. Бердяевъ, человѣкъ не достигаетъ состоянія божественнаго. Безъ конкретной истины о Христѣ отвлеченная правда морализма мертва и не реализуема“ [2]).. И пусть дѣлаетъ опыты испытующій человѣческій разумъ, отъ этого только восторжествуетъ истина, и сбудется слово, сказанное нѣкогда Тѣмъ, Кто Самъ назвалъ Себя истиною: „Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5). *А. Д—въ.*

---

[1]) Минскій. Религія будущаго, стр. 59.

[2]) Н. Бердяевъ. Духовный кризисъ интеллигенціи. С.-ПБ. 1910 г. страниц. 295

ЗАМѢТКИ

а) Епископъ о кинематографахъ.

Содержатель электротеатра въ Рязани купецъ Шестовъ обратился къ мѣстному епископу Димитрію съ просьбой разрѣшить демонстрацію въ кинематографѣ картинъ библейскаго и духовно-нравственнаго содержанія, безъ музыки.

На прошеніе Шестова епископъ Димитрій положилъ такую характерную резолюцію:

„Я никогда, ни въ какое время не дамъ согласія и разрѣшенія на то, чтобы въ театрахъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ показывались картины библейскаго и, вообще, православно-христіанскаго содержанія, ибо это есть не что иное, какъ поруганіе святыни христіанской“.

b) Вводъ священника въ приходъ.

6 ноября прошлаго года предъ вечерней жители с. Щучинецъ, Подольской губерніи, были свидѣтелями небывалаго доселѣ здѣсь зрѣлища ввода въ приходъ новоприбывшаго священника Владиміра Дложевскаго, недавно рукоположеннаго. По распоряженію о. благочиннаго, вводимаго священника въ епитрахили отъ квартиры до церкви сопровождали въ крестномъ ходѣ три священника, при чемъ благочестивыя женщины постилали по дорогѣ полотно, а дѣти бросали зелень. Братчики и сестрицы шли съ возженными свѣчами, хоръ подъ управленіемъ псаломщика пѣлъ тропарь храмового праздника. Въ церковной оградѣ сельскій староста привѣтствовалъ священника съ хлѣбомъ-солью и просилъ принять икону Спасителя. На паперти ожидалъ батюшку о. благочинный съ двумя священниками и вручилъ ему ключи отъ церкви. Предъ совершеніемъ соборнѣ молебна Спасителю о. благочинный по прочтеніи указа консисторіи о назначеніи въ Щучинцы священникомъ Владиміра Дложевскаго, сказалъ прочувствованное слово объ отношеніи прихожанъ къ своему новому настоятелю и указалъ на ту связь, которая должна существовать между пастыремъ и пасомыми. Съ своей стороны, и о. Дложевскій, по окончаніи молебна, обратился къ своимъ прихожанамъ, въ большомъ количествѣ собравшимся въ церковь, съ вступительною задушевною рѣчью. Пріятное впечатлѣніе получилось у всѣхъ присутствующихъ отъ этого торжества, впервые совершающагося въ нашемъ округѣ. Каждый созналъ, что служеніе пастыря не есть что-либо обыденное, а важное и серьезное, если вступленіе священника въ приходъ обставляется такъ торжественно (Совр. Лѣт.).

с) Церковная жизнь въ хуторской Россіи.

Въ епархіальной печати было высказано опасеніе, что съ разселеніемъ крестьянъ по хуторамъ они будутъ дальше отъ храма Божія и вліяніе на нихъ пастырей должно умалиться. Но это опасеніе, какъ показываетъ опытъ, оказалось несостоятельнымъ. Въ собраніи Гос. Думы 28 апрѣля Бѣлорусскій, упоминая о повсемѣстномъ въ Западномъ краѣ разселеніи на хутора, замѣчаетъ что образъ жизни новыхъ хуторянъ производитъ впечатлѣніе бодрости и домовитости, при чемъ страхи, что народъ на хуторахъ отвыкнетъ отъ церкви и школы и одичаетъ, оказались преувеличенными. Наоборотъ, хуторяне, въ теченіе цѣлой рабочей недѣли занятые своимъ трудомъ спѣшатъ въ праздникъ въ храмъ и послѣ богослуженія на погостѣ обсуждаютъ со знакомыми свои дѣла и думы. Въ этихъ послѣбогослужебныхъ собраніяхъ воскресаетъ картина древне-русской церковно-приходской жизни, когда около храмовъ шла вся жизнь народная, не только церковная, но и общественная. Заѣзжая изба и кабакъ теряютъ свою привлекательность.

Дай Богъ, скажемъ отъ себя (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го августа 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 9-го сентября.

Содержаніе: I. Христіанскія или волчьи отношенія. Кир. Тихомировъ.— II. Изъ жизни Таврической епархіи. Свящ. В. Нестряковъ.—III. Сомнѣнія въ Божествѣ Христа и ихъ рѣшеніе. Свящ. А. Введенскій.—

Христіанскія или волчьи отношенія.

(Противъ соціализма).

Передъ нами проходитъ глубоко поучительное явленіе. Подобно тому, какъ въ отвѣтъ на революціонныя безобразія въ университетахъ возникло академическое движеніе, и въ рабочей средѣ организуется сознательное противозабастовочное теченіе подъ названіемъ „общество борьбы съ забастовками“. Уставъ новаго общества уже разработанъ и, надо надѣяться, не встрѣтитъ препятствій къ утвержденію его со стороны правительства. Задачи возникающаго общества сводятся къ борьбѣ съ забастовками съ помощью посредническихъ конторъ, которыя будутъ удовлетворять спросъ на ра-

боту и рабочія руки. Идейная сторона дѣла возлагается на спеціальный противозабастовочный журналъ, возникновеніе котораго въ данный моментъ слѣдуетъ горячо привѣтствовать.

„Въ высшей степени поучительно, говоритъ „Земщина“, что въ „общество борьбы съ забастовками“ входитъ много отборныхъ рабочихъ, настоящихъ сознательныхъ рабочихъ, на которыхъ собственно держатся мастерскія, фабрики и заводы, какъ на своей лучшей силѣ“.

Что же это такое? Почему еще недавно рабочіе затѣвали стачки и буйства, а сегодня они имъ противодѣйствуютъ? Причина очень простая, но и очень глубокая. Вмѣсто лозунга классовой борьбы эти рабочіе объявляютъ борьбу забастовкамъ и безпорядкамъ; вмѣсто стачки и насилія они стремятся къ защитѣ труда и долга; вмѣсто разрушенія промышленности и путей сообщенія они выражаютъ стремленіе служить ихъ укрѣпленію и преуспѣянію.

Мы не знаемъ, организуется ли „общество борьбы съ забастовками“ съ яснымъ сознаніемъ началъ, которыми оно руководится, или оно поступаетъ такъ подъ вліяніемъ чувства правды и здороваго инстинкта; но мы считаемъ себя обязанными освѣтить это явленіе, представляющее величайшій интересъ.

Существуютъ два воззрѣнія на человѣческія отношенія: одно изъ нихъ говоритъ, что *homo homini lupus est*, т. е. что человѣкъ къ человѣку относится по волчьи; другое прямо противуположное утверждаетъ: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Требованіе любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, даетъ возвышенный христіанскій идеалъ въ противуположность волчьему идеалу. Жизнь, конечно, не только не осуществляетъ возвышеннаго христіанскаго идеала въ полной мѣрѣ, но весьма далека отъ него; однако, идеалъ освѣщаетъ жизнь, какъ солнце, какъ путеводная звѣзда, и налагаетъ извѣстный отпечатокъ на всѣ частныя и общественныя отношенія. Точно также отражается на жизни и

волчій идеалъ—грызть другъ друга, если онъ становится руководящей мыслью и воспитываетъ соотвѣтственныя чувства. Христіанскій идеалъ порицаетъ и осуждаетъ всѣ чувства и дѣйствія, проникнутыя злобой, узкимъ своекорыстіемъ, злоупотребленіемъ силой или недобросовѣстностью, и восхваляетъ всѣ чувства и дѣйствія прямо противуположныя—взаимное благоволеніе, доброту, снисхожденіе и помощь слабѣйшимъ, добросовѣстное исполненіе долга, честность, самоотверженность и т. д.

Въ частности въ отношеніяхъ между сословіями и классами христіанство требуетъ отъ богатыхъ и знатныхъ великодушія, щедрости, доброты и помощи бѣднымъ, отъ хозяевъ и господъ заботливости о своихъ помощникахъ и служащихъ, любви къ нимъ, справедливости и попеченія; отъ „слугъ“ оно требуетъ вѣрности и преданности долгу.

Эти христіанскія начала имѣли и имѣютъ огромное значеніе: они смягчили нравы, создали чувство долга, развили взаимное довѣріе и уваженіе, безъ которыхъ не была бы возможна современная общественная и хозяйственная жизнь.

Но въ теченіе послѣдняго полустолѣтія началъ вновь выдвигаться сначала медленно, а затѣмъ все шире и шире идеалъ волчьихъ отношеній, который теперь проповѣдуется подъ названіемъ „соціализма“. Онъ былъ объявленъ и возведенъ въ систему не христіаниномъ, а евреемъ К. Марксомъ, широкою проповѣдью его занялся въ Германіи, также прежде всего, не христіанинъ, а еврей Лассаль, и въ настоящее время этотъ „соціализмъ“ наиболѣе живо воспринимается и распространяется евреями. Ихъ суровое „око за око“, „зубъ за зубъ“, ихъ озлобленность, неразборчивость въ средствахъ, ихъ вѣра въ эгоизмъ и полное недовѣріе къ какимъ-либо возвышеннымъ нравственнымъ чувствамъ въ области экономическихъ отношеній очень сильно предрасполагаютъ евреевъ къ злобному соціалистическому ученію, въ особенности когда они утрачиваютъ религію и освобождаются такимъ образомъ отъ сдерживающей нравственной узды.

По представленію современныхъ соціалистовъ господа и слуги, хозяева и служащіе, предприниматели и рабочіе или какъ они выражаются „капиталъ и трудъ“ это не сотрудники въ общемъ дѣлѣ, живущіе этимъ дѣломъ, питающіеся имъ лично и служащіе въ общей совокупности обществу и государству, а двѣ стаи волковъ, цѣлью которыхъ является постоянное стремленіе другъ друга кусать, рвать. Соціалисты увѣряютъ рабочихъ, что волки—это „эксплоататоры“—предприниматели, хозяева, капиталисты; а рабочіе—эксплоатируемыя овцы, которыхъ обираютъ, грызутъ, сосутъ изъ нихъ кровь. Эти овцы должны превратиться въ волковъ, чтобы грызть, кусать, рвать эксплоататоровъ. Такъ какъ рабочіе волки слабы каждый въ отдѣльности, но ихъ много, то они должны объединять свои силы, чтобы, проникшись окончательно волчьими чувствами и соединившись силами, съ успѣхомъ кусать „эксплоататоровъ“, постоянно и непрерывно устраивая имъ пакости стачками и всякими другими способами, а затѣмъ окончательно уничтожить ихъ.

Мы не станемъ здѣсь говорить подробно о полной нелѣпости такого представленія объ экономическихъ отношеніяхъ. Если-бы всѣ эти хозяева-предприниматели, капиталисты были ненужные для жизни эксплоататоры, то никакая сила не могла-бы ихъ удерживать въ жизни, такъ какъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ не существуетъ никакой принудительности. Ежегодно возникаютъ массы промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, а другія прекращаются; ежегодно масса людей изъ бывшихъ служащихъ и рабочихъ превращаются въ маленькихъ и большихъ хозяевъ и предпринимателей и обратно; однако, среди этого колоссальнаго мірового движенія, при полной свободѣ, широкой демократіи и подъ трубные звуки злобствующихъ соціалистовъ, нигдѣ ни рабочіе, ни ихъ подстрекатели—соціалисты не устраиваютъ предпріятій, въ которыхъ не было-бы „эксплоататоровъ“, а были-бы „соціалисты“, показывающіе міру свои доблести. Что можетъ быть лучше и нагляднѣе примѣра? Сотня или тысяча удач-

ныхъ примѣровъ распространили-бы „соціализмъ“ съ такою же быстротою, какъ распространились телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги и множество открытій и изобрѣтеній. Но оказывается, что въ Западной Европѣ и Америкѣ расплодились милліоны „соціалистовъ“, которые злобствуютъ, агитируютъ, разстраиваютъ промышленность, но не могутъ устроить ни одного „соціалистическаго“ предпріятія! Пробовали они ихъ устраивать не разъ, но всѣ эти предпріятія немедленно лопались, какъ мыльный пузырь, или принимали „капиталистическую форму“.

Но къ чему же ведетъ эта неспособная къ какому либо творчеству проповѣдь волчьихъ отношеній? Она производитъ глубокій распадъ нравственности и создаетъ очень тяжелое положеніе. Если вы купецъ, то по христіанскимъ и по старымъ торговымъ воззрѣніямъ вы смотрите на приказчиковъ, какъ на вашихъ помощниковъ и довѣренныхъ людей. Вы поручаете имъ веденіе дѣлъ, требующихъ напряженія, энергіи, добросовѣстности, честности и нерѣдко тайны, вы можете разсчитывать, что они будутъ защищать хозяйскій интересъ и оправдаютъ довѣріе, потому что именно такая дѣятельность составляетъ ихъ долгъ и по ихъ собственному убѣжденію. Къ приказчику, который такъ относится къ вамъ, у васъ является чувство уваженія, расположенія и желаніе его повысить, насколько вы можете это сдѣлать. На энергіи, добросовѣстности и преданности дѣлу создается репутація приказчика и его дальнѣйшая служебная или самостоятельная купеческая карьера.

Если вы заводчикъ, фабрикантъ, сельскій хозяинъ, владѣлецъ мастерской, то по христіанскимъ понятіямъ вы имѣете право разсчитывать, что служащій у васъ разнообразный персоналъ и рабочіе заботятся о вашихъ интересахъ, съ которыми связаны ихъ собственные интересы, а у васъ является отношеніе пріязни и желаніе найти именно такихъ честныхъ и преданныхъ людей, съ которыми васъ связывали-бы долговременныя отношенія, чувство взаимнаго расположенія и нравственныхъ обязательствъ.

Были, конечно, всегда плохіе хозяева, какъ плохіе служащіе и рабочіе; но параллельно были хорошіе хозяева и хорошіе рабочіе. Плохіе хозяева и рабочіе осуждались, а хорошіе составляли основу жизни, основу всей промышленной и торговой дѣятельности. Они не только давали примѣры, но именно создавали здоровье и красу промышленной и торговой жизни, давали репутаціи даже цѣлымъ странамъ.

Теперь „соціализмъ“ стремится создать и отчасти создаетъ такую картину: купецъ „эксплоататоръ“ окруженъ въ своей собственной лавкѣ или конторѣ не своими помощниками, ближайшими сотрудниками и друзьями, а нѣсколькими врагами—волками, затаившими злыя чувства; заводчика, фабриканта, сельскаго хозяина, окружаютъ въ лицѣ его управляющихъ, инженеровъ, приказчиковъ и рабочихъ цѣлыя стаи волковъ, которые думаютъ лишь о томъ, какъ бы его прижать, устроить ему пакость въ самую трудную минуту, разорить его или нанести ему возможно бо́льшій вредъ. Они ждутъ лишь сигнала отъ другихъ такихъ же волковъ для общаго дѣйствія. Гдѣ-то въ темнотѣ постоянно куется заговоръ противъ васъ подстрекателями и тѣми самыми людьми, которые васъ ежедневно окружаютъ, съ вами работаютъ, которымъ вы довѣряете ваше имущество, ваши счета, вашъ кредитъ и исполненіе отвѣтственныхъ, иногда страшно отвѣтственныхъ работъ!

Хозяева, купцы, фабриканты, заводчики и прочіе должны съ своей стороны вооружаться силами для отраженія этихъ враговъ и заговорщиковъ, должны входить въ союзы и заговоры, чтобы въ отвѣтъ на пакость, на подготовленную стачку, на попытку разорить или нанести вредъ хозяину, выбросить на улицу эту стаю людей съ волчьими чувствами, оставить ее безъ хлѣба и тѣмъ смирить ихъ. А послѣ усмиренія волки не разойдутся, а явятся вновь къ вамъ со злыми чувствами и злыми намѣреніями.

Только при глубокомъ паденіи нравственныхъ воззрѣній и чувствъ можно жить въ такихъ отношеніяхъ, а тѣмъ

болѣе открыто и цинично ихъ проповѣдывать. Долго такія отношенія сохраняться не могутъ; они станутъ ненавистными, вся ихъ безнравственность будетъ понята, почувствована и вызоветъ отвращеніе. Мы не сомнѣваемся, что пройдетъ еще, быть можетъ, немного лѣтъ, и нынѣшній соціализмъ будетъ всѣми признанъ не только нелѣпымъ воззрѣніемъ, но глубоко развратнымъ; а тотъ цинизмъ, съ которымъ это безнравственное воззрѣніе проповѣдуется, будетъ вызывать въ нашихъ потомкахъ величайшее удивленіе и омерзѣніе.

Пока это время еще не наступило; но у людей религіозныхъ, съ нравственностью, еще не убитою софизмами, когда у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ живо проснулось патріотическое чувство, явилось естественное отвращеніе къ злымъ чувствамъ и дѣламъ, имъ стали ненавистны эти безсовѣстные заговоры, какъ порожденіе соціализма, какъ воплощеніе волчьихъ чувствъ и волчьихъ отношеній. Эти люди стремятся соединиться въ братства, въ общества для борьбы съ злобствующимъ соціализмомъ, стремятся вернуться къ тѣмъ своимъ прежнимъ понятіямъ о совѣсти, чести и долгѣ, при которыхъ была спокойна ихъ душа, при которыхъ они не вынуждаются думать и чувствовать по волчьи, а могутъ найти нравственное удовлетвореніе въ честно выполняемыхъ обязанностяхъ.

А потому общество, духовенство и вообще всякій образованный человѣкъ обязаны поддерживать это стремленіе честныхъ людей и всячески содѣйствовать къ укрѣпленію и развитію такихъ союзовъ, какъ, напр., „общество борьбы съ забастовками“. Пастыри Церкви, конечно, не могутъ создать новаго экономическаго строя, но они могутъ и должны сохранить работодателей христіанами, и если они стали язычниками и волками, то снова обратить ихъ въ христіанство. Для этого имъ, пастырямъ, слѣдуетъ изучить книгу Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблера „О мирной борьбѣ съ соціализмомъ“ и работать надъ созданіемъ христіанскихъ союзовъ рабочихъ, которые должны поддерживать религіозно-

нравственный строй жизни своихъ членовъ, способствовать огражденію ихъ правовыхъ интересовъ, содѣйствовать поднятію соціальнаго значенія рабочаго сословія и развитію его матеріальныхъ средствъ, развивать въ членахъ союза пониманіе значенія коопеpативной самопомощи и взаимности, построенной на христіанской любви къ ближнему, развивать въ нихъ облагораживающую общественность. Средствами для этого въ германскихъ христіанскихъ союзахъ, которыхъ въ 1906 году было уже 903 съ 109.000 членовъ, служатъ: добросовѣстное исполненіе христіанскихъ обязанностей и участіе въ богослуженіи, собранія членовъ съ чтеніями по вопросамъ религіознымъ, соціальнымъ и общеобразовательнымъ, распространеніе хорошихъ и полезныхъ книгъ, устройство библіотекъ, преподаніе совѣтовъ и представительство въ дѣлахъ юридическихъ и въ дѣлахъ рабочаго законодательства при содѣйствіи рабочаго секретаріата, помощь больнымъ и родственникамъ умершихъ членовъ при содѣйствіи кассы товарищества, участіе въ сберегательной кассѣ, товарищескія бесѣды. Члены германскаго христіанскаго союза рабочихъ уплачиваютъ 25 коп. при вступленіи въ союзъ и вносятъ по 15 коп. ежемѣсячно, что при 110.000 членовъ составляетъ уже 198.000 руб. въ годъ.

Такимъ образомъ для нашихъ церковныхъ приходовъ есть уже готовые примѣры христіанской соціальной работы, есть уже провѣренные опыты. Новыхъ путей придумывать не надо, они явятся при первыхъ попыткахъ практической поддержки христіанскихъ обществъ въ борьбѣ съ соціализмомъ. Нужно только, чтобы за это дѣло принялись люди энергичные, серьезные и благожелательные.

Кир. Тихомировъ.

Изъ жизни Таврической епархіи.

(По протоколамъ епархіальнаго съѣзда духовенства сессіи 1911 года).

Среди обычныхъ, общихъ для всѣхъ епархій вопросовъ, обсуждавшихся на послѣднемъ епархіальномъ таврическомъ съѣздѣ, есть кое-что и свое мѣстное, заслуживающее вниманія, а, быть можетъ, и подражанія духовенства другихъ епархій. Изъ такихъ вопросовъ мы на первомъ планѣ поставили бы заботу таврическаго духовенства о томъ,—чтобы имѣть „для святѣйшаго таинства Евхаристіи вино, отвѣчающее каноническимъ требованіямъ Церкви". Первоначально духовенство Таврической епархіи пользовалось виномъ частныхъ винодѣловъ, получая его на комиссіонныхъ началахъ. Комиссіонная дѣятельность свѣчного завода по продажѣ вина пошла настолько удачно, что давала уже нѣкоторую прибыль (до 3-хъ тысячъ рублей). Но такъ какъ поставщики вина для епархіи недавали чисто винограднаго продукта и прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ пріемамъ при выдѣлкѣ вина, то правленію завода пришла счастливая мысль самимъ взяться за изготовленіе чистаго винограднаго вина. Не ожидая особыхъ матеріальныхъ выгодъ, правленіе завода руководилось въ этомъ случаѣ высшими идейными соображеніями: „ужъ очень казалось несообразнымъ,—пишетъ правленіе завода въ своемъ докладѣ,—жить въ Крыму, въ районѣ лучшаго винодѣлія въ Россіи и не имѣть чистаго винограднаго вина для таинства; жить среди виноградниковъ и быть тамъ безпомощнымъ, чтобы не приготовить для себя на литургію вина изъ чистыхъ гроздей, а пользоваться тѣмъ, что даютъ намъ нечистыя руки, чаще всего руки враговъ Христа—евреевъ, караимовъ, магометанъ,—подмѣшивающихъ въ вино всякія спеціи, лишь бы оно по внѣшнему виду удовлетворяло выработанному практикой типу церковнаго вина". Первоначально Таврическій свѣчной заводъ изготовилъ вино только

для своей епархіи, при чемъ правленіемъ завода разосланы были всѣмъ причтамъ епархіи печатные бланки для отзывовъ о церковномъ винѣ свѣчного завода. Хотя и не всѣ причты сдѣлали отзывы, все же большинство отозвалось о винѣ въ благопріятномъ смыслѣ.

Интересенъ приведенный въ отчетѣ отзывъ одного спеціалиста по винодѣлію, производившаго анализъ вина, приготовленнаго въ таврическомъ заводѣ: оно признано имъ однимъ изъ лучшихъ церковныхъ винъ какъ по вкусовымъ, такъ и по прочимъ качествамъ. Въ двухъ трехъ отзывахъ о винѣ указывается на то, что земскіе врачи рекомендовали церковное вино какъ лѣкарство и какъ укрѣпляющій здоровый напитокъ. О выгодности винодѣлія для епархіи правленіе завода высказалось въ томъ смыслѣ, что при поставкѣ вина только для своей епархіи прибыль эта будетъ равняться приблизительно прибыли, полученной при комиссіонномъ веденіи дѣла, прибыль эта будетъ пропорціонально увеличиваться при развитіи поставокъ на другія епархіи. Епархіальный съѣздъ призналъ нѣсколько №№ вина лучшими и пригодными какъ по качеству, такъ и по цѣнѣ для употребленія въ епархіи. „Что же касается расширенія производства и снабженія виномъ другихъ епархій, то таковое желательно и допустимо въ томъ случаѣ, если правленіе завода къ этому дѣлу приступить со всею предусмотрительностью и осторожностью, дабы епархія, съ расширеніемъ операцій завода по винодѣлію, не была введена въ убытки".

Хочется вѣрить, что благое начинаніе таврическаго духовенства разовьется въ солидное, большое дѣло и встрѣтитъ сочувствіе и поддержку не только въ своей, но и въ другихъ епархіяхъ.

Изъ другихъ полезныхъ начинаній Таврической епархіи слѣдуетъ указать на хлѣбопекарню, открытую въ 1907 году. Насколько это дѣло оказалось выгоднымъ и полезнымъ говорятъ слѣдующія данныя. Въ 1907 и 8 году хлѣбопекарня покрыла капиталъ, затраченный на ея устройство и оборудо-

ваніе; въ 1909 году она дала уже чистой прибыли 881 рубль, въ 1910 году—1082 р. Въ первые два года, съ цѣлью пониженія дефицита по содержанію духовно-учебныхъ заведеній, хлѣбъ имъ отпускался по цѣнамъ низшимъ, чѣмъ онъ обходился заводу, а въ 1909 и 10 г. по цѣнамъ, болѣе дешевымъ, чѣмъ частнымъ заборщикамъ. Насколько епархіальная хлѣбопекарня завоевала симпатіи городскихъ покупателей, видно изъ того, что въ числѣ ихъ было не мало общественныхъ учрежденій, какъ-то: община Краснаго Креста, амбулаторія, городская больница, богадѣльня, много врачей. Такъ какъ во главѣ указанныхъ учрежденій стоятъ опытные врачи, то, очевидно, хлѣбъ заводской пекарни былъ лучшимъ по своимъ качествамъ и духовенство питало своихъ дѣтей чистымъ и здоровымъ хлѣбомъ, чуждымъ примѣсей: сухихъ булокъ, поташу, извести и т. д. Насколько широко развилось это дѣло въ короткое время, видно изъ того, что въ теченіе 1910 года выпечено было хлѣба 15 тысячъ пудовъ. Удачный опытъ Таврической епархіи въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ долженъ бы послужить примѣромъ и для другихъ епархій: при энергіи и честномъ веденіи дѣла успѣхъ здѣсь несомнѣненъ, такъ какъ хлѣбопекарня въ каждомъ епархіальномъ городѣ будетъ имѣть постоянныхъ покупателей въ лицѣ духовно-учебныхъ заведеній [1]).

Дѣла таврическаго свѣчного завода за 1910 годъ были въ весьма удовлетворительномъ состояніи: не смотря на значительныя выдачи на епархіальныя нужды, правленіе завода закончило отчетный годъ съ чистой прибылью въ 19 тысячъ рублей. Прибыль объясняется правленіемъ отчасти бо́льшей, сравнительно съ прежнимъ годомъ, продажей свѣчей на 650 пудовъ, отчасти—удачной закупкой партіи воска по 24 руб.

---

[1]) Къ сожалѣнію, протоколы съѣзда ничего не говорятъ о томъ, у кого пріобрѣтаетъ хлѣбопекарня муку; естественнѣе всего было-бы, конечно, пріобрѣтать по крайней мѣрѣ зерно у самого же духовенства и тѣмъ освободить его отъ еврейскаго засилья въ этой области.

25 коп. за пудъ (къ сожалѣнію не указано отъ кого), въ то время какъ рыночная цѣна воска была 27—28 рублей за пудъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что пасѣка при заводѣ со складомъ пчеловодныхъ принадлежностей дала прибыли 1226 рублей.

Епархіальный съѣздъ весьма отзывчиво отнесся къ нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній: въ сужденіяхъ его и постановленіяхъ не замѣтно излишней придирчивости и мелочности, что̀ по мѣстамъ наблюдается; нѣкоторыя постановленія его прямо трогательны: такъ, епархіальный съѣздъ отпустилъ средства на покупку резиновыхъ галошъ для сиротъ семинаріи, на проѣздъ домой сиротъ епархіальнаго училища, на содержаніе коровъ въ мужскомъ духовномъ училищѣ съ цѣлью имѣть для ученическаго стола здоровые молочные продукты. Къ сожалѣнію, нѣсколько иное (довольно обычное) отношеніе къ нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній проявили монастыри Таврической епархіи, почему съѣздъ и постановилъ „усерднѣйше просить его преосвященство о настойчивомъ побужденіи настоятелей монастырей быть исправными въ исполненіи своихъ обязательствъ по отношенію къ духовно-учебнымъ заведеніямъ и безъ промедленія внести свои недоимки и впредь своевременно вносить причитающіяся съ этихъ монастырей суммы на духовно-учебныя заведенія“.

По кассѣ взаимной помощи Таврической епархіи слѣдуетъ отмѣтить два гуманныя постановленія епархіальнаго съѣзда: 1) епархіальный съѣздъ освободилъ отъ дальнѣйшихъ взносовъ членовъ кассы, исправно вносившихъ таковые въ теченіе 40 лѣтъ; 2) постановилъ выдавать полностью единовременное пособіе членамъ кассы, не сдѣлавшимъ ни одного членскаго взноса, но по уставу являющимся обязательными его членами (разумѣются лица, переведенныя изъ другихъ епархій или вновь назначенныя, но скоро умершія).

Высказалъ Таврическій епархіальный съѣздъ нѣсколько дѣльныхъ пожеланій объ измѣненіи правилъ нынѣ дѣйствую-

щаго положенія о страхованіи въ духовномъ вѣдомствѣ, указавъ нѣкоторые его дефекты, каковы: 1) церкви южныя каменныя, не отапливаемыя, приравнены въ тарифномъ отношеніи къ церквамъ сѣвернымъ отапливаемымъ; 2) по дѣйствующему положенію производится страхованіе всего зданія цѣликомъ, а не по отдѣльнымъ частямъ, наиболѣе подверженнымъ огню; 3) не разработана та часть устава, по которой страховой капиталъ, хотя извѣстною своею частью, можетъ употребляться на улучшеніе существующихъ построекъ, по крайней мѣрѣ въ пожарномъ отношеніи, путемъ выдачи ссудъ и пособій. Съѣздъ постановилъ снова обсудить на благочинническихъ собраніяхъ желательныя измѣненія пожарнаго устава и, по обсужденіи на будущемъ съѣздѣ, представить въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ.

По поводу недоразумѣній въ средѣ духовенства изъ-за земельныхъ арендныхъ денегъ при переходѣ съ прихода на приходъ съѣздъ подтвердилъ прежнюю свою мѣру: „просить епархіальное начальство не переводить клириковъ съ мѣста на мѣсто безъ представленія справокъ о безпрепятственности къ этому со стороны вопроса по земельному довольствію“.

Свящ. *В. Пестряковъ.*

Сомнѣнія въ Божествѣ Христа и ихъ рѣшеніе.

„Се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во израилѣ и въ предметъ прекаканій“ (Лук. 2 гл. 34 ст.).

Прошли вѣка, прошли тысячелѣтія, а пророчество Богопріимца Симеона еще не отжило своего времени, не потеряло своего значенія. Еще и теперь бываютъ паденія и возстанія, еще и теперь идутъ прекаканія о Христѣ, теперь даже болѣе, чѣмъ когда либо. Теперь ополчились противъ Христа Богочеловѣка не только серьезные ученые, люди великаго ума и большихъ познаній, но и простые, необразованные и

малопросвѣщенные люди. Теперь отрицаютъ Божество Іисуса Христа не только язычники, но и христіане, не только враги Христа, но и послѣдователи Его ученія, исполнители Его заповѣдей, не только взрослые, большіе, но даже молодежь.

Словомъ, сомнѣнія въ Божествѣ Христа все растутъ и растутъ, и чѣмъ дольше, тѣмъ все быстрѣе и быстрѣе.

Въ такое бурное и тревожное для христіанъ время, въ періодъ оживленныхъ и безконечныхъ прекаленій о Христѣ Іисусѣ не мѣшало бы намъ, православнымъ христіанамъ, лишній разъ осмотрѣть свои боевыя позиціи, критически оцѣнить аргументы своихъ религіозныхъ противниковъ и подвести итоги многолѣтней полемики по данному вопросу.

* * *

Кто былъ Іисусъ Христосъ? Богъ, человѣкъ или же Богочеловѣкъ? Вотъ вопросъ.

Многіе, если не всѣ, рѣшаютъ этотъ вопросъ чисто теоретическимъ путемъ. Берутъ въ руки Евангеліе или же другую какую-нибудь книгу, напримѣръ: „Жизнь Іисуса Христа" Ренана, перечитываютъ ее отъ начала до конца и выводятъ такое заключеніе, что Іисусъ Христосъ былъ простой обыкновенный человѣкъ, не больше.

Намъ думается, что рѣшать такъ даннаго вопроса ни въ какомъ случаѣ нельзя. Мы не съ той стороны все подходимъ къ вопросу. Рѣшаемъ вопросъ съ конца. Споримъ о выводѣ, не имѣя посылокъ. Провѣряемъ сумму, итогъ, не зная слагаемыхъ, цифръ, данныхъ для сложенія. Въ дѣтствѣ мы принимаемъ отъ старшихъ на вѣру. Такъ говорятъ намъ и мы вѣримъ. И есть счастливцы, что сохраняютъ эту дѣтскую вѣру до конца жизни. Счастливцы: „Блаженны не видѣвшіе, но вѣровавшіе,"—сказалъ о нихъ Самъ Спаситель. Но не всѣмъ это удается. У многихъ, у большинства жизнь растрясаетъ эту вѣру, нарушаетъ ея цѣлость и спокойствіе. Душа, какъ Ѳома, хочетъ вложить персты въ язвы гвоздиныя, убѣдиться сама. И Евангеліе даетъ тому всѣ средства. Что

Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, это выводъ, сумма, итогъ нашей вѣры. Изъ чего? Вотъ тутъ и вопросъ. Тутъ же и рѣшеніе. Наѳанаилъ не вѣрилъ, что Филиппъ нашелъ Христа Мессію.

— Изъ Назарета можетъ ли что добро быти?—говоритъ онъ.

— Поди и посмотри,—отвѣтилъ Филиппъ.

Наѳанаилъ пошелъ къ Іисусу и дѣло кончилось тѣмъ, что Наѳанаилъ воскликнулъ:

„Равви, ты—Сынъ Божій, ты—Царь Израилевъ"!

Самарянка не знала, кто сидѣлъ предъ ней у колодца, когда Іисусъ сказалъ ей нѣсколько словъ, она, вникнувъ въ ихъ силу и смыслъ, поняла, что предъ ней больше чѣмъ обыкновенный человѣкъ. Пошла и сказала жителямъ своего селенія. Тѣ упросили Іисуса Христа остаться у нихъ. Іисусъ Христосъ пробылъ два дня, училъ самарянъ, и многіе изъ нихъ, сказано въ Евангеліи, увѣровали въ Него.

— Увѣровали не потому, что ты намъ сказала,—говорили они самарянкѣ,—а потому, что сами слышали.

Въ большихъ размѣрахъ это видно на апосталахъ. Іисусъ проповѣдуетъ имъ и при нихъ совершаетъ дѣла милосердія, творитъ чудеса. Ученики все это видятъ и слышатъ. У нихъ получаются впечатлѣнія, одно за другимъ. Впечатлѣнія эти копятся, слагаются вмѣстѣ, образуютъ одно цѣлое, какое? Ученики опредѣляютъ ясно.

— За кого вы принимаете Меня?—спрашиваетъ ихъ Іисусъ послѣ долгаго уже общенія ихъ съ Нимъ.

— Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго!—убѣжденно отъ лица всѣхъ учениковъ отвѣчаетъ Симонъ Петръ.

Вотъ выводъ, основанный на опытѣ. Конецъ долгаго пути. Если и люди хотятъ быть убѣжденными въ выводѣ, хотятъ рѣшить „тревожный и важный" вопросъ, они должны пройти всѣ посылки, продумать все, что говорилъ Іисусъ Христосъ, прочувствовать всю Его жизнь и тогда только спрашивать себя:

— Кто онъ?

Только вопросъ будетъ уже излишнимъ. Въ душѣ сложится самъ собою отвѣтъ,—отвѣтъ апостоловъ.

— Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго!

Еще разъ повторяемъ, не теоретическимъ, а практическимъ путемъ должно рѣшать вопросъ: человѣкъ или Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ? [1]).

Но современники наши, къ сожалѣнію, рѣшаютъ означенный вопросъ исключительно теоретически. Посему и мы, при критическомъ обзорѣ ихъ сомнѣній, должны вращаться только въ области теоретическихъ разсужденій, а не опытныхъ переживаній.

Но переходя и на эту почву, мы все таки должны сказать, что и здѣсь можно найти достаточное количество вѣскихъ и прочно обоснованныхъ доказательствъ въ пользу Божественности Христа Спасителя.

Мы сейчасъ убѣдимся въ этомъ, какъ только приступимъ къ критической оцѣнкѣ современныхъ сомнѣній.

Кто былъ Іисусъ Христосъ?

Многіе прямо, не задумываясь, но вполнѣ по ихъ мнѣнію убѣжденно, сознательно отвѣчаютъ, что Іисусъ Христосъ былъ простой, обыкновенный человѣкъ, но только высокихъ нравственныхъ качествъ, воплотившій въ Себѣ высшіе Божескіе мотивы и цѣли, человѣкъ, который по выраженію Толстого, „далъ намъ истинный путь жизни взамѣнъ того ложнаго пути личной жизни, по которому мы шли прежде“ [2]).

Такъ всѣ говорятъ, всѣ думаютъ, кто только усумнился въ Божественности Христа. Нѣтъ ни одного человѣка, ни одного еретика и безбожника, который посмѣлъ бы бросить тѣнь на чистую и непорочную душу великаго „галилеянина.“

---

[1]) „Никодимъ“ Б, С. П. С.-ПБ. 1904 г. стр. 14—15.

[2]) „Въ чемъ моя вѣра“ изд. 1906 г. журн. „Всемірный Вѣстникъ“ стр. 101.

Мы сами преклоняемся предъ нравственнымъ величіемъ Христа Спасителя. Но мы не останавливаемся на полдорогѣ. Мы идемъ дальше. Мы утверждаемъ, что Іисусъ Христосъ былъ не только человѣкъ, но и Господь Богъ. Признавать же въ Немъ только одно естество, видѣть въ Немъ только человѣка, хотя бы и нравственнаго, невозможно. Это будетъ противорѣчіемъ, безуміемъ.

Если Христосъ былъ только человѣкъ, а не Богъ, то Онъ былъ,—да проститъ намъ такія выраженія,—дурной, безнравственный, безчестный человѣкъ. Онъ былъ лжецъ, обманщикъ, такъ какъ все человѣчество обманулъ величайшимъ изъ всѣхъ обмановъ, утверждая, что Онъ былъ Сынъ Божій, Богочеловѣкъ. Онъ былъ „дурной“ человѣкъ, потому что Онъ мечталъ о Себѣ безконечно много и сознательно вводилъ другихъ въ заблужденіе, хладнокровно и безъ всякихъ иллюзій обрекая довѣрчивыхъ и простодушныхъ Своихъ учениковъ на мученіе и на смерть (Матѳ. 10 гл. 16—23 ст; Лук. 21 гл. 12 ст.).

Далѣе. Если Христосъ былъ только человѣкомъ и если Онъ выдавалъ Себя за Сына Божія не въ цѣляхъ обмана, а по Своему глубокому внутреннему убѣжденію, значитъ Онъ былъ самообольщеннымъ мечтателемъ, которому довѣряться ни въ какомъ случаѣ нельзя и идти за которымъ весьма рискованно и опасно, ибо „если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“ (Матѳ. 15 гл. 14 ст.).

Въ томъ и другомъ случаѣ какой глубокій и смертельный ударъ наносится нашей вѣрѣ! Спрашивается: въ кого мы вѣримъ? на кого возлагаемъ свои вѣковыя надежды? Въ комъ ищемъ своего спасенія? За кѣмъ идемъ? и куда идемъ? Неужели за самообольщеннымъ мечтателемъ, за міровымъ лгуномъ и обманщикомъ! Неужели самообольщенный мечтатель овладѣлъ нашими умами и держалъ насъ въ плѣну цѣлые вѣка и тысячелѣтія? И мы вѣрили въ него, почитали его, лжеца и обманщика за Сына Божія, за Богочеловѣка?

Въ немъ видѣли путь, истину и жизнь? Да? Но, слава Богу, этого нѣтъ: Христосъ—Богочеловѣкъ.

Говорятъ, что Іисусъ Христосъ не говорилъ о Себѣ ничего подобнаго, что Онъ не выдавалъ Себя за Богочеловѣка и потому свободенъ отъ всѣхъ возводимыхъ на Него обвиненій и подозрѣній.

„Іисусъ, говоритъ, напримѣръ, Толстой, считалъ Себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе люди.—Никогда не отрицая сыновности Богу, Онъ никогда не приписываетъ ей никакого особеннаго значенія.—Что стоило Ему прямо сказать: Я—Богъ, хотя не прямо сказать, а по крайней мѣрѣ не иносказательно, не такъ, чтобы можно было безъ всякаго дурного желанія понять это иначе. А то Онъ сказалъ такъ, что нельзя понять иначе, какъ такъ, что Онъ прямо утверждалъ многимъ, что Онъ не Богъ." [1]).

„Почему Христосъ не прямо сказалъ: Я—Богъ"?

Да потому, что это невозможно было. Трудно представить себѣ, что случилось бы, если-бы Онъ выступилъ съ такимъ утвержденіемъ! Это было бы словомъ разящимъ, ослѣпляющимъ, подобно солнечному полуденному лучу для слабаго глаза и всѣ слушатели должны были бы придать ему ложный смыслъ. Язычники, тоже иногда слушавшіе бесѣду Христа, подумали бы, что Онъ считаетъ Себя за одного изъ многихъ боговъ. Іудеи, признававшіе единаго Бога, рѣшили бы, что Онъ или отрицаетъ единство Божіе, или съ безумною дерзостью оскорбляетъ Высшее Существо, царящее на небесахъ. И потому всѣ отъ Него отвернулись бы, перестали-бы внимать Его Божественнымъ глаголамъ, перестали-бы ходить по Его стопамъ. Вотъ почему съ несравнимою мудростью Христосъ излагаетъ истину постепенно, по частямъ.

Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, нельзя согласиться съ тѣмъ, будто „Христосъ прямо утверждалъ, что Онъ не Богъ.

---

[1]) Д. Мережковскій. „Левъ Толстой и Достоевскій" т. II-й изд. 2-е стр. 198.

Если кому, то прежде всего Онъ долженъ бы былъ утверждать это Своимъ ученикамъ и апостоламъ, чтобы они правильно поняли Его и вѣрно усвоили Его ученіе. Но если Онъ утверждалъ это имъ, то ученики и апостолы должны бы смотрѣть на Христа, какъ на простого, въ нравственномъ отношеніи цѣлой головою выше другихъ стоявшаго человѣка. Въ дѣйствительности же мы видимъ совсѣмъ обратное. Мы видимъ, напримѣръ, что всѣ ученики Христа, всѣ Его апостолы, всѣ безъ исключенія, признавали своего Учителя Богомъ, признавали здѣсь, на землѣ. Такъ, когда Христосъ спросилъ Своихъ учениковъ: „а вы за кого почитаете Меня?“ то Симонъ Петръ отъ лица всѣхъ апостоловъ сказалъ: „Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Матѳ. 16 гл. 16—17 ст.), или, какъ повѣствуетъ евангелистъ Лука: „за Христа Божія“ (9 гл. 20 ст.). Впрочемъ, ученики Христа еще ранѣе Петра называли Его Богомъ. Такъ, когда по укрощеніи бури на Галилейскомъ озерѣ—морѣ, повѣствуетъ св. Матѳей, „Іисусъ Христосъ вошелъ въ лодку, то бывшіе въ лодкѣ подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сынъ Божій“ (14 гл. 33 ст.). Затѣмъ, когда Спаситель, послѣ Своей бесѣды о хлѣбѣ животномъ, спросилъ Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Іоан. 6 гл. 67—69 ст.). Даже Ѳома, раціоналистъ апостольскаго времени, и тотъ, въ порывѣ вдохновенной вѣры, отъ радости и восторга воскликнулъ при видѣ Господа: Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20 гл. 28 ст.).

Что еще мы замѣчаемъ. Не только ученики и апостолы, но простые слушатели Христа, обыкновенные послѣдователи Его ученія и тѣ исповѣдуютъ Христа Богомъ своимъ, считаютъ Его за Сына Божія. Такъ, стоявшій напротивъ креста Господня сотникъ, увидѣвъ, что Христосъ испустилъ духъ, сказалъ: „истинно человѣкъ Сей былъ Сынъ Божій“ (Марк. 16 гл. 39 ст.). Гадаранскій бѣсноватый, увидѣвъ Іисуса

издалеча, прибѣжалъ, поклонился Ему и, вскрикнувъ громкимъ голосомъ, сказалъ: „что Тебѣ до меня, Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго“ (Марк. 5 гл. 6—7 ст.)?

Итакъ, и апостолы и простые люди, и здоровые и больные всѣ смотрѣли на Іисуса Христа, какъ на Сына Божія, всѣ считали Его Богомъ.

Теперь вопросъ вотъ въ чемъ. Откуда появился такой взглядъ на Христа? Подъ чьимъ вліяніемъ онъ сложился? Какъ это случилось, что и ученики, и слушатели Христа провозгласили Его Богомъ?

Намъ говорятъ, что Христосъ тутъ не причемъ, что Онъ стоялъ въ сторонѣ, что вся вина въ данномъ случаѣ лежитъ на народѣ; что народъ, будучи будто бы обольщенъ проповѣдническимъ талантомъ Христа и Его изумительно чудодѣйственною силою, самъ дошелъ до мысли, что къ нимъ явился во образѣ человѣка Господь Богъ. Развѣ такого случая не было въ новозавѣтной священной исторіи?—спрашиваютъ насъ. Развѣ народъ, умиленный и изумленный проповѣдью апостоловъ Павла и Варнавы, не провозгласилъ ихъ богами? Не собирался ли принести имъ тучныя всесожженія? Не говорилъ, что „боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ нимъ?“ Наконецъ, развѣ Самого Іисуса Христа не хотѣлъ народъ провозгласить царемъ послѣ чуднаго насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ? Развѣ не говорилъ Онъ, что „это истинно тотъ пророкъ, которому должно придти въ міръ“? (Іоан. 6 гл. 14 ст.). Почему же нельзя думать, что народъ и сдѣлалъ то, къ чему стремился, чего хотѣлъ, т. е. провозгласилъ Христа Богомъ.

Хорошо, мы на время допустимъ эту мысль, согласимся, что Богомъ Христа провозгласилъ народъ по своему самообольщенію. Но тогда нужно признать и то, что Іисусъ Христосъ, какъ въ высшей степени совершенный и нравственный человѣкъ, долженъ былъ образумить іудеевъ, поправить ихъ ошибку, обличить въ неправдѣ, вывести на истинную дорогу, сообщить имъ надлежащее понятіе о Себѣ, о Своей дѣятельности и о Своемъ назначеніи.

Однако мы ничего подобнаго не видимъ. Христосъ не только не колебалъ сложившагося о Немъ въ народѣ мнѣнія и взгляда, но еще Самъ поддерживалъ, развивалъ его. Такъ, Симонъ Петръ исповѣдуетъ Его Сыномъ Божіимъ, а Онъ въ отвѣтъ на это говоритъ ему: „Блаженъ ты, Симонъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, а Отецъ Мой, сущій на небесахъ“. Ѳома восклицаетъ при видѣ Его: „Господь мой и Богъ мой“, а Христосъ ему отвѣчаетъ: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня: блаженны не видѣшіе, и увѣровавшіе“ (Іоан. 20 гл. 29 ст.). Разбойникъ Его молитъ: „помяни меня, Господи, когда пріидешь въ Царствіе Твое!“ И Христосъ внемлетъ его молитвѣ и говоритъ ему: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“ (Лук. 23 г. 42—43 ст.), и такъ далѣе.

Болѣе того, Христосъ не только подтверждаетъ вѣру народа и учениковъ въ Свою Божественность, но еще Самъ требуетъ ея отъ нихъ. Вотъ примѣръ. Іисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго. Исцѣлилъ въ субботу. Фарисеи отлучили слѣпорожденнаго отъ синагоги. Услышавъ объ этомъ, Христосъ, нашедши его, сказалъ: „ты вѣруешь ли въ Сына Божія? Онъ отвѣчалъ и сказалъ: а кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него? Іисусъ сказалъ ему: и видѣлъ ты Его, и Онъ говоритъ съ тобою. Онъ же сказалъ: вѣрую, Господи! И поклонился Ему“ (Іоан. 9 гл. 35—38 ст.). Тутъ Спаситель явственно ставитъ вѣру въ Себя рядомъ съ вѣрой въ Бога.

Мы позволимъ себѣ прибавить, что Христосъ никогда не уклонялся отъ принятія молитвеннаго почитанія. Величайшіе святые съ ужасомъ отклоняли его отъ себя, какъ, напримѣръ, Павелъ и Варнава въ Листрѣ, а также ангелъ у Даніила и въ Апокалипсисѣ. Христосъ же, по свидѣтельству Евангелій, принимаетъ не разъ это выраженіе и одобряетъ его. Онъ даже торжественно высказываетъ, что имѣетъ право на такое же поклоненіе, какъ Богъ Отецъ: „чтобы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца“, прибавляетъ Онъ.

Въ отвѣтъ на это Толстой и его единомышленники говорятъ: „всякій читавшій Евангеліе знаетъ, что Христосъ или ничего или очень сомнительно говоритъ о томъ, что Онъ есть Сынъ Бога Отца.“ [1])

Это—неправда, ошибка, заблужденіе. Въ Евангеліи есть положительныя, вполнѣ ясныя и опредѣленныя свидѣтельства Божественности Христа.

Такъ, что Христосъ выдавалъ Себя за Бога, видно изъ слѣдующихъ іудейскихъ словъ: „не за добрыя дѣла мы побиваемъ Тебя камнями, а за богохульство, что Ты, будучи человѣкомъ, дѣлаешь Себя Богомъ“ (Іоан. 10 гл. 33 ст.). Это ли не прямо и не ясно говоритъ о томъ, что Христосъ свидѣтельствовалъ о Себѣ, какъ о Богѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ, какъ о Богочеловѣкѣ? Да за что-же, наконецъ, распятъ Христосъ? „И вставъ, первосвященникъ сказалъ Ему: что-же ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ? Іисусъ молчалъ. И первосвященникъ сказалъ Ему: заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій? Іисусъ говоритъ ему: ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ. Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои и сказалъ: Онъ богохульствуетъ! на что еще намъ свидѣтелей? вотъ, теперь вы слышали богохульство Его! Какъ вамъ кажется? Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти“ (Матѳ. 26 гл. 62—66 ст.).

Послѣ такихъ свидѣтельствъ утверждать, что во всемъ Евангеліи нѣтъ ни одного мѣста, изъ котораго слѣдовало бы заключить, что Христосъ считаетъ Себя „не человѣкомъ, какъ всѣ, а Сыномъ Божіимъ“—едва ли возможно „безъ дурного желанія“. Чтобы этого свидѣтельства не слышать, „надо заткнуть уши“ [2]).

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра“ изд. 1906 г. Всемірный Вѣстникъ стр. 38.

[2]) Мережковскій. „Левъ Толстой и Достоевскій.“ т. 2-й 2 изд. стр. 199.

Можетъ быть, эти свидѣтельства не покажутся вполнѣ убѣдительными, тогда приведемъ другія.

Изъ Евангелій видно, что Христосъ приписывалъ Себѣ существеннѣйшія свойства Божества. Такъ, Онъ приписываетъ Себѣ вѣчность, говоря іудеямъ: „прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (Іоан. 8 гл. 38 ст.). „Я отъ начала Сущій“ (Іоан. 8 гл. 25 ст.). Предъ смертью Онъ говоритъ Отцу: „прославь Меня славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“ (Іоан. 17 гл. 5 ст.). Далѣе, Христосъ приписываетъ Себѣ всемогущество, когда говоритъ: „какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“ (Іоан. 5 гл. 21 ст.). И въ другомъ мѣстѣ: „Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго: ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также“ (Іоан. 5 гл. 19 ст.). Даже власть воскрешать мертвыхъ, это высшее проявленіе всемогущества, Онъ имѣетъ вмѣстѣ съ Отцомъ: „ибо какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“ (Іоан. 5 гл. 21 ст.). Затѣмъ, Христосъ приписываетъ Себѣ все то, что принадлежитъ одному только Богу, какъ то: власть прощать грѣхи, давать вѣчную жизнь, жить въ душѣ праведника. Все это признаетъ за Собой Христосъ. Отъ собственной полноты власти, безо всякой просьбы, Онъ отпускаетъ грѣхи разслабленному и Маріи Магдалинѣ. Обѣщаетъ вѣчную жизнь Своимъ избраннымъ овцамъ: „истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 5 гл. 24 ст.). Еще: обитаніе въ душахъ Онъ приписываетъ Себѣ и Отцу въ дивныхъ словахъ за тайной вечерей: „кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14 гл. 23 ст.). Наконецъ, Іисусъ Христосъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что „Онъ и Отецъ—одно“ (Іоан. 10 гл. 30 ст.) Вотъ еще одно свидѣтельство. Послѣ повелѣнія о вѣрѣ Филиппъ говоритъ Христу: „Господи! покажи намъ Отца и довольно для

насъ.“ Христосъ отвѣчаетъ: „столько времени я съ вами, ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи Отца? развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? слова, которыя Я говорю вамъ, говорю не отъ Себя: Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла; вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ“ (Іоан. 14 гл. 8—12 ст.). Въ заключеніе Своей бесѣды Христосъ обѣщаетъ послать ученикамъ Духа Утѣшителя, Который исходитъ отъ Бога Отца и потому „отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ“, такъ какъ, говоритъ Онъ, „все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое“ (Іоан. 16 гл. 13—15 ст.).

Можно ли выразить единство въ Божеской природѣ яснѣе, точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ какъ оно выражено Христомъ здѣсь.

Мы думаемъ, что нѣтъ. Какъ же послѣ этого „современники вѣка сего“ осмѣливаются утверждать, что „Христосъ или ничего или очень сомнительно говоритъ о томъ, что Онъ есть Сынъ Божій?“

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи Свящ. *А. Введенскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го сентября 1912 г.
Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 16-го сентября.

Содержаніе: I. Замѣтка по поводу свѣчного дѣла. Свящ. В. П.—II. Литературно-житейскія замѣтки. Свящ. Аѳ. Веселицкій.—III. Сомнѣнія въ Божествѣ Христа и ихъ рѣшеніе. (Продолженіе). Законоучитель Одесской 2-й гимназіи, Свящ. А. Введенскій.—IV. Замѣтки: а) Какой смыслъ имѣютъ вопросы, предлагаемые священникомъ предъ вѣнчаніемъ брачущимся. b) Замѣтки по хозяйству.—с) О церковномъ пѣніи.

Замѣтка по поводу свѣчного дѣла.

Свѣчное производство и торговля церковными свѣчами—одинъ изъ главныхъ источниковъ матеріальныхъ средствъ, на которыя содержатся многія епархіальныя учрежденія. Можно смѣло утверждать, что если бы монополія на выдѣлку и продажу церковныхъ свѣчей почему либо отошла отъ духовенства, для многихъ церковныхъ учрежденій и духовно-учебныхъ заведеній во всей грозной силѣ сталъ бы вопросъ о самомъ ихъ существованіи. Не удивительно, поэтому, что духовенство, черпая щедрою рукою отъ свѣчного дѣла средства для церковныхъ и сословныхъ нуждъ, заботится о раз-

витіи свѣчной торговли, расширяетъ и усовершенствуетъ дѣло. Къ мѣрамъ послѣдняго рода относится открытіе свѣчныхъ лавокъ по епархіямъ, уѣзднымъ городамъ и благочиніямъ. Такія лавки, само собою понятно, создаютъ для потребителей значительное удобство, давая имъ возможность въ недалекомъ, по возможности, разстояніи, въ потребный часъ, получать свѣчи, вмѣсто того, чтобы обращаться непосредственно въ Епархіальный свѣчной заводъ. Къ сожалѣнію, какъ показала практика многихъ епархій, въ устройствѣ и веденіи свѣчныхъ лавокъ и въ организаціи торговли въ нихъ есть и кое-какія нежелательныя стороны. Изъ нихъ укажемъ двѣ. Устройство свѣчныхъ лавокъ требуетъ значительнаго расхода на сооруженіе или на наемъ подъ нихъ помѣщеній. Такъ какъ такихъ лавокъ, въ виду дороговизны ихъ содержанія, не можетъ быть много, то и потребители далеко не всѣ пользуются самымъ главнымъ удобствомъ отъ этихъ лавокъ—близостью и удобствомъ сообщеній.

Какъ показываютъ отчеты епархіальныхъ съѣздовъ, довольно обычное явленіе въ свѣчныхъ лавкахъ—это путаница въ счетахъ, недохватка матеріаловъ и денегъ,—то, что называется растратой. Происходитъ это печальное явленіе какъ отъ неопытности завѣдывающихъ лавками, незнакомства ихъ со счетоводствомъ, такъ и отъ халатности и злой воли. Свѣчное дѣло—не благотворительное, поэтому растраты приходится покрывать вычетами изъ кружечныхъ доходовъ и изъ жалованья завѣдывающихъ лавками; иногда за смертью растратчиковъ—изъ крохъ, остающихся въ пользу осиротѣлыхъ семействъ.

Причиняя матеріальный ущербъ епархіальнымъ интересамъ, указанное нами печальное явленіе не рѣдко становится достояніемъ прессы, раздувается, подрываетъ уваженіе къ духовенству и довѣріе къ свѣчнымъ операціямъ. Не безполезнымъ поэтому считаемъ указать, какъ устроено снабженіе свѣчами приходскихъ церквей Харьковской епархій. Въ этой епархіи въ каждомъ благочиніи назначается одно лицо изъ

окружного духовенства, которому и поручается принимать изъ свѣчного завода свѣчи и отпускать ихъ на все благочиніе. Выбирается для этого лицо, живущее, по возможности, въ центрѣ благочинія; за трудъ ему положено особое вознагражденіе, а въ обезпеченіе правильности веденія дѣла *отъ него требуется значительный залогъ.* Удобства такой организаціи дѣла, кажется, очевидны: не требуя значительнаго расхода на открытіе лавокъ и на наемъ помѣщенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря залогамъ, вполнѣ гарантируетъ цѣлость епархіальнаго достоянія.

Священникъ *В. П.*

Литературно-житейскія замѣтки.

Возвращаясь послѣ долгаго перерыва къ нашимъ литературно-житейскимъ замѣткамъ, можемъ съ полнымъ удовлетвореніемъ отмѣтить, что за все это время указанный нами раньше положительный переломъ въ общественной мысли и литературѣ оправдывается и выясняется все больше и больше. Если помнитъ читатель, въ послѣдней статьѣ мы указывали именно на признаки минованія у насъ отрицательнаго атеистическаго направленія общественно-литературной мысли и на постепенное водвореніе въ литературѣ нашей созидательно-положительныхъ тенденцій. Мы видѣли это въ стремленіи писателей оправдать жизнь, вызвать любовь къ ея проявленіямъ во всѣхъ формахъ, начиная съ высшихъ идейныхъ религіозныхъ и нравственныхъ. И вотъ на протяженіи не малаго времени наша новая литература дѣйствительно съ замѣчательнымъ постоянствомъ отдается этой созидательной работѣ: возвращеніе писателей къ любовному изображенію быта, положительное трактованіе во многихъ произведеніяхъ религіознымъ темъ, взятыхъ какъ изъ жизни интеллигентныхъ круговъ, такъ и народной,—все это вмѣстѣ должно укрѣплять

насъ въ оправданіи и широкомъ осуществленіи высказанныхъ когда-то нами надеждъ. Послѣднее обстоятельство должно утѣшать, конечно, каждаго изъ насъ и заставлять бодрѣе смотрѣть на будущее.

Въ ближайшей бесѣдѣ мы болѣе детально освѣтимъ прошедшія мимо насъ отрадные литературные факты и явленія; но сейчасъ, послѣ долгаго перерыва, хотѣлось бы поговорить съ читателемъ на темы, прямо и непосредственно затрагивающія нашу мысль и наше существованіе. Хотѣлось бы сказать нѣчто въ разъясненіе окружающей насъ духовно-религіозной дѣйствительности и ея проявленій, отмѣтить въ этой области особенныя черточки и черты, то отрадныя, утѣшительныя, то наводящія и на невеселыя размышленія. Вотъ объ этомъ и будетъ рѣчь, но, оговоримся, и здѣсь будемъ придерживаться границъ и рамокъ, какія ставятъ намъ литературныя явленія данной области.

Но гдѣ же мы можемъ уловить тѣ „черты и черточки“, характеризующія современную нашу религіозную и церковную жизнь въ ея непосредственномъ отраженіи? Намъ думается, что это лучше и вѣрнѣе всего отражаетъ существующая у насъ, на ряду съ тяжеловѣсной и серьезной мѣсячной духовной журналистикой, болѣе популярная, тоже духовная журналистика, преслѣдующая удовлетвореніе религіозныхъ запросовъ широкой православной читающей публики и представляемая нѣсколькими недѣльными изданіями въ родѣ „Воскреснаго Чтенія“, „Воскреснаго дня“, „Русскаго Паломника“ и другихъ. Пока на одномъ изъ нихъ остановимся мы, именно на „Русскомъ Паломникѣ“.

Предъ нами №№ этого журнала за половину настоящаго года; перечитывая ихъ № за № и статью за статьей постепенно и незамѣтно даже для себя самого, проникаешься тѣмъ живымъ религіознымъ истинно-христіанскимъ настроеніемъ, какое привносится въ него его сотрудниками—писателями. Прежде всего, прекрасными являются статьи Поселянина (г. Погожева), которыми возглавляется почти каждый № жур-

нала. Какое живое религіозное чувство и какая глубокая жизненная религіозная мысль проникаютъ каждую его „статью“, какъ онъ скромно называетъ свои произведенія, хотя имъ вполнѣ приличествовало бы названіе поученій.

Вотъ, напримѣръ, изъ № 3-го „Блудные сыны и фарисеи“ или „Срѣтеніе Господне и прощенное воскресеніе“ въ № 5: посмотрите, какая жизненная и глубокая трактовка темы и въ томъ и въ другомъ случаѣ,—далъ бы Богъ каждому изъ насъ, призванному къ дѣлу церковнаго учительства. Въ первомъ случаѣ вы находите прямо схваченное изъ разныхъ областей жизни яркое изображеніе язвы фарисейства, самовлюбленности, самодовольства, захватывающихъ даже современныхъ дѣтей-школьниковъ; тутъ же рядомъ—глубоко вѣрное изображеніе „мытарева“ настроенія и чудеснаго возстанія „блудныхъ“ думъ къ святой жизни. А вотъ въ „Срѣтеніи“—удивительно-проникновенное представленіе тѣхъ трепетныхъ переживаній вѣрующихъ душъ ветхаго міра, съ какими они встрѣчали грядущаго Избавителя и какія теперь испытываются вѣрующими христіанами при сознательномъ, вдумчивомъ отношеніи къ священному событію. И эти статьи не счастливое исключеніе; напротивъ, и всѣ другія многочисленныя вещи автора отличаются такими же безцѣнными достоинствами. Не ясно ли отсюда, что такая проникновенная и свѣтлая религіозность, притомъ же дышащая чистымъ духомъ родного русскаго православія, составляетъ основу, самую суть духовной сердечной жизни писателя, плодами которой онъ и дѣлится любовно-братски съ единомысленными ему читателями, которыхъ, видимо, онъ знаетъ и которые его также знаютъ и понимаютъ.

Это ли, дорогой собратъ, не отрадное знаменіе времени, отрицающее съ очевидностію такъ уже надоѣвшее ходячее у насъ мнѣніе о „параличѣ“ духовно-церковной жизни: есть, есть и теперь она—эта благодатная живая религіозная жизнь и проявляется она не гдѣ-нибудь только въ глубинѣ темныхъ народныхъ массъ, но и въ широкихъ образованныхъ кругахъ

русскаго православнаго общества, и выразителями ея являются не одни духовныя лица, а и простые міряне, служители свѣтской литературы, ея представители-писатели, каковъ и есть, напримѣръ, г. Погожевъ-Поселянинъ, отдающій свой талантъ служенію Христовой истинѣ, не переставая оставаться міряниномъ. И что особенно отрадно, онъ не одинокъ, не составляетъ исключенія: въ средѣ талантливыхъ свѣтскихъ современныхъ писателей и писательницъ можно насчитать десятки именъ, которые также, подобно ему, служатъ дѣлу Божію, не покидая своего свѣтскаго, мірского писательства, и несутъ они, каждый и каждая по мѣрѣ духовныхъ дарованій, въ сознаніе родного русскаго вѣрующаго общества новые вклады живыхъ религіозныхъ переживаній, вносятъ новые религіозные опыты въ сокровищницу русскаго художественнаго слова. Правда, не крупны, не особенно вѣски подчасъ эти вклады вѣрующихъ современныхъ писателей нашихъ, но они за послѣднее время обращаютъ вниманіе своимъ обиліемъ, постоянствомъ и несомнѣнной искренностію, свѣжестію.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите нашу же литературу лѣтъ десять назадъ; много ли нашли бы въ ней среди ея представителей лицъ, отдающихъ свои думы религіознымъ запросамъ: нѣкоторые журналы прямо чуть не хвалились, что у насъ, молъ, за десятки лѣтъ не было помѣщено ни одной религіозной статьи (Вѣстникъ Европы). Теперь—не то. Въ томъ же „Паломникѣ“, наряду съ Поселяниномъ, работаютъ тоже представители свѣтской поэзіи, особенно изъ молодыхъ, помѣщая свои стихотворенія, также отличающіяся свѣжестію и новизной религіозныхъ переживаній. Такимъ свойствомъ выдѣляются особенно небольшія, но изящныя граціозныя вещицы молодого поэта Владимира Нарбута, любимаго публикой и принятаго въ толстыхъ журналахъ. При неистощимой плодовитости онъ умѣетъ всегда найти новый образъ, отмѣтить свѣжее духовное переживаніе. Наряду съ нимъ служатъ религіозному воодушевленію, подъему духа читателя и

такія небезъизвѣстныя имена, какъ Коринфскій, Афанасьевъ, Платонова. И вотъ, созерцая это питаніе жаждущей души цѣлымъ потокомъ этой неподдѣльной религіозной поэзіи нашей родной, русской, опять приходишь къ отрадному заключенію о дѣйствительномъ наличіи и глубокомъ проникновеніи живой религіозностію нашихъ образованныхъ слоевъ общества, и пишущихъ и читающихъ.

Если мы теперь расширимъ тѣ отрадныя данныя, какія открылись изъ разсмотрѣнія одного журнала, справедливо предполагая, что то же самое обнаружили бы намъ и другія сходныя съ нимъ духовно-нравственныя изданія, то не въ правѣ ли радоваться и утѣшаться сдѣланнымъ только-что наблюденіемъ. Отмѣченныя нами выше черты и черточки въ духовно-популярной журналистикѣ должны внушить и намъ бодрый, свѣтлый взглядъ на внутреннюю сторону религіозно-церковной жизни, которая, при видимыхъ какъ-бы нестроеніяхъ и подавленности, продолжаетъ хранить въ себѣ неизсякаемый источникъ здороваго религіознаго подъема, который все яснѣе и яснѣе начинаетъ пробиваться наружу. И быть увѣреннымъ во всемъ этомъ такъ безцѣнно нынѣ для каждаго; особенно для насъ, духовныхъ работниковъ въ Церкви Христовой!

Но есть нѣчто въ разсмотрѣнныхъ литературно-житейскихъ явленіяхъ, что способно навести и на глубокія грустныя думы. Это—мало замѣтное совнѣ участіе въ нарождающемся у насъ подъемѣ религіозной общественной жизни непосредственно призванныхъ къ тому лицъ духовныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, лучшія, болѣе жизненныя, свѣжія силы, выступающія въ литературѣ и поэзіи съ вдохновенными религіозными твореніями, принадлежатъ всѣ почти къ свѣтскому, мірскому интеллигентному обществу,—но отчего не является поэтовъ-пѣвцовъ религіознаго вдохновенія, художниковъ-писателей, изобразителей внутренней жизни вѣрующаго изъ нашей духовной среды, облеченныхъ саномъ священнымъ? Почему въ этомъ отношеніи у насъ всегда замѣчалось обид-

ное оскудѣніе? Вотъ, дорогой читатель, неотвязные, досадные вопросы, отвѣтить на которые можетъ за насъ одно только наше неприглядное прошлое и, можетъ быть, не болѣе отрадное современное положеніе.

Нельзя же и даже грѣшно было бы объяснять подобный фактъ общимъ слабымъ развитіемъ среди насъ духовно-интеллектуальной жизни или вялостію, отсутствіемъ способности къ глубокимъ религіознымъ переживаніямъ. Всѣмъ симъ, несомнѣнно, изобильно надѣлена и наша среда, но бѣда наша въ неумѣніи владѣть въ совершенствѣ современными художественными формами и пріемами словесно-художественнаго творчества, какіе выработала современная свѣтская литература. Надо сознаться, что на нашемъ литературно-эстетическомъ образованіи все еще замѣтно вѣяніе духа старушки-схоластики. И не въ этомъ ли главная причина нѣкоторой скованности мысли, книжности въ твореніяхъ даже выдающихся писателей нашей среды?

О гдѣ ты, гдѣ ты, Серафимъ,
Что устъ Исаіи коснулся?
Коснись и насъ крыломъ своимъ,
Чтобъ духъ въ насъ скованный проснулся;
Освободи языкъ и умъ
Отъ узъ схоластики ненужной,—
И сможемъ мы рядъ чувствъ и думъ
Излить въ словахъ и пѣснѣ дружной!..

Свящ. *Аѳанасій Веселицкій.*

Сомнѣнія въ Божествѣ Христа и ихъ рѣшеніе.

(Продолженіе [1]).

Наши современники, сомнѣвающіеся въ Божествѣ Іисуса Христа, ссылаются на то, что Іисусъ Христосъ давалъ всегда уклончивый отвѣтъ на вопросъ: Онъ—Сынъ Божій или же нѣтъ. Напримѣръ: „ты сказалъ“, „ты говоришь, что я“ (Лук. 22 гл. 70 ст.) и такъ далѣе.

Мы сейчасъ скажемъ, въ чемъ тутъ дѣло. Мнимая уклончивость отвѣтовъ Христа, когда Онъ отвѣчалъ вопрошающимъ Его: „ты говоришь“, „ты сказалъ“, всецѣло объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ греческомъ языкѣ, на которомъ написаны наши Евангелія, нѣтъ спеціальныхъ словъ для выраженія утвердительнаго и отрицательнаго отвѣта. Нѣтъ русскихъ „да“ и „нѣтъ“. Обычною формою для выраженія положительнаго отвѣта всегда являются слова λέγεις и dicis (ты говоришь). Не всегда однако Спаситель отвѣчаетъ въ такой, повидимому, уклончивой формѣ. Въ четырнадцатой главѣ ев. Марка мы читаемъ, что когда первосвященникъ обратился къ Нему съ торжественнымъ вопросомъ: „Ты ли Христосъ, Сынъ Благословеннаго“, Онъ отвѣтилъ: ἐγὼ εἰμι—„Я есмь“ и прибавилъ: „и вы узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго въ облакахъ небесныхъ“ (14 гл. 61—62 ст.). Опредѣленнѣе и яснѣе отвѣтить нельзя. Нужно только пожалѣть, что въ русскомъ переводѣ слова ἐγὼ εἰμι безцвѣтно и неудачно переведены словомъ „я“ [2]).

Итакъ, нѣтъ возможности отрицать того факта, что Самъ Христосъ заявлялъ о Своей Божественности въ смыслѣ во-

---

[1]) См. № 37, за 1912 г.

[2]) Баронъ Николаи. „Можетъ ли образованный, современный, мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество Іисуса Христа“. СПБ. 1909 г. стр. 25.

площенія Божества, заявлялъ не одинъ разъ, не туманно, не прикровенно, а вполнѣ ясно и опредѣленно.

На это намъ говорятъ: Христосъ никогда не выдавалъ Себя за Сына Божьяго въ смыслѣ воплощенія Божества. Напротивъ, Онъ часто называетъ Себя Сыномъ человѣческимъ, чтобы этимъ подчеркнуть Свою человѣческую природу. Если-же Онъ и называлъ Себя „Сыномъ Божіимъ", то подъ этимъ наименованіемъ Онъ разумѣвалъ человѣка, подобнаго намъ, въ которомъ Божье, духовное начало достигло своего наивысшаго развитія. Другими словами: на основаніи свидѣтельствъ Іисуса Христа о Самомъ Себѣ раціоналисты, какъ-то: Толстой, Ренанъ, Штраусъ, Кеймъ и мн. др. стараются доказать, что Спаситель не только никогда не выдавалъ Себя за существенно отличнаго отъ людей Сына Божія, но и ни въ какомъ случаѣ, будто-бы, не могъ этого дѣлать, считая Себя совершенно равнымъ съ людьми во всѣхъ отношеніяхъ по Своей природѣ. Короче говоря: Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ въ общемъ значеніи, въ какомъ это названіе примѣняется въ Библіи и къ людямъ, т. е. въ смыслѣ нравственномъ. Сынами Божіими называются здѣсь всѣ вѣрующіе въ истиннаго Бога, родные, такъ сказать, Божеству по духу, по жизни; люди, находящіеся въ нравственной связи съ Божествомъ.

Мысль совершенно ложная. Есть всѣ основанія утверждать, что въ устахъ Христа названіе „Сынъ Божій" имѣло не нравственный, а особый, спеціальный смыслъ, указывающій на особое отношеніе Его къ Богу Отцу, на единство существа. Указаніе на такой смыслъ названія мы находимъ прежде всего въ добавленіи къ нему эпитета „единородный", т. е. рожденный изъ существа Бога Отца, единосущный Отцу, слѣдовательно—и равный Богу Отцу по Своему достоинству [1]). Затѣмъ, Іисусъ Христосъ и Самъ никогда въ этомъ отношеніи не сливалъ Себя съ людьми. Напротивъ,

[1]) Проф. П. Свѣтловъ: „Курсъ богословія". Кіевъ, 1899 г. стр. 234.

Онъ рѣзко различалъ Себя и другихъ въ ихъ сыновныхъ отношеніяхъ къ Богу. Онъ, напримѣръ, никогда не говоритъ о Богѣ „нашъ Отецъ“, а „Мой Отецъ“ и „вашъ Отецъ“, чѣмъ указываетъ на различіе между Собою и людьми [1]). Вотъ примѣры: „Іисусъ говоритъ Маріи: не прикасайся ко Мнѣ, ибо Я еще не восшелъ ко Отцу Моему, а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему“ (Іоан. 20 гл. 7 ст.). „Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Матѳ. 6 гл. 6 ст.); и „малому стаду“ Своихъ учениковъ Христосъ говоритъ то же самое: „не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благословилъ вамъ царство“ (Лук. 12 гл. 32 ст.); „смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“ (Матѳ. 18 гл. 10 ст.) и мн. др. (Матѳ. 7 гл. 21 ст.; 10 гл. 32 ст.; 15 гл. 13 ст.; гл. 5, ст. 16; 45; 48; 6 гл. 1, 14 ст.).

Такъ Іисусъ Христосъ называетъ Бога Своимъ Отцомъ въ особенномъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ Его могли называть люди. Только одинъ разъ Онъ употребилъ названіе „Отецъ нашъ“, но и то отъ имени людей въ молитвѣ, данной для людей.

Затѣмъ, усвояя Себѣ имя Сына Человѣческаго, Іисусъ Христосъ, однако, никогда не ставилъ Себя, такъ сказать, на одну доску съ людьми, но относился къ нимъ, какъ ихъ владыка, и со стороны ихъ требовалъ такого отношенія къ Себѣ, какое подобаетъ только Богу. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ Св. Писанія: „дабы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца. Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, пославшаго Его“ (Іоан. 5 гл.). „Ибо какъ Отецъ имѣетъ

[1]) Проф. М. Тарѣевъ: „Основы христіанства“, т. II. 1908 г. стр. 176—177.

жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ и далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій" (Іоан. 5 гл. 27 ст.). „Вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ" (Іоан. 6 гл. 29 ст.). „Жизнь вѣчную дастъ вамъ Сынъ Человѣческій; ибо на Немъ положитъ печать Свою Отецъ Его, Богъ" (Іоан. 6 гл. 27 ст.)

Что Спаситель, называя Себя Сыномъ Человѣческимъ, этимъ не приравнивалъ Себя къ людямъ, но ставилъ Себя гораздо выше ихъ, сыновъ Божіихъ по благодати, видно еще изъ того, что Іисусъ Христосъ усвояетъ Себѣ, какъ мы видѣли, такія свойства, какія принадлежатъ одному только Богу.

Словомъ, во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ нѣтъ ни одного изреченія, которое благопріятствовало бы мысли, будто Іисусъ Христосъ признавалъ Себя только человѣкомъ или разумѣлъ другихъ людей, называя Себя Сыномъ Божіимъ или Сыномъ Человѣческимъ[1]).

Если же Христосъ постоянно выдѣляетъ Себя изъ группы сыновъ Божіихъ по благодати, если Христосъ, называя Себя Сыномъ Человѣческимъ, приписываетъ Себѣ исключительно Божественныя свойства. и отъ другихъ требуетъ къ Себѣ такого же отношенія, какое подобаетъ одному только Богу, то отсюда ясно, какъ Божій день, что Іисусъ Христосъ былъ Сынъ Божій не по благодати, какъ прочіе люди, а по естеству, по природѣ. Значитъ, Христосъ былъ не простой человѣкъ, какъ мы, а Богочеловѣкъ, въ Которомъ два естества—Божеское и человѣческое—соединились, по выраженію Отцовъ Халкидонскаго Собора, „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно".

Въ пользу Божественности Христа Спасителя говоритъ еще одна черта, именно—Его безгрѣшность. „Нигдѣ мы не

---

[1]) Проф. И. Громогласовъ: „Наименованіе Іисуса Христа Сыномъ Человѣческимъ". См. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія". 1894 г. кн. 2—3.

встрѣчаемъ у Него, говоритъ баронъ Николаи [1]), ни грѣшнаго слова, ни неодобрительнаго поступка, нигдѣ мы не видимъ въ Немъ и малѣйшаго сознанія о собственной грѣховности и нуждѣ въ прощеніи,—даже въ моментъ смерти, когда у человѣка обыкновенно падаютъ всѣ иллюзіи и просыпается совѣсть. Кто, кромѣ Него, могъ сказать: „кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ?“ (Іоан. 8 гл. 46 ст.). Грѣшному человѣку не придумать безгрѣшной личности. Вспомнимъ, какими представлялись божества у языческихъ народовъ,—съ человѣческими страстями и слабостями. Даже Будда никогда не выдавалъ себя за безгрѣшнаго. Магометъ предъ смертью смиренно каялся въ своихъ грѣхахъ предъ Богомъ и просилъ о помилованіи. У Христа мы ничего подобнаго не замѣчаемъ. Другіе люди, знакомясь съ Нимъ, получали впечатлѣніе о своей грѣховности (Лук. 5 гл. 8 ст.). Многіе и въ наше время испытываютъ то же самое отъ Его рѣчей. У Него же Самого, совѣсть Котораго была столь чутка, какъ ни у кого въ мірѣ, мы ни разу не замѣчаемъ ни сознанія Своихъ недостатковъ, ни нужды въ полученіи прощенія грѣховъ. „Идетъ князь міра Сего, говоритъ Спаситель предъ Своими страданіями, и во Мнѣ не имѣетъ ничего“ (Іоан. 14 гл. 30 ст.).

„Если-бы, говоритъ докторъ Бушнелль, Іисусъ Христосъ былъ грѣшникъ, то Онъ также, какъ и всякій грѣшникъ, сознавался бы во грѣхѣ, въ противномъ случаѣ Онъ былъ бы лицемѣръ, насквозь пропитанный притворствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ выказалъ бы Онъ такъ много божественной красоты въ своемъ характерѣ, сохранилъ бы блескъ ненарушенной гармоніи и небеснаго величія въ Себѣ, когда Ему пришлось бы дѣлать все съ смущеннымъ духомъ и съ сердцемъ, испорченнымъ постояннымъ обманомъ, призракомъ добродѣтели?! Такой примѣръ успѣшнаго лицемѣрія

---

[1]) Баронъ Николаи. „Можетъ ли образованный... человѣкъ вѣрить въ Божество Іисуса Христа?“ стр. 22.

самъ по себѣ сдѣлался бы величайшимъ чудомъ, о которомъ когда-нибудь слышалъ міръ“ [1]).

Что еще бросается въ глаза, что еще говоритъ о божественности Христа, такъ это то, что Христосъ не поддается никакому описанію, никакой характеристикѣ. Многіе ученые, художники, литераторы пытались изобразить Его и охарактеризовать съ помощью своего геніальнаго таланта, но все было напрасно. Послѣ долгихъ и упорныхъ усилій всѣ, наконецъ, пришли къ тому заключенію, что Христосъ неизобразимъ въ литературѣ, что Его не можетъ передать кисть, что Онъ необъяснимъ съ психологической точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Іисусѣ Христѣ есть что-то такое, чему нельзя даже подыскать названія. Кому приходится изображать характеры, тотъ хорошо знаетъ, что каждый человѣкъ носитъ особый отпечатокъ, имѣетъ индивидуальныя особенности, типичныя черты. Можно ли найти что-либо подобное у Христа? Можно ли сказать, что у Него разсудокъ перевѣшиваетъ чувство, или чувство перевѣшиваетъ разсудокъ? Одерживаетъ ли у Него энергія верхъ надъ благоразуміемъ или благоразуміе надъ энергіей? Отличается Онъ нѣжностью, грустью или простодушіемъ? Человѣкъ ли Онъ мысли или дѣла? Съ какой стороны мы ни взглянемъ на Него, мы готовы именно эту сторону признать за отличительный Его признакъ. Но когда мы всмотримся въ Него пристальнѣе и прислушаемся къ Нему дольше, то мы начинаемъ замѣчать, что всѣ остальныя стороны выдаются такъ же ярко. Мы не находимъ у Него даже специфическихъ признаковъ его племени и времени. Онъ всесовершенъ. А можно ли эту черту приложить къ простому, обыкновенному человѣку?—Нисколько. Ограниченность—неизгладимая печать твари. Каждый человѣкъ можетъ только до извѣстной мѣры и въ извѣстномъ направленіи осуществить возможности человѣческой природы, и потому въ каждомъ человѣкѣ однѣ

[1]) Д-ръ Шаффъ: Іисусъ Христосъ—чудо исторіи“ изд. 3-е, стр. 41.

духовныя черты должны непремѣнно выдаваться, другія — отступать. Въ этомъ лежитъ сущность индивидуальности. Каждый волей-неволей является человѣкомъ своего времени и народа, потому что личность складывается не изъ ничего, а изъ условій мѣста и времени. Подъ ихъ вліяніемъ наполняется умъ и образуется сердце. Поэтому ни одинъ человѣкъ не можетъ явиться выразителемъ всесторонняго идеала человѣчества. Для этого ему слѣдовало бы быть чѣмъ то бо́льшимъ, чѣмъ простой единицей изъ людской суммы.

Когда же, напротивъ, Богъ, абсолютное совершенство, принимаетъ плоть и является въ человѣческомъ образѣ, то мы легко поймемъ, что въ такомъ человѣкѣ должно выступать все совершенство, доступное человѣческой природѣ вообще, что такой человѣкъ будетъ всестороннимъ, вѣчнымъ идеаломъ человѣчества. Мы можемъ разсматривать такого человѣка съ любой стороны и намъ всегда будетъ казаться, что какъ разъ эта сторона въ немъ выражена ярче всего, именно потому, что онъ со всѣхъ сторонъ представляетъ изъ себя идеалъ. Такой человѣкъ не можетъ существенно двигаться впередъ и развиваться,—потому что полноту своего знанія онъ приноситъ съ высоты Божества, а не черпаетъ изъ окружающаго. Потому и мышленіе и чувствованіе его не носитъ той печати односторонности, которая отличаетъ народы и эпохи, и потому онъ одинаково близокъ людямъ всѣхъ временъ и народовъ. Каждый видитъ и чувствуетъ въ немъ свой идеалъ. Онъ всеміренъ, какъ полнота всѣхъ свойствъ, которыми въ раздробленномъ видѣ обладаетъ человѣчество. Бѣдное человѣческое искусство привыкло обрисовывать кистью и перомъ личности, пользуясь ихъ именно ограниченностью, т. е. тѣми частями идеала, которыя отражаются въ нихъ. Передъ самимъ идеаломъ, въ которомъ, по сильному и мѣткому выраженію ап. Павла, „обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“, оно теряется и не умѣетъ себѣ помочь. Словомъ, еще разъ повторяемъ, Христосъ совершенно необъяснимъ съ психологической точки зрѣнія.

Христа не могли изобразить не только психологи, но даже художники.

Выраженіемъ православнаго вѣросознанія относительно этого можетъ служить извѣстное сказаніе объ Эдесскомъ правителѣ Авгарѣ, пожелавшемъ имѣть изображеніе Христа и для этой цѣли посылавшемъ своего художника въ Палестину. Тщетное желаніе! Геній человѣческаго художника не въ состояніи былъ уловить ни единой черты Богочеловѣческаго лика, которую онъ могъ бы запечатлѣть своими руками на полотнѣ, потому что для этого надо было бы умертвить эту черту, превратить ее въ мертвую окаменѣлость, а между тѣмъ во Христѣ все было жизнь, движеніе, и Онъ былъ Сама жизнь... Только Самъ Христосъ могъ создать Нерукотворенный образъ Своего безгрѣшнаго Лика,—т. е. отнюдь не реально художественную *картину*, а именно только образъ—икону, религіозно-символическое изображеніе, къ которому не прикоснулась нечистая рука грѣшнаго художника и не положила ни единой, не только грѣшной, а даже и какой-либо реально-человѣческой (т. е. мелочной) черты.

„Поучителенъ въ данномъ случаѣ, пишетъ проф. М. Муретовъ [1]), примѣръ великаго русскаго художника Иванова, автора знаменитой картины „Явленіе Христа міру“. Всмотритесь въ это великое созданіе великаго человѣка. Мощный, полный движенія и выразительности образъ Крестителя, „гласа вопіющаго въ пустынѣ“, и пораженные то наивно-дѣтскимъ, то спокойно-торжественнымъ, то благоговѣйно-смиреннымъ ожиданіемъ провозглашаемаго Агнца Божія слушатели и ученики пророка пустыни. Вся обстановка картины, всѣ ея мелочи, детали—все дышетъ жизнью, наглядно, реально,—все это какъ бы живымъ взято изъ-за дали вѣковъ, мѣстъ и народовъ и цѣликомъ перенесено на

---

[1]) Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. Сергіевъ Посадъ. 1892 г. стр. 104.

полотно великимъ русскимъ художникомъ кисти и красокъ. Но, владѣя даромъ открывать и изрекать языкомъ красокъ самыя глубочайшія тайны человѣческой души и сокровенная „святая святыхъ“ нравственно-религіознаго генія человѣческаго, великій художникъ оказался немощнымъ въ изображеніи центральной фигуры своей картины—Христа. Истинно-православный геній громко говорилъ художнику, что изобразить Христа въ реально-художественномъ видѣ, хотя бы и съ привлекательнымъ, но все-же только типично-человѣческимъ лицомъ сирійца или даже іудея, значило бы все обратить въ Ренановскую каррикатуру. Религіозный геній подсказалъ Иванову, какъ нельзя изобразить Христа, но онъ не могъ дать ему отвѣта на вопросъ: какъ должно изобразить Христа въ этой реально-художественной обстановкѣ картины, потому что Христосъ, въ этомъ смыслѣ, не описуемъ и не изобразимъ. Въ виду этого и образъ Христа на оцѣниваемой нами картинѣ производитъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго, второстепеннаго, туманно-неопредѣленнаго“.

То же наблюденіе сдѣлалъ и живописецъ La Sizeranne въ Revue des Deux Mondes, въ интересной статьѣ объ анахронизмѣ въ искусствѣ. Именно недостаткомъ типическихъ чертъ La Sizeranne объясняетъ невѣроятныя затрудненія художниковъ при изображеніи Христа. Одни выражаютъ извѣстныя черты, напримѣръ, непреклонность воли въ выдающейся нижней челюсти; проницательность ума въ маленькихъ, зорко глядящихъ изъ подъ тяжелыхъ вѣкъ глазахъ, какъ сдѣлалъ это Мункаччи въ своемъ Христѣ предъ Пилатомъ, и этимъ впадаютъ въ вопіющее противорѣчіе съ Евангеліемъ. Другіе избѣгаютъ всякаго рѣзкаго признака и впадаютъ въ общій шаблонъ человѣка безъ тепла и жизни. Этимъ они еще болѣе удаляются отъ евангельскаго образа, потому что есть ли что жизненнѣе и привлекательнѣе личности Христа? „И вотъ почему, прибавляетъ La Sizeranne, дрожала рука Леонардо, когда онъ писалъ ликъ Христа. Художника охватывалъ не только религіозный трепетъ, но и страхъ уловить

то жизненно-правдивое, не ограниченное никакой особенностью выраженіе, какое онъ долженъ былъ дать Христу“ [1]).

Такъ это въ живописи, такъ это и въ словѣ. Художники пера тоже при всемъ своемъ стараніи, при всемъ своемъ искусствѣ никакъ не могли воспроизвести личность Христа Спасителя и воплотить ее въ буквахъ своихъ многочисленныхъ художественныхъ произведеній.

Возьмемъ, напримѣръ—„Жизнь Іисуса“ Ренана. Что это за книга? Что представляетъ она собою? Какъ передаетъ она Христа?

Увы! Книга Ренана—романъ [2]) и романъ *не* историческій, потому что его соткала фантазія писателя. Онъ не имѣетъ даже литературнаго значенія, потому что такой, составленный изъ кусочковъ Христосъ, какимъ Его сдѣлалъ Ренанъ, не можетъ существовать. Это ходячее противорѣчіе. Отъ „наивнаго невѣжды“, расхаживающаго по праздничнымъ пирамъ на берегахъ Тиверіадскаго озера и сочиняющаго для своихъ сотрапезниковъ заманчивыя притчи, нѣтъ правдоподобнаго перехода къ тому „мрачному исполину“, который въ Іерусалимѣ ни съ того, ни съ сего беретъ на себя роль Мессіи, двусмысленными средствами поддерживаетъ ее и „раздраженный сопротивленіемъ позволяетъ дурному своему настроенію довести себя до ничѣмъ не оправдываемыхъ поступковъ“. Первая изъ этихъ двухъ фигуръ не содержитъ въ себѣ матеріала для второй. А какъ согласить мнимыя чудеса, ложную ссылку на происхожденіе отъ Давида, присвоеніе еще при жизни апоѳеоза, приписываемыя Христу Ренаномъ, съ абсолютной чистотой характера, которой ди-

---

[1]) См. книгу проф. М. Моравскаго: „Вечера надъ Леманомъ“. Лейпцигъ. 1899 г. Commissionverlag E. Kasprowicz.

[2]) Обстоятельно развиваетъ эту мысль и подробно аргументируетъ ее проф. Муретовъ въ своей книгѣ: „Очерки изъ новѣйшей исторіи экзегеса и критики Новаго Завѣта“ ч. II. Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“, стр. 75—137. Сергіевъ Посадъ. 1892 г.

вится тотъ же Ренанъ, съ любовью къ справедливости и правдѣ, за которыя живетъ и умираетъ Христосъ? Несчастныя усилія автора смягчить и прикрыть эти разногласія только рѣзче выдвигаютъ ихъ непримиримое противорѣчіе. Однимъ словомъ, образъ, который хотѣлъ Ренанъ создать, не смотря на величайшій произволъ, допущенный имъ по отношенію къ текстамъ и источникамъ, совершенно не удался.

„Ренанъ, пишетъ проф. Муретовъ, создалъ только художественную обстановку для лика Христа, но онъ не смогъ, благодаря отсутствію необходимаго тутъ религіознаго генія, начертать самого Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя міра. Онъ нарисовалъ поэтому и могъ нарисовать только каррикатуру въ видѣ мѣстно-палестинскаго моралиста и реформатора“ [1]).

Если же Христа не могутъ изобразить ни психологи, ни художники, ни ученые, то, значитъ, Іисусъ Христосъ былъ не человѣкомъ, а сверхчеловѣкомъ, потому что человѣческое всегда подвластно намъ, всегда постижимо и изобразимо, а божественное—никогда.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи, Свящ. *Александръ Введенскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Стр. 87.

ЗАМѢТКИ:

а) Какой смыслъ имѣютъ вопросы, предлагаемые священникомъ предъ вѣнчаніемъ брачущихся: „не обѣщался ли еси иной невѣстѣ“? „не обѣщалася ли иному мужу“? и какъ поступать священнику при полученіи утвердительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы?

По чинопослѣдованію церковнаго вѣнчанія браковъ, священникъ, по совершеніи обрученія, прежде чѣмъ приступить къ вѣнчанію, вопрошаетъ жениха и невѣсту о благомъ и непринужденномъ произволеніи ихъ на вступленіе въ бракъ и къ этому присовокупляетъ вопросы: жениху—„не обѣщался ли еси иной невѣстѣ“?—невѣстѣ—„не обѣщалася ли еси иному мужу?“—Смыслъ первыхъ вопросовъ священника—о добровольномъ согласіи на бракъ жениха и невѣсты—совершенно ясенъ. Бракъ—дѣло свободнаго произволенія брачущихся, и по закону, если на вопросы о свободномъ произволеніи послѣдуютъ со стороны брачущихся отрицательные отвѣты, священникъ не долженъ совершать вѣнчанія ихъ. Но какъ быть, если на вопросы объ обѣщаніи иному мужу или иной невѣстѣ послѣдуетъ отвѣтъ: „обѣщался, честный отче“? Какъ быть, если и отъ сторонняго лица получится заявленіе объ обѣщаніи жениха или невѣсты вступить съ нимъ въ бракъ?

Для того, чтобы дать правильный отвѣтъ на поставленные вопросы, очевидно, нужно знать смыслъ вопросовъ священника брачущимся: „не обѣщался ли иной невѣстѣ“? „не обѣщалася ли еси иному мужу“?—Итакъ, что же значатъ эти вопросы? О какомъ обѣщаніи иному мужу или иной невѣстѣ вопрошаетъ здѣсь священникъ? Очевидно и вопрошаетъ онъ здѣсь брачущихся не о частномъ какомъ либо обѣщаніи брака и не о домашнемъ какомъ либо сговорѣ относительно брака: такихъ сговоровъ и обѣщаній ни цер-

ковные, ни гражданскіе наши законы не допускаютъ. Допускаютъ они только одно обѣщаніе брака—церковное, состоящее въ церковномъ обрученіи брачущихся. Совершалось оно у насъ нѣкогда отдѣльно отъ вѣнчанія, предваряя иногда вѣнчаніе нѣсколькими годами. Признавалось это обрученіе равносильнымъ браку и не расторжимымъ. При такомъ порядкѣ совершенія обрученія и вѣнчанія брачущихся естественно было предъ вѣнчаніемъ каждой пары вопрошать жениха и невѣсту: не обѣщались они вступить въ другой бракъ? или иначе: не обручился ли женихъ съ иною невѣстою, а невѣста съ инымъ мужемъ? Въ настоящее время, когда обрученіе совершается въ нашей Церкви одновременно съ вѣнчаніемъ, утвердительнаго отвѣта на эти вопросы нельзя ждать. А если-бы онъ, сверхъ чаянія, получился, то, очевидно, священникъ не долженъ приступать къ вѣнчанію: только высшая власть церковная, вѣдающая у насъ дѣла о расторженіи браковъ, можетъ разрѣшить вопросъ о вѣнчаніи въ этомъ случаѣ; на ея усмотрѣніе и долженъ представить это дѣло священникъ. Что же касается *частныхъ* обѣщаній жениха или невѣсты вступить съ кѣмъ либо въ бракъ, кромѣ стоящаго или стоящей предъ аналоемъ, а равно *домашнихъ сговоровъ* съ кѣмъ либо инымъ, то они не могутъ служить препятствіемъ къ браку лицъ, выразившихъ предъ аналоемъ свое благое и непринужденное на бракъ произволеніе, и въ случаѣ заявленій о *такихъ* обѣщаніяхъ и сговорахъ съ какой-бы то ни было стороны, священникъ долженъ изъяснить заявителямъ смыслъ его вопросовъ „объ обѣщаніи иной невѣстѣ“ или „иному мужу“, но вѣнчанія останавливать не долженъ. („Костром. Епарх. Вѣдом.“).

b) Замѣтки по хозяйству[1]).

Какъ предохранить картофель отъ гніенія.—Съ этой цѣлію рекомендуется многократно испытанный способъ засыпки картофеля измельченной известью. Известь ничуть не затрагиваетъ картофельной кожуры и не проникаетъ въ вещество картофеля, поэтому при храненіи вреда принесть не можетъ; предъ употребленіемъ же картофеля известь нужно тщательно счистить.

Способъ сохраненія деревянныхъ новыхъ половъ.—Новые деревянные полы, сдѣланные хотя бы изъ сухого матеріала, нерѣдко коробятся. Это происходитъ, какъ замѣчено, отъ того, что подъ ними бываетъ слишкомъ тепло и влажно. Для устраненія этого недостатка, рекомендуется подъ полами класть вещества, дурно проводящія тепло и влагу, напр., пергаментную бумагу или пакеты съ кальціемъ, квасцами и цементомъ.

Какъ перевезти живую рыбу зимой.—Рыбу укладываютъ въ корзину, стѣнки которой должны имѣть отверстія для доступа воздуха, и пересыпаютъ ее снѣгомъ. Въ снѣгу рыба цѣпенѣетъ, но стоитъ лишь бросить ее въ холодную воду,—какъ она оживаетъ.

Какъ сохранять яблоки.—Яблоки, обернутыя въ бумагу, пропитанную спиртнымъ растворомъ салициловой кислоты, превосходно сохраняются въ теченіе долгаго времени и при этомъ не теряютъ присущаго имъ аромата и вкуса.

Какъ узнать въ шерстяной ткани примѣсь бумаги.—Съ этой цѣлію кусокъ матеріи кипятятъ въ теченіе двухъ часовъ въ растворѣ ѣдкаго натра, 8-ми градусной крѣпости. Шерстяная матерія въ это время вся распустится и всплываетъ на поверхность въ видѣ мылообразной массы, процѣженная же чрезъ густое металлическое сито вся пройдетъ

---

[1]) Нижепомѣщаемые рецепты заимствованы изъ книги: „1000 полезныхъ совѣтовъ“, прилож. къ журн. „Хозяйка“ за 1902 г.

безъ остатка. Ткань съ примѣсью бумаги—измѣнится, но не превратится въ мыло, чрезъ сито не пройдетъ, а останется сверху въ видѣ волоконъ.

Какъ избавиться отъ муравьевъ.—Если муравьи въ жилыхъ помѣщеніяхъ, то по угламъ ихъ раскладываются комки ваты, пропитанной карболовой кислотой или нафталиномъ. Въ садахъ муравейники заливаются кипяткомъ.

Какъ уничтожить моль въ мягкой мебели.—Разжигаютъ кирпичъ, обливаютъ его теплымъ уксусомъ и ставятъ подъ мебель такъ, чтобы пары уксуса проходили насквозь. Этотъ пріемъ нужно повторять какъ можно чаще, при чемъ кирпичъ надо переставлять каждый разъ на новое мѣсто, чтобы каждая вещь мебели со всѣхъ сторонъ проникласъ парами.

Уничтоженіе сырости въ комнатахъ.— Накаленные докрасна новые кирпичи кладутъ на холодные кирпичи, размѣщенные по угламъ комнаты, на окнахъ и др. мѣстахъ, гдѣ замѣчается сырость. Кирпичъ немедленно впитываетъ въ себя влагу. Два—три кирпича способны осушить самые сырые углы, при этомъ они не производятъ никакого угара и занимаютъ очень мало мѣста. Каждый кирпичъ однако можетъ нагрѣваться не болѣе 10 разъ; послѣ онъ теряетъ свою силу.

Песокъ, какъ огнегасительное средство.—Песокъ служитъ прекраснымъ огнегасительнымъ средствомъ при пожарахъ въ комнатѣ. Лишь только замѣчается пламя, слѣдуетъ немедленно засыпать его пескомъ.

Средства отъ мухъ.—Мухи не выносятъ запаха лавроваго масла и стремительно вылетаютъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно налито (лучше на неглубокое чайное блюдце). Такимъ же успѣхомъ пользуется хлорная известь. Съ вечера на блюдце наливаютъ хлорной извести, ставятъ его на какую-либо высокую вещь изъ мебели (напр. комодъ) и на утро мухъ уже не будетъ.

Средство предотвратить плѣсень на соленыхъ огурцахъ.—Нужно взять 7 золотниковъ черной горчицы и поло-

помъ, что деретъ съ живого и мертваго—и успокоились. Дескать, съ духовнаго сословія и этого достаточно...

И ничего тутъ не подѣлать. Теперь у насъ конституція, Дума, и все должно пойти чрезъ Думу—всякій проектъ, всякій законъ. „Стало быть, и законъ о кускѣ хлѣба получишь не иначе, какъ его найдутъ возможнымъ дать депутаты Государственной Думы. Но послѣдніе получаютъ 10 руб. въ сутки и понятно, не живутъ, а благодушествуютъ... Всегда сыты, ни въ чемъ себѣ не даютъ отказу, а извѣстно, что при такихъ условіяхъ люди склонны забывать о томъ, что есть около нихъ другіе, которымъ, быть можетъ, и ѣсть-то нечего. „Сытый, вѣдь, голоднаго не разумѣетъ“... Ну, а объ отцахъ духовныхъ, которымъ „жить нечѣмъ“, вспомнить г.г. депутатамъ ужъ совсѣмъ трудно. Вѣдь отцы-то духовные—это религія, монашество, это—поклоны, посты и молитвы. А что за удовольствіе вспоминать о такихъ „скучныхъ“ вещахъ, да еще и содержать ихъ на свою шею?. Не гораздо-ли полезнѣе забыть и взять изморомъ всѣхъ служителей религіи?..

Такъ-то, о. о. духовные... Бросьте-ка надѣяться на князи и на сыны человѣческіе! Собирайтесь-ка сами да сплачивайтесь потѣснѣе!. Составьте изъ себя могучую армію, такую армію, которая была-бы совершенно самостоятельна. Составьте въ Думѣ свое „духовное коло“, которое бы никому не кланялось и ни къ кому не подлаживалось, а вѣдало бы всѣ дѣла своими силами и своимъ умомъ. А объединившись, вы и боритесь за то, чтобы дали вамъ кусокъ хлѣба, такой, чтобы никто не отнялъ, чтобы ѣсть-то его можно было, „не давясь“ и безъ брезгливости, чтобы не пахло отъ него потомъ и кровью мужицкихъ рукъ.

Если васъ будетъ мало въ Думѣ, то обопритесь не на кого другого, а на своихъ же мужичковъ. Правда, они васъ временами ругаютъ, но вы другъ друга все-таки больше поймете. Вѣдь вы вмѣстѣ съ ними голодали и холодали. Вѣдь они—мужички-то на своей шкурѣ испытали, что значитъ жить безъ куска хлѣба или просить милостыню. А тѣ „блестящіе“-то

„господа“ депутаты... Богъ съ ними, оставьте ихъ. Пусть они идутъ своимъ путемъ-дорогой. Они далеки отъ васъ не менѣе, чѣмъ отъ мужичковъ. Не любятъ они запаху-то мужицкаго такъ же, какъ и вашего лампаднаго и кадильнаго.

Чтите, о.о. святые, и разумѣйте! блюдите, да никто же васъ прельститъ!...

***

Мысли эти навѣяла на насъ одна маленькая страница изъ жизни духовенства, нашедшая себѣ мѣсто на страницахъ „Вѣстника Европы“ (Августъ, 1912 г.). Здѣсь помѣщенъ разсказъ (очевидно, посмертный) С. Миловскаго (Елеонскаго) „Нечѣмъ жить“. Самъ по себѣ разсказъ простой и незамысловатый по содержанію, но картинка, нарисованная въ немъ, такъ ярка и жизненно-правдива, что можетъ всколыхнуть кого угодно. Причту одного сельскаго прихода въ одно прекрасное время стало „нечѣмъ жить“. У дьякона Амплѣя Алоева произошелъ „маленькій капризъ“ въ квашнѣ: въ ней не поднималось тѣсто, такъ какъ за недостаткомъ дровъ не хватало тепла въ хатѣ. „Тоска“ была и въ священническомъ домѣ. Доходы совсѣмъ пали. „Православные ходили въ церковь рѣже, требы оплачивали низко и съ такимъ обозленнымъ видомъ (дѣйствіе происходитъ въ концѣ 1907 г.), что духовенство, ловя выбрасываемые съ дерзостью пятаки, пугалось“. Народъ „развратился“. „Ни послушанія, ни почтенія. Ожесточились. Того и гляди, за горло возьмутъ...“ Прямо какое-то „повѣтріе“ нашло. Мужики отказались платить ругу Напрасно батюшка, о. Ѳеодоръ, выступалъ на сходѣ „съ пастырскимъ увѣщаніемъ“.

— „Православные! Вѣдь наше духовное дѣло есть и ваше—подумали ли вы объ этомъ? Чѣмъ мы будемъ жить, если не будете давать намъ?

— А намъ кто дастъ?—возражали мужики.

— Ну, придется уходить отъ васъ. И ужъ другого попа къ вамъ не назначатъ...“

Но и это не помогло. Мужики все же вышли побѣдителями. На послѣднее замѣчаніе священника они отозвались:

— „Въ расколъ уйдемъ...

— Въ расколъ?..

У о. Ѳеодора даже дрожь пошла подъ колѣнками.

— Вонъ вы что... А страшный судъ? А вѣчныя муки? Адъ?

— Тамъ, чай, не хуже здѣшняго...

И о. Ѳеодоръ понялъ, какая пропасть разверзлась между приходомъ и причтомъ. Кто и чѣмъ завалитъ эту пропасть?“

Надо было что-нибудь дѣлать немедленно. Попытались „развивать духовную жизнь въ народѣ“ путемъ устройства чтеній, туманныхъ картинъ и собесѣдованій, пробовали подѣйствовать на „совѣсть“ народную: стали служить усерднѣе, какъ говорится, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, чтобы понудить прихожанъ расплачиваться щедрѣе, но изъ всѣхъ этихъ затѣй ничего не вышло: неумѣнье взяться за дѣло, тормозы со стороны начальства, мѣстныхъ кулаковъ отбили охоту устраивать какія-бы то ни было чтенія, а отказъ мужиковъ отъ „длинныхъ молебновъ“ заставилъ бросить и второе средство „поднять причтовую доходность“. Причтъ ясно увидѣлъ, что въ паденіи доходности виновато общее оскудѣніе мужицкихъ кармановъ, и что „тутъ какъ ни воздѣйствуй, какіе фейерверки ни пускай, что ни вывертывай, все равно никакой фокусъ не поможетъ“. И, придя къ такому выводу, духовенство заголосило:

— Податься некуда...

— Ни туда, ни сюда...

— Крышка!..

Въ разсказѣ описаны еще кое-какіе „фокусы“, къ которымъ прибѣгалъ послѣ этого причтъ для увеличенія своихъ доходовъ, но эти „фокусы“ такого свойства, что лучше о нихъ не говорить.

***

Таковъ разсказъ. Какая это прекрасная иллюстрація къ разсужденіямъ разныхъ писакъ и говоруновъ о жадности духовенства, его скупости и богатствѣ! Побольше бы имъ приглядываться къ жизни, да прислушиваться къ голосу такихъ знатоковъ быта духовнаго сословія, какимъ былъ покойный Елеонскій, тогда, быть можетъ, они заговорили бы иначе, хотя, впрочемъ, это очень сомнительно, по соображеніямъ, указаннымъ выше! *Е. Х.*

Церковная проповѣдь въ ея отношеніи къ уму и сердцу слушателей.

Воспитательное значеніе церковной проповѣди опредѣляется и стоитъ въ несомнѣнной тѣсной зависимости отъ степени ея воздѣйствія на умъ и сердце слушателей. Религіозная восторженность (но не столь частый, особенно въ живомъ словѣ, ложный паѳосъ) и убѣжденность проповѣдника, его энергія и сила чувства въ хорошемъ произношеніи обязательно найдутъ соотвѣтствующій откликъ и въ душахъ наставляемыхъ. И наоборотъ, проповѣдническая тепло-хладность тѣмъ же свойствомъ скажется и въ слушателяхъ. Здѣсь естественный законъ: захватить умъ и сердце можетъ только тотъ, въ комъ самомъ есть внутренній огонь, сила убѣжденія. Важнѣе рѣшить вопросъ,—церковная проповѣдь вообще какую изъ способностей человѣческаго духа должна имѣть главнымъ объектомъ своего воздѣйствія—умъ или сердце? На первый взглядъ какъ будто кажется, что здѣсь собственно нѣтъ и вопроса. Ясно сказано, что сердце человѣка—„исходище“ всего „добраго и лукаваго“,—и значитъ, повидимому, на него-то и долженъ проповѣдникъ, въ цѣляхъ развитія сердца въ сторону добра и въ ослабленіе въ немъ злыхъ проявленій, преимущественно воздѣйствовать, его имѣть въ проповѣди главнымъ своимъ объектомъ. Такъ-ли, однако, на самомъ дѣлѣ? Полагаемъ,—не вполнѣ такъ.

Изреченіемъ Спасителя о человѣческомъ сердцѣ, какъ источникѣ добраго и злого, безъ сомнѣнія, не дается рѣшенія вопроса о сердцѣ, какъ предметѣ пастырскихъ воздѣйствій. Здѣсь отмѣчается только безспорный фактъ, что именно сердце, а не другая какая-либо изъ способностей человѣческаго духа, есть источникъ добрыхъ и злыхъ проявленій во внѣ—и только. Конечно, воздѣйствовать на сердце для пастыря обязательно. Въ частности, каждымъ отдѣльнымъ поводомъ къ проповѣди опредѣляется и то, на какую изъ способностей человѣка она главнымъ образомъ будетъ воздѣйствовать. Но если говорить о проповѣди вообще, то, намъ кажется, не будетъ неосновательнымъ утверждать, что и религіозно-воспитательными цѣлями проповѣди и интересами религіозно-моральнаго ученія требуется, чтобы она преимущественно воздѣйствовала на умъ. Положеніе это требуетъ быть обоснованнымъ, и мы рѣшаемся сдѣлать скромную попытку въ этомъ направленіи.

Безспорно, что въ духовномъ строеніи человѣка главнѣйшею изъ трехъ способностей его духа должно признать способность познавательную—его умъ. И это потому, что функціи ума всегда запечатлѣны характеромъ сознательности,—что такъ важно въ духовной жизни человѣка,—тогда какъ относительно сердца и воли этого можетъ и не быть и часто не бываетъ. Сердце, напримѣръ, можетъ довольствоваться однимъ созерцаніемъ высокихъ образцовъ святости въ ихъ непосредственности. Для ума этого недостаточно. Онъ вездѣ ищетъ опереться на доказательства, воспринять ту или другую идею сознательно. А разумность, сознательность—это самое цѣнное въ духовной жизни человѣка. Сознательное христіанство—это тотъ послѣдній пунктъ, къ которому устремляется пастырски-просвѣтительная дѣятельность. По написанному, „сердечная вѣра“ требуетъ еще и внѣшняго „исповѣданія“ себя „устами“ или, что-то же, требуетъ быть усвоенной головой. Достигается такое состояніе слушателей въ отношеніи истинъ вѣры и христіанской нравственности

не иначе, какъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ церковной проповѣди на умъ, а потомъ уже на сердце. Въ отношеніи истинъ религіи это особенно важно: то, что запечатлѣно характеромъ сознательности, прошло анализъ ума въ ограниченной для него сферѣ религіи—является однимъ изъ самыхъ прочныхъ достояній человѣческаго духа.

Къ намѣченному разрѣшенію нашего вопроса въ пользу ума, какъ главнаго объекта воздѣйствія церковной проповѣди, ведетъ и иной путь,—путь разсмотрѣнія его со стороны состоянія слушателей. Педагогически строго установлено, что жизнь сердца есть жизнь преимущественно дѣтскаго возраста. Лучшую обстановку для воздѣйствій пастыря въ направленіи сердца представляетъ начальная школа на урокахъ Закона Божія. Здѣсь и должны быть использованы въ широкихъ размѣрахъ примѣры христіанской вѣры и жизни въ ихъ воздѣйствіи на воспріимчивое дѣтское сердце. Опытъ свидѣтельствуетъ, что это есть естественный путь для воспитанія въ дитяти религіозной настроенности. Не то относительно церковной проповѣди. Церковь и школа тутъ разнятся. Въ храмѣ пастырь имѣетъ предъ собою для наученія взрослыхъ слушателей. У взрослыхъ же жизнь сердца уже позади, и они главнымъ образомъ живутъ интересами ума. Въ прямыхъ интересахъ проповѣди—не игнорировать, а удовлетворить его запросы. Дѣйствуя на сердце, высокіе примѣры вѣры и жизни христіанской будутъ все-таки носить характеръ хоть и сильныхъ, но мимолетныхъ впечатлѣній. Отсутствіе сознательности въ усвоеніи христіанской идеи не замедлитъ сказаться безсиліемъ слушателей побороть въ себѣ инертность въ достиженіи нравственнаго совершенства. Не въ отсутствіи его сознательности нужно видѣть объясненіе того грустнаго факта, что учащаяся молодежь, не будучи въ состояніи своими силами побороть возникающія въ критическомъ возрастѣ —возрастѣ повышенныхъ запросовъ ума,—религіозныя сомнѣнія,—съ легкостью порываетъ съ религіозными традиціями семьи, имѣющими своимъ источникомъ сердце.

Представленному теоретическому разрѣшенію вопроса объ объектахъ воздѣйствія церковной проповѣди вполнѣ отвѣчаетъ постановка его практическая—въ проповѣди евангельской, апостольской и свято-отеческой. Будучи всегда простой (приточная форма) и проникающей въ глубины человѣческаго сердца. проповѣдь Спасителя всегда даетъ богатую пищу для личной самодѣятельности слушателей: вѣдь, несомнѣнно. не въ иныхъ, какъ въ интересахъ разумно-сознательнаго усвоенія евангельскаго ученія и интересахъ самостоятельной работы уже многія свои притчи Спаситель оставилъ неизъясненными. Впрочемъ, „въ рѣчахъ къ книжникамъ и фарисеямъ Господь отступаетъ отъ обычной своей простоты. Рѣчь Его здѣсь являлась близко подходящею къ искусственной (тоже что научной) и даже принимала своего рода доказательный характеръ", поражая враговъ силою наотразимой логики (см. Іоан. 5, 39; Мр. 12, 10; Луки 4, 21; Мѳ. 22, 42—45 и въ особенности—Мѳ. 12, 25—28; Луки 20, 2—8. „Опытъ Догмат. Богосл. Еп. Сильвестра). И въ томъ и въ другомъ случаяхъ Христова проповѣдь одинаково стрѣмилась воздѣйствовать на умъ.

По силѣ воздѣйствія на эту же способность человѣческаго духа проповѣди апостольской, требующей отъ вѣрующихъ *возрастать въ познаніи Бога* (2 Петра 3, 18) *и во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ* (Колос. 1, 9),—пламенныя рѣчи всѣхъ апостольскихъ посланій и особенно глубокія ученѣйшаго между апостолами св. Павла останутся вѣчно живыми образцами. По общему смыслу апостольскаго ученія, христіанству нужны сердца младенческія, а не умы дѣтскіе; умъ же нуженъ совершеннѣйшій, Христовъ (Еф. 4, 13—14; 1 Кор. 14, 20; 2. 16; 2 Кор. 4, 6).

Въ свято-отеческой литературѣ проповѣдь доказательнаго характера получаетъ наиболѣе яркое выраженіе въ несравнимомъ истолковательномъ краснорѣчіи св. Іоанна Златоуста. „Къ дѣлу увѣщанія онъ привлекаетъ въ своей проповѣди все, что только могли представить для этой цѣли его обширный и жи-

вой умъ, его тонкая наблюдательность, его богатое и неистощимое краснорѣчіе. Небо, земля, адъ—все у него служитъ этой цѣли" (Труды Кіев. Дух. Акад. 1909 г. проф.—свящ. Н. Гроссу).

Намъ говорятъ о сухости, отвлеченности, а потому и холодности церковной проповѣди, имѣющей преимущественнымъ объектомъ для своихъ воздѣйствій умъ слушателей. И такъ говорящіе правы относительно обычной проповѣди, помимо многаго прочаго, весьма страдающей въ самомъ произношеніи—неумѣломъ, безцвѣтномъ, безжизненно-холодномъ. Но такъ не должно быть, какъ бываетъ. Такъ и не можетъ быть,—когда въ проповѣдникѣ самомъ бьетъ живымъ ключемъ христіанская жизнь, христіанская мысль.

О проповѣди св. Златоуста извѣстно, что сухостью и отвлеченностью она никогда не страдала. Ея живости и доказательности содѣйствовало у него всегда то, что слушатели въ его глазахъ не были безразличной массой, къ которой можно обращаться съ сухими и отвлеченными разсужденіями. Это были живыя личности, запросы духа которыхъ онъ ставилъ своею обязанностью удовлятворять. Поучая другихъ, онъ и себя вмѣстѣ поучалъ отъ глубокихъ колодцевъ божественной мудрости, сливаясь съ паствой и составляя съ ней какъ бы одно. „Еслибы сердце мое, разорвавшись, могло открыться предъ вами,—читаемъ въ одной изъ его бесѣдъ,—вы бы увидѣли, какъ всѣ вы тамъ пространно помѣщены" (Бес. на кн. Дѣян. Ап.). Въ этой живой и тѣснѣйшей связи его со слушателями заключалась и вся сила его проповѣди.

Было-бы несомнѣннымъ пробѣломъ—въ разрѣшеніи нашего вопроса не принять въ соображеніе состоянія русской религіозной жизни въ текущую эпоху. Принадлежа по самому свойству своему къ числу вопросовъ, которые всегда будутъ занимать человѣчество,—вопросы религіи и христіанской морали получаютъ у насъ особенный интересъ со времени объявленія религіозныхъ свободъ. По состоянію этой жизни, пастырству особенно приходится нынѣ считаться съ

современнымъ религіознымъ критицизмомъ, будетъ-ли онъ сектантскаго или соціалистическаго происхожденія. Концентрировать въ особенности теперь дѣло проповѣди вокругъ сердца,—не означало-ли бы это—игнорировать острые религіозные запросы момента и этимъ создавать возможность для антирелигіозныхъ раціональныхъ теорій и не церковныхъ ученій, производить въ религіозно-моральной области гибельныя опустошенія? Очевидно, это было-бы такъ. Умноженіе на нашихъ глазахъ невѣрія, раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ въ этомъ отношеніи для насъ—одно изъ явныхъ и грозныхъ предостереженій. Пусть сектантство страдаетъ ложно-извращенною убѣжденностью своей проповѣди. Это такъ. Но до пониманія этого способенъ дойти только культурный умъ. Простонародная-же масса пріемами сектантской своеобразной аргументаціею, стремящейся воздѣйствовать прежде всего на умъ,—легко покоряется, представляя самую благопріятную почву для сѣянія ложныхъ ученій.

Итакъ, имѣя ближайшею и непосредственною задачею и цѣлью воспитать доброе христіанское сердце, церковная проповѣдь всего ближе будетъ стоять къ этой цѣли и наиболѣе прочныхъ достигнетъ здѣсь результатовъ, если сумѣетъ истинамъ вѣры и христіанской жизни сообщить въ умахъ слушателей характеръ сознательности. Послѣднее достигается преимущественнымъ воздѣйствіемъ ея на познавательную способность человѣческаго духа—его умъ.

Свящ. *І. Хохановскій.*

Сомнѣнія въ Божествѣ Христа и ихъ рѣшеніе.

(Окончаніе) [1]).

Выставляютъ еще одно довольно сильное и трудно для другихъ опровержимое возраженіе, которое мы сейчасъ разсмотримъ и критически разберемъ.

---

[1]) См. № 38 за 1912 г.

Говорятъ: „Евангелисты хотѣли сдѣлать Христа Богомъ и, какъ видимъ, дѣйствительно сдѣлали".

Но это уловка и притомъ такая, которая ничего не объясняетъ. Извѣстное выраженіе Руссо по этому поводу справедливо до сихъ поръ: „труднѣе представить себѣ, чтобы четверо людей сговорились сочинить четыре такихъ книги, какъ Евангелія, чѣмъ допустить, что одинъ человѣкъ былъ дѣйствительно героемъ этихъ книгъ" [1]). Въ наши дни, благодаря болѣе глубокому изслѣдованія четвероевангелія, это стало очевиднѣе, чѣмъ когда либо.

Если-бы евангелисты создали своего героя на основаніи предварительнаго соглашенія, то они столковались бы тщательнѣе. Они не впали бы въ десятки мелкихъ различій и противорѣчій, которыми ихъ злорадно попрекаетъ Штраусъ. Эти разногласія, конечно, приносятъ не мало хлопотъ экзегету, но историку и мыслителю ни мало не мѣшаютъ находить у всѣхъ четырехъ писателей одну и ту же превосходно нарисованную фигуру. И это относится не только къ главнымъ событіямъ, которыя они разсказываютъ единогласно, но и ко всѣмъ мелкимъ чертамъ, приводимымъ ими. „Мы, напримѣръ, не знаемъ, пишетъ проф. Моравскій [2]), какъ согласуются между собою подробности, съ какими Матѳей, Лука и Іоаннъ описываютъ утро воскресенія, и это меня нисколько не заботитъ, но я знаю, что Матѳей не приписываетъ своему Христу ни одного слова и ни одной черты, которыя не подходили бы самымъ точнѣйшимъ образомъ къ тому Христу, котораго рисуютъ Лука и Іоаннъ. При этомъ, каждый изъ нихъ сохраняетъ свою авторитетную индивидуальность, и всѣ они обнаруживаютъ особый интересъ къ разнымъ сторонамъ своего предмета. Это высшее положительное единство

---

[1]) См. проф. М. Моравскій: „Вечера надъ Леманомъ". Лейпцигъ. 1899 г.

[2]) См. переводъ этой книги въ ж. „Богословскій Вѣстникъ" за 1911 г. Апрѣль, стр. 703 и сл. 703—706.

идеи при различіи матеріала никакимъ образомъ не можетъ быть слѣдствіемъ соглашенія, а тѣмъ менѣе—произвольнаго вымысла".

Относительно подлинности Евангелій существуетъ больше критическихъ доказательствъ, чѣмъ относительно какого бы то ни было другого историческаго памятника, и доказательства эти въ рукахъ современной науки, какъ извѣстно умножаются съ каждымъ днемъ.

Но и безъ нихъ ясно, что евангелисты не выдумали евангельскаго Христа. Всѣ они—іудеи: это ясно видно по ихъ стилю, даже по ихъ личному образу мыслей. Если-бы они должны были создавать Христа по собственному разумѣнію, они непремѣнно сдѣлали бы его или вождемъ іудеевъ, побѣждающимъ язычниковъ, или—если-бы это оказалось невозможнымъ по историческимъ даннымъ—типичнымъ раввиномъ. Между тѣмъ евангелисты этого не сдѣлали. И вопреки нашимъ предположеніямъ и ожиданіямъ изобразили Его полнымъ противникомъ религіознаго міровоззрѣнія іудейскихъ раввиновъ. Такъ, раввины, какъ и іудеи, съ самарянами не сообщались. Христосъ же бесѣдовалъ съ самарянкою, просилъ у нея воды напиться, ходилъ къ самарянамъ и училъ ихъ. Далѣе, раввины свято хранили субботу и ничего не позволяли совершать въ теченіе ея. Христосъ же нарушалъ субботній покой, училъ, исцѣлялъ, дѣлалъ добрыя дѣла въ седьмой день недѣли. Раввины учили, что въ Царствіе Небесное войдутъ только правовѣрные іудеи, дѣти Авраама, а Христосъ обѣщалъ язычникамъ востока и запада преимущество предъ сынами Авраама въ Своемъ Царствѣ. Раввины учили и говорили преимущественно о внѣшнемъ, чисто формальномъ исполненіи закона, Христосъ же проповѣдывалъ о поклоненіи Богу духомъ и истиною,—и такъ далѣе и такъ далѣе.

Затѣмъ, если взглянуть на дѣло съ другой стороны, то нужно сказать, что евангелисты, создавая своего Христа, сдѣлали бы его чѣмъ нибудь въ родѣ стоика. Они придали бы своему герою, особенно въ виду намѣренія представить

Его Богомъ, непреклонную стойкость, мужество и самообладаніе, непоколебимыя, какъ скала. Но чтобы наряду съ этимъ жила безконечно прекрасная чувствительность, раздѣляющая человѣческія несчастія, чтобы этотъ Христосъ, не спускаясь съ Своей высоты, могъ тронуться будущей гибелью города, плакать, плакать у гроба друга, ласкать и цѣловать дѣтей, сидѣть за столомъ съ мытарями, позволить Магдалинѣ оросить слезами Его ноги, простить ей грѣхи за то, что она возлюбила много, умыть ноги ученикамъ и глубоко скорбѣть передъ разлукой съ ними—всего этого ни въ какомъ случаѣ не могли сочинить евангелисты, потому что это просто не пришло бы имъ въ голову.

Но они идутъ дальше. Они не стыдятся разсказывать объ Его смерти на висѣлицѣ того времени. Можетъ быть скажутъ, что ихъ принудила къ тому общеизвѣстность этого главнаго событія? Но кто заставлялъ ихъ говорить объ Его заушеніи слугою и о столькихъ другихъ унизительныхъ подробностяхъ? Это въ самомъ дѣлѣ непонятно въ ученикахъ, стремящихся сдѣлать своего Учителя Богомъ. Но они отваживаются на большее: они безъ смущенія разсказываютъ, что этотъ герой томился скорбью предъ страданіями, просилъ у Отца пощады, что на Него напала тоска и... страхъ... Разсказы объ этихъ вещахъ должны казаться необъяснимыми древнимъ христіанамъ. У гностиковъ они вызывали обидные упреки и насмѣшки. И дѣйствительно, объяснить ихъ можно только вѣрностью фактовъ и рабской правдивостью свидѣтелей. Конечно, такой Христосъ, всесторонній человѣкъ, исполинъ въ Своей слабости, полный чувства, но и величія, безконечно выше безсердечнаго стоика. Мы это чувствуемъ теперь. Но такого Христа не сочинишь!

Да и какъ такіе люди могли выдумать такой недосягаемый идеалъ любви, для котораго не находилось формы и содержанія во всей древности? Любовь въ древности никогда не выходила за стѣны родного города и даже эта любовь къ родинѣ была проложена гордостью, себялюбіемъ и ненавистью

къ иноземцамъ. Христосъ являетъ міру Свое безконечно широкое сердце, и въ Отцѣ любитъ всѣхъ людей, близкихъ и дальнихъ, добрыхъ и злыхъ, учениковъ и враговъ. И какъ искренна Его любовь, какъ дѣятельна и готова на жертву, какъ всесторонняя! Она смягчаетъ всякую человѣческую скорбь, удовлетворяетъ всѣ душевныя и тѣлесныя стремленія. Чтобы выразить все, намъ пришлось бы пересказать все Евангеліе, всю жизнь Сына Человѣческаго, являющуюся однимъ непрерывнымъ рядомъ благодѣяній, которыя Онъ оказывалъ людямъ днемъ и ночью, въ трудахъ и голодѣ, Самъ не зная, гдѣ главу преклонить, до самой послѣдней жертвы, жертвы собственной жизнью. Когда читаешь, что Онъ на крестѣ молился за Своихъ враговъ, и потомъ,—что Онъ поручилъ Свою мать ученику, то право не знаешь, что больше восхищаетъ: тамъ Онъ стоитъ какъ небесно-высокій идеалъ, а здѣсь чувствуетъ, что Онъ близокъ намъ, что мы касаемся Его. Онъ въ одно и то же время самый возвышенный и самый естественный человѣческій образъ, необъяснимое соединеніе идеала съ дѣйствительностью.

И такое чудо могло возникнуть въ головахъ нѣсколькихъ іудейскихъ писателей?

Не трудно доказать, что все сказанное о любви Христовой, можно сказать и о Его мудрости. Она приводитъ въ изумленіе какъ учениковъ, такъ и враговъ. Въ ней нѣтъ признака той ограниченности, которой отличается человѣческая мудрость. То же самое мы говорили о Его нравственной чистотѣ и святости. И такъ обстоитъ дѣло со всякимъ свойствомъ, которое разсматриваешь въ евангельскомъ Христѣ. Вездѣ—одно непостижимое, нигдѣ нѣтъ границъ, однимъ словомъ—вездѣ прорывается абсолютное. Поэтому евангелисты не могли создать этотъ образъ. Они были люди, а образъ этотъ Божественъ.

Но можетъ быть Самъ Христосъ обманывался? Можетъ быть Онъ Самъ искренно вѣрилъ тому, что говорилъ? Проще говоря, можетъ быть Христосъ увлекался Своими мечтаніями?

На всѣ эти вопросы даетъ прекрасный отвѣтъ докторъ Шаффъ, слова котораго мы приведемъ здѣсь полностью, чтобъ не ослабить ихъ силы и вліянія.

„Постоянная ясность, спокойствіе, самообладаніе, скромность, достоинство и терпѣніе Христа представляютъ радикальную противоположность тому, что составляетъ отличительный признакъ мечтателя. Неужели такой духъ, ясный какъ небо, живительный какъ воздухъ, проницательный какъ мечъ, здравый и мощный, всегда вѣрный самому себѣ,—неужели такой дивный духъ способенъ на такое глубокое, роковое самообольщеніе и ошибку насчетъ своего призванія? Считать Христа за „сумасшедшаго“ человѣка или за „сознательнаго обманщика“ никто конечно не станетъ, кто по Евангелію познакомился съ нимъ“.

Послѣднее сомнѣніе.

Толстой и многіе другіе „совопросники вѣка сего“ говорятъ, что христіанскій догматъ воплощенія Сына Божія противорѣчитъ основнымъ законамъ человѣческаго разума. „Богъ не можетъ воплотиться, потому что человѣкъ ограниченъ опредѣленными условіями пространства и времени, а Богъ не подлежитъ имъ“. „Утверждать, что Богъ содѣлался человѣкомъ, не значитъ ли утверждать, что безусловное сдѣлалось условнымъ?“ „Мысль о воплощеніи Бога не можетъ вложиться въ рамки человѣческаго разума“ [1]).

Итакъ, мало по малу выясняется, что многіе отрицаютъ Божество Іисуса Христа не потому, что есть вѣскія основанія къ тому, а потому, что истина воплощенія Сына Божія непонятна и непостижима для человѣческаго разума.

Но вѣдь это не доказательство, не возраженіе и не опроверженіе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать что-либо только потому, что оно непонятно и недоступно для слабаго и ограниченнаго человѣческаго разума. Это говоритъ только объ

---

[1]) См. о такомъ возраженіи у проф. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Толстого“. Изд. 2-е стр. 164—165.

одномъ, именно—о томъ, что мы еще не доросли до его пониманія, а вовсе не о томъ, что этого быть не можетъ. Теперь это непонятно и недоступно для насъ, но пройдутъ вѣка, человѣческій разумъ разовьется, обогатится опытомъ и будетъ въ состояніи усвоить то, что теперь не поддается его усвоенію.

Вотъ нѣсколько историческихъ иллюстрацій къ нами развиваемой и доказываемой мысли.

Приблизительно лѣтъ сто тому назадъ одинъ французскій ученый заявилъ, что онъ напалъ на слѣдъ такого открытія, которое дастъ людямъ возможность въ теченіи одного получаса отправить запросъ въ Китай и получить оттуда отвѣтъ. И что-же? Этого ученаго подняли на смѣхъ и назвали сумашедшимъ. Почему? Да потому, что въ то время еще не доросли до мысли объ электрическомъ телеграфѣ и разсуждали „по даннымъ того времени“, т. е. разсуждали такъ: „если гонецъ будетъ скакать безостановочно, безъ сна и безъ отдыха, день и ночь въ Китай, или парусный корабль поплыветъ туда съ неизмѣнно попутнымъ вѣтромъ, то и въ такомъ случаѣ потребуется на это по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ“.

Другой примѣръ. Стоитъ только вспомнить переворотъ, произведенный открытіемъ радія съ его поразительными, неслыханными дотолѣ свойствами. Съ какимъ недовѣріемъ вначалѣ отнесся научный міръ къ извѣстію объ этомъ грандіозномъ открытіи! Какъ великія свѣтила, многіе авторитетные и знаменитые ученые пожимали плечами, съ улыбкой встрѣчая заявленія г-жи Кюри. И всеже оказалось, что невозможное и невѣроятное стало вполнѣ понятнымъ, возможнымъ и дѣйствительнымъ.

И такихъ примѣровъ можно привести еще не одинъ и не два, а нѣсколько десятковъ. Желающіе ознакомиться съ ними могутъ обратиться къ интересной статьѣ Камилла Фламмаріона „Невѣрующіе“, которая вся состоитъ изъ подобнаго рода иллюстрацій. Всѣ они съ достаточною убѣдительностью

говорятъ о томъ, что недоступное для нашего пониманія теперь, можетъ сдѣлаться доступнымъ послѣ, такъ что отрицать что-либо непонятное и непостижимое только потому, что оно непонятно и непостижимо, будетъ нарушеніемъ логическихъ правилъ и возвращеніемъ къ старымъ, средневѣковымъ пріемамъ мышленія.

Затѣмъ, намъ говорятъ, какъ это мы видѣли изъ послѣдняго возраженія, что понятіе о Богочеловѣкѣ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо безусловное не можетъ стать условнымъ.

Въ этомъ возраженіи кроется просто недоразумѣніе. Вѣдь Церковь никогда не учила и не учитъ, будто бы въ Богочеловѣкѣ божеская и человѣческая природы какъ-нибудь измѣнились или утратили принадлежащія каждой изъ нихъ отличительныя особенности. Напротивъ, христіанская Церковь еще въ эпоху вселенскихъ соборовъ разъ навсегда, ясно и опредѣленно постановила, что каждая изъ двухъ природъ, соединившихся въ Богочеловѣкѣ, остается вполнѣ неизмѣнною и безусловно сохраняетъ присущія ей особыя свойства. Такъ что соединеніе безусловной природы съ условной не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Противорѣчіе въ данномъ ученіи было бы только тогда, когда бы рѣчь шла не о соединеніи двухъ противоположныхъ естествъ, а опревращеніи одного въ другое. Но разъ Церковь учитъ о соединеніи, то, значитъ, о противорѣчіи не можетъ быть и рѣчи [1]).

Вотъ приблизительно всѣ возраженія противъ Божественности Христа Спасителя. Другихъ сомнѣній пока не имѣется.

Подводя итогъ критической оцѣнкѣ всѣхъ приведенныхъ нами возраженій, сомнѣній и недоумѣній, мы должны сказать:

---

[1]) Богочеловѣчество оправдываютъ съ философской точки зрѣнія такіе авторитетные мыслители, какъ Влад. Соловьевъ: „Чтенія о богочеловѣчествѣ“. Т. 3-й. 2 изд. стр. 3—186. Трубецкой С. „Ученіе о Логосѣ“ т. IV. 1906 г. стр. 377—454. В. Несмѣловъ. „Наука о человѣкѣ“ т. 1—2. Казань. 1906 г.

„Чѣмъ больше размышляемъ надъ личностью Іисуса изъ Назарета, тѣмъ загадочнѣе она становится. Поневолѣ приходишь къ заключенію, что если Онъ не Тотъ, за кого Онъ себя выдавалъ,—не есть воплощеніе Божества, а только человѣкъ, то Онъ является невозможнѣйшимъ сочетаніемъ высочайшей нравственной высоты и глубочайшаго шарлатанства, величайшей геніальности и сумасбродства, глубочайшаго смиренія и невообразимой гордости, безподобной правдивости и гнуснѣйшаго обмана и лжи, удивительнѣйшей проницательности и невозможнѣйшаго самомнѣнія, высшей трезвости и разумности въ сужденіяхъ и поступкахъ и непостижимой экзальтаціи,—словомъ, онъ былъ бы невозможнымъ, неземнымъ чудовищемъ.

Если же то, что Онъ говорилъ о Себѣ и о Своей Божественности, истина,—то всѣ черты Его характера сливаются въ чудный гармоническій образъ неземной красоты и совершенства“ (Баронъ Николаи).

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ *Александръ Введенскій.*

Свобода по Евангелію [1]).

Аще пребудете во словеси Моемъ, воистину ученицы Мои будете и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы.

Іоан. VIII, 31—32.

Есть слова, которыя настолько удачно выражаютъ настроеніе данной эпохи, что становятся своего рода знаменемъ, около котораго группируются всѣ мысли, желанія и чувства

[1]) Эта статья, съ нѣкоторыми выпусками неподлежащихъ для церковной бесѣды фразъ и выраженій, можетъ быть употреблена для внѣбогослужебнаго собесѣдованія. *Ред.*

людей этой эпохи. Въ настоящее время такимъ словомъ является *свобода*. Кто изъ насъ не знаетъ, какъ часто это слово раздается теперь и въ воздухѣ и въ печати?! Кто изъ насъ не слышалъ его изъ устъ людей всѣхъ ранговъ и состояній, взрослыхъ и малыхъ, старыхъ и юныхъ, мужчинъ и женщинъ?! Отовсюду раздается слово—свобода, вездѣ слышатся рѣчи о свободѣ, всѣ ждутъ свободы...

Но всякое знамя—спорное знамя,—знамя пререканія, знамя раздѣленія. И теперешнее знамя времени—свобода—не могла избѣжать общей участи знаменъ; и оно—сдѣлалось спорнымъ знаменемъ, которое одна сторона старается отбить, а другая защитить. Всѣ мысли, желанія и чувства наши вокругъ свободы, но смотрите, какъ различны, какъ противоположны наши мысли, желанія и чувства. Одни изъ насъ поютъ восторженные гимны свободѣ, желаютъ и добиваются ея, видя въ ней избавленіе отъ ошибокъ и недуговъ прошлаго и настоящаго. Другіе—наоборотъ—смотрятъ на свободу, какъ на что-то страшное, боятся ея, не желаютъ ея, и, видя въ ней главную причину дурныхъ страстей и всевозможныхъ волненій, стараются, чтобы ея у насъ не было. „Дайте свободу, говорятъ одни, и у насъ наступитъ лучшая эра,—всѣ будутъ жить и лучше, и чище, и богаче, всѣ общественныя и государственныя язвы разсѣются прахомъ, правда и миръ водворятся въ нашей измученной отъ всякихъ неправдъ родинѣ“.—„Нѣтъ, не нужно намъ свободы, говорятъ другіе, отъ нея погибнетъ наше отечество,—страсти—личныя и общественныя,—ничѣмъ не сдерживаемыя, пронесутся по лицу земли нашей ураганомъ всевозможныхъ народныхъ волненій, безпорядковъ, грабежей и оставятъ послѣ себя вмѣсто могущественнаго великаго русскаго государства однѣ руины“.

Очевидно, что *свобода* сдѣлалась для насъ и *камнемъ претыканія*. И не диво! „Свобода, говорилъ сорокъ лѣтъ тому назадъ одинъ архипастырь, какой это близкій уму и сердцу предметъ! И разумное существо человѣка ищетъ его,

и жизнь любитъ его; и добро стремится къ нему; и счастье скучаетъ и какъ будто не сознаетъ себя безъ него, и несчастье ни на что не промѣняетъ его; и язычество дорожило имъ, и христіанство возвышаетъ его“ [1]). Очевидно, что свобода—этотъ теперешній кумиръ для однихъ и пугало для другихъ, есть нѣчто неясное само по себѣ, есть нѣчто не рѣшенное, не выясненное, и нуждающееся въ разъясненіи. Попробуемъ обсудить этотъ мучающій теперь многихъ вопросъ о свободѣ съ точки зрѣнія вѣчной правды Божій, уяснимъ его себѣ.

Какъ извѣстно всѣмъ намъ, человѣкъ вышелъ изъ рукъ Творца не только свободнымъ отъ всякихъ путъ и стѣсненій, но и господиномъ, владыкой всего на землѣ. „*И рече Богъ*, читается въ Библіи, *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и скотами, и всею землею, и всѣми гады, пресмыкающимися по земли. Сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и звѣрьми, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по земли*“. (Быт., I, 26—28).

Итакъ, человѣкъ сотворенъ былъ господиномъ, царемъ надъ всей землей и всѣмъ, что есть на землѣ. Но не долго пришлось человѣку господствовать надъ землей, не долго онъ былъ царемъ. Онъ согрѣшилъ и потерялъ *господство, власть* не только надъ землей, но и надъ самимъ собой. Мало этого, проникнувшая въ природу человѣка *грѣховность*, или наклонность ко злу, ввела разные виды рабства, „связавъ нашу человѣческую природу, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, различными господствами, подобно тиранну, налагающему разные оковы“ [2]). Первый и основной видъ рабства, введеннаго

[1]) Іоаннъ, Е. Смоленскій.

[2]) Твор. св. Іоанна Златоуста т. IV. 744 стр.

грѣхомъ, это господство надъ человѣкомъ грѣховности, проявляющейся во всемъ его существѣ,—и въ мысляхъ, и въ желаніяхъ, и въ чувствахъ, и въ тѣлѣ. Доселѣ нравственно чистый человѣкъ былъ господиномъ надъ собой, надъ своими мыслями, желаніями, чувствами и тѣломъ; а теперь, получивши удобопреклонность ко грѣху, человѣкъ утрачиваетъ самообладаніе и подчиняется разнымъ страстямъ.—Мысли его смѣшиваютъ истину съ ложью, желанія—добро со зломъ, чувства—красоту съ безобразіемъ, тѣлесныя потребности берутъ верхъ надъ душевными; человѣкъ вступаетъ въ борьбу со своими думами, желаніями, чувствами и тѣломъ, стонетъ отъ болей физическихъ и нравственныхъ, мучается въ борьбѣ со страстями, страдаетъ, горитъ отъ стыда, дрожитъ отъ страха, томится отъ муки, выходитъ изъ себя отъ гнѣва. Человѣкъ хочетъ и стремится къ добру, но у него на дѣлѣ выходитъ зло; онъ ищетъ истину, но научается лжи, жаждетъ красоты, радости, но встрѣчается съ безобразіемъ и изнемогаетъ отъ печали; хочетъ быть счастливымъ, довольнымъ, но постоянно наталкивается на несчастія и дѣлается озлобленнымъ. Какъ назвать такое состояніе человѣка, какъ не рабскимъ?! Какъ иначе назвать зависимость человѣка отъ своихъ собственныхъ наклонностей и страстей, какъ не рабствомъ?!

Но чтобы понять, чтобы видѣть весь ужасъ этого начальнаго вида рабства человѣка, нужно „познать самого себя“. Вотъ мы обычно думаемъ, что кого—кого, а себя мы любимъ, что любовь къ себѣ—изначальное чувство, данное природой, и что намъ не нужно заботиться о воспитаніи въ себѣ любви къ себѣ. Мы въ этомъ какъ будто убѣждены, мы съ этой мыслью сжились. Но правда ли, что мы себя любимъ? Стоитъ только немного пораздумать относительно этого, и мы придемъ къ выводу совершенно обратному. Истинная, настоящая любовь есть единеніе, гармонія, и въ отношеніи человѣка къ самому себѣ должна выражаться, очевидно, въ гармоніи, въ объединеніи всѣхъ его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ и завершаться блаженствомъ, счастьемъ. А между тѣмъ то, что мы

называемъ естественною любовью къ себѣ, вноситъ въ нашъ организмъ—душевный и тѣлесный—только раздѣленіе, разладъ нашихъ силъ и способностей и имѣетъ своимъ слѣдствіемъ одно *горе* въ видѣ недовольства собой, мученій совѣсти, тоски, скуки и т. п. исчадій не любви, а ненависти. Истинная любовь къ себѣ должна быть *милосердной,* а между тѣмъ естественная наша любовь къ себѣ безъ всякаго милосердія грязнитъ нашу душу невѣжествомъ, суевѣріемъ, скверными чувствами, гадкими желаніями и безъ всякой жалости тиранитъ наше тѣло обжорствомъ, половыми излишествами, развратомъ, пьянствомъ и т. д., что является медленнымъ, но самымъ вѣрнымъ самоубійствомъ. Истинная любовь къ себѣ должна имѣть въ основѣ своей *справедливость;* справедливость же къ себѣ, очевидно, должна состоять въ правильной — справедливой оцѣнкѣ своихъ способностей и потребностей и выражаться въ удовлетвореніи своихъ потребностей и въ развитіи своихъ способностей сообразно ихъ нравственной цѣнности и значенія ихъ для самого человѣка въ цѣломъ. Но наша обычная естественная любовь къ себѣ не только не обладаетъ справедливостью, но и въ корнѣ попираетъ ее, заставляя насъ удовлетворять только своимъ страстямъ, скрывать отъ самыхъ себя наши недостатки, преувеличивать наши часто мнимыя достоинства, убаюкивать нашу совѣсть, убивать душу и тѣло разными пороками, наркозами, развратомъ и всѣми т. н. благопріобрѣтенными болѣзнями, результатомъ чего является смерть.

Очевидно, что мы не любимъ себя. Очевидно, что наша обычная естественная любовь къ себѣ есть что-то нелѣпое, есть прямо-таки ненависть къ себѣ, есть ядъ въ золоченой оболочкѣ. Вотъ почему—кстати сказать—Спаситель и призываетъ насъ *возненавидѣть себя, отвернуться себя,* чтобы полюбить себя истинною любовью. „Измѣните ваши мысли, желанія и чувства, какъ бы такъ говоритъ Спаситель, на совершенно противоположныя, и вы полюбите себя, и вы спасете себя, и вы получите жизнь вѣчную".

„Собираютъ ли съ терновника виноградъ, говоритъ Спаситель, или съ репейника смоквы?“... Можно ли ожидать хорошаго и отъ нашего рабства страстямъ и порокамъ? Разумѣется, нѣтъ: „не можетъ дерево худое приносить плоды добрые“. И вотъ мы видимъ, какъ изъ этого рабства грѣху выходитъ множество другихъ видовъ рабства человѣка. „Первый видъ господства и рабства, происшедшій изъ рабства грѣху,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ—„тотъ, въ которомъ мужья держатъ женъ: онъ сдѣлался нужнымъ послѣ (и вслѣдствіе) грѣха. До преслушанія жена была равночестна мужу. Когда Богъ создавалъ жену, то при этомъ произнесъ тѣ же слова, какъ и при созданіи мужа. Какъ о томъ сказалъ: *„сотворимъ человѣка по образу и подобію нашему,* а не сказалъ: „да будетъ человѣкъ“, такъ и объ этой не сказалъ: „да будетъ жена“, но говоритъ и здѣсь: *„сотворимъ ему помощника“* (Быт. II, 18), и не просто—помощника, но: *по нему*, показывая одинаковое достоинство... Но это было до грѣхопаденія; послѣ же грѣхопаденія Богъ произнесъ: *къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ“* (Быт. III, 16). Я, говоритъ, создалъ тебя равночестною, ты же не хорошо воспользовалась властью,—такъ перейди въ подчиненіе; ты не вынесла свободы,—такъ прими рабство; ты самымъ дѣломъ показала, что не умѣла господствовать,—будь же въ числѣ подначальныхъ и въ мужѣ узнай господина... Итакъ, первое господство ввело преслушаніе. Не на то здѣсь обращай вниманіе, что Богъ привелъ его (рабство) въ надлежащій порядокъ, а на то, что самое существо рабства произвелъ грѣхъ. Есть и другой видъ рабства, который тяжелѣе перваго; и онъ также имѣетъ свое начало и основаніе во грѣхѣ. Послѣ потопа, бывшаго при Ноѣ,—согрѣшилъ Хамъ противъ родителя; увидѣвъ отца обнаженнаго, онъ еще болѣе обнажилъ его укоризною предъ братьями, и за это сдѣлался рабомъ братьевъ. Злое расположеніе погубило благородство природы, и—весьма естественно...

Вотъ и другой родъ рабства! [1]) Но, помимо этихъ, указанныхъ св. Отцомъ, видовъ рабства, есть множество другихъ. Какъ назвать зависимость людей отъ матеріальныхъ благъ, какъ не рабствомъ? Что, какъ не рабство, страхъ предъ мнѣніемъ толпы? А развѣ не рабство—этотъ страхъ и трепетъ предъ устнымъ и особенно печатнымъ словомъ? Развѣ мало въ нынѣшнее время людей, которые боятся какой нибудь замѣтки въ газетахъ или простого голаго обвиненія въ ретроградствѣ или либерализмѣ и отрекаются отъ своихъ убѣжденій, а если и не отрекаются, то постыдно отмалчиваются?! До какой степени доходитъ порой рабство наше въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что мы иногда боимся, трусимъ своихъ собственныхъ дѣтей, часто малолѣтнихъ дѣтей, которые становятся нашими владыками и господами. И развѣ исторія человѣчества знаетъ мало такихъ эпохъ въ жизни цѣлыхъ государствъ, когда дѣти владычествовали надъ всѣмъ,—такихъ эпохъ, на которыхъ оправдываются пророческія слова Исаіи: и за беззаконія ихъ „поставлю юноши князи ихъ, и ругатели господствовати будутъ ими“ (Ис. III, 4)?! А какъ часто мы бываемъ рабами *моды* и тысячи условныхъ, нелѣпыхъ часто такъ наз. приличій! Какъ часто мы рядимся выше средствъ, дѣлаемъ разныя глупости, „чтобы не отстать отъ другихъ“, а иногда—изъ-за угодливости, изъ низкопоклонства не только предъ мнѣніемъ большинства, но и какой-н. „княгини Марьи Алексѣевны“ или просто какого-н. нахала! Мы почти постоянно не хотимъ быть самими собой,—уродуемъ себя, какъ обезьяны, передразнивая другихъ, и, вмѣсто того, чтобы идти собственной дорогой, чтобы руководствоваться своею совѣстью, прикидываемся то вѣрующими, то невѣрующими, то либералами, то консерваторами, смотря по тому, въ какомъ обществѣ мы въ данное время находимся.

Не даромъ, стало-быть, Священное Писаніе представляетъ людей *неключимыми рабами*, постоянно ищущими

---

[1]) Твор. св. Іоанна Златоуста т. IV, 743—746.

свободы и вмѣсто свободы находящими только новый видъ рабства, иначе говоря, только мѣняющими одно рабство на другое, другое на третье и т. д. безъ конца, но никогда не могущими своими собственными силами выбраться изъ этого безконечнаго круга: сегодня рабы одной страсти, завтра рабы другой, тамъ третьей и т. д.; сегодня преклоняемся предъ однимъ владыкой, завтра раболѣпствуемъ предъ другимъ и и т. д. и т. п., потому что „кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“ (2 Петр. II, 19).

Но по ученію Свящ. Писанія, рабское, не свободное состояніе есть явленіе не должное, ненормальное и, какъ таковое, разумѣется, не Богоугодное. Поэтому христіане и призываются *къ свободѣ*, и имъ вмѣняется въ обязанность освобождать себя отъ всякаго рабства и отъ всякой угодливости. Мало того,—въ Словѣ Божіемъ ясно выражена та мысль, что въ настоящей жизни человѣка имѣетъ значеніе и смыслъ единое только рабство,—рабство Богу, да и это рабство выставляется какъ низшая ступень Богоугожденія, которая въ дальнѣйшемъ развитіи человѣка христіанина должна обратиться въ *сыновство*, т. е. въ состояніе свободное.

Итакъ, по ученію Божественнаго Откровенія, рабство всѣхъ видовъ есть слѣдствіе грѣха и, какъ таковое, не достойно человѣка, а потому долженствующее исчезнуть. Но какъ исчезнуть?

Свящ. *А. Дивногорскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ:

а) О борьбѣ съ антирелигіозной пропагандой.

Екатерин. Еп. Вѣд. въ *борьбѣ съ антирелигіозной пропагандой* рекомендуютъ энергическія и рѣшительныя мѣры. „Говорятъ, съ новымъ врагомъ нужно бороться тѣмъ же оружіемъ. Несомнѣнно. Далѣе мы не договариваемся, останавли-

ваемся на полупути, упуская не менѣе важное. Враги Церкви, во-первыхъ, не жалѣютъ денежныхъ средствъ, во-вторыхъ, охотно идутъ въ народъ, ѣдутъ въ глухія деревни, чтобы собственноручно дать въ руки то, что хотятъ посѣять. Библіотеки, читальни, кіоски считаются у нихъ вспомогательными, не главными средствами пропаганды. Правительство тоже безплатно разсылаетъ свои період. и др. изданія въ вол. лост. и сельск. правленія, что впрочемъ капля въ морѣ предъ массою выбрасываемаго врагами матеріала. Отчего же намъ, пастырямъ Церкви, не поступить такъ? Кто и что мѣшаетъ? Почему мы не хотимъ немедленно выдать народу имѣющійся у насъ, хотя небольшой запасъ живого еванг. слова? Выдать не складамъ въ разныхъ библіотекахъ-читальняхъ, а личной и безплатной раздачей. Извѣстно, въ исключительное время дѣйствуютъ исключ. законы и средства, останавливая нормальную жизнь. Остановимъ и мы на 2—3 года ежегодное пополненіэ всякихъ библіотекъ, священническихъ и церковныхъ облаченій, церковной утвари, украшеніе и ремонтъ храмовъ,—купимъ въ каждомъ приходѣ ежегодно на 50—200 р., смотря по средствамъ, нужныя брошюры и листки, да своими руками надѣлимъ всякій домъ—семью, согласно религіоз.-нравств. состоянію каждой. Благо мы въ постоянномъ общеніи съ народомъ. Вѣдь не можетъ быть, чтобы лично предложенное въ руки не прочиталось, бѣгло да заглянетъ каждый. Это только и надо будетъ. Увидавъ тамъ вѣчную правду, питающую умъ и сердце, вѣрующій, пусть поколебавшійся немного, полюбитъ хорошую книжку, будетъ искать ее, самъ пойдетъ въ библіотеку или читальню. Если листки Палестин. общества, воззванія миссіон. и др. благотвор. обществъ безплатно раздаваемые, читаются и даютъ плодъ—жертву, то какъ не прочтутъ книжки болѣе тепло и влажно дѣйствующей на душу? Народъ жадно бросается на всякій попадающійся въ руки листокъ—брошюру. Онъ, что малое дитя, беретъ все, что подъ рукой. Ц. Вѣдомости въ № 10 говорятъ: нѣтъ изданій доступныхъ народу по изложенію и цѣнѣ на

волнующія темы, кромѣ Троицкихъ и Почаевскихъ листковъ. Однако и ихъ добрая половина правосл. народа не видала въ глаза. Отчасти трудно согласиться, чтобы не нашлось др. изд. Тутъ лучше всего помогутъ благоч. собранія. На мѣстѣ виднѣе всякая нужда. Каждый членъ явится съ свѣдѣніями о 2—3 изд., подходящихъ къ мѣстному населенію, а 30—50 членовъ вкупѣ выберутъ не менѣе полсотни желательныхъ листковъ и брошюръ, что на починъ дѣла болѣе, чѣмъ достаточно. Библіотека для крестьянской семьи въ 40—50 экз.—большая. Если дѣло окажется жизненнымъ, оно само собою разовьется, появятся новыя изданія заработаютъ читальни, библіотеки... Нужно немедленно предложить и разрѣшить на 2—3 г. церквамъ, попечительствамъ и братствамъ ассигновку крупныхъ суммъ на безплатную раздачу несомнѣнно хорошихъ листковъ и брошюръ. Тогда въ глазахъ народа потеряетъ значеніе грубая, бездоказательная, растлѣвающая душу антихристіанская литература. Не устоитъ она предъ святой Божьей правдой».

b) Обезпеченіе духовенства въ Пруссіи.

Генеральный синодъ прусской евангелической церкви принялъ законопроектъ касательно матеріальнаго обезпеченія духовнаго сословія. Минимальнымъ окладомъ принимается 2400 марокъ, черезъ каждые три года дѣлается прибавка и послѣ 24 лѣтъ службы жалованье доходитъ до 6,000 марокъ. Какъ извѣстно, пасторамъ полагается готовая квартира, освобождаются они отъ коммунальныхъ налоговъ. Увеличиваются и оклады пенсіи. Низшій окладъ, на который имѣетъ право пасторъ по поступленіи на службу, устанавливается въ $^{2}/_{60}$ жалованья, затѣмъ въ теченіе 30 лѣтъ онъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ на $^{1}/_{6}$, потомъ $^{1}/_{120}$ и въ концѣ доходитъ до 6,000 марокъ. Вдовамъ пасторовъ пенсія опредѣлена отъ 700 до 1300 марокъ, дѣтямъ сиротамъ—отъ 250 до 400 м. 10 милліоновъ м. даетъ правительство, остальные нѣ-

сколько милліоновъ предполагается получить путемъ повышенія церковнаго налога. Незабыты въ проектахъ путевыя пособія при опредѣленіи на службу и при переводѣ съ одного мѣста на другое. На этотъ предметъ назначается 300 м. и сверхъ того еще по 8 м. за каждые 10 километровъ. Неженатымъ пособіе выдается въ половинномъ размѣрѣ, другую половину они получаютъ, если женятся въ теченіи года. Кромѣ законовъ о жалованьѣ, пенсіи, въ синодъ внесенъ былъ законъ о порядкѣ назначенія пасторовъ. Церковное правительство пожелало взять въ свои руки замѣщеніе большаго числа пасторскихъ вакансій и предоставляло себѣ въ проектѣ право назначенія пасторовъ на мѣста, освобождающіяся послѣ дисциплинарнаго перевода пастора и послѣ сложенія имъ съ себя должности, а также на мѣста, учреждаемыя во вновь основанныхъ общинахъ въ теченіи двухъ лѣтъ со времени основанія. Этимъ ограничиваются избирательныя права патроновъ и общинъ. Проектъ встрѣтилъ поэтому на синодѣ возраженія. Въ проектъ внесены были измѣненія. Въ новыхъ общинахъ церковному правительству предоставлено право назначать пастора, если въ нихъ болѣе $^1/_4$ расходовъ покрываются изъ общецерковныхъ и государственныхъ средствъ.

(„*Колоколъ*“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го сентября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 30-го сентября.

Содержаніе: I. Къ вопросу объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому. Н. Гумилевскій.—II. Пастырскій авторитетъ въ прошломъ и народныя чаянія отъ него въ настоящемъ. Свящ. І. Хохановскій.—III. Христіанство и соціализмъ. Свящ. А. Введенскій.—IV. Свобода по Евангелію. (Окончаніе). Свящ. А. Дивногорскій.—V. Замѣтка. Какъ получить урожай ржи самъ сто.—

Къ вопросу объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому.

Въ нашемъ журналѣ (№ 25—28 с. г.) помѣщена статья Е. Х. „Ветхій и Новый Завѣтъ по взгляду В. В. Розанова“. Въ этой статьѣ воззрѣнія В. В. Розанова по данному вопросу изложены обстоятельно, но критика этихъ воззрѣній нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. Г. Е. Х. не отмѣтилъ того существенно важнаго положенія, что ошибка Розанова коренится въ его неправильномъ опредѣленіи существа Ветхаго Завѣта. По Розанову, это существо заключается въ полѣ, въ семьѣ, дѣторожденіи, въ обѣтованіи: „плодитесь

и размножайтесь". Но Розановъ упустилъ изъ виду, что означенное обѣтованіе дано не только людямъ, а и всѣмъ животнымъ (Быт. 1, 22). Размноженіе—это идеалъ чисто животнаго существованія и идеаломъ для человѣка могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы человѣкъ ничѣмъ не отличался отъ животныхъ. Но Библія указываетъ существенное превосходство человѣка надъ животными въ томъ, что онъ надѣленъ образомъ Божіимъ. Въ силу этого преимущества, идеаломъ человѣка необходимо является уподобленіе своему Первообразу: „святы будьте, ибо святъ Я Господь, Богъ вашъ" (Лев. 19, 2; такія слова повторяются и въ Новомъ Завѣтѣ, но я намѣренно цитирую изъ излюбленнаго Розановымъ Вет. Завѣта); а развѣ половыя отношенія или вообще что либо, относящееся къ плоти, можетъ само по себѣ способствовать богоуподобленію?

Послѣ грѣхопаденія, разорвавшаго непосредственную связь человѣка съ Богомъ, Богъ вступилъ съ людьми въ завѣтъ. Само собою понятно, что существо этого (Ветхаго) Завѣта заключалось въ приведеніи людей къ возстановленію нарушенной связи съ Богомъ, а вовсе не въ „плодородіи". Ап. Павелъ, несоизмѣримо болѣе авторитетный истолкователь Ветхаго Завѣта, чѣмъ Розановъ, признаетъ существомъ этого Завѣта вѣру (Евр., 11 гл.) въ обѣтованнаго Потомка (Гал. 3, 16), имѣющаго возвратить людямъ возможность богообщенія. Конечно, ветхозавѣтные люди высоко цѣнили семейную, брачную жизнь, считали многочадіе знакомъ особеннаго благоволенія Божія; но такія воззрѣнія въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что ветхозавѣтные вѣрующіе видѣли въ своихъ потомкахъ какъ бы нѣкоторую связь свою съ обѣтованнымъ Искупителемъ, надѣялись хотя бы въ лицѣ ихъ быть участниками Его земного царства, а нѣкоторые даже могли надѣяться сами стать предками Мессіи по плоти. Такимъ образомъ, указываемаго Розановымъ противорѣчія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ въ дѣйствительности нѣтъ уже по тому одному, что самый характеръ Ветх. Завѣта

по существу совершенно не таковъ, какимъ хочетъ представить его Розановъ.

Съ другой стороны, Новый Завѣтъ вовсе не отрицаетъ брачной жизни. Не могъ отрицать брака Христосъ, Который положилъ начало чудесамъ Своимъ тѣмъ, что поддержалъ радость брачнаго торжества претвореніемъ воды въ вино. Розановъ утверждаетъ, что „въ образѣ Христа нѣтъ ничего брачнаго". Но Самъ Христосъ сравниваетъ Себя съ царскимъ сыномъ, для котораго отецъ устроилъ брачный пиръ (Матѳ. 22, 2), съ женихомъ (Мрк. 2, 18), идущимъ на бракъ (Матѳ. 25, 1); подобныя сравненія были бы совершенно недопустимы, если бы бракъ дѣйствительно въ очахъ Спасителя представлялся какой то скверной, явленіемъ языческаго порядка, „къ которому Евангеліе никакъ не пристало". И ап. Павелъ уподобляетъ отношенія Христа къ Церкви отношеніямъ мужа къ женѣ: „мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее" (Еф. 5, 25). Что можетъ быть возвышеннѣе и святѣе такого идеала брака? Но святость здѣсь указывается въ доходящей до самопожертвованія, духовно возвышающей („чтобы освятить ее") любви, а не въ половой связи, не въ томъ, что „будутъ двое одна плоть". Вѣдь и „совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею" (1 Кор. 6, 16), однако здѣсь нѣтъ святости, а одинъ изъ гнуснѣйшихъ грѣховъ. Христіанствомъ не отрицается ничто тѣлесное (въ томъ числѣ и всѣ радости земныя, и культура, и государство, и семья, и т. д.) само по себѣ, „ибо всякое твореніе Божіе хорошо" (1 Тим., 4, 4; здѣсь разумѣется и бракъ—см. 3 ст.), но ничто тѣлесное не признается самоцѣннымъ (а Розановъ и нѣкоторые другіе наши писатели именно хотятъ видѣть въ плоти нѣчто самоцѣнное, „святое"). Единственно самоцѣнное благо, по ученію и Ветхаго и Новаго Завѣта,—царство Божіе и правда его (Матѳ. 6, 33); все, что способствуетъ достиженію этого царства, похвально, и, наоборотъ, все, что удаляетъ человѣка отъ этого царства, заслуживаетъ порицанія, какъ

грѣховное. Но истинно-христіанскій брачный союзъ, уподобляющійся союзу Христа съ Церковью (Еф. 5, 32), освящаемый словомъ Божіимъ и молитвою (1 Тим. 4, 5), конечно, препятствіемъ къ достиженію царства Божія служить не можетъ; а относительно чадородія ап. Павелъ прямо говоритъ, что оно можетъ послужить для жены однимъ изъ средствъ ко спасенію (1 Тим. 2, 15).

Н. Гумилевскій.

Пастырскій авторитетъ въ прошломъ и народныя чаянія отъ него въ настоящемъ.

Съ учрежденіемъ въ Россіи Государственной Думы и дарованіемъ народу выборныхъ правъ, православному духовенству впервые пришлось изъ устъ самаго-же народа выслушать въ выборныхъ собраніяхъ публичный о себѣ народный голосъ. Къ общему изумленію, рѣзко прозвучалъ этотъ голосъ. Даже и учитывая фактъ несомнѣннаго сгущенія въ немъ красокъ, нельзя было не признать, что пастырскій авторитетъ стоитъ въ народномъ сознаніи не на мѣстѣ и что ему надлежитъ стать здѣсь выше, чѣмъ онъ стоитъ. Тутъ-то и вспомнилось доброе старое время, и пошли почти общія даже и до нынѣ сожалѣнія о минувшемъ и не въ одной пастырской средѣ. Жалѣетъ о немъ земельный владѣлецъ, жалѣетъ семьянинъ, жалѣетъ и пастырь. Но сколько бы ни поминалъ кто его, сколько ни жалѣлъ-бы, а событія ясно показали, что старое безвозвратно ушло и въ большинствѣ своихъ явленій уже не повторится. Въ безшумномъ потокѣ его унесено и похоронено и то многое, съ чѣмъ было сжились и сроднились вступившія въ нашу живую и стремительную эпоху поколѣнія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ пастырскій авторитетъ въ давнее, а то еще и въ недавнее дореволюціонное у насъ время, и что сталось съ нимъ теперь? Казалось, прочный и непоколебимый въ са-

мыхъ основахъ своихъ, онъ нынѣ явно для насъ пошатнулся. Пошатнулся авторитетъ нашъ, и въ своемъ, къ изумленію многихъ, открывшемся неблагополучіи задалъ работу пастырскому сознанію по своему подъему и укрѣпленію.

Но что-же собственно случилоось? Отчего заколебался и поставилъ насъ въ раздумье нашъ пастырскій авторитетъ? Подъ стремительнымъ напоромъ этихъ недоумѣній ничего другого не остается, какъ послѣдовать мудрому житейскому правилу и начать съ основательнаго осмотра всего зданія авторитета,—на чемъ утверждалось его благополучіе, каковы его основы, не проникла-ли въ нихъ тля и гниль, не подкопался-ли тайный врагъ.

О добромъ старомъ времени у насъ на Руси никогда не должно упускать изъ вниманія того, что по сравненію съ нашимъ оно имѣло свои характеристическія особенности, такъ или иначе сказавшіяся и на образованіи пастырскаго авторитета. Одною изъ этихъ особенностей является прежде всего младенческое въ умственномъ отношеніи состояніе русскаго народа на протяженіи долгихъ вѣковъ,—отъ того періода его историческаго бытія, когда онъ впервые возрожденъ былъ свѣтомъ христіанства, и до недавняго сравнительно времени. Естественно, что и характеристическія черты дѣтства вообще въ міросозерцаніи народа въ этомъ возрастѣ находили свое отображеніе, видоизмѣняясь нѣсколько съ теченіемъ времени. Въ частности, чѣмъ для дитяти является авторитетъ родителей, тѣмъ же въ дѣтскомъ возрастѣ цѣлаго русскаго народа былъ авторитетъ его духовныхъ отцовъ. Въ состояніи, когда интеллектъ народа работалъ слабо, что въ особенности должно сказать о домонгольскомъ и монгольскомъ періодѣ русской народной жизни,—ему только и оставалось, что съ радостью и дѣтской довѣрчивостью воспринимать сердцемъ и быть послушнымъ всему, что отъ духовныхъ его руководителей исходило. Въ блаженное то время пастыря связывали съ паствой нравственныя узы взаимнаго довѣрія, съ общей для нихъ основой—простотой сердечной. Пастыр-

скій авторитетъ въ сознаніи народномъ запечатлѣнъ былъ характеромъ непогрѣшимости. Не о критикѣ и самостоятельной оцѣнкѣ тутъ были мысли, а о все большемъ воспріятіи и накопленіи впечатлѣній.

Съ постепеннымъ историческимъ ростомъ русскаго народа естественно должны были пробудиться въ немъ и въ отношеніи своего духовенства свойственные человѣческому возрасту умственные запросы. Дѣтская воспріимчивость и довѣрчивость должны были восполниться новою чертою—характеромъ все большей сознательности. Но запросамъ этимъ еще надолго суждено было остаться въ зародышѣ, вслѣдствіе обрушившагося на Русь страшнаго татарскаго нашествія, а за нимъ и почти трехвѣковаго тяжкаго ига дикихъ ордъ. Въ то время какъ западные народы, за плечами порабощенной монголами Руси, продолжали идти впередъ въ своемъ умственномъ развитіи,—просвѣщеніе русскаго народа задержано было на цѣлые вѣка, и онъ по прежнему продолжалъ жить жизнью сердца. Такъ угодно было Промыслу. Не пріобщаясь въ теченіе вѣковъ культурѣ внѣшней, простой народъ нашъ всецѣло пріобщился культурѣ небесной. Вѣковыя страданія выработали въ немъ великую душу, а прелести чистаго дѣтскаго сердца отпечатлѣлись въ золотѣ души и сердца народныхъ даже и до-днесь. Узы религіи, дѣтская покорность и послушаніе духовенству и теперь связывали пастыря съ паствой.

Со сверженіемъ татарскаго ига, казалось, вотъ вотъ займется заря просвѣщенія и для русскаго народа. Но надеждамъ этимъ еще не скоро суждено было сбыться. Едва русскій народъ успѣлъ нѣсколько отряхнуться отъ послѣдствій татарской неволи, какъ въ исторической жизни его послѣдовалъ новый плѣнъ—закрѣпощеніе народныхъ массъ, надолго погрузившее народъ во тьму и мракъ безпросвѣтные. Это было второю особенностью стараго времени на Руси, на пастырскомъ авторитетѣ сказавшеюся печально. Крѣпостное право не только остановило, но надолго сковало въ народѣ

работу мысли, проявленіе личной иниціативы, подчинивъ въ немъ все волѣ господина. Какъ ни близокъ былъ къ народу въ то злосчастное время пастырь и по почти общей судьбѣ съ нимъ, и по тѣмъ униженіямъ личности и сана, какія пришлось ему тогда терпѣть,—онъ въ сознаніи народа въ соціальномъ отношеніи являлъ въ своемъ лицѣ все же господина, на котораго народъ извѣстное время долженъ былъ работать. И въ татарскомъ авторитетѣ русскаго духовенства отмѣчается теперь новая уже отрицательная черта. При недостаточности нравственно связующихъ узъ, тотъ страхъ и безотчетное повиновеніе, какими запечатлѣны были народныя отношенія къ владѣльцу, естественно перенесены были народомъ и въ сферу его отношеній къ пастырямъ. Прежняя дѣтская довѣрчивость во взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и паствъ постепенно вытѣсняется и замѣняется связью искусственно-механической, основанной на подчиненіи. Разумѣется, рѣчь здѣсь идетъ о рядовомъ русскомъ духовенствѣ и, конечно, не касается тѣхъ немалочисленныхъ случаевъ нравственной сплоченности пастырей съ паствами и тѣмъ меньше касается тѣхъ гигантовъ нравственнаго авторитета, какіе во всѣ времена на Руси были и связь которыхъ съ народомъ была крѣпка нравственными узами. Многое въ міросозерцаніи народа, поставленнаго теченіемъ исторіи въ тяжелыя условія въ соціальной жизни и духовнаго развитія, въ крѣпостную эпоху основывалось на привычкѣ и обычаѣ, а не на личномъ творчествѣ и работѣ мысли,—многое въ правахъ, понятіяхъ и психикѣ народныхъ утверждалось на застывшей традиціи и объяснялось крѣпостнически-несвободными навыками народа. Преобладающимъ импульсомъ въ умственной жизни была не личная мысль, а установившійся обычай, которому безъ разсужденій должно подчиняться. „Такъ велось у дѣдовъ, такъ должно быть и у насъ“,—это и доселѣ сохранившійся въ народномъ сознаніи сколокъ логики крѣпостного ума. Дѣдовскія традиціи и по освобожденіи крестьянъ остались тѣмъ послѣднимъ предѣломъ, дальше котораго идти

не полагалось. На пастырскій авторитетъ все это наложило свой специфическій отпечатокъ.

Крѣпостное право пало. Но крѣпостническіе навыки народа, его стародавнія традиціи, при отсутствіи просвѣщенія, еще надолго упрочили въ народномъ сознаніи свое господство, не безъ благопріятствовавшихъ тому общихъ условій русской жизни. Среди этихъ-то условій и создавался въ позднѣйшее время авторитетъ рядового русскаго духовенства. И нельзя не признать, что тамъ, гдѣ отсутствовала или была слаба нравственная связь пастыря съ паствой, создавался и упрочивался онъ больше самымъ положеніемъ духовныхъ руководителей народа: достаточно быть пастыремъ, чтобы въ представленіи народа съ этимъ связывался уже извѣстный авторитетъ. Въ основѣ его стала традиція, а признаніе и повиновеніе больше покоилось на страхѣ и привычкѣ, чѣмъ на совѣсти и внутреннемъ убѣжденіи. Наконецъ, въ состояніи умственной спячки народа требованія и запросы его отъ пастыря были крайне скромны и дальше исполненія требъ почти не простирались.

Безъ конца, однако, это искусственно создавшееся положеніе длиться не могло. Въ народной гущѣ зрѣла самостоятельная мысль, пробуждались новые интересы. Многовѣковый младенецъ вдругъ сталъ обнаруживать всѣ признаки взрослаго человѣка. И вотъ, съ объявленіемъ религіозной и гражданской свободъ въ наши дни въ народномъ сознаніи произошелъ рѣшительный переломъ. Зашевелилась дотолѣ инертная масса, и народъ на нашихъ глазахъ, не безъ эксцессовъ въ общемъ организмѣ, въ своемъ историческомъ ростѣ вступилъ въ періодъ зрѣлости. Многое изъ того стараго, съ чѣмъ онъ за цѣлые вѣка сжился, вдругъ перестаетъ его удовлетворять. Въ умственномъ и нравственномъ обликѣ народа мѣняется многое; въ духовной жизни появляются новые запросы. Жажда все вокругъ себя осмыслить пробудилась въ немъ. Застилавшая его сознаніе пелена спала, и онъ и предъ пастырствомъ своимъ выступаетъ уже въ состояніи

взрослаго мужа, готоваго послѣ „словеснаго молока“ жевать и твердую пищу. Правда, накинулся-то онъ на все новое какъ-то сгоряча, повидимому, силясь, подобно сказачному богатырю, сразу осилить всю грузную ношу. Долгъ его руководителей—направить его въ ровное, спокойное русло. Безотчетное повиновеніе духовенству уже его не удовлетворяетъ, роль требоисправителя признается имъ недостаточной. Не традиціей, не положеніемъ однимъ пастырю обусловливается теперь въ народномъ сознаніи пастырскій авторитетъ. Для него онъ непремѣнно ищетъ наиболѣе дѣйствительныхъ—нравственныхъ основъ. Народъ хочетъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, почему и чѣмъ именно пастырскій авторитетъ для него долженъ быть обязательнымъ. Въ народное сознаніе постепенно пробивается струя анализа, критицизма, и онъ работой личной мысли стремится осмыслить для себя и дать оцѣнку и пастырскому авторитету, и направленной къ его воспитанію всей дѣятельности духовенства. Въ его мысли не пастырствомъ однимъ, но и личнымъ примѣромъ жизни, умственнымъ развитіемъ и интенсивной работой не на одну духовную, но и на матеріальную его пользу пастырь можетъ и долженъ предъ народомъ возвышаться. Проснулась жажда знанія. Сокровища вѣры и истины откровенія народъ ищетъ закрѣпить за собою не однимъ сердцемъ, но и проснувшимся умомъ, исходя изъ той вѣрной мысли, что и умъ съ его стремленіемъ понять доступное пониманію есть созданіе Тогоже Бога. И если иной пасомый не находитъ въ своемъ пастырѣ удовлетворенія своимъ новымъ, обращеннымъ къ нему религіознымъ запросамъ, то онъ, не желая съ ними разстаться,—случается,—устремляется за ихъ удовлетвореніемъ въ дебри сектантства. Назрѣла нужда въ народѣ въ самомъ широкомъ религіозномъ воспитаніи. Конечно, не можемъ мы не сознавать, что воспитывать религіозно могутъ только исключительные люди неотразимымъ примѣромъ личной высокохристіанской жизни. Но и для насъ, не надѣленныхъ могучими нравственными качествами, есть способъ

утвержденія людей въ вѣрѣ и этотъ способъ—въ веденіи дѣла умственнаго воспитанія и образованія народа въ религіозномъ духѣ. Это даетъ ему ту крѣпкую броню, съ которой онъ окажется непроницаемымъ для антихристіанской и сектантской пропаганды.

Во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ съ пастырствомъ народъ ждетъ не казенно-оффиціальнаго, а дружественнаго и искренняго общенія,—такого общенія, чтобы радостно было ему выложить предъ пастыремъ свою душу и небольно изложить предъ нимъ даже и свои недоумѣнія, и свои религіозныя сомнѣнія, въ надеждѣ найти въ немъ разрѣшеніе ихъ. И нельзя не восчувствовать, что историческій грѣхъ отчужденности и оторванности отъ народа его интеллигентнаго класса и въ значительной мѣрѣ и духовенства долженъ быть теперь заглаженъ.

Въ народныхъ же чаяніяхъ—стать ближе и пріобщаться церковной жизни не въ смыслѣ церковнаго ящика, нѣтъ, хотя бо́льшая освѣдомленность прихода и въ веденіи церковнаго хозяйства не можетъ не внести умиротворяющаго дѣйствія въ народное сознаніе. Здѣсь разумѣется совмѣстная дружная работа клира и мірянъ въ добромъ строительствѣ церковной и приходской жизни. Ничего угрожающаго въ этомъ желаніи нѣтъ и пойти на встрѣчу можно безъ особенныхъ съ нашей стороны опасеній и въ предвидѣніи отъ этого только добрыхъ результатовъ [1]).

Вотъ что было и что обнаружилось относительно нашего пастырскаго авторитета. Не мало это новое многихъ изъ насъ изумило. Но прошелъ первый острый моментъ изумленія, и мы не можемъ не отдать себѣ отчета въ томъ,

---

[1]) Высшая церковная власть въ Россіи въ этомъ желаніи народа уже и пошла ему навстрѣчу привлеченіемъ депутатовъ отъ церковныхъ старостъ къ совмѣстной работѣ съ духовенствомъ на еп. съѣздахъ—пока что въ хозяйственной сторонѣ церковной жизни. Въ томъ же направленіи предпринимаются и центральной и мѣстной властью и другіе добрые шаги.

что иначе не могло и быть и что все къ тому долгимъ опытомъ жизни подготовлялось. И ясно стало для насъ, чего недоставало въ пастырскомъ авторитетѣ позднѣйшаго періода русской жизни, и что нужно ему теперь. Нужны новыя скрѣпы и тотъ фундаментъ, который весь зиждется на единственно прочныхъ нравственныхъ основахъ.

Свящ. *І. Хохановскій.*

Христіанство и соціализмъ.

Недавно появилась въ Германіи книжка католическаго патера Отто Фейерштейна „Соціальдемократія и день страшнаго суда“, которая не сегодня—завтра будетъ переведена и на русскій языкъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя газеты и журналы помѣстили уже на своихъ страницахъ лестные отзывы о данной книгѣ, которые заканчиваются горячимъ желаніемъ рецензентовъ поскорѣе увидать на русскомъ книжномъ рынкѣ „интересный и замѣчательный трудъ достопочтеннаго патера“.

Конечно, ничего новаго не сказано. Все старое. Что только о соціализмѣ ни говорили, все можно тутъ найти. Но обращаетъ на себя вниманіе самая постановка вопроса, классификація матеріала, сила аргументовъ, эрудиція автора и, наконецъ, „церковная“ точка зрѣнія.

Вотъ это-то послѣднее и побудило насъ взяться за перо и подвергнуть строгому критическому анализу „церковное“ рѣшеніе означеннаго вопроса.

Фейерштейнъ является рѣшительнымъ сторонникомъ соціалистическаго идеала. Онъ полагаетъ, что тотъ общественный строй, къ которому стремится соціализмъ, съ его обобществленіемъ орудій производства и утверждаемыми имъ равенствомъ, свободой и братствомъ, представляетъ собой ничто иное, какъ возвѣщенное нѣкогда Основателемъ христіан-

ства „царство Божья на землѣ“. Такъ какъ „Слово Божье“, этотъ единственный критерій истины, говоритъ „въ области соціальнаго вопроса и экономическихъ отношеній“ то же самое, что и соціализмъ, то мы должны присоединиться къ требованіямъ послѣдняго.

Такъ думаетъ Фейерштейнъ.

Конечно, не одинъ онъ такъ думаетъ. Такія мысли можно найти почти во всѣхъ соціалистическихъ книгахъ, брошюрахъ и листкахъ. Но самымъ яркимъ, типичнымъ выразителемъ этихъ идей безспорно является Фейерштейнъ. Вотъ почему его взгляды мы избрали точкой отправленія для предлагаемой статьи.

Фейерштейнъ придерживается того мнѣнія, что соціализмъ и христіанство въ своихъ главныхъ, основныхъ пунктахъ вполнѣ совпадаютъ. Что идеалъ ихъ одинъ и тотъ-же. Что между соціалистическимъ и христіанскимъ общественнымъ строемъ нѣтъ никакой существенной разницы.

Что сказать по поводу этихъ разсужденій?

Намъ кажется, что двухъ отвѣтовъ на предложенный вопросъ быть не можетъ. Всякій, кто стоитъ на чисто евангельской точкѣ зрѣнія, долженъ прямо сказать, что подобнаго рода взгляды и убѣжденія, какихъ придерживается католическій патеръ, ложны, неосновательны и несостоятельны. Между соціализмомъ и христіанствомъ нѣтъ ничего общаго, ни въ одномъ пунктѣ, ни въ одной основѣ, ни въ одной частности. Напротивъ, во всемъ, рѣшительно во всемъ полная противоположность. Если же когда либо и кто либо утверждалъ и утверждаетъ противное, то или по недоразумѣнію, или по требованіямъ партійной тактики въ цѣляхъ болѣе успѣшной пропаганды соціалистической программы среди народа.

Чтобы не быть голословными, постараемся аргументировать свою мысль возможно полнѣе и обстоятельнѣе.

Возьмемъ прежде всего духъ соціализма и духъ чистаго христіанства.

Духъ христіанства—духъ любви, мира, всеобъемлющаго доброжелательства. „Миръ вамъ“—вотъ формула, чаще всего встрѣчающаяся въ Евангеліи. Вотъ девизъ христіанства и христіанскаго духа. Посему, истинные ученики Христа Спасителя—тѣ, которые исполнены этого духа любви и милосердія, которые стремятся водворить миръ всюду и вездѣ: миръ между людьми и между группами людей, миръ между отдѣльными личностями, миръ между обитателями одной и той же страны, миръ между государствами и расами.

Духъ соціализма совсѣмъ другой. Тамъ, гдѣ христіанство проповѣдуетъ миръ, братство и любовь,—соціализмъ проповѣдуетъ ненависть, войну, борьбу. Ненависть между богатыми и бѣдными, борьбу между всѣми классами общества. „Во всякомъ случаѣ, пишетъ проф. Леруа Болье, ясенъ тотъ фактъ, что современные соціалисты вѣрятъ въ свое право, даже болѣе, они вѣрятъ въ свой долгъ—возбуждать антипатіи классовъ, поднимать народныя страсти противъ людей, которые кажутся лучше надѣленными судьбой.“

Зачѣмъ же борьба? быть можетъ нѣкоторые спросятъ насъ.

А вотъ зачѣмъ. Для торжества идеи соціализма, по мнѣнію поздѣйшихъ его сторонниковъ, необходимо классу рабочихъ вступить въ борьбу съ капиталистами, а чтобы эта борьба велась усиленнѣе, необходимо привить ему и развить классовую ненависть. Такъ какъ паденіе капиталистической промышленности и реорганизація общества на соціалистическихъ началахъ все-же немыслимы безъ активнаго вмѣшательства пролетаріата въ ходъ исторіи. Но отсюда соціалисты роковымъ образомъ приходятъ къ идеѣ вооруженнаго возстанія пролетаріата— къ революціи.

Но само собою разумѣется, что ни идея классовой ненависти, воспитаніе которой соціалистическимъ катихизисомъ ставится на первомъ планѣ, ни идея революціи не могутъ быть одобрены съ христіанской точки зрѣнія.

Однимъ словомъ, соціализмъ хочетъ поднять волну народныхъ страстей, а христіанство, напротивъ, хочетъ укро-

тить ихъ. Въ этомъ громадное различіе между христіанствомъ и соціализмомъ.

Пойдемъ далѣе. Сравнимъ идеалъ того и другого, Божественнаго и человѣческаго ученія.

Какой идеалъ христіанства?

„Царство Божіе“. Слово это знакомо каждому христіанину съ ранняго дѣтства. Еще не умѣя читать, мы уже со словъ старшихъ въ молитвѣ Господней повторяемъ прошеніе: „да пріидетъ Царствіе Твое“! Затѣмъ съ годами мы постоянно слышимъ въ храмѣ, читаемъ дома, учимъ въ школѣ о Царствѣ Божіемъ. Въ Евангеліи ни о чемъ другомъ такъ часто, подробно и подолгу не говорится, какъ о Царствѣ Божіемъ. Царство Божіе—это основная мысль всего ученія Іисуса Христа, мысль съ каждой новой страницей Евангелія все болѣе наростающая и выясняющаяся. Въ евангельскомъ повѣствованіи не указывается ни одного слова, ни одного дѣйствія Спасителя, которое-бы не относилось къ Царствію Божію. Если Іисусъ Христосъ проповѣдуетъ, то для того, чтобы благовѣствовать о Царствѣ Божіемъ и пояснить его значеніе. Когда онъ поучаетъ народъ на горѣ, то провозглашаетъ законы этого Царствія. Говоря народу въ притчахъ на берегу озера, онъ образно представляетъ тайны Царства Божія, его возникновеніе, развитіе и предстоящія ему борьбу и побѣду. Когда Онъ молится, или научаетъ насъ молиться, то проситъ наступленія его; избраніемъ апостоловъ Христосъ желаетъ продолжить основанное Имъ Царство послѣ Себя и обезпечить за нимъ распространеніе среди всего человѣчества; если Онъ преображается предъ нѣсколькими учениками, то для того, чтобы показать имъ, чѣмъ становится человѣческое существо въ этомъ Царствѣ; Своимъ воскресеніемъ Онъ убѣждаетъ, что всѣ силы ада, дьявольская злоба насильниковъ и изощренная ненависть фарисеевъ не могутъ сокрушить Царство Его. Словомъ, въ понятіи Царства Божія содержится все ученіе Христа Спасителя, все домостроительство Его; оно составляетъ Его славу, весь смыслъ Его явленія на землѣ

и весь Его Божественный умъ [1]), а для насъ тотъ вожделѣнный идеалъ, къ которому мы должны стремиться всѣмъ сердцемъ, всей душею, всѣмъ помышленіемъ. „Должны“ говоримъ, потому что этого требуетъ отъ насъ Самъ Господь: „Ищите прежде всего Царствія Божія и правды его“.

Вотъ каковъ христіанскій идеалъ.

А въ чемъ идеалъ соціалистовъ?

— Равномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ, всеобщая сытость, земной рай. По характерному признанію одного изъ видныхъ и дѣятельныхъ соціалистовъ А. Шеффле, „соціализмъ—это вопросъ желудка“ („Квинтъ-эссенція соціализма“ изд. т-ва „Просвѣщеніе“, стр. 2). А рай соціалистовъ есть рай по существу своему земной. Это рай, который долженъ осуществиться въ этомъ мірѣ, благодаря наукѣ, благодаря законамъ, благодаря общности имуществъ. Словомъ, соціализмъ преслѣдуетъ только земныя выгоды.

Христіанство указываетъ на небо. Оно приглашаетъ людей поднять свои взоры и свои чаянія кверху, къ невидимому, къ тому, что мы называемъ Богъ. Наоборотъ, соціализмъ считаетъ своимъ долгомъ низводить глаза и мысль народовъ къ почвѣ, къ землѣ, долу.

Между христіанствомъ и соціализмомъ, такимъ образомъ, существуетъ во всемъ обратное отношеніе. Что въ христіанствѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ, то въ соціализмѣ стоитъ либо на послѣднемъ, либо совсѣмъ отрицается. Низшее и производное занимаетъ мѣсто высшаго и коренного въ жизни. Спаситель сказалъ: „ищите прежде всего Царствія Божія и правды его, а вся остальная (т. е. земныя блага) приложатся вамъ“. А соціалисты, вмѣсто того, чтобы искать правды Божіей, ищутъ прежде всего того, что должно потомъ, впослѣдствіи приложиться. Надо посадить яблоню и потомъ ждать яблокъ. Соціалисты же жадно и торопливо

---

[1]) Евангеліе, какъ основа жизни, стр. 90.

ищуть и рвутъ яблоки и думаютъ, что новая яблоня вырастетъ сама.

Развѣ можно послѣ всего этого говорить о тождествѣ соціализма и христіанства?

— Конечно нѣтъ.

Теперь подтвергнемъ критическому разбору основные, такъ сказать—кардинальные догматы того и другого ученія.

Однимъ изъ главныхъ членовъ соціалистическаго „Символа вѣры“ является вѣра въ природную неиспорченность человѣка и человѣческой природы. Соціалисты говорятъ, что нравственное зло совсѣмъ не зависитъ отъ человѣка и отъ природы человѣка, а только отъ общества, отъ его организаціи. Зло, говорятъ они, имѣетъ соціальную природу. Слѣдовательно, чтобы подавить его, нужно только преобразовать общество, только измѣнить условія, и тѣмъ самымъ подорвать его опору.

Такъ думаютъ, объ этомъ пишутъ и говорятъ соціалисты.

Но вѣдь это противно духу христіанства, духу религіи.

Христіанство учитъ, что человѣкъ рождается съ первороднымъ грѣхомъ, что грѣхъ лежитъ въ основѣ испорченной человѣческой природы, что отъ него нельзя освободиться иначе какъ только съ помощью Божіею, при содѣйствіи Божественной благодати.

„Въ беззаконіяхъ зачатъ я, во грѣхахъ родила меня мать моя“, говоритъ псалмопѣвецъ Давидъ. Мы, значитъ, рождаемся уже со многими и грубыми грязными задатками. Какъ иныя тяжелыя болѣзни, такъ и многіе дурные навыки мы получаемъ по наслѣдству. Родители передаютъ дѣтямъ не одно тѣлесное, но и душевное сходство. Дѣды получали много злыхъ навыковъ по наслѣдству отъ прадѣдовъ. Своею распущенностью, потворствомъ всякой своей блажи развили, укрѣпили ихъ и прибавили еще новыхъ отъ себя. Все это передали нашимъ отцамъ. Отцы, въ свою очередь, принятое еще болѣе укрѣпили и кое-что вновь прибавили. Сколько, стало быть, злыхъ сѣмянъ мы носимъ въ себѣ? Душа наша,

выходитъ, не чистая земля, а густо засоренная вредными зернами. Объ этомъ пишетъ и апостолъ Павелъ: „въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ [1]).

Итакъ, человѣческая душа уже по своей природѣ грѣховна. Такъ учитъ объ этомъ христіанство. Посему всякое иное ученіе, напримѣръ, о томъ, что человѣкъ по своей природѣ чистъ и совершененъ, есть противорѣчіе христіанскому ученію.

Далѣе, соціализмъ учитъ, что нравственность общества зависитъ отъ его организаціи. Надо измѣнить порядки,—говорятъ,—и жизнь измѣнится. Съ новыми порядками и люди станутъ иными.

Христіанство и съ этимъ не можетъ согласиться.

Дѣйствительно, въ различныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, можно наглядѣться всякихъ порядковъ, а люди вездѣ одинаково плохи, жизнь всюду—топкая низина. Помои, въ какой горшокъ не вливай, все же останутся помоями. Надо прежде всего очистить, обеззаразить самую жидкость. Когда же жидкость пріобрѣтетъ бо́льшую цѣнность, тогда ее вольютъ и въ болѣе цѣнный сосудъ. Евангеліе, а значитъ и христіанство, потому и твердитъ настойчиво людямъ: хотите новой жизни, обновитесь прежде всего сами. Мечтаете измѣнить порядки, измѣните себя, покайтесь! Новая жизнь возможна на землѣ, но для этого надо, чтобы мы сами стали новыми, Божьими людьми. Надо покаяться. „Если не покаетесь, говорилъ Христосъ Спаситель, не можете войти въ Царство Божіе“ [2]).

Значитъ, по христіанскому ученію, „земной рай“ только тогда наступитъ, когда наше міросозерцаніе будетъ проник-

---

[1]) Римл. 7 гл. 23 ст.

[2]) Іоан. 3 гл. 5 ст.

нуто евангельскимъ духомъ, когда весь строй нашей жизни, какой бы то ни было,—личной, семейной, государственной или общественной, будетъ соотвѣтствовать требованіямъ божественной природы, когда наши симпатіи будутъ дышать чистою Христовою любовью. Для тѣхъ-же, кто счастливъ и доволенъ царящимъ надъ землею зломъ, кто выше всего ставитъ эгоизмъ и собственныя страсти, кому смѣшно и непонятно стремленіе къ безконечному, —для всѣхъ такихъ Царство Божіе непостижимо и недоступно. Земной рай для христіанъ—это не сытая привольная жизнь, но праведная, нравственно совершенная жизнь людей на землѣ, пробужденная Христомъ Спасителемъ и устрояющаяся по Его евангельскому завѣту.

Какая, слѣдовательно, огромная разница въ данномъ пунктѣ между соціализмомъ и христіанствомъ! Не смотря однако на это, многіе осмѣливаются утверждать, что тутъ не только нѣтъ никакой разницы, но, напротивъ, полное согласіе, тожество.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи, Свящ. *А. Введенскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свобода по Евангелію.

(Окончаніе [1]).

Въ настоящее время, когда у насъ идутъ разные толки о свободѣ, мы склонны думать, что наше рабство исчезнетъ отъ изданія законовъ, устанавливающихъ свободу личности, совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и т. д., и что мы чуть ли не моментально съ изданіемъ этихъ законовъ сдѣлаемся *свободными*. Такъ ли это? Не похоже ли это на то,

[1]) См. № 39-й за 1912 г.

какъ если бы больные ожидали выздоровленія отъ одного приказанія врачей—выздоравливать?! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ наше рабство не тягостная и жестокая болѣзнь?! И если больные никогда не дѣлались здоровыми отъ приказовъ врачей, то неужели мы по одному мановенію можемъ сдѣлаться свободными, т. е. хорошими, добрыми?!

Скажутъ,—рѣчь идетъ о свободѣ политической,—о свободѣ человѣка отъ произвола властей, о свободѣ личности отъ начальственнаго гнета, о свободѣ женщины отъ произвола мужчины, о свободѣ совѣсти отъ давленія на нее со стороны власть имущихъ... Но развѣ человѣкъ страдаетъ только отъ произвола властей?! Развѣ произволъ хулигановъ и революціонеровъ слаще?! Развѣ личность наша прикосновенна только для начальственнаго гнета?! Развѣ трепанье нашей личности, положимъ, въ газетахъ или въ ругани нашихъ злыхъ согражданъ менѣе тягостно и мучительно?! Развѣ совѣсть наша порабощается однимъ только начальствомъ?! Развѣ женщина станетъ свободной, если ей будетъ предоставлено право мѣнять мужей, какъ перчатки?! И неужели трудно понять, что дѣлать такъ, какъ мы часто думаемъ, значитъ мѣнять одно рабство на другое, значитъ лечить одну болѣзнь прививкой другой болѣзни, значитъ заглушать ощущаемую нами боль новой, можетъ быть, худшей болью!

Нѣтъ, болѣзнь наша сидитъ въ насъ гораздо глубже, чѣмъ мы думаемъ, и лечить ее нельзя коновальскими мазями и примочками. Не помогутъ тутъ и столь излюбленныя знахарями кровопусканія, потому что они ослабятъ только нашъ организмъ и сдѣлаютъ его еще болѣе наклоннымъ къ той же болѣзни. Здѣсь нужны тѣ же пріемы леченія, къ какимъ прибѣгаютъ современные врачи. Было время, когда врачи при леченіи больныхъ всѣ усилія свои напрягали къ тому, чтобы уничтожить боль, т. е. муки и страданія, испытываемыя больными; но наблюденія и многочисленные опыты показали, что такое леченіе есть борьба съ мельницами и что настоящее леченіе должно быть направлено къ устраненію произво-

дящихъ данную болѣзнь причинъ. Само собой очевидно, что противъ вѣрности указаннаго наблюденіемъ и опытами способа леченія возразить ничего нельзя. И вотъ этотъ-то способъ леченія нужно примѣнить и къ той болѣзни, о которой у насъ рѣчь, т. е. къ рабству. На этотъ-то способъ и указываетъ Спаситель, когда говоритъ: „аще пребудете во словеси Моемъ, воистину ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы", т. е. если вы будете поступать, жить согласно Моему ученію, то вы будете истинными Моими учениками, и познаете истину, которая сдѣлаетъ васъ свободными. А такъ какъ все Свое ученіе Спаситель сводитъ къ ученію о любви и любовь ставитъ отличительнымъ признакомъ Своихъ учениковъ [„о семъ разумѣютъ, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" Іоанн. XIII, 75 ср. Мѳ. XXII, 40], то ясно, что *пребывать въ словѣ Его* значитъ воспитывать въ себѣ любовь и что только чрезъ воспитаніе въ себѣ любви человѣкъ-христіанинъ можетъ уразумѣть истину и сдѣлаться свободнымъ. Спаситель не говоритъ: уничтожьте въ себѣ рабство или рабскія наклонности, вродѣ ненависти и зависти, и вы сдѣлаетесь свободными,—что было бы равносильно старому способу леченія болѣзней, а говоритъ: полюбите другъ друга и тогда вы получите свободу и у васъ исчезнутъ и рабство и рабскія наклонности.

Не нужно много усилій ума, чтобы понять, что это—единственное вѣрное средство къ нашему освобожденію отъ рабства, и что всякія другія средства будутъ ничѣмъ инымъ, какъ палліативами, имѣющими временное значеніе, подобно тому, какъ морфій на время утишаетъ боль. „Выберетесь въ другія условія жизни,—перемѣните окружающую васъ среду на совершенно противоположную,—какъ бы такъ говоритъ Спаситель,—и вы выздоровѣете отъ вашей болѣзни рабства,—въ противномъ случаѣ такъ и останетесь больными, такъ и останетесь рабами, ибо „всякъ творяй грѣхъ (пре-

бывающій въ настоящей грѣховной средѣ) рабъ есть грѣха“ (Іоанн. VIII, 34).

Вотъ мы жаждемъ политической свободы, неприкосновенности личности. Но спрашивается, можемъ ли мы, при своемъ настоящемъ нравственномъ состояніи, съ изданіемъ соотвѣтствующихъ законовъ чувствовать себя лично свободными, лично неприкосновенными для всякаго произвола,— можемъ-ли мы не бояться карающей руки власти или оскорбленій—и физическихъ и моральныхъ—со стороны своихъ злыхъ ближнихъ? Конечно, нѣтъ и быть не можетъ. Если мы злы, то всегда должны дрожать, бояться грядущаго наказанія, всегда должны ждать встрѣчи съ злѣйшимъ насъ, котораго злоба придавитъ, поработитъ нашу злобу, ибо злоба всегда родитъ злобу, а злобу сколько ни увеличивай, никогда не получишь и тѣни добра, все равно, какъ изъ цѣлой тысячи, изъ цѣлаго милліона грѣшниковъ никогда нельзя выкроить и одного праведника. Злоба же всегда боится, всегда дрожитъ, а слѣдовательно всегда и раболѣпствуетъ. Добродѣтель—любовь, и только любовь можетъ сдѣлать насъ и политически свободными, только она—любовь—можетъ сдѣлать и нашу личность *неприкосновенною*. Св. ап. Павелъ, призывая христіанъ къ покорности властямъ, прямо говоритъ: „князи не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ“, и спрашивая: „хощеши ли не боятися власти“? отвѣчаетъ: „благое твори“ (Рим. XIII, 3).

Мало того, по слову св. ап. Павла люди, ведущіе истинно христіанскую жизнь, дѣлаются свободными даже отъ закона. „Законы вѣдь выше начальниковъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, и однако живущій праведно не нуждается и въ законахъ. Объ этомъ (послушай, что) говоритъ ап. Павелъ: „праведнику законъ не лежитъ“ (1 Тим. I, 9). Если же законъ не лежитъ, тѣмъ болѣе не поставлено надъ нимъ начальника“ [1]). И это понятно. Вѣдь, каждый изъ насъ по себѣ

[1]) Твор. св. Іоанна Злат. т. IV, 747 стр.

знаетъ, что онъ не боится начальства, когда не чувствуетъ за собой никакой провинности,—а добродѣтель, праведная жизнь въ любви, есть не только отсутствіе провинности, а *исполненіе закона въ цѣломъ* (Римл. XIII, 8), есть величина, какъ говорятъ, не нулевая (=отсутствіе грѣха), а положительная (=добродѣтель). Вотъ почему праведники не только не боялись никакого начальства, не только не рабствовали предъ властями, какъ иногда бываетъ съ нами, но имѣли дерзновеніе обличать и наставлять самихъ властей. Такъ св. Василій Великій обличалъ импер. Валента, св. Филиппъ Московскій—Іоанна Грознаго, а св. Амвросій Медіоланскій не допустилъ въ храмъ императ. Ѳеодосія за убійство жителей Солуни. Но то были именно праведники, настоящіе столпы свободной добродѣтельной жизни; они имѣли право такъ поступать, и имъ никто не смѣлъ сказать: „врачу, исцѣлися самъ“.

Они такъ развились въ добродѣтели, что не боялись никакихъ лишеній и никакихъ угрозъ. У нихъ воспиталась такая свобода, что даже и причины къ раболѣпству отсутствовали. Мы часто раболѣпствуемъ, боясь потери имущества, а они не имѣли ничего; мы часто раболѣпствуемъ потому, что боимся, какъ бы о насъ не подумали плохо, а для нихъ людская слава была *пустоцвѣтомъ*; мы раболѣпствуемъ изъ боязни изгнаній, заточеній, а они настолько отрѣшились отъ всякой привязанности къ мѣсту, что считали всякую землю, всякую страну Божіей; мы раболѣпствуемъ въ надеждѣ получить какое-нибудь повышеніе по службѣ или какую-нибудь награду, а они всякое повышеніе, всякую награду въ этой жизни считали по меньшей мѣрѣ за ничто; мы раболѣпствуемъ, боясь гоненій, оскорбленій, а они считали гоненія и оскорбленія средствомъ для блаженства не только въ будущей, но и въ этой жизни; мы наконецъ раболѣпствуемъ изъ боязни потерять жизнь, а они настолько развились нравственно, что одного только и хотѣли, чтобы поскорѣе *разрѣшиться и со Христомъ быть*,

Итакъ, съ полученіемъ формальной свободы мы еще не сдѣлаемся свободными. Для этого мы должны нравственно подняться, развить въ себѣ такую настроенность, которая бы давала намъ эту свободу; а эта настроенность и есть христіанская любовь.

Вотъ мы ищемъ свободы совѣсти. Но спрашивается,—будетъ ли наша совѣсть свободной, если съ нея снимется только начальническій гнетъ, а мы останемся такими же, какими были до сихъ поръ. Вѣдь, при теперешнемъ нашемъ нравственномъ состояніи, совѣсть наша можетъ быть легко порабощена „всякимъ вѣтромъ ученія", заражаться всякимъ суевѣріемъ и, разумѣется, мучить и калѣчить насъ. А вѣдь гнетъ разныхъ тлетворныхъ ученій и суевѣрій надъ совѣстью далеко не легче начальническаго. Стоитъ только посчитать жертвы сектантскаго суевѣрія или хотя бы народной вѣры въ разныхъ знахарей, „кровь въ жилахъ отворяющихъ", чтобы убѣдиться въ этомъ.

Что же дѣлать? Да очевидно, что для освобожденія совѣсти недостаточно одного указа о свободѣ совѣсти,—для этого нужно *познать истину*, какъ учитъ Спаситель, т. е., иначе говоря, воспитать въ себѣ ту же настроенность, которая необходима для личной свободы,—любовь христіанскую.

То же самое нужно сказать и о всѣхъ теперь модныхъ свободахъ. Всѣ онѣ въ истинномъ, настоящемъ смыслѣ не могутъ быть даны намъ отвнѣ,—онѣ могутъ быть лишь слѣдствіемъ нашего личнаго и общественнаго освобожденія отъ злой нашей природы, а это освобожденіе пріобрѣтается человѣкомъ, по ученію Спасителя, только чрезъ усвоеніе *истины*, заключающейся въ любви.

Свящ. *А. Дивногорскій.*

ЗАМѢТКА:

Какъ получить урожай ржи самъ сто.

„Вѣстникъ Земства“ сообщаетъ слѣдующее:

„Крестьянинъ Новгородской губ. и уѣзда, Шимской вол., дер. Шимска, Гавріилъ Андреевъ Кузнецовъ въ 1905 г. сдѣлалъ опытъ посадки ржи по опыту доктора Картамышева. Изъ мѣстной ржи выбрали 4000 лучшихъ зеренъ, которыя и были посажены въ гряды одно отъ другого на вершокъ. По прошествіи 2 недѣль они были пересажены въ грунтъ, одно отъ другого на разстояніи 4 вершк., и когда вынимали ихъ изъ земли, то корешокъ обмакивали въ порошокъ томасъ-шлаковой муки. 4000 зеренъ вѣсили около $^1/_3$ фунта. Весной 1906 г. были выполоты сорныя травы. Каждое зерно дало отъ 16 до 30 колосьевъ, нажато было 20 сноповъ, намолочено 50 фунт., т. е. почти самъ сто. Занято было всей земли около 28 квадр. саж. Изъ полученной ржи были выбраны лучшія зерна, зерна получились гораздо крупнѣе нашей мѣстной ржи. Выбранныя зерна были посажены сперва въ гряды одно отъ другого на вершокъ, а потомъ въ грунтъ одно отъ другого на 4 вершка. Еще посажено 1500 зеренъ одно отъ другого на вершокъ прямо въ грунтъ безъ пересадки.

Итакъ, урожай самъ-сто доступенъ уже и нашему крестьянину. Обстоятельство это видимо показалось столь невѣроятнымъ, что Гавріилъ Кузнецовъ попросилъ засвидѣтельствовать вѣрность своего сообщенія учителя мѣстной школы, что и сдѣлано въ самомъ журналѣ.

Опытъ этотъ особенно цѣненъ тѣмъ, что онъ произведенъ крестьяниномъ, а потому вѣроятно найдетъ себѣ подражателей среди его односельчанъ, а можетъ быть и ближайшихъ сосѣднихъ деревень.

Вотъ гдѣ истинное рѣшеніе земельнаго вопроса и земельной нужды крестьянъ! Это поможетъ лучше и скорѣе,

чѣмъ самый искусный передѣлъ, на каковой не хватитъ и землемѣровъ, чтобы произвести его въ десять-пятнадцать лѣтъ. Если истинный труженикъ деревни, приходскій священникъ, а съ нимъ и сельскій учитель, дастъ себѣ трудъ *„уговорить“ какого-нибудь крестьянина повторить тотъ же опытъ на глазахъ своихъ односельчанъ*, то чрезъ 5—6 лѣтъ мы будемъ имѣть избытокъ земли, а хлѣба столько, что и Европа его не съѣстъ.

Необходимо всѣхъ ознакомить съ работой крестьянина Гавріила Кузнецова и настаивать, чтобы опытъ этотъ былъ продѣланъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Главное Управленіе земледѣлія могло бы оказать здѣсь огромную услугу. Во-первыхъ, оно могло бы предписать своимъ мѣстнымъ агентамъ, каковы, напримѣръ, инспектора сельскаго хозяйства или непремѣнные члены землеустроительныхъ комиссій, войти въ сношенія съ агрономами земствъ, а гдѣ возможно, и самымъ произвести указанные выше опыты. Во-вторыхъ, хорошо было бы организовать при центральномъ управленіи „столъ“, въ который могли бы поступать отъ всѣхъ лицъ, занятыхъ производствомъ опытовъ огородной культуры, ихъ данныя, чтобы такимъ образомъ была возможность сгруппировать впослѣдствіи результаты.

Поймите только, что изъ полуфунта сѣмянъ можно получить 50 фунтовъ хлѣба, для чего потребно занять всего лишь одну восемьдесятъ пятую часть десятины!!

Сейчасъ крестьянинъ высѣваетъ на десятину болѣе 10 пуд. ржи и получаетъ въ среднемъ 30 пуд. Если же онъ продѣлаетъ со своей десятиной то же, что сдѣлалъ Кузнецовъ, то ему придется израсходовать сѣмянъ всего лишь 53 фунта, а хлѣба онъ получитъ 105 пуд.

Результаты, полученные Кузнецовымъ, могутъ быть и лучшими. Во-первыхъ, во всякомъ дворѣ найдется столько навоза, чторы хорошо удобрить четверть десятины, а во-вторыхъ, вѣроятно можно будетъ съ одинаковымъ успѣхомъ

разсаживать изъ грядки на разстояніе 4 вершковъ только междурядья, а въ самомъ ряду давать разстояніе между кустиками и по два вершка, что еще сократитъ площадь посѣва на половину.

Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ исключать обмакиваніе корешковъ въ порошокъ томасъ-фосфатной муки. Достать ее можно вездѣ, а стоимость ея на всю четверть десятины вѣроятно не превыситъ полтинника или при очень роскошномъ обхожденіи—рубля.

Въ добрый часъ, за дружную работу!

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го сентября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 41

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 7-го октября.

Содержаніе: I. Справедливость и угодливость Іерей.—II. Народное міросозерцаніе въ религіозно-моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Свящ. І. Хохановскій.—III. Христіанство и соціализмъ. (Окончаніе). Законоучитель Одесской 2-й гимназіи. Свящ. А. Введенскій.—VI. Замѣтка: Современные духовные запросы прихожанъ.—

Справедливость и угодливость.

Эти два понятія несовмѣстимы и различны до противоположности. Справедливость покоится на правдѣ и истинѣ и цѣлію своею ставитъ служеніе человѣка долгу, угодливость же, не заботясь о долгѣ, больше всего направлена на угожденіе людямъ. Различны мотивы человѣкоугодія, но всѣ они, нужно знать, низменны и недостойны христіанина. И на сколько справедливость должна быть дорога для каждаго порядочнаго человѣка и желательна въ разныхъ сферахъ его жизни, настолько угодливость должна считаться вредною и нетерпимою въ желающемъ уважать себя обществѣ и отдѣль-

номъ человѣкѣ. Слѣдуя за теченіемъ современной жизни, всматриваясь въ духовный упадокъ ея, каждый непредубѣжденный наблюдатель, мы думаемъ, долженъ сдѣлать заключеніе не въ пользу людской справедливости и даже больше того—преобладаніе человѣкоугодія надъ справедливостію онъ признаетъ едва-ли не одною изъ важнѣйшихъ причинъ этого упадка. И въ самомъ дѣлѣ, возьмите семейный укладъ,—отчего онъ измѣнился къ худшему, какъ не оттого, что родители, по преступной своей слабости-угодливости тоже съ самыхъ юныхъ лѣтъ распускаютъ дѣтей своихъ—балуютъ ихъ и не только не предостерегаютъ отъ шалости и разныхъ вредныхъ увлеченій, а еще наталкиваютъ ихъ на дурное, чтобы тѣмъ доставить имъ удовольствіе. Подтверждающихъ эту истину фактовъ не оберешься. Ребенокъ изъ баованныхъ семействъ (а они сплошь и рядомъ) выходитъ и трубокуромъ и пьяницею, и ругателемъ и драчуномъ—это, пожалуй, въ деревенскихъ нивахъ; а гдѣ повыше культура, тамъ дурныя проявленія дѣтей бываютъ только сдобрены и окрашены паркетнымъ лоскомъ, а въ общемъ одинъ печальный результатъ—полная деморализація семьи съ главнымъ оттѣнкомъ непослушанія младшихъ членовъ по отношенію къ старшимъ. Заложенные семьею дурные задатки, само собою, входятъ въ общественную жизнь, какъ неизбѣжное слагаемое и общественные дѣятели, стоящіе на стражѣ интересовъ ближняго, едва-ли не рѣже всего заботятся объ охранѣ этихъ интересовъ. Сватовство, родство, дружество, партійность, робость, пресмыкательство, желаніе популярности,—все, что хотите, низменное можно найти въ основѣ дѣйствій разныхъ корпоративныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, а справедливости труднѣе всего можно доискаться.—Но вѣдь нельзя же брилліанту теряться въ навозномъ мусорѣ, не слѣдуетъ, махнувъ рукой, отдать справедливость въ порабощеніе пошлой угодливости. И мы полагаемъ, что передовые посты по охранѣ справедливости должны занимать церковь и школа, пастыри и учители съ воспитателями. Прямая обязанность

этихъ людей—*служить дѣлу*, а не лицамъ. Вѣдь простая логика вещей говоритъ, что справедливость въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи гораздо легче поддается выполненію, чѣмъ *угодливость*. Почему? да потому уже, что справедливость направлена на служеніе одному долгу, а угодничество—къ разнымъ и многимъ лицамъ. А извѣстно, что всѣмъ трудно угодить; на весь міръ, говоритъ пословица,—пирога не испечешь. Когда человѣкъ остается вѣренъ себѣ и, руководясь справедливостію, неуклонно идетъ по пути долга, то онъ не рискуетъ впасть въ ошибки. Самый трудъ его облегчается сознаніемъ исполненнаго долга, даже самый процессъ служенія долгу, слѣдованія голосу своей совѣсти заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣльное и законченное. Но угодливость?! На этомъ ненадежномъ конѣ далеко не уѣдешь, а если и заберешься далеко, то по дорогѣ растеряешь всю свою порядочность. Пастырямъ и школьнымъ пестунамъ особенно не пристало, пренебрегая справедливостію, руководиться въ своей дѣятельности угодливостію.

Тутъ предполагается не личная только потеря духовнаго сокровища, въ смыслѣ хотя бы добросовѣстности,—что̀ само по себѣ важно, а важнѣй еще дурной примѣръ и соблазнъ другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не жалки и не преступны пастыри, удѣляющіе особенное вниманіе богатству и знатности и небрегущіе о простотѣ и убожествѣ; когда первымъ готовы воздавать сверхдолжное, закрывая глаза на большіе ихъ пороки, а послѣднимъ и ничтожнаго вниманія не удѣляется, кромѣ какъ бичеванія ихъ за малыя погрѣшности. Такіе человѣкоугодники не пріобрѣтутъ себѣ истинной популярности—не могутъ они быть авторитетомъ въ приходѣ, не слышенъ будетъ въ приходѣ ихъ голосъ, въ какихъ бы благозвучныхъ тонахъ онъ ни заявлялся. Отъ такихъ пастырей отворачиваются даже тѣ, кому они незаслуженное предпочтеніе оказывали. Точно также и на педагогическомъ поприщѣ. Здѣсь принципъ справедливости долженъ проходить по всему школьному строю. Дѣти—не автоматы, а существа

мыслящія; они, какъ будто незамѣтно, а на самомъ дѣлѣ внимательно слѣдятъ за теченіемъ школьной жизни, и на ихъ впечатлительное сердце особенно возмутительно дѣйствуетъ подмѣченная ими несправедливость. Прощай тогда всѣ благія школьныя пожеланія по части благонравнаго воспитанія! Замѣченный дѣтьми непроглядный реализмъ въ корнѣ разрувсѣ теоретическія благія начинанія. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, толку въ правилахъ и разныхъ школьныхъ регламентаціяхъ, когда школьные дѣятели нарушеніемъ справедливости наглядно показываютъ ненужность этихъ правилъ. И въ учащейся средѣ поневолѣ развивается недовѣріе къ школѣ и озлобленность противъ ея дѣятелей. Школьная угодливость воспитываетъ въ учащихся ту же самую болѣзнь съ неизбѣжнымъ придаткомъ недобросовѣстности. Примѣненіе принципа справедливости требуется въ жизни также при разныхъ оффиціальныхъ аттестаціяхъ. По соображеніямъ высшаго порядка оффиціальное лицо обязано бываетъ давать надлежащую оцѣнку поведенія и дѣятельности лицъ, такъ или иначе подлежащихъ его вѣдѣнію. Отъ этой оцѣнки иногда зависитъ служебное положеніе человѣка—его повышеніе или пониженіе по службѣ и даже вовсе—лишеніе должности. Что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ контролирующему лицу, когда справедливость требуетъ дать нелестную аттестацію? Въ данномъ случаѣ обыкновенно идетъ борьба между чувствомъ долга и справедливостію съ одной стороны и состраданіемъ и жалостію къ аттестуемому лицу съ другой. Первая сторона основывается на нетерпимости даннаго лица на извѣстномъ мѣстѣ по его бездѣятельности или вредной дѣятельности; а вторая—сохранить хочетъ репутацію человѣка, а то и вовсе сохранить за нимъ мѣсто и тѣмъ не лишить дальнѣйшаго существованія иногда съ ни въ чемъ неповиннымъ семействомъ. Борьба здѣсь, повидимому, равная и побѣда нерѣдко остается на второй сторонѣ. „Нельзя, говорятъ, быть слишкомъ строгимъ къ недостаткамъ другихъ. Самъ Христосъ прощалъ тяжкихъ грѣшниковъ,—намъ ли ихъ карать. Да при томъ же и мы

сами, не безъ грѣховъ и недостатковъ, продолжаетъ софистъ, прикрываясь, конечно, ложнымъ смиреніемъ. Но зачѣмъ, мы скажемъ, извращать истину и кощунственно приводить въ доказательство высокій образъ Господа Христа? Вѣдь въ оцѣнкѣ извѣстной личности не она сама составляетъ суть дѣла, а ея вліяніе на окружающую среду. И если личность карается, то не иначе, какъ для сохраненія десятковъ или сотенъ такихъ личностей, которымъ, въ противномъ случаѣ, грозитъ опасность паденія. И Христосъ оправдывалъ только тѣхъ грѣшниковъ, которые на будущее время подавали полную надежду на исправленіе. Поэтому, при колебаніи относительно расцѣнки или иначе, аттестаціи даннаго лица, слѣдуетъ обращать вниманіе на положеніе дѣла и среды находящихся подъ его вѣдѣніемъ или вліяніемъ. И если по ходу дѣла видно, что дѣло страдаетъ, что среда можетъ нести ту или иную потерю, тогда пощада вредныхъ дѣятелей должна считаться не христіанскимъ состраданіемъ, а преступнымъ послабленіемъ, вредною гуманностью. Жалость и милость тогда хороши, похвальны и умѣстны, когда отъ примѣненія ихъ не страдаетъ дѣло и ближніе. Великій грѣхъ, поэтому, принимаетъ всякій человѣкоугодникъ, когда для оправданія допущенной имъ угодливости, въ видѣ непозволительной лазейки, представляетъ высокій примѣръ Господа Христа. Развѣ, напр., не кощунственно именовать милосердіемъ оправданіе современными судами тяжкихъ преступниковъ, отъ чего преступленія еще болѣе и шире разрастаются? Развѣ можно считать нормальнымъ явленіемъ пребываніе по учебнымъ заведеніямъ въ средѣ учащей и учащейся разныхъ недоучекъ и нравственныхъ поддонковъ? Можно-ли извинить такое явленіе христіанскою снисходительностію, когда отъ него школа умственно меркнетъ, и нравственно разлагается и дѣло общественное страдаетъ отъ недостатка надежныхъ дѣятелей? Нѣтъ, никакіе софизмы не могутъ, въ ущербъ справедливости, оправдать угодливости, какъ поблажки и попустительства.—Мы лично знаемъ нѣкоторыя учебныя заведенія, гдѣ о. законоучитель, го-

ниясь за популярностію, всѣмъ учащимся ставилъ баллъ „5“ безъ всякаго соотношенія къ знанію. Учащіеся, само собою, перестали учиться по Закону Божію, забывая даже то, что и прежде знали. Предметъ Закона Божія оказался въ полной заброшенности, но и о. законоучитель не стяжалъ себѣ за угодливость признательности со стороны учащихся даже, не говоря уже о ихъ родителяхъ.—Горька, непріятна до рѣзкости можетъ быть справедливость, унижая наше самолюбіе должною оцѣнкою нашихъ недостатковъ; но она высока, чиста и похвальна сама по себѣ, какъ самый вѣрный критерій при оцѣнкѣ жизнедѣятельности человѣка. Угодливость, будучи само по себѣ пошлостію, людскою пошлостію только и можетъ одобряться.— *Іерей.*

Народное міросозерцаніе въ религіозно-моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ.

Въ исторіи развитія въ Россіи демократической идеологіи славянофильско-народническое движеніе оставило, несомнѣнно, наиболѣе замѣтный слѣдъ. Реальнымъ свидѣтельствомъ этого является наша народническая беллетристика въ произведеніяхъ такихъ, напримѣръ, видныхъ народниковъ, какъ: Салтыковъ-Щедринъ, Гл. Успенскій, Наумовъ, Некрасовъ (поэзія), Златовратскій, Каронинъ, Достоевскій. Для изученія деревни народническая литература дала самый обильный матеріалъ. Но если новѣйшія устремленія въ народъ съ цѣлью привитія ему интеллигентскихъ фетишей обречены были и будутъ на неудачу и, вмѣсто ожидаемаго сближенія между образованнымъ и простымъ классами, вели и ведутъ къ большему отдаленію ихъ другъ отъ друга, то и излишняя идеализація крестьянскаго міросозерцанія, какъ показалъ опытъ славянофиловъ и такъ называемыхъ „почвенниковъ“, къ познанію народа и идейному сближенію съ нимъ явилась далеко не вѣрнымъ средствомъ. Въ этомъ

долженъ былъ сознаться такой выдающійся по таланту художникъ-народникъ, какъ Гл. Успенскій (знаменитое „Не суйся“ Ивана Ермолаевича), разрушившій впослѣдствіи ту самую идею („власть земли“), горячимъ адептомъ которой самъ былъ. Чуткій умъ Салтыкова, въ ранней сатирѣ тоже отдавшаго дань народничеству, не чуждому сентиментализма и отправлявшемуся отъ извѣстной идеализаціи мужика (соч. т. I, стр. 243-я), впослѣдствіи рѣшительно заявляетъ, что „когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни умиляться непремѣнно, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолію“ (А. Н. Пыпинъ „М. Е. Салтыковъ“, стр. 145). Нужно „смотрѣть на дѣло проще“ и „доподлинно знать, что дѣлаетъ русскій мужикъ и во что ему это дѣло обходится“. По завѣренію этого-же безспорнаго народника, „идеализація всегда основывается на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей“ и ведетъ съ роковой неизбѣжностью въ одну сторону—„къ умиленіямъ и любви всепрощающей“ (игнорированію тѣневыхъ сторонъ); тогда какъ знаніе вещи ведетъ къ наиболѣе нужному для дѣла—„справедливому къ ней отношенію“ (тамъ же, стр. 145—146). Комментировать сказанное знаменитымъ сатирикомъ нѣтъ нужды: его устами говоритъ самъ опытъ, и истину его словъ тотчасъ признаютъ и себя въ ней узнаютъ всѣ народопоклонники. Истинная любовь къ народу требуетъ и истиннаго знанія его подлиннаго облика, чтобы въ своей дѣятельности на его пользу не исходить изъ заоблачныхъ высей, а изъ самой неприкрашенной дѣйствительности.

Уроки исторіи даромъ не прошли. Если старое славянофильство и позднѣйшее народничество заплатили полную дань идеализаціи трудового крестьянства и его міросозерцанія, то текущая эпоха въ отношеніи народа готова провозгласить тотъ обоснованный девизъ, что „стать близкимъ къ народу можно не иначе, какъ только признавая *его* святыню, а не святыню *въ немъ* (Н. Минскій „Интеллигенція и народъ“, „Русск. Мысль“, сентябрь, 1909 г.). Чего, кажется, проще

и естественнѣе: идеалъ—всегда идеалъ, а люди—всегда люди со страстями и душевными движеніями. Ясно, стало быть, что отъ признанія народной святыни до возведенія въ высшій религіозно-моральный и соціальный типъ и предметъ поклоненія самого носителя ея,—какъ это дѣлало народничество,—разстояніе слишкомъ большое. Наше время, слѣдовательно, призывается исправить старый и новѣйшій грѣхъ демократической идеологіи—грѣхъ народобожія, и въ демократическомъ вопросѣ строго разобраться относительно подлиннаго содержанія народнаго міросозерцанія, выдѣливъ въ немъ все здоровое, но не закрывая глазъ и на многое больное, требующее для своего излѣченія самаго серьезнаго къ себѣ вниманія. Культъ народа должно замѣнить болѣе раціональное и плодотворное отношеніе къ нему, основанное на справедливости и безпристрастіи.

Главную основу и жизненный нервъ въ народномъ міросозерцаніи составляетъ проникающее собою все его насквозь религіозное начало, тотъ религіозный идеалъ, что грѣетъ и свѣтитъ народному сердцу въ православной вѣрѣ. Чувствомъ живой вѣры въ Бога, до ощущенія Его близости, почти осязанія, преданности въ Его волѣ и полной отъ Него зависимости во всемъ укладѣ своей жизни, чувствомъ живого общенія съ Нимъ и непрестающимъ ощущеніемъ вѣчной жизни—жива и крѣпка общерусская народная душа. Сердцемъ воспринялъ русскій простой народъ проповѣдь Евангелія и воспринялъ ее въ главномъ—въ дѣлахъ милостыни, которая *покрываетъ множество грѣховъ*. Жажда подвига духовнаго и освѣженія себя религіозными впечатлѣніями отъ высокихъ образцовъ вѣры и жизни христіанской нашли свое прекрасное выраженіе въ неудержимомъ стремленіи народной души къ прославленнымъ мѣстамъ русскихъ святынь. Если въ чемъ, то именно въ этой младенчески-чистой вѣрѣ народа и въ живой непосредственности его религіозныхъ переживаній—все величіе народнаго духа. Среди всѣхъ многообразныхъ нуждъ своихъ, крестьянинъ не жалѣетъ послѣднихъ грошей

на тѣ трудовыя свѣчки, что ярче звѣздъ небесныхъ теплятся въ св. нашихъ храмахъ; самъ откажется отъ „пампушекъ“ (пшеничный хлѣбъ) въ праздникъ, лишь бы сберечь пшеничное на лучшій приносъ въ храмъ и этимъ удовлетворить свои потребности общенія въ молитвѣ и жертвѣ съ своими покойниками. На закатѣ дней своихъ, изливая скорбную душу свою въ умиленномъ раскаяніи предъ духовникомъ во грѣхахъ изжитой жизни, иной старикъ или старушка не могутъ помириться съ тѣмъ, что нѣтъ у нихъ личныхъ грошей на свѣчку, и тутъ-же осудятъ себя. О народной милостынѣ довольно сказать, что ея лептами питается безчисленная бѣднота. По справедливому свидѣтельству покойнаго Л. Н. Толстого („Три дня въ деревнѣ“), хлынувшій на Россію новый потокъ русскаго пролетаріата въ своихъ аппетитахъ на панское добро сдерживается только этой плотной стѣной народной милостыни. Это—то цѣнное свойство народной души, которымъ такъ восторгался великій Достоевскій, когда говорилъ: „милостынею спасется русскій народъ“ (Бр. Карамазовы). Религіозному жизнечувствію и жизнепониманію, своей вѣрѣ въ Бога обязанъ нашъ народъ своей жизнесобностью и жизнерадостью въ неприглядныхъ условіяхъ деревенскаго быта; вѣра, и только она одна, скрашиваетъ всѣ его сѣрыя будни среди многообразныхъ невзгодъ трудовой жизни. Предъ многочисленными фактами живого обнаруженія этой вѣры въ наши дни разъѣдающаго жизнь скетсиса нельзя не преклониться въ чувствѣ душевнаго восторга.

Вотъ эту-то святыню живой народной вѣры, это его религіозное жизнечувствіе и такое-же отношеніе къ жизни и призывается признать и воспринять въ себя русская свѣтская интеллигенція, со временъ Петровской реформы рѣзко свернувшая на иной путь и усвоившая себѣ имѣющее въ своей основѣ удовлетвореніе потребностей низшей природы культурно-гуманистическое жизнечувствіе.

Современный демократизмъ, однако, приведенной характеристики народнаго міросозерцанія не принимаетъ, видя

въ ней идеализацію народныхъ вѣрованій. Въ „мужицкой вѣрѣ“ онъ намѣренно закрываетъ глаза на все свѣтлое, стараясь всю ее свести „къ безчисленнымъ суевѣріямъ съ ихъ дикостями и нелѣпостями“, видя въ ней одну „тьму нелѣпыхъ вѣрованій и поганыхъ мыслей“. Принять народную вѣру для демократизма равносильно отказу отъ имени культурныхъ людей. Кажется, ясно, что когда въ народной вѣрѣ опредѣленно указывается на то, что въ ней подлежитъ интеллигентному воспріятію,—ссылкамъ на народныя суевѣрія, какъ на препятствіе къ этому, не должно-бы оставаться мѣста: признать и принять требуется вѣру, а не суевѣрія...— Нельзя, однако, игнорировать ссылокъ на суевѣрія. И не столько по вниманію къ самимъ ссылкамъ, сколько въ прямыхъ интересахъ народной-же вѣры изслѣдователь религіозныхъ вѣрованій народа обязывается о нихъ говорить. Область народныхъ суевѣрій—это та область, которая требуетъ къ себѣ преимущественнаго вниманія, труда и энергіи всѣхъ искреннихъ радѣтелей народнаго блага въ смыслѣ его духовнаго возрожденія. Да, больна народная душа „безчисленными суевѣріями“ и „тьмою нелѣпыхъ вѣрованій и поганыхъ мыслей“—этихъ естественныхъ продуктовъ народнаго невѣжества, отношеній простолюдина къ природѣ и особенностей земледѣльческаго труда. Больна она и „дикостями и несообразностями своего религіознаго міросозерцанія“. Рядомъ съ чистымъ золотомъ его, немало тутъ найдется и шелухи, подлежащей отдѣленію отъ здоровой пшеницы. Возможному здѣсь упреку въ убавленіи оптимистическихъ нотъ за счетъ пессимизма, кажется, не должно-бы быть мѣста: обозрѣватель народнаго міросозерцанія обязывается дать цѣлостную картину его, а въ картинѣ неизмѣнно различаются двѣ стороны—свѣтъ и тѣни. Отмѣтивъ положительную сторону въ народныхъ вѣрованіяхъ, естественно перейти къ дефектамъ въ нихъ.

Много еще сохраняется въ религіозномъ міросозерцаніи народа печальныхъ наслѣдій прошлаго, такъ много, что и на

свѣтломъ фонѣ народной вѣры они стоятъ темнымъ пятномъ. Рядомъ съ наивной, младенческой вѣрой въ Бога и непосредственностью религіозныхъ переживаній, уживается въ его сознаніи и темная вѣра въ колдуновъ и знахарей, вѣра въ волшебную силу заклинаній, „примѣты“, наговоры и разныя волшебства. Психика народа заполнена массою мелочей домашняго быта и сельско-хозяйственнаго обихода, и все здѣсь непремѣнно соединяется у него съ извѣстными суевѣрными предписаніями. Нарушить хоть одно изъ этихъ предписаній,—Боже, сохрани: отъ этого вредъ въ хозяйствѣ неизбѣженъ. И вотъ въ то время, какъ деревенскій мальчикъ или дѣвочка не знаютъ толкомъ домашней молитвы, безсмысленно приплетая къ исповѣданію вѣры въ Бога и вѣру „въ небо и землю, видимо-невидимо, слышимо-неслышимо“ (Успенскій),—суевѣрныя правила житейскаго обихода уже ими твердо усвоены. И за тысячелѣтній періодъ христіанства на Руси народное сознаніе на счетъ этихъ пережитковъ старославянскаго язычества недостаточно прояснилось. Вѣра въ зависимость отъ Бога уживается въ народномъ сознаніи съ признаніемъ столь же полной зависимости отъ природныхъ стихій; чувство отвѣтственности передъ Нимъ за всѣ свои дѣйствія и поступки не мѣшаетъ простолюдину часто кривить душою и Божіе милосердіе обращать въ поводъ къ продолженію вражды на ближняго, животной жизни, грѣху и распутству. Народъ не вполнѣ отчетливо представляетъ себѣ, что, собственно говоря, нравственной атмосферой создаются для него тѣ или иныя сельско-хозяйственныя положенія, и его искреннія воздыханія о грѣхахъ въ дни Божіихъ посѣщеній не соединяются непремѣнно съ соотвѣтственнымъ личнымъ нравственнымъ возрожденіемъ и измѣненіемъ жизни. Если нѣтъ дождя, надо святить колодецъ, идти въ поле крестному ходу, участіе въ каковыхъ обрядахъ для всѣхъ заинтересованныхъ въ дождѣ можетъ и не быть обязательнымъ. Здѣсь проглядываетъ механическое отношеніе народа къ предметамъ религіознаго освященія, а въ молитвѣ

съ единственной цѣлію снискать себѣ и къ своему хозяйству Божіе расположеніе—вульгарно грубоватый утилитаризмъ. Безцерковнымъ людямъ изъ просвѣщеннаго класса кажется, что и самые обряды освященій колодцевъ и крестныхъ ходовъ въ поля, въ виду, между прочимъ, такого отношенія къ нимъ народа, теряютъ свое значеніе и потому излишни. Но напрасно. Никому и никогда не придетъ въ голову, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ вреда и даже лишенія жизни вслѣдствіе неумѣлаго или неосторожнаго обращенія съ произведеніями и плодами культуры и техники отрицать и самую культуру. Тоже и въ религіозной области. Не уничтожать или отрицать нужно то, что недостаточно хорошо оцѣнивается, а прояснить по отношенію его сознаніе народа и вести его въ пониманіе высшаго смысла церковной обрядности, какъ символа духовнаго подъема и нравственнаго возрожденія людей.

Соціально-моральные взгляды и понятія народа, поскольку они выступаютъ въ народномъ міросозерцаніи, безъ сомнѣнія, стóятъ того, чтобы въ нихъ, въ прямыхъ интересахъ народнаго же блага, надлежаще разобраться. Справедливая оцѣнка и здѣсь весьма необходима. Славянофильско-народническое предвзятоидеализированное представленіе о крестьянинѣ, какъ соціально-моральномъ типѣ высшаго порядка, при столкновеніи съ дѣйствительностью, безусловно не выдерживаетъ. „Рядомъ съ прекрасными, хорошими и безразличными чертами въ нравахъ, понятіяхъ и классовой психологіи крестьянства, найдется не малая часть и такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ упадкѣ и деморализаціи, объ искаженіи народной души и ея извращеніи (Овсянико-Куликовскій „Ист. русской интеллигенціи“ ч. II).

Въ постиженіи прекрасныхъ свойствъ народной души, ума, характера, понятій, несомнѣнно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей принадлежитъ убѣжденнѣйшему народнику Ѳ. М. Достоевскому. Но когда мы у него читаемъ объ исключительномъ величіи народнаго духа, о „сросшемся съ

душою народа простодушіи и честности, его искренности, совершенномъ отсутстіи хитрости и лжи и широкомъ всеоткрытомъ умѣ", съ прибавленіемъ, что „все это находится въ немъ въ самомъ привлекательномъ и гармоническомъ соединеніи" (Дневникъ Писателя 1876 г. „о любви къ народу"), и сопоставляемъ со всѣмъ этимъ неприкрашенную дѣйствительность,—мы уже не сомнѣваемся въ томъ, что здѣсь—проповѣдь культа народа и крайняя, переходящая въ обожаніе, идеализація и его самого, и его понятій. Къ такому именно заключенію даетъ основанія и самъ Достоевскій, когда сознается, что въ „прекраснодушныхъ Мареевъ" онъ вѣрилъ „какъ-то слѣпо". Поэтому и извѣстная его формула: „не возвышая его до себя, любите народъ, а сами принизившись предъ нимъ"... (т. I „Изъ зап. книжки", стр. 358-я), есть, очевидно, плодъ не столько изученія народа, сколько идеализаторскихъ вожделѣній геніальнѣйшаго писателя. Слава Богу, хвала и честь русскому простому народу за все то великое и прекрасное, что въ немъ есть. Но въ интересахъ справедливаго и плодотворнаго отношенія къ нему, въ интересахъ народнаго-же блага существенно необходимо знать и его нехорошее,—чтобы оберегать отъ него народную душу. Повседневный опытъ убѣждаетъ, что рядомъ съ прекрасными качествами народной души стоитъ не меньшая масса и темныхъ сторонъ народнаго міросозерцанія, ума, характера, морали,—такая масса, что „гармоническое соединеніе" остается въ большомъ подозрѣніи. Стоитъ только вспомнить, съ какою болью души, съ какими муками оскорбленнаго возмущеннаго и тоскующаго нравственнаго чувства, отзывался, на отрицательныя стороны русской народной дѣйствительности выдающійся народникъ Гл. Успенскій въ своихъ непрестанныхъ поискахъ чистаго золота совѣсти народной, любви, и жизнеспособности началъ народной жизни. И если никто, безъ явнаго противорѣчія дѣйствительности, не можетъ рѣшиться отрицать подлинно дорогія и крѣпкія начала

этой жизни, то тѣмъ менѣе можетъ онъ пройти мимо всего, наводящаго здѣсь уныніе и тоску.

„Въ народной психикѣ,—читаемъ у современнаго историка русской литературы,—остался трудно истребимый слѣдъ крѣпостныхъ навыковъ,—ему, бывшему рабу, чужда идея свободы и самоцѣнности человѣческой личности, его понятія насквозь проникнуты крѣпостнически-рабскими инстинктами“ (Акад. Овсянико-Куликовскій). И развѣ трудно въ этомъ опытно убѣдиться? Стоитъ присмотрѣться къ соціально-моральнымъ взглядамъ деревни, къ ея отношеніямъ къ домашнимъ, особенно же къ старикамъ и старухамъ, какъ тотчасъ станетъ яснымъ, что у хозяйственнаго крестьянина почти не существуетъ иного взгляда на себя и своихъ близкихъ, какъ на рабочую силу, хозяйственную цѣнность, а не какъ на личность. Основная мѣрка для оцѣнки человѣка это успѣхъ или неуспѣхъ въ работѣ. На этомъ культѣ труда зиждется и крестьянская этика. Какъ съ поразительною правдою нынѣшнія отношенія деревни къ старикамъ напоминаютъ тѣ, что нарисованы въ извѣстной картинѣ съ ,,мірянами“ у Гл. Успенскаго: ,,ну, старичекъ Господній, силовъ у тебя нѣту... приходится тебѣ, старичку пріятному, пожалуй что и слѣзать съ земли-то“. Тѣ-же и теперь постоянные попреки: ,,пора тебѣ помирать, до какихъ поръ жить будешь, да даромъ хлѣбъ ѣсть“—сыплются неизмѣнно по адресу деревенскихъ дряхлецовъ-отцовъ и матерей—изъ устъ дѣтей. Хоть-бы небольшая польза по уходу и присмотру за дѣтьми, домашней живностью, когда всѣ на работѣ,—и то уже цѣнится, не считается ,,дармоѣдствомъ“. А что сказать объ этомъ битьѣ ,,смертнымъ боемъ“ женъ въ твердомъ убѣжденіи, что это—премѣнное мужнее право и даже долгъ, и о философскомъ равнодушіи къ нему сторонникъ? Что сказать о звѣрскихъ самосудахъ надъ конокрадами и неизмѣнномъ сожалѣніи деревни объ уничтоженіи розги—объ этомъ большомъ удовольствіи простолюдиновъ отъ зрѣлища тѣлеснаго наказанія ближняго? Здѣсь съ очевидностью выступаетъ полное обезцѣненіе

личности. Салтыковъ рисуетъ картину, какъ, при видѣ дикой расправы съ ослушникомъ начальственнаго распоряженія, неистово гоготала стоявшая на берегу рѣки толпа, приговаривая: ,,накладывай ему, накладывай, а хорошень-же его, хорошень"! Развѣ это не одна изъ выразительнѣйшихъ иллюстрацій цѣлой массы подобныхъ картинъ въ жизни деревни?! Порка Евсея, при посредствѣ котораго односельчане выиграли у помѣщика 20 десятинъ мелколѣсья съ отличными сѣнами и лугами, за невзносъ 12 р. 50 коп. податей, вызываетъ это характерное для міросозерцанія, и нынѣшней деревни разъясненіе крестьянина барину: ,,въ случаѣ ежели что, и Евсей твой тожъ-бы нашего брата не помиловалъ, (Успенскій). Въ отношеніи конокрада мораль крестьянства одна—убить его на мѣстѣ. Не только грѣха тутъ нѣтъ,—въ этомъ—исполненіе долга. Въ сельскомъ крестьянинѣ человѣкъ и звѣрь живутъ рядомъ, и горе, когда этотъ послѣдній въ немъ проснулся. ,,Душевно-прекрасный Марей" моментально превращается въ самаго безсердечнаго истязателя. Объ этомъ, въ прямое противорѣчіе себѣ-же, свидѣтельствуетъ великій народолюбецъ Ѳ. М. Достоевскій въ описаніи сцены дикой расправы пьяныхъ каторжниковъ съ татариномъ въ тюрьмѣ. Не забудемъ, что рядомъ со всѣмъ этимъ стоитъ и дѣйствительное золото все же великаго народнаго сердца. Слѣдуетъ отсюда, конечно, только то, что двѣ стороны въ душевномъ складѣ народа остаются, самими собою, нисколько одна другой не покрывая. Для интеллигентнаго труда, для дѣланія духовно-пастырскаго народная темнота—это нива, по своей шири—необъятная. И да пошлетъ Господь добрыхъ дѣлателей на эту ниву свою!

Нельзя говорить безъ ограниченій и притомъ значительныхъ и о ,,всеоткрытомъ широкомъ умѣ" крестьянина. Справедливо, что много, цѣлыя залежи здѣсь здороваго, много скрытыхъ въ зародышѣ талантовъ. Но кто-же изъ стоящихъ близко къ деревнѣ не знаетъ, сколько въ глубинѣ деревенскихъ понятій и порядковъ кроется несовершенствъ интел-

лектуальныхъ, достойныхъ и самаго серьезнаго вниманія и напряженія энергіи къ устраненію ихъ. Возьмите хотя-бы это слабое развитіе здѣсь личности, личной мысли и инициативы. По справедливому замѣчанію одного нашего писателя ,,деревенскій селянинъ привыкъ жить и мыслить не столько силами своего ума, индивидуальности, сколько по законамъ массовой психологіи, оптомъ, коллективно" (Бельтовъ-Плехановъ ,,За двадцать лѣтъ"). ,,Не бывало этого"! ,,Старики не запомнятъ"! ,,А какъ скажетъ міръ, опчество",— вотъ откуда обычно исходитъ деревня въ своихъ сужденіяхъ. Эта фатальная, въ признаніи народа, власть надъ нимъ стихій и разныхъ примѣтъ, эти безчисленныя суевѣрія во всей массѣ мелочей домашняго обихода и сельско-хозяйственнаго быта,—вся эта мертвая буква и застывшая традиція свидѣтельствуютъ не о работѣ мысли, а объ ея скованности.

Отрицаніе хитрости и лжи въ крестьянской этикѣ и признаніе здѣсь исключительной честности и прямодушія сильно расходятся съ дѣйствительностью, гдѣ такъ нерѣдки факты поражающей изворотливости сѣрячка, когда дѣло касается его пользы-выгоды. Знакомую землевладѣльцамъ иллюстрацію этой стороны деревенской этики даетъ Энгельгардтъ въ „Письмахъ изъ деревни".—„Пахать облагу (лугъ),— читаемъ у него,—нужно всѣмъ вмѣстѣ. Сговорились начать тогда-то. Шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ: проспалъ, выпивши вчера былъ, соха разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные—кому впередъ идти? Споръ. Наконецъ установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась, у того сбруя—всѣ стоятъ. Наладили, пошли; у того лошади лучше, тотъ самъ плохъ; неудовольствіе". По части искренности и честности обстоитъ не лучше.

Въ хозяйственномъ быту крестьянинъ привыкъ жить какъ-то самъ собою, особнякомъ, въ одиночку. Своими интересами онъ поглощенъ до полнаго равнодушія къ интересамъ

ближняго и общимъ. Никто, какъ народъ, выработалъ эту своеобразную этику: „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ", „моя хата съ краю, я ничего не знаю".—„Я не разъ указывалъ,—читаемъ въ цитированныхъ выше „Письмахъ изъ деревни", что у крестьянина страшно развитъ эгоизмъ, стремленіе къ эксплоатаціи, зависть, обманъ, недовѣріе другъ къ другу, подкапываніе одного подъ другого, нечестность на чужой работѣ, униженіе слабаго предъ сильнымъ, высокомѣріе сильнаго, страсть къ чужому. Каждый гордится быть щукой, чтобы пожрать карася" (Энгельгардтъ „Письма изъ деревни", стр. 491). Нужно-ли еще говорить о деревенскомъ кулачествѣ и его жестокихъ аппетитахъ?! Можно съ грустью наблюдать удручающія картины равнодушія къ чужому горю у столь отзывчивой обычно на всякую нужду деревни, когда семянинъ не прочь поживиться на счетъ своего-же собрата, разореннаго неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Тутъ онъ норовитъ мизерные пожитки земляка купить за самую что-ни на есть дешевизну, и слеза его не прошибетъ (см. „Аукціонъ" у Наумова). Рѣшающимъ въ куплѣ и продажѣ является въ деревнѣ не принципъ дѣйствительной стоимости, а этотъ невысокой пробы: продать подороже, купить подешевле. И все это—плодъ темноты и невѣжества народныхъ, плодъ тѣхъ вѣковыхъ неблагопріятныхъ условій жизни, среди которыхъ народъ находился.

Заканчивая нашъ скромный очеркъ, мы должны себѣ дать отчетъ въ томъ, зачѣмъ нужна была эта подробная характеристика отрицательныхъ сторонъ простонароднаго міросозерцанія. Ужъ, конечно, не порочить мы собираемся неустаннаго съ вѣчной думой на челѣ труженника-земледѣльца. Если кому, то пастырю народа въ особенности надлежитъ въ наше критическое время хорошо изучить область непрестающаго пастырскаго труда, а не убаюкивать себя традиціонными картинами идиллическаго благополучія. Область народнаго міросозерцанія въ его отрицательномъ содержаніи и есть подлежащая нашему изученію область. Цѣли такого изученія

такъ понятны: надо поднимать народъ изъ грязи, выводить его изъ темноты. И кто любитъ народъ, кто искренно желаетъ быть ему полезнымъ, тотъ, цѣня народное добро, золото его сердца, не можетъ закрывать глаза на темныя стороны его міросозерцанія. „Не принизиться предъ нимъ“ нужно; нужно, признавая *его* святыню, а не святыню *въ немъ*, снуститься къ нему съ единственной цѣлію возродить его духовно, поднять его религіозно-моральные и соціальные взгляды до степени положительной религіозно-этической цѣнности. Высокія качества народной души остаются самими собою, а отрицательныя — самими собою. Преклоняясь передъ первыми, тѣмъ справедливѣе и нужнѣе отмежевать отъ нихъ вторыя и въ мѣру силъ и энергіи взяться за очищеніе религіознаго міросозерцанія деревни отъ всей массы суевѣрій путемъ положительнаго раскрытія предъ нимъ Христовой истины, а соціально-моральнаго—отъ всѣхъ тѣхъ хроническихъ недуговъ, отъ какихъ она не только не выздоравливаетъ, но все больше и чаще болѣетъ.

Свящ. *І. Хохановскій.*

Христіанство и соціализмъ.

(Окончаніе) [1]).

Другимъ существеннымъ пунктомъ въ системѣ соціалистическаго ученія является догматъ о главенствѣ народа.

Главенство народа, для большинства его приверженцевъ, состоитъ не только въ томъ, что народъ становится источникомъ авторитета. Совсѣмъ нѣтъ. Оно присваиваетъ народу, т. е. кратковременному большинству и господствующимъ партіямъ, неограниченную власть. Въ глазахъ большинства

[1]) См. № 40 за 1912 40 г.

соціалистовъ какъ число создаетъ законъ, такъ число создаетъ и право.

Конечно, такой пунктъ соціалистическаго катихизиса явно враждебенъ христіанству. Христіанство учитъ, что выше народовъ, выше всякихъ царствъ, князей и королей стоитъ небесный судья, Господь Богъ. Посему обожествлять государство противно божескимъ и человѣческимъ законамъ.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ соціалисты. Они не учатъ народъ, что есть повелитель выше его, что есть Богъ, предъ которымъ и онъ отвѣтствененъ. Наоборотъ, они „временнѣ и безвременнѣ“ внушаютъ толпѣ, въ видѣ пароля, формулу Бланки: „ни Бога, ни господина“! Они увѣряютъ, что идея Бога есть только суевѣріе прежняго времени. Они представляютъ Бога въ видѣ надмірнаго монарха, паденіе котораго должно слѣдовать за паденіемъ земныхъ царей. Они утверждаютъ, что нельзя освободить человѣческую мысль иначе, какъ избавить ее отъ этого древняго тирана, который царствуетъ на небесахъ [1]).

Такимъ образомъ, Богъ, душа и ея спасеніе, небо или вѣчность—все это отрицается соціализмомъ, Богомъ въ религіи соціализма объявляется самъ человѣкъ и вѣра въ Бога замѣняется вѣрою въ человѣка, въ могущество его разума, науки, культуры и т. д.

Какъ же послѣ всего этого можно говорить о тождествѣ христіанства и соціализма?

Мы, право, не понимаемъ. Тутъ видно одно изъ двухъ: либо обманъ, либо недоразумѣніе.

Пойдемъ далѣе.

Послѣ Бога по христіанскому ученію, въ жизни и въ нашемъ сердцѣ занимаетъ мѣсто человѣкъ, со своею духовною самостоятельностью, разумною и безсмертною душою, являющійся на землѣ образомъ славы Божіей и причастни-

---

[1]) Проф. Больё: „Христіанство и соціализмъ“. Пер. С. Троицкаго. Спб. 1906 г., стр. 27.

комъ Божескаго естества во Іисусѣ Христѣ. Ничто по своей цѣнности не можетъ сравняться съ душою человѣка. Душа больше пищи, какъ тѣло одежды, и никакой пользы человѣку не будетъ, если онъ даже весь міръ пріобрѣтетъ, а душѣ своей повредитъ. Не въ изобиліи имѣній или матеріальныхъ благъ заключается жизнь и счастье человѣка, а въ духовныхъ благахъ единенія съ Богомъ мыслью, сердцемъ и волею, и въ плодахъ его. Отсюда личность человѣческая сохраняетъ свою абсолютную цѣнность независимо отъ всякихъ внѣшнихъ и случайныхъ условій своего существованія въ мірѣ и положенія въ обществѣ: богатство, знатность, власть и т. п. не блага сами по себѣ, какъ и бѣдность, рабство, униженіе и т. п. не зло и не несчастье сами по себѣ: все добро, что служитъ на пользу душѣ человѣка, и все зло, что вредитъ ей, ея близости къ Богу.

Въ соціализмѣ уваженіе къ личности, ея свободѣ превращается въ пустой звукъ матеріалистическимъ отрицаніемъ души и воззрѣніемъ на человѣка, какъ на случайное и временное сцѣпленіе матеріальныхъ атомовъ, со смертью превращающихся въ навозъ; отсюда слѣдуетъ въ соціализмѣ первенство матеріальнаго надъ духовнымъ въ жизни и производный характеръ, даже призрачность духовнаго по сравненію съ матеріальнымъ.

Соціалисты говорятъ, не человѣческая личность создаетъ жизнь или формы, среду для себя, а среда создаетъ человѣка.

Отсюда противоположность соціализма христіанству съ его ученіемъ объ обновленіи жизни путемъ духовнаго обновленія личности, также и въ ученіи соціализма о преобразованіи общественнаго строя жизни путемъ только внѣшнихъ соціально-политическихъ реформъ и даже путемъ насильственнаго переворота или путемъ насилія, особенно несовмѣстимымъ съ красивыми словами о любви и братствѣ, объ уваженіи къ свободѣ и личности [1]).

[1]) Проф. Н. Свѣтловъ: „Христіанство и соціализмъ“. См. „Церк. Вѣст.“ 1910 г. № 8. стр. 220.

Соціализмъ, такимъ образомъ, есть отрицаніе Бога, безсмертія души, да и ея существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть полное отрицаніе христіанства.

Намъ могутъ возразить:

А развѣ нѣтъ ничего общаго между соціализмомъ и христіанствомъ? а идея братства, равенства? вѣдь она одинаково присуща и тому и другому, и божественному и человѣческому ученію?

И на это мы должны отвѣтить отрицательно. Правда, и тамъ и здѣсь, и въ соціализмѣ и въ христіанствѣ есть идея братства и равенства всѣхъ людей. Но только между ними огромная разница.

Христіанство, напримѣръ, учитъ, что всѣ народы—одна Божья семья и что обижать иноплеменника—значитъ, обижать брата, оскорблять общаго Отца.

Соціализмъ же если и признаетъ братство, то стремится подмѣнить чувство христіанскаго братства между всѣми сынами одного и того же отечества и между всѣми дѣтьми одного и того же Бога тѣмъ, что называется „чувствомъ солидарности пролетаріата“, понятіемъ весьма различнымъ во всемъ, противоположнымъ христіанскому понятію и ученію о братствѣ.

Чувство милосердія можетъ относиться ко всѣмъ подобнымъ намъ, оно должно простираться на всѣхъ людей. Наоборотъ, хотя чувство солидарности пролетаріата и обнимаетъ большее число обитателей той-же страны, если хотите большинство,—тѣмъ не менѣе оно роетъ ровъ и ставитъ преграду между пролетаріями и обитателями извѣстной страны.

Итакъ, способы дѣйствія и тамъ и здѣсь противоположны.

Соціалисты, взывая къ классовымъ интересамъ, къ классовой враждѣ, отвергаютъ христіанское братство, такъ же, какъ и христіанское милосердіе. *Ихъ братство простирается только на ихъ единомышленниковъ и на ихъ дру-*

зей [1]). Къ другимъ, къ тѣмъ, которые не принадлежатъ къ пролетаріату, къ тѣмъ, которые не довѣряютъ доктринамъ и обѣщаніямъ соціалистовъ, къ тѣмъ, которые твердо держатся христіанской вѣры, соціалисты не чувствуютъ ничего, кромѣ вражды и ненависти.

Слѣдовательно, по содержанію своему идеи братства у соціалистовъ и христіанъ совершенно не совпадаютъ. Между ними несоизмѣримая разница.

Послѣднее возраженіе.

Намъ говорятъ: христіанство проповѣдуетъ объ общности имуществъ, а соціализмъ вѣдь только этого и хочетъ достигнуть. А что христіанство дѣйствительно одобряетъ и даже рекомендуетъ общность имуществъ, это видно изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Тамъ говорится: „всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее, и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ [2]). И въ другомъ мѣстѣ: „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ своего имѣнія не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ [3]). И далѣе: „не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ [4]). Если-же заключаютъ соціалисты, первохристіанская, апостольская община проповѣдывала коммунизмъ, то, значитъ, въ данномъ пунктѣ, въ ученіи объ общности имуществъ христіанство и соціализмъ вполнѣ совпадаютъ.

И съ этимъ нельзя согласиться. Дѣло въ томъ, что представленіе, что первые дни христіанской жизни были посвящены созиданію экономической системы или выработкѣ

---

[1]) Больѣ, стр. 41.
[2]) Гл. 2, ст. 44 – 45.
[3]) Гл. 4, ст. 32.
[4]) Гл. 4, ст. 34—35.

твердыхъ правилъ соціальной жизни, совершенно не соотвѣтствуетъ духу тѣхъ дней. Прежде всего, мы не находимъ никакого доказательства того, чтобы то, что сообщается о маленькой общинѣ въ Іерусалимѣ, къ какомъ либо отношеніи выставлялось въ качествѣ всеобщаго правила. Въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ“ нѣтъ никакого дальнѣйшаго указанія на коммунистическую собственность. Напротивъ, мы читаемъ, что мать Марка продолжала владѣть своимъ домомъ въ Іерусалимѣ [1]), и что изъ Антіохіи присылалась добровольная помощь братьямъ въ Іерусалимъ, „смотря по достатку каждаго“ [2]). Апостолъ Павелъ совершенно ничего не знаетъ о коммунистическихъ началахъ первоначальной христіанской общины. „Каждый удѣляй по расположенію сердца, говоритъ онъ, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ“ [3]); „въ первый день недѣли, пишетъ онъ, каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволитъ ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я прійду“ [4]); „таковыхъ мы увѣщеваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ“ [5]).

Отсюда видно, что коммунизмъ пятидесятницы былъ добровольнымъ. Не было никакой принудительности. „Доброхотно дающаго, пишетъ ап. Павелъ, любитъ Богъ“ [6]).

Слѣдовательно, такъ называемый коммунизмъ перваго христіанства былъ радостнымъ, свободнымъ семейнымъ отношеніемъ, полнымъ великодушной готовности къ помощи и служенію. Онъ не уничтожаетъ различія между богатымъ и бѣднымъ и еще менѣе вторгается въ область производящей промышленности. Его экономическій строй былъ строемъ

---

[1]) Гл. 12, ст. 32.
[2]) Дѣян. 11 гл. 29 ст.
[3]) 2 Кор. 9 гл. 7 ст.
[4]) 1 Кор. 16 гл. 2 ст.
[5]) 2 Сол. 3 гл. 12 ст.
[6]) 2 Кор. 9 гл. 7 ст.

любящей семьи. Каждый могъ удерживать свое собственное владѣніе; но „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ“. Сердца первыхъ вѣрующихъ были одушевлены къ служенію другимъ до полнаго забвенія себя, до полнаго самопожертвованія [2]).

Такого же добровольнаго коммунизма соціализмъ не признаетъ. Онъ стоитъ за принудительное отчужденіе земельной собственности. Онъ ратуетъ за силу, а не за любовь.

Какая же тутъ можетъ быть рѣчь о сходствѣ между соціализмомъ и христіанствомъ?—Рѣшительно никакой.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы приходимъ къ тому заключенію, что христіанство совершенно не совмѣстимо съ соціализмомъ. Ни въ одномъ пунктѣ, ни въ одной идеѣ, ни въ одномъ догматѣ.

Противное можно утверждать или по недоразумѣнію, или по требованіямъ партійной тактики въ цѣляхъ болѣе успѣшной пропаганды въ народѣ.

Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Посему нужно постепенно раскрывать глаза народа на дѣятельность и пропаганду появившихся среди нихъ апостоловъ новаго и чуждаго христіанству соціалистическаго ученія.

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи,
Священникъ *Александръ Введенскій.*

---

[2]) Пибоди: „Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ“. Изд. 2, стр. 25—26.

ЗАМѢТКА

Современные духовные запросы прихожанъ.

На пастырскомъ собраніи духовенства 9 округа, Костромской епархіи, обсуждались причины упадка пастырскаго авторитета и мѣры къ его возстановленію.

На этомъ собраніи былъ заслушанъ интересный докладъ священника о. П. Рождественскаго, касающійся современныхъ духовныхъ запросовъ прихожанъ.

Прежде всего, говорилъ о. Рождественскій, необходимо считаться съ настроеніемъ паствы. Еще недавнее благоговѣйное отношеніе народныхъ массъ къ христіанству и церкви, подъ вліяніемъ переустройства государственнаго и ученія соціалистовъ, смѣнились равнодушіемъ къ вѣрѣ и даже отрицаніемъ всякой религіи. Теперь повсюду раздается подпольная проповѣдь объ изгнаніи христіанства, а равно представителей церкви—пастырей. Современное стремленіе соціалъ-демократовъ—лишить церковь вліянія на народъ,—а при той разобщенности, какая въ настоящее время существуетъ между пастыремъ и мірянами, этого достигнуть не трудно, если принять во вниманіе, какія для того употребляются средства. Подпольная пропаганда особенно обрушилась на православное духовенство, и трудно сказать, въ чемъ бы оно не обвинялось: и въ умственной отсталости, и въ безвѣріи, и недѣятельности, и корыстолюбіи, и неблагоповеденіи, и пр. и пр. Одновременно проповѣдуется, что „религія есть частное дѣло", чѣмъ распространяется полное безвѣріе, ненадобность религіи, церкви. Видя такой напоръ со стороны враждебнаго церкви соціализма, вѣрныя чада прав. церкви ищутъ способовъ, какими бы можно было бы отразить эти нападки на свое „святое-святыхъ"—православную вѣру, и въ этихъ поискахъ за средствами естественно обращаютъ взоры на своихъ пастырей, какъ вождей и руководителей религіозной жизни. Вслѣдствіе сего къ пастырямъ предъявляютъ требованіе—быть на высотѣ своего служенія; и это не съ цѣлію умалить насъ въ глазахъ общества, а чтобы имъ самимъ опереться на насъ въ борьбѣ съ врагами церкви и гордиться нами, какъ дѣйствительными носителими благодати и неностыдными дѣлателями на нивѣ Христовой. При усвоеніи пастырями такого взгляда на современные запросы общества, имъ остается только отозваться на эти запросы и подвигнуться на подвигъ—

для поддержанія религіи и авторитета пастырскаго поступиться нѣкоторыми удобствами жизни. Враги и друзья наши одинаково требуютъ отъ насъ, хотя съ разными цѣлями, чтобы мы были примѣромъ для всѣхъ „словомъ, житіемъ, вѣрою, любовію, чистотою". И мы постараемся быть такими сами, понудимъ на то же и нашихъ ближайшихъ помощниковъ — псаломщиковъ! Прискорбная явленія, какія иногда встрѣчаются въ личной жизни духовенства сами собой тогда отпадутъ. Матеріальная зависимость отъ прихожанъ, дѣйствительно отравляющая наше служеніе, потеряетъ тогда свою остроту, и мы за дѣломъ спасенія душъ забудемъ о своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ къ пасомымъ. Въ частности, существующіе сборы натурою, крайне унижающіе насъ предъ прихожанами—мелочные нужно теперь же оставить, а болѣе существенные облагородить такъ, чтобы они были для пасомыхъ не нуждою, а изволеніемъ благородныхъ сердецъ. А главное—для поднятія пастырскаго авторитета,—это сообразовать самую пастырскую дѣятельность съ современнымъ внутреннимъ духовнымъ состояніемъ и запросами паствы. Всѣмъ извѣстно, насколько измѣнилась въ настоящее время религіозно-нравственная жизнь простого народа по сравненію съ недавнимъ прошлымъ; соотвѣтственно этому, должна измѣниться и наша пастырская дѣятельность. Еще недавняя общая для простого народа неграмотность, неразвитость и равнодушіе ко всему, что выходило за предѣлы его хозяйства, отразились и на его религіозной жизни, на его отношеніи къ слову Божію, богослуженію, къ священнику. Еще недавно вся религіозная жизнь исчерпывалась обрядовой стороной, въ которой полагалась сущность религіи и религіозности. Религіозность выражалась въ постѣ и молитвѣ съ ея внѣшними обрядами; пасомые довольствовались выслушиваніемъ въ храмѣ богослужебныхъ молитвословій и пѣснопѣній, продолжительнымъ тамъ выстаиваніемъ. Народъ, при своей неразвитости, не понималъ того, что слышалъ. Онъ входилъ въ храмъ, по которому разносился для него „священный гулъ" отъ чтенія

и пѣнія, и подъ этотъ гулъ простецъ молился, не понимая смысла того, что слышалъ—что читалось, и въ особенности, что пѣлось, не чувствуя даже потребности проникнуть въ сущность и смыслъ, проводя время въ пріятной, сладостной дремотѣ. Конечно, такіе прихожане снисходительно относились къ качеству чтенія и пѣнія. Нынѣ совсѣмъ уже не то: народъ такъ или иначе развивается; съ развитіемъ проснулась любознательность. Простой мужичекъ уже не только хочетъ молиться, но и понимать смыслъ молитвы, жить сознательною религіозною жизнію, разумѣть внутренній смыслъ того что онъ видитъ и слышитъ за богослуженіемъ. Такъ какъ прихожане почувствовали потребность сознательно участвовать въ богослуженіи, то они стали требовать неспѣшнаго, раздѣльнаго и отчетливаго чтенія и пѣнія. Требуя этого, народъ отличаетъ своею любовію тѣхъ священно-церковнослужителей, которые служатъ отчетливо, выразительно, чѣмъ даютъ возможность все слышать и сознательно молиться. Но какъ бы хороша ни была служба церковная, она не удовлетворитъ народъ, ему еще нужна духовная пища въ проповѣди. Народъ любитъ учительныхъ пастырей. При накопленіи извѣстнаго количества знаній, при начавшейся работѣ мысли, развивается самосознаніе, самостоятельность и большее или меньшее критическое отношеніе ко всѣму; сила внѣшняго авторитета тогда слабѣетъ. Человѣкъ внутренне побуждается провѣрить все, что ему сообщаютъ, ему хочется самому поработать, своимъ умомъ дойти до познанія истины. Народъ становится на свои, такъ сказать, ноги, поэтому должно начаться и воспитаніе иного характера, воспитаніе болѣе глубокое. Эта новая особенность современнаго прихожанина рѣзко отличаетъ его отъ прежняго. Прежде авторитетъ батюшки былъ безусловный. О чемъ бы ни говорилъ пастырь народу—о таинствахъ, о храмѣ, о почитаніи иконъ, о призываніи святыхъ, о молитвѣ за умершихъ,—всему вѣрили, не требуя никакихъ доказательствъ. „Батюшка сказалъ“, и этого было достаточно, чтобы предложенное ученіе получило

силу безусловной истины. Теперь же не только надо сказать, но и доказать основательно, представивъ разумныя основанія изъ слова Божія, твореній св. отцовъ и др.—Тогда только пытливый умъ простеца согласится, и предложенное ученіе получитъ силу внутренняго убѣжденія.

Стремленіе быть самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ изъ области внутренней жизни переносится и на внѣшнюю, общественную жизнь. И здѣсь народъ хочетъ все знать, во все вникнуть, чего бы вопросъ ни касался,—касается ли церкви и церковнаго имущества, школы, школьнаго хозяйства, или ученья. Народъ стремистя внести долю своего участія, чувствуетъ потребность стать дѣятельной, сознательной единицей въ составѣ общества. Этотъ моментъ пастырямъ надо уловить и воспользоваться имъ для устроенія приходской жизни, гдѣ пастырь только и можетъ сродниться духовно съ своими пасомыми, стать ближе къ нимъ, какъ къ сынамъ и дщерямъ.

Справедливая рѣчь о. Рождественскаго заслуживаетъ полнаго вниманія. (Кормчій).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го октября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

№№ 42—43.

1912-го года 14—21-го октября.

Содержаніе: I. Заблужденіе сектантовъ. Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи, Свящ. А. Введенскій.—II. Правда о современности и мѣры къ ея оздоровленію. Свящ. І. Хохановскій.—III. Судъ правый и милостивый. Свящ. В. Шестряковъ.—IV. Почему при богослуженіи въ православныхъ храмахъ должно употребляться псалмодическое, а не речитативно-разговорное пѣніе.—V. Замѣтки. a) О всенародномъ пѣніи въ церквахъ. b) Священникъ—врачъ. c) Призывъ къ сельскимъ матушкамъ.

Заблужденіе сектантовъ.

(*По вопросу о рукоположеніи*).

Православная Церковь учитъ, что въ таинствѣ священства рукополагаемому лицу сообщаются при посредствѣ святительскаго руковозложенія особенные благодатные дары, потребные ему для того, чтобы пасти Церковь Христову и совершать таинства [1]).

[1]) См. Екатеринослав. Еп. Вѣдомости. 1910 г. № 13.

Совсѣмъ иначе разсуждаютъ по данному вопросу сектанты. „Мы, говорятъ молокане, собравшись, назначаемъ изъ среды себя человѣка, по возможности, соотвѣтствующаго требованію св. Писанія, молимся, чтобы Вѣчный Первосвященникъ благословилъ наше избраніе и рукоположеніе, такъ какъ Онъ обѣщалъ, говоря: истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чтобы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Небеснаго (Мѳ. 18 гл. 19 ст.)“ [1]).

„Церковь (т. е. общество штундистовъ), замѣчается въ письменномъ изложеніи вѣроученія штундистовъ, избираетъ изъ числа своихъ членовъ старцевъ (пресвитеровъ), учителей и служителей, которые посредствомъ посвященія облекаются саномъ. Подъ посвященіемъ мы разумѣемъ обычай, которому учитъ насъ священное Писаніе и который состоитъ въ томъ, что избранные общиною для служенія лица, при молитвѣ и возложеніи рукъ старцами этой или другой общины, отдѣляются отъ дѣлъ ихъ званія“ [2]).

Такимъ образомъ, сектанты смотрятъ на рукоположеніе не какъ на священнодѣйствіе, сообщающее благодатные дары Св. Духа, а какъ на простой обрядъ, показывающій передачу рукополагаемому лицу общественныхъ правъ и полномочій. „Возложеніе рукъ, говорятъ сектанты, все равно, что рукоприкладство; возложить руки, значитъ—подать руки, избрать, утвердить. И только“.

Посмотримъ, можно ли оправдать такой взглядъ при помощи св. Писанія, на которое такъ любятъ ссылаться сектанты въ защиту своихъ доводовъ.

Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ повѣствуется: „видѣвъ же Симонъ (Волхвъ), яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый, принесе имъ серебро, глаголя: дадите

---

[1]) „Исповѣданіе вѣры молоканъ донского толка“ ч. 2, стр. 12; ч. I, стр. 8—9.

[2]) Ушинскій: вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ“. стр. 129.

и мнѣ власть сію, да на негоже аще положу руцѣ, пріиметъ Духа Святаго“ [1]). Знаменательныя слова! Они показываютъ прежде всего то, что благодатные дары Духа Святаго подавались только чрезъ апостольское рукоположеніе, такъ какъ Симонъ Волхвъ не обращался ни къ кому другому, но только къ апостоламъ.

Сектанты утверждаютъ, что право рукоположенія принадлежало всему обществу христіанъ, что за кого всѣ подадутъ руки, тотъ и рукоположенъ. Но почему же тогда Симонъ Волхвъ обратился къ апостоламъ, а не къ обществу вѣрующихъ христіанъ? Къ христіанамъ ему удобнѣе было обратиться. И вотъ почему. Симонъ славился волхованіемъ. А волхованіе такое искусство, которое обольщаетъ, подкупаетъ, гипнотизируетъ толпу, создаетъ авторитетъ владѣющему этимъ искусствомъ и которое обезпечиваетъ ему успѣхъ во всякомъ предпріятіи. Что Симонъ Волхвъ имѣлъ вліяніе на массу вѣрующихъ и невѣрующихъ, объ этомъ говоритъ намъ какъ церковная исторія, такъ и св. Писаніе, въ частности— книга Дѣяній Апостольскихъ. А если онъ имѣлъ сильное вліяніе на общество, то къ нему, къ обществу, и нужно было обратиться Симону Волхву съ просьбой о рукоположеніи, такъ какъ общество скорѣе всего, во вниманіе къ его искусству, удовлетворило-бы его просьбу. Однако онъ не сдѣлалъ этого. Онъ пошелъ не къ обществу, а къ Апостоламъ.

Почему такъ?

Да потому, что только одни апостолы могли рукополагать, да еще тѣ, кому они сообщили это право. Если бы было иначе, Волхвъ обратился бы къ обществу, гдѣ скорѣе всего добился бы своей желанной цѣли.

Что не все общество рукополагало, а только люди, облеченные благодатію священства, видно еще изъ слѣдующихъ словъ апостола Павла: „не неради о твоемъ дарованіи, кото-

[1]) Дѣян. Ап. 8 гл. 18—19.

рое дано тебѣ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ (не общества) священства". [1]). Въ другомъ мѣстѣ сей же апостолъ прямо говоритъ, что даръ Божій (даръ священства) данъ Тимоѳею „чрезъ моё рукоположеніе", а не общества [2]). Затѣмъ, апостолъ Павелъ Тимоѳею и Титу, а не обществу вѣрующихъ Ефесянъ и Критянъ, поручилъ и другихъ возводить на различныя степени священства [3]). Замѣчателенъ еще тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ общество избирало на священныя должности, тамъ одного этого избранія не было еще достаточно, а требовалось рукоположеніе апостоловъ [4]). Слѣдовательно, не общество рукополагало (оно иногда только лишь избирало), а апостолы и ихъ преемники.

Возвратимся еще къ Симону Волхву. Выписанныя слова изъ книги Дѣяній Апостольскихъ говорятъ еще и о томъ, что рукоположеніе апостоловъ сообщало поставляемымъ дары Св. Духа, дары особенные отъ тѣхъ, какими надѣлялся всякій вѣрующій въ таинствѣ крещенія, дары, именуемые на языкѣ св. Писанія благодатію священства. Вѣдь Симонъ Волхвъ просилъ апостоловъ не о томъ, чтобы они низвели на него тѣ дары, какіе низведены были на всѣхъ вѣрующихъ, а тѣ, какими сами они владѣли: „дадите и мнѣ власть сію, да на негоже аще положу руцѣ, пріимет Духа Святаго". Такими дарами владѣли въ то время только апостолы и ихъ ученики, такъ какъ къ нимъ только и обратился Симонъ Волхвъ. А эти то дары и называются благодатію Св. Духа, благодатію священства. Слѣдовательно, рукоположеніе не простой обрядъ, какъ думаютъ сектанты, не передача обществомъ своихъ правъ и полномочій, а нѣчто болѣе высшее, болѣе таинственнѣе, болѣе благодатное.

Что черезъ руковозложеніе сообщались рукополагаемому іерархическому лицу особые благодатные дары, потребные

---

[1]) 1 Тим. 4 гл. 14 ст.

[2]) 2 Тим. 1 гл. 6 ст.

[3]) 1 Тим. 5 гл. 22 ст., Тит. 1 гл. 5 ст.

[4]) Дѣян. 6 гл 6 ст.

ему для того, чтобы пасти Церковь Христову и совершать таинства, видно еще изъ слѣдующихъ мѣстъ св. Писанія:

„Внимайте себѣ,—пишетъ Апостолъ Павелъ представителямъ Ефесской церкви, и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Своею Кровію“ [1]). „Не неради, пишетъ тотъ же апостолъ къ епископу Ефесской церкви Тимоѳею, о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи, которое дано тебѣ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства“ [2]). И въ другомъ мѣстѣ: „напоминаю тебѣ возгрѣвать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое рукоположеніе“ [3]).

Въ данныхъ словахъ Апостола къ Тимоѳею говорится, безъ сомнѣнія, объ особомъ дарѣ благодати, постоянно живущемъ въ Тимоѳеѣ. А если такъ, то здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ не о чрезвычайномъ дарованіи, и не о тѣхъ дарахъ, которые сообщаются въ таинствѣ крещенія и миропомазанія, потому что Апостолъ указываетъ даже и внѣшній знакъ, характеризующій это таинство—руковозложеніе. Слѣдовательно, апостолъ Павелъ говоритъ здѣсь о томъ благодатномъ дарованіи, которое сообщается избранному и посвященному лицу въ таинствѣ священства чрезъ святительское рукоположеніе. Такое благодатное дарованіе называется у апостола „даромъ Божіимъ“, что говоритъ о божественномъ происхожденіи и благодати священства и іерархическаго служенія. А въ первомъ посланіи къ Тимоѳею апостолъ Павелъ священство называетъ таинствомъ. „Епископы и діаконы, пишетъ онъ,... хранящіе таинство вѣры въ чистой совѣсти“. [4]) Этими словами апостолъ напоминаетъ епископамъ и діаконамъ, что необходимо и имъ свой санъ, какъ даръ Божій, таинствомъ вѣры вручаемый, содержать въ чистой совѣсти.

---

[1]) Дѣян. 20 гл. 28 ст.
[2]) 1 Тим. 4 гл. 14 ст.
[3]) 2 Тим. 1 гл. 6 ст.
[4]) 1 Тим. 3 гл. 8–9 ст.

Подводя итогъ всему вышесказанному, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что руковозложеніе, совершаемое въ таинствѣ священства, есть такой пріемъ, который указанъ апостолами, и сообщенъ не обществу, а исключительно лицамъ, облеченнымъ благодатію Св. Духа, для низведенія на рукополагаемаго божественныхъ полномочій.

Законоучитель Одесской 2-й мужской
гимназіи, Свящ. *А. Введенскій.*

Правда о современности и мѣры къ ея оздоровленію.

Если современные изслѣдователи общественной психологіи констатируютъ общее пониженіе въ сознаніи интеллигентнаго русскаго общества положительныхъ идеаловъ, то религіозно-этическая оцѣнка явленій современности въ свою очередь отмѣчаетъ, какъ одно изъ прямыхъ слѣдствій обнищанія общественной идеологіи,—общественный религіозно-моральный развалъ. Въ былое время изъ свѣтлаго храма жизни тянулись огоньки свѣта, добра и красоты въ дома и семьи. Строители жизни, среди всякихъ условій ея, почитали нравственно-обязательнымъ долгомъ до конца нести жизненную ношу, во имя вѣчнаго своего назначенія въ бытіи загробномъ. Падающіе подъ ея тяжестью, если и были, то составляли рѣдкія исключенія. А что теперь? Теперь не свѣтомъ и тепломъ пахнетъ на васъ изъ жизненнаго храма, а чаще—жуткимъ холодомъ могилы. И если вы—искренній радѣтель о чистотѣ святыни семейнаго очага,—предъ вами одною изъ первыхъ тотчасъ встаетъ труднѣйшая по нынѣшнему времени задача о томъ, какъ оберечь его отъ разлагающихъ вліяній современности. Въ наличной общественности скопилось много факторовъ, способствующихъ обезцѣненію жизни во всемъ разнообразіи ея содержанія. Надъ нами по-

висъ какой-то безпросвѣтный сумракъ. Характернымъ явленіемъ момента является постоянное нытье у однихъ и почти общія жалобы на молодое поколѣніе у другихъ. Не станемъ особенно себя утѣшать,—есть тутъ предъ чѣмъ придти въ смущеніе. Но не нытьемъ, не жалобами излѣчить намъ общественные недуги и язвы жизни. Внимательно осмотрѣвшись кругомъ, не трудно убѣдиться, что всѣ мы тутъ и во всемъ кругомъ виноваты. Если же начать оглядываться, то на себя старшему поколѣнію прежде всего и должно оглянуться. Съ него, съ интеллигентныхъ отцовъ и должно начинать; какъ кажется, есть уже отрадные симптомы того, что этотъ пересмотръ и чистка себя въ общественномъ сознаніи уже начались.

Жалобы на молодежь, конечно, не несправедливы. Но сколько ни жалуйся,—не должно забывать, что она-то—плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ. Въ отношеніи старшаго поколѣнія у ней готовъ тотъ же упрекъ. „Въ Россіи,—по вѣрному на этотъ разъ утвержденію М. Горькаго въ его послѣднемъ очеркѣ „О современности“,—дѣти слишкомъ рано видятъ отцовъ вѣроотступниками“. Что-же удивительнаго, „если и сами они, становясь отцами, легко становятся такими-же вѣроотступниками, „перевертнями“. Примѣръ всегда заразителенъ, и съ дѣйствіемъ на душу примѣра ничто не сравнится. А въ примѣрѣ старшихъ чего только нѣтъ,—и осужденіе религіи и вѣры, и порицаніе власти и авторитета, и осмѣяніе добродѣтели съ равнодушіемъ къ христіанскому подвигу, и восхваленіе пороковъ и преступленій и—тяжело сказать—идеологія распущенности и разврата. „Вчера, когда мы были отроками,—символизируетъ Горькій рѣчь молодежи,—вы, отцы, внушали намъ, что безыдейность есть великій грѣхъ противъ духа жизни,—сегодня, когда мы стали юношами, вы говорите намъ: „Идеи только затѣмъ и придуманы, чтобы давать право уродовать людей“. Вчера вы говорили о красотѣ жизни, глубокомъ ея смыслѣ, о величіи и сладости подвига, о необходимости сѣять въ мірѣ добро,—

сегодня вы доказываете, что разумъ безсиленъ и слѣпъ, существованіе добра сомнительно, жизнь—занятіе безсмысленное, а красивый подвигъ въ лучшемъ случаѣ мальчишеская выходка... О женщинѣ говорили вы, какъ о подругѣ и товарищѣ, а сегодня гогочете и хихикаете, когда хулиганы, вами же созданные, оголяютъ ее, издѣваются надъ нею, и уже не товарищъ она, не мать и не сестра... Что намъ думать о васъ: сегодня или вчера вы были искренни"? („О современности" М. Горькій). И молодежь съ логической неизбѣжностью для себя не очень торопится становиться въ ряды преемниковъ въ общественной работѣ, часто чувствуя здѣсь себя чужими людьми. Послѣдствія всего поистинѣ безотрадны. Впечатлительная молодость въ своемъ тягостномъ одиночествѣ не всегда справляется съ задачей разобраться въ противорѣчіяхъ стараго съ новымъ. Въ нерѣдкихъ случаяхъ раздумья загоняютъ ее—молодежь—въ самое себя и въ разрѣшеніи проклятыхъ вопросовъ создаютъ тотъ эгоцентризмъ, которымъ явно больна современная молодая душа, противъ котораго не устояли и которымъ переболѣли даже такія сильныя натуры, какъ Левъ Толстой. Это же въ свою очередь ведетъ къ упадку въ ней жизнеспособности, крушенію вѣры въ идеалы, къ духовной дряблости и нравственному разладу, а въ заключительной стадіи—къ прямому отрицанію смысла жизни. Принявшая зловѣщіе размѣры эпидемія самоубійствъ—печальнѣйшее тому подтвержденіе.

Изъ сказаннаго доселѣ уже можно догадаться, что вся эта грустная картина глубокаго противорѣчія между старымъ и новымъ развернулась во всю ширь въ русской литературѣ, гдѣ она, какъ въ зеркалѣ, нашла свое полное отраженіе. Уяснить себѣ это и значитъ—понять и объяснить глубокую трагедію русской общественности, трагедію молодой русской души. И вотъ здѣсь-то, для изображенія нашей современности по даннымъ русской литературы, мы позволимъ себѣ использовать цѣликомъ въ данномъ случаѣ правдивыя, какъ

намъ кажется, параллели указаннаго выше писателя по тому же его очерку „О современности".

„Въ прошломъ русская литература была очень сильна проповѣдью человѣчности, глубокимъ интересомъ къ жизни народа, цѣломудреннымъ отношеніемъ къ женщинѣ, упорными поисками всеобщей и всеосвѣщающей правды. Старый русскій писатель былъ поистинѣ учителемъ жизни, вѣрнымъ и душевнымъ другомъ своего читателя, великомученикомъ торжества правды ради, апостоломъ свободы и не судьей людей, а свидѣтелемъ ихъ страданій; повѣствуя о скорбяхъ жизни, онъ хотѣлъ и умѣлъ ободрить усталаго, пожалѣть человѣка той благородной, материнской жалостью, которая выражается молча, доходитъ до сердца безъ словъ. Онъ не позволялъ ни ренегатамъ, ни „обозной" пакости (тутъ у Горькаго менѣе благозвучное слово) орать на себя и командовать собою,— не ставилъ имя свое рядомъ съ именами торговцевъ словомъ, пасквилянтовъ и языкоблудовъ, не садился за одинъ столъ съ безстыдниками, не шелъ за тѣмъ, кто больше платитъ. Старый писатель былъ внимателенъ къ жизни и любилъ человѣка, муки котораго были вмѣстѣ и его муками (Гл. Успенскій, Гаршинъ).

„О современномъ литераторѣ даже и при желаніи нельзя сказать что либо лестное... Когда ему совѣтуютъ: „Почистись отъ грязи, приведи себя въ приличный видъ"!—онъ кротко (вѣрнѣе, кажется, было-бы сказать—неизмѣнно) отвѣчаетъ: „Теперь такое время, когда всѣ замараны, и никто не имѣетъ права выступить противъ другихъ, теперь всѣ смѣшались въ одну кучу, и если начать чистить,—не останется ни одного литератора". Очень просто и очень искренно,— вставляетъ здѣсь писатель.—Въ свое время столь искреннія сужденія людей о самихъ себѣ я слышалъ въ ночлежныхъ домахъ: „Мы всѣ здѣсь насквозь жулики, и поворота намъ нѣтъ никуда, шагай прямо на скамью подсудимую". Современная литература рѣзко уклонилась въ сторону отъ тѣхъ прекрасныхъ традицій, которыя выработалъ старый писатель,

и утратила свое педагогическое значеніе. Мнѣніе о писателѣ, какъ человѣкѣ честномъ и чистомъ, вытравлено изъ памяти читателя нынѣшней литературы. Изо-дня въ день она разрушаетъ этическія оцѣнки, выработанныя доселѣ съ такимъ трудомъ и съ такой огромной затратой силъ. „Противъ чего борются сегодня? Противъ тѣхъ идей и принциповъ, которые внѣдрялись въ сознаніе русскаго общества лучшими его мыслителями".

„Что проповѣдуется на смѣну этимъ идеямъ? Мнѣ кажется, что основная тенденція современной литературы сводится болѣе или менѣе къ переоцѣнкѣ дѣятельности Іуды Искаріота. Сей послѣдній въ извѣстномъ торговомъ дѣлѣ объявленъ „непонятымъ братомъ", а его жалкій конецъ—„царственнымъ закатомъ". Вотъ до чего легко русскій писатель освободился отъ цѣпей (лучше было-бы сказать—требованій) старой морали... Нынѣ даже крупный литераторъ находится въ сильномъ подчиненіи низменнымъ интересамъ все растущей уличной прессы, не брезгуя дружбой съ христопродавцами и словоблудами. Болѣе того: онъ какъ бы подчеркиваетъ свое объединеніе съ ними.... Писатель не выше жизни и не впереди ея, а ниже и сзади; лѣниво идя по грязнымъ ея слѣдамъ, онъ не замѣчаетъ живыхъ и великихъ жизненныхъ цѣлей... Нѣчто отвратительное скрыто подъ нашимъ стремленіемъ—отмѣчать въ жизни и человѣкѣ прежде всего дурное и темное. Утвержденіе его—дѣло легкое и заслуги предъ людьми въ немъ нѣтъ... Правда, въ жизни много грубаго и злаго, но есть вѣдь въ ней и доброе, ясное человѣческое; помогите росту хорошаго,—дурное умалится"...—„Мы больше живемъ настроеніями.—Но помнить надо,—замѣчаетъ писатель,—что настроенія заражаютъ, но не воспитываютъ; воспитываютъ же только идеи". („О современности", М. Горькій).

Намъ кажется, въ этомъ случаѣ справедливъ цитируемый нами писатель, когда говоритъ такъ о бѣдной духовно нашей современности! И отрадно, что эта правда о

современности путемъ той же прессы пробиваетъ себѣ дорогу въ сознаніе общества, становясь общественнымъ достояніемъ. Мысль лучшихъ русскихъ людей занята изысканіемъ способовъ и средствъ противъ разъѣдающаго самоанализа и отрицанія цѣнности жизни и по оздоровленію тяжко больной современности. Она усиленно ищетъ, что-бы противопоставить этой убивающей проповѣди безнадежнаго пессимизма и небытія, и настойчиво стремится къ тому, какъ бы вернуть современности здоровое жизнерадостное пониманіе жизни и возродить въ ней свѣтлые идеалы. Маститый бытописатель нашей интеллигенціи—П. Д. Боборыкинъ избавленіе отъ болѣзни эпохи видитъ „въ разумномъ подчиненіи личности природѣ вещей, подчиненіи своего „я"—коллективу, внѣ связи съ которымъ немыслимъ человѣкъ. Идеалъ этого разумнаго подчиненія, столь свойственный русскому крестьянину, всегда былъ живъ и въ русской интеллигенціи, и въ русской молодежи. Не безслѣдно исчезъ онъ и теперь. И молодежь должна чаще обращать свой взоръ къ космосу, ко вселенной, чтобы найти здѣсь и снова поставить себя на подобающее мѣсто". (П. Д. Боборыкинъ, изъ лекціи въ женской гимназіи г. М. Брюховенко въ Москвѣ). Привѣтствуя все направленное къ оздоровленію современности, религіозный изслѣдователь ея явленій на рецептѣ П. Д. Боборыкина остановиться и успокоиться не можетъ. Жизнь бѣдна оттого, что вывѣтрилось ея подлинное содержаніе. Зло ея—отъ разобщенія съ Богомъ,—Источникомъ жизни, свѣта и добра, запечатлѣнныхъ на святыхъ страницахъ Евангелія. Даже и по литературѣ это такъ. Изгнаніе хотя-бы на самое короткое время Бога изъ души, вѣры въ Него и въ грядущую вѣчность не проходитъ для нея безслѣдно.—„Ежели выпадетъ Онъ изъ души,—рана будетъ въ ней, вотъ,—говоритъ „мать" Горькаго.—Опереться будетъ не на что въ тоскѣ моей, ежели вы Господа Бога у меня отнимете".—(„Мать" М. Горькаго). Ясно, нужна опора, нѣчто манящее, радостное; его даетъ религія, вѣра. Дѣло возстановленія въ

жизни угасшаго здѣсь ея истиннаго свѣточа,—конечно, прежде всего дѣло учащихъ силъ св. нашей Церкви. Самымъ положеніемъ своей службы—профессоровъ Богословія въ университетахъ, законоучителей въ средней и низшей школѣ и вѣропроповѣдниковъ въ семьѣ—духовенство призывается къ энергичной популяризаціи въ широкихъ кругахъ общества развивающаго и поддерживающаго въ человѣкѣ духовную бодрость религіозно-христіанскаго міровоззрѣнія. Но къ выполненію той же задачи поддержанія въ юныхъ душахъ свѣтлаго бодрящаго идеализма въ одинаковой мѣрѣ призываются и родители, и педагоги, и общественные дѣятели и всѣ, кому дорога будущность молодежи. Когда, послѣ одной изъ бесѣдъ Спасителя, начали отходить отъ него нѣкоторые изъ Его послѣдователей,—Онъ обратился къ ближайшимъ Своимъ ученикамъ съ такимъ вопросомъ: „*не хотите-ли и вы уйти*“? Ап. Петръ за всѣхъ отвѣтилъ: „*къ кому намъ идти: Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни*“. Во Христѣ, въ Его божественномъ ученіи—вся полнота и вѣчно-неизсякающій источникъ жизни. И надо, чтобы наша современность строилась на этихъ незыблемыхъ и вѣковѣчныхъ основахъ,—на основахъ христіанства. „*Когда мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ, мы благодушествуемъ и желаемъ водвориться у Господа*“ (2 Кор. 5, 7, 8).

Свящ. *І. Хохановскій.*

Судъ правый и милостивый.

Старенькій и дряхлый батюшка села Овражнаго, отецъ Захарій Ѳедоровскій, какъ и всѣ деревенскіе старики, отличается большимъ любопытствомъ. Продастъ-ли мужикъ лошаденку, купитъ ли что по хозяйству или обмѣняетъ, свою обязанность въ отношеніи о. Захарія онъ долженъ помнить твердо—съ нимъ первымъ подѣлиться новинкой, похвалиться или пожаловаться въ случаѣ неудачи. За о. Захаріемъ въ

такихъ случаяхъ остановки не будетъ: во всякое время онъ выслушаетъ, посочувствуетъ; все, что для гостя требуется, у о. Захарія всегда готово: толстый, какъ Замоскворѣцкій купецъ, и шумливый, какъ торговка, самоваръ о. Захаріи цѣлыя сутки находится подъ парами и всегда готовъ налить гостя чаемъ до верху; рѣдко выводятся калачи и баранки у о. Захаріи: для важнаго случая и для русскаго добраго молодца—мороза изъ стариннаго, источеннаго шашелью. буфета выползаетъ и графинчикъ, и начнетъ перемигиваться съ огурчиками, грибками или селедкой съ лукомъ, пока хозяинъ не нальетъ едину стомаха ради. Для всей этой благостыни главное условіе одно: съ новостями не медлить и батюшку не томить. И Боже сохрани нарушить деревенскій обычай, что нибудь важное скрыть отъ о. Захарія: батюшка прогнѣвается, а виноватаго непремѣнно непріятность постигнетъ. Не показалъ Ѳедька Ковригинъ о. Захарію новую лошадь, какъ купилъ, анъ она и захромала; такъ и бродила-бы калѣкой, если бы добрые люди не доложили батюшкѣ и тотъ ея не вылѣчилъ. Богатѣй лавочникъ сунулся, безъ совѣта батюшки, сватать сына и не выгорѣло дѣло—раскленлось: и подарки съ заморскимъ винцомъ, что сватья повыпили, не помогли; и по дѣломъ: не гордись, священный чинъ уважай и не ломай деревенскихъ обычаевъ.

Удивительно-ли, что теперь о. Захарій переживаетъ нѣкоторое волненіе, и любопытство его задѣто въ высокой степени. Въ Овражное, въ родную семью, на дняхъ долженъ вернуться гвардеецъ Иванъ Пашкинъ, четыре года прослужившій Царю въ самомъ Санктъ-Петербургѣ; объ этомъ говорила вся деревня. О. Захарій составилъ цѣлую программу разспросовъ; матеріала для бесѣды со свѣжимъ человѣкомъ должно было хватить на цѣлую недѣлю: описаніе столицы, храмовъ, гвардейской жизни, начальства, вооруженія,—мало-ли есть интересныхъ предметовъ для бесѣды со столичнымъ жителемъ?

Въ день пріѣзда Ивана батюшка суетился больше обыкновеннаго и дѣлалъ чрезвычайныя распоряженія.

— Гришутка, — говорилъ онъ старому, какъ самъ, кучеру, — лети ты къ лавочнику, захвати баранокъ свѣжихъ, да сардинокъ малую коробку; а сторожу возлѣ церкви шепни, чтобы не отлучался далеко отъ церкви, можетъ быть, молебенъ придется служить.

— А ты, молодка,—такъ называетъ о. Захарій Гришуткину жену, служащую у него за кухарку,—кое-какой снѣди на всякій случай приготовь: не угадаешь, когда петербургскій гость съ батюшкой повидаться пожелаетъ.

Прошелъ первый день, а Иванъ къ батюшкѣ не явился.

— Съ дороги, видно, натомился Иванъ,—утѣшалъ себя о. Захарій,—отдохнетъ—охотнѣе будетъ разсказывать про свое житье-бытье.

Прошелъ второй и третій день, прошла и недѣля, а Иванъ все не показывалъ глазъ.

— Что за притча такая?—недоумѣваетъ о. Захарій. Напрягая старческую память, вспоминаетъ онъ прошлое и не находитъ тамъ никакого повода быть Ивану недовольнымъ своимъ батюшкой: въ свое время крестилъ его о. Захарій, и имя далъ, какое родители выбрали; не хуже, чѣмъ другихъ, училъ его Закону Божію; когда пришло время, повѣнчалъ онъ Ивана и за вѣнчанье взялъ самую малость; молебномъ и наставленіемъ проводилъ его на царскую службу.

— Какой теперь народъ пошелъ непочтительный, — жалуется о. Захарій Гришѣ,—не то, что въ старину: и Бога боялись, и старшихъ уважали. Гордыня одолѣла людей...

— Въ старину строгость была, потачки не давали,— поддерживаетъ Гриша хозяина. — Когда я сказалъ отцу, что хочу на своей Авдотьѣ жениться, такъ онъ сначала меня отодралъ за то, что самъ такое сурьезное дѣло затѣялъ, а потомъ уже сталъ сватьевъ засылать; самъ я и рта открыть не рѣшился-бы послѣ порки.

— Сколько я наплакалась въ тѣ поры, — добавляетъ Авдотья,—сколько горя перенесла; анъ все и вышло по хорошему,—и прожили вѣкъ, хоть и бѣдно, да дружно,—дай Богъ всякому.

— Ты, Авдотьюшка, припрячь, что наготовила для столичнаго, неровенъ часъ, испортится твое приготовленіе.

— И то правда, батюшка... Стоитъ онъ, столичный, вашей-то ласки. На хорошее угощеніе найдется достойный человѣкъ, была-бы охота принять.

Прошло еще съ мѣсяцъ; разочарованіе о. Захарія скоро перешло въ недовольство. Встрѣтился съ нимъ Иванъ, подъ благословеніе не подошелъ, и бесѣдовать не захотѣлъ,—сухо отдалъ честь по военному.

— Какъ живешь, Ваня,—не удержался о. Захарій,—радъ-ли, что домой вернулся.

— Чему радоваться? Необразованность одна въ деревнѣ и бѣдность,—хмуро отвѣчалъ Иванъ.

— Какъ жилось въ столицѣ-то?

— Не худо, отецъ, — лаконически отвѣтилъ Иванъ и отвернулся.

Только разъ видѣлъ о. Захарій Ивана въ церкви. Гвардеецъ держалъ себя въ церкви по городскому. Истово крестились крестьяне, дѣлали поклоны, въ торжественные моменты шептали молитвы, а Иванъ, выпятивъ грудь колесомъ и заложивъ руку за бортъ форменнаго сюртука, стоялъ пень пнемъ и, казалось, по лицу его скользила насмѣшка надъ деревенской простотой, смиренно просившей милости у Бога. Во время великаго входа Иванъ головы не склонилъ и упорно смотрѣлъ на о. Захарія; священникъ даже смутился въ возгласѣ. Скоро Иванъ приготовилъ о. Захарію новый городской сюрпризъ. Наканунѣ воскресенья, прочитывая послѣ вечерни правило, о. Захарій совсѣмъ близко возлѣ своего дома услышалъ веселую разухабистую пѣсню и музыку. Надѣвъ теплую кацавейку и старую скуфью, о. Захарій поплелся къ веселой компаніи.

— Что это вы, дѣтушки, такой часъ для веселья выбрали?— заговорилъ онъ къ молодежи. Канунъ Воскресенья, негоже теперь пѣснями заниматься. А гдѣ это вы музыканта такого раздобыли?

— Иванъ играетъ. Гвардеецъ ..

— Хорошо Иванъ играетъ, только ему, кажется, здѣсь не мѣсто: женатый человѣкъ увеселяетъ молодежь... Совсѣмъ не къ лицу семейному человѣку. Служивый еще примѣръ долженъ-бы подавать другимъ. Послушайте вы меня, ребята, расходитесь по домамъ, повеселитесь завтра: на все свое время...

Часть молодежи вяло разбрелась по домамъ, остальные, вмѣстѣ съ Иваномъ, перекочевали на другой конецъ деревни, и до утра разносилась оттуда веселая музыка и пѣнье.

II.

Попытка о. Захарія побесѣдовать съ Иваномъ и вразумить его, окончилась неудачей: къ нему гвардеецъ идти не захотѣлъ, а дома его застать было трудно: либо спалъ послѣ веселой угарной ночи, либо бродилъ по деревнѣ, гдѣ его принимали и угощали какъ новаго человѣка, интереснаго собесѣдника и музыканта. Парни, руководимые Иваномъ, становились развязнѣе: приставали къ людямъ, требовали денегъ на попойку и лѣзли въ драку. Въ одинъ день о. Захарій былъ особенно разстроенъ и гнѣвенъ; рѣдко его такимъ видѣли. Маленькая фигурка его безтолково металась по комнатѣ изъ угла въ уголъ; небольшое лицо, покрытое жидкой растительностью, раскраснѣлось; длинная прядь волосъ съѣхала на глаза, и весь онъ, всѣмъ своимъ видомъ, напоминалъ пѣтушка изъ породы корольковъ. Стоявшая передъ нимъ на порогѣ молодая бабенка плакала и вытирала слезы грязнымъ передникомъ.

— Пьетъ Иванъ?—спрашивалъ батюшка жену Ивана.

— Пьетъ, батюшка, пьетъ, родимый, и жалости ни къ кому не имѣетъ.

— И дерется?

— И не спрашивай; такъ дерется, что и мѣста на мнѣ живого не осталось. Буду,—говоритъ,—бить тебя, постылая, пока въ гробъ не заколочу. Теперь мнѣ только начинать жить, какъ я образованность получилъ, а ты у меня на шеѣ сидишь, и нѣтъ моей волюшки. Мальченка, первенецъ нашъ—чѣмъ онъ виноватъ?—его тоже колотитъ, какъ подъ пьяную руку попадетъ.

— А свекровь что?

— Что свекровь... молчитъ, извѣстно старый человѣкъ, скажетъ Ивану слово, а онъ ей десять.

— Что же онъ говоритъ матери?

— Говоритъ, ты меня старая не учи; я уже вышелъ изъ пеленокъ. Въ старину, можетъ, и дѣлали все, какъ старикамъ хотѣлось, а теперь молодые поумнѣли.

— Чего Ивану твоему хочется?

— Кто его знаетъ—развѣ онъ скажетъ,—только все не по его выходитъ: и мужики мы темные, и просвѣщенія никакого не понимаемъ.

— Не разсердила-ли ты мужа чѣмъ нибудь,—пытливо посмотрѣлъ на молодуху о. Захарій. — Можетъ быть, старуху чѣмъ нибудь обидѣла?

— Вы, батюшка, знаете, какъ я жила безъ Ивана—никто меня попрекнуть ничѣмъ не можетъ; со старухой и теперь, какъ прежде, душа въ душу живемъ; работала я на нее, какъ на мать родную, ночей не досыпала,—думала, Иванъ вернется, легче будетъ, вышло не по нашему... Что мнѣ, бѣдной головушкѣ, дѣлать теперь, ума не приложу: уйти мнѣ, что ли, куда глаза глядятъ?

— Терпи... за терпѣніе Богъ даетъ спасеніе. Что нибудь надумаемъ, какъ съ Иваномъ быть. Ты мнѣ только вотъ что скажи: какъ ты думаешь, что за причина, что Иванъ такъ перемѣнился? Прежде онъ не былъ такимъ...

— Гармонь, батюшка, причина, другой нѣту. Если-бъ не она, проклятая, и мнѣ легче бы дышалось; черезъ нее у насъ все разстройство идетъ.

— Гармоника?—удивился о. Захарій.—Что ты, баба, мелешь! Какъ можетъ гармоника, бездушная вещь, человѣка разстроить?.. Грѣхъ въ душѣ человѣка, а гармоника—вещь пустая, безвредная.

— Какъ безвредная, батюшка? Мнѣніе у Ивана большое отчего?—на гармоніи хорошо играетъ и превозносится... Работать не хочетъ,—потому съ гармоніей цѣльный день занимается. Съ парнями постоянно гуляетъ и пьянствуетъ опять черезъ гармонь. Какой парнямъ интересъ отъ него будетъ, ежели онъ на гармоніи играть перестанетъ? И водкой не стали-бы поить, и компанія разошлась-бы.

— Не все тутъ, а часть правды въ твоихъ словахъ есть. Сердитъ и я на гармонику: виданое-ли дѣло, чтобы подъ праздники съ музыкой по деревнѣ полунощничать? Начнемъ походъ съ малаго—съ гармоники.

— Тутъ она, гармонь, батюшка, тутъ, принесла я, дѣлайте съ ней, что хотите, а домой я съ ней не вернусь...

— Это что-же? почитай воровство выходитъ, какъ ты, милая, думаешь?

— Горе свое, бѣду свою выкрала я, батюшка, а вы подумайте, что съ тою бѣдою дѣлать? Пусть бьетъ мужъ, только-бы не было этой самой гармоніи и духу; можетъ онъ меньше пьянствовать будетъ.

Баба вытащила изъ мѣшка большую гармонику на ремнѣ и положила ее передъ священникомъ.

— Важная, еле подымешь,—сталъ разсматривать о. Захарій инструментъ. Медленно натянулъ онъ ремень черезъ плечо и сталъ пробовать клавиши.

— Протодьяконская нота, густая, какъ колоколъ,—сказалъ онъ, ткнувъ пальцемъ одинъ изъ басовъ,—а такимъ голоскомъ я въ хорѣ пѣлъ, какъ въ духовныхъ училищахъ учился; за голосъ меня въ училищахъ хлѣбомъ кормили,

платить нечѣмъ было... Давно это было. Пожалуй еще и заиграть сумѣю,—добавилъ онъ перебирая нѣсколько клавишей.—Попробуемъ.

— Воды дре-е-вле ма-ні-емъ Божественнымъ... задребезжалъ старческій голосъ любимые свои ирмосы.

— Вотъ видишь, баба, гармоника можетъ и божественное сыграть,—все отъ человѣка зависитъ. Пророкъ Давидъ на псалтирѣ десятиструнномъ хвалу Богу воспѣвалъ. Что же однако намъ съ нею дѣлать?—недоумѣвающе развелъ онъ руками.

— Сничтожьте ее, батюшка, отдайте кому нибудь, спрячьте, только домой я уже ее не возьму.

— Дарить чужую вещь или прятать не годится... Развѣ уничтожить?.. За убытки я съ Иваномъ потомъ сочтусь. Пусть по твоему, баба, будетъ, возьму грѣхъ на свою душу—посмотримъ, что изъ всего этого выйдетъ.

О. Захарій подошелъ къ горѣвшей печкѣ и еще разъ, не безъ сожалѣнія, нажалъ нѣсколько клавишей гармоники.

— Скорбишь передъ смертью—сказалъ онъ задумчиво,—боишься пещи огненной. Тебѣ что? Ты не чувствуешь, а вотъ намъ, грѣшнымъ, каково будетъ въ огнѣ геенскомъ?

Съ трудомъ всунулъ онъ гармонику въ печку. Огонь ласково, нѣжной полоской, обнялъ гармонику, и потомъ сразу охватило ее яркимъ пламенемъ.

О. Захарій помѣшивалъ въ печкѣ.

— Вотъ и все,—сказалъ онъ бабѣ,—только горсточка пеплу осталась, да грѣхъ на нашей душѣ. Ну да Богъ милостивъ! Теперь, многоболѣзная, иди домой съ миромъ; вину на меня вали: скажешь Ивану, что гармонику я приказалъ принести къ себѣ.

III.

Пуще звѣря разсвирѣпѣлъ Иванъ, когда узналъ отъ жены только часть правды относительно гармоники. Сначала хотѣлъ самъ пойти къ священнику, наговорить грубостей и

взять обратно гармонику; потомъ избилъ жену, требуя отъ нея пойти къ батюшкѣ и принести инструментъ, но баба, не смотря на побои, рѣшительно отказывалась.

Проходили дни; идти къ священнику Иванъ не хотѣлъ—мѣшала гордость,—а гармонику вернуть такъ хотѣлось, безъ нея скучною и монотонною казалась деревенская жизнь. Не желая идти къ о. Захарію, Иванъ избралъ тотъ путь, какой обычно избирается всякимъ деревенскимъ грамотѣемъ въ случаѣ обиды со стороны священника, особенно, если совѣтникомъ обиженнаго является бойкій сельскій писарь, дока по авторской части.

Въ деревнѣ однако стало спокойнѣе; Иванъ мало показывался въ люди; въ церковь заглянулъ всего одинъ разъ и не имѣлъ уже того побѣдоноснаго вида, какъ прежде. Деревня уже знала исторію съ гармоникой и отнеслась къ о. Захарію разно: старики одобрили его рѣшимость, молодежь поддерживала Ивана. Для полной ликвидаціи дѣла о. Захарію недоставало одного—расплатиться съ Иваномъ за убытки и предать дѣло забвенію, но Иванъ по прежнему избѣгалъ священника.

Въ одинъ изъ хмурыхъ зимнихъ дней возлѣ дома о. Захарія остановились сани; изъ нихъ вышелъ молодой еще священникъ сосѣдъ о. Захарія. Какъ празднику обрадовался ему хозяинъ:—сосѣдъ, съ которымъ о. Захарій не видался года два, это-ли не сюрпризъ для одинокаго человѣка, любителя принять гостя и въ сласть наговориться? Горячо обнялъ его о. Захарій, помогъ разоблачиться и сразу же засуетился съ угощеніемъ.

— Какими судьбами, о. Порфирій, къ старику заглянули? Спасибо, спасибо, сосѣдъ, что не забыли. Покорно прошу, садитесь, да вы рясу снимите, по домашнему будемъ, попросту. Зачѣмъ церемоніи со своими?

— Я собственно по дѣлу къ вамъ о. Захарій, не на долго.

— Какой вы дѣловой! успѣется съ дѣлами, а вотъ чѣмъ принять васъ прикажете? Съ чайку, видно, начнемъ, а тамъ и червячка заморимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Скоро чай былъ готовъ; столъ украсился многочисленными тарелочками съ разной снѣдью. На ухаживанья старика гость отвѣчалъ холодно и разговоръ клеился плохо.

— Испили-бы едину на потребу—предлагалъ о. Захарій.

— Ничего не пью, отвѣчалъ гость.

— Винца рюмочку позволите?

— И вина не пью.

— Значитъ полный трезвенникъ? Прекрасно, дѣлаетъ вамъ честь, а я, значитъ, грѣшу—одну пропустить не прочь... Тогда кушайте, съ дороги, чай, проголодались.

О. Порфирій Столѣтовъ принадлежитъ къ типу, какой все чаще сталъ встрѣчаться въ средѣ духовенства. Строгій формалистъ, онъ твердо знаетъ и соблюдаетъ законы церковные и гражданскіе: Нечаева изучилъ чуть-ли не наизусть и ни на шагъ отъ него не отступаетъ. Церковное письмоводство онъ ведетъ самъ, красивымъ почеркомъ, и такъ аккуратно, что комаръ носа не подточитъ. Малограмотный дьячокъ за это уступаетъ ему нѣкую толику братскаго дохода. Отчетность всякую о. Порфирій сдаетъ благочинному однимъ изъ первыхъ и первый же соглашается со всѣмъ, что скажетъ благочинный на съѣздахъ. Съ мужиками всегда поступаетъ по закону, строго, поблажекъ не даетъ, а въ случаѣ мужицкаго каприза всегда выдвигаетъ законъ. Въ случаѣ, напримѣръ, неладовъ, при сговорѣ брака, онъ охотно соглашается повѣнчать бракъ и даромъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ требованій закона и прежде всего знанія женихомъ и невѣстою основныхъ и главныхъ истинъ христіанской вѣры, какъ о томъ пропечатано у Нечаева, на стр. 246. За то о. Порфирій и преуспѣваетъ: о. Захарій за 48 лѣтъ службы получилъ наперстный крестъ; о. Порфирій—меньше чѣмъ за половину этого времени; за долгій вѣкъ о. Захарій не по-

лучилъ ни одного почетнаго назначенія; о. Порфирій давно уже состоитъ духовнымъ слѣдователемъ.

Послѣдняго обстоятельства о. Захарій даже и не подозрѣваетъ и по дѣломъ ему: за нѣсколько лѣтъ ни разу не былъ у благочиннаго и отъ жизни отсталъ.

— Что тутъ у васъ за исторія съ гармоникой вышла?— спросилъ наконецъ о. Порфирій.

— А вы уже знаете? Какъ однако у насъ скоро всякіе пустяки разносятся по уѣзду!.

О. Захарій откровенно разсказалъ, какъ было дѣло.

— Вотъ хорошо—закончилъ онъ, что напомнили эту исторію, можетъ быть, посовѣтуете, что мнѣ теперь сдѣлать: самому обращаться къ Ивану не хочется, а убытки пора уже возвратить.

— Не хорошее это дѣло, о. Захарій,—задумчиво сказалъ слѣдователь,—конфузное для духовенства: по этому дѣлу я и пріѣхалъ: Иванъ на васъ жалобу архіерею подалъ, а мнѣ, какъ слѣдователю, поручено произвести слѣдствіе.

— Вотъ несчастье-то!.. Зачѣмъ же онъ прямо къ архіерею—развѣ нельзя было ко мнѣ прійти и получить удовлетвореніе? На старости лѣтъ такой мнѣ конфузъ. Еще епитимію наложатъ!..

— Наказанія большого не будетъ, а все же—непріятность. Иванъ васъ въ самоуправствѣ обвиняетъ и требуетъ возвратить ему стоимость гармоники—30 рублей!..

— Что онъ бѣлены объѣлся: за такой пустякъ 30 рублей; красная цѣна гармоники—десять рублей. Какая мнѣ мысль пришла: признаки гармоніи я помню; металлическія части отъ нея остались цѣлы, не сгорѣли; поѣду я въ городъ и куплю такую самую, а Ивану за обиду приплачу еще что нибудь: тогда съ моей стороны и самоуправства не будетъ и лишнихъ денегъ не надо будетъ платить...

— Это не годится, о. Захарій, подмѣна вещественныхъ доказательствъ, въ нѣкоторомъ родѣ подлогъ. А вдругъ Иванъ

не захочетъ признать новую гармонію за свою. Въ какомъ свѣтѣ предстанемъ я и вы предъ владыкой?..

— Тогда, можетъ быть, переговорить сначала съ Иваномъ?

— И это не удобно: выйдетъ что то вродѣ сдѣлки, въ которой принимало участіе оффиціальное лицо—духовный слѣдователь.

О. Порфирій въ тотъ же день закончилъ слѣдствіе: допросилъ Ивана, его жену, кое кого изъ сосѣдей; записалъ все это въ бумагу и предложилъ подписать о. Захарію. Все было изложено кратко, фактъ присвоенія цѣнной гармоники былъ установленъ точно; о томъ, какъ она попала къ старику и какъ онъ ее сжегъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ не было сказано ни слова. Дрожащею рукою о. Захарій перекрестился и подписалъ дѣло.

— Своего заключенія я дѣлать не буду,—я вамъ не судья,—лукавой улыбкой замѣтилъ о. Порфирій,—начальство само сдѣлаетъ заключеніе. Все же,—смягчился онъ,—я бы далъ вамъ совѣтъ: поѣхать къ епископу лично переговорить, только подождемъ, пока дѣло разсмотритъ консисторія, чтобы владыка былъ въ курсѣ дѣла.

Совѣтъ былъ сдѣланъ не безъ хитрости: дѣло само по себѣ было пустое, большими непріятностями не грозило, но если при дѣлѣ владыка увидитъ старость о. Захарія,—стариковъ епископъ любитъ посылать заштатъ на покой,—то кто знаетъ, что изъ этого выйдетъ? Овражное—приходъ не плохой: землица въ немъ удобная, въ одномъ кускѣ, и прихожанъ больше, чѣмъ у о. Порфирія: правда, распущены старикомъ и на даянія скудны, но на это есть законъ и практика у о. Порфирія. Кандидатъ онъ на стариковское мѣсто сильный, владыкѣ лично извѣстный.

IV.

Въ каждой консисторіи есть своя практика и свой взглядъ на веденіе дѣла, есть она и въ X. консисторіи. Выразителемъ ея является одинъ изъ старѣйшихъ членовъ.

— Мірянъ, паству прежде всего удовлетворяйте, говоритъ онъ столоначальникамъ—пусть не жалуются и не ропщутъ на нашу медлительность. Будете медлить,—будутъ надоѣдать, снова писать, прилагать зло ко злу. Жалобы на духовенство въ консисторію поэтому не залеживаются и ѣдутъ на курьерскихъ. За то іерейскія бумаги, прошенія, ходатайства всякія идутъ по черепашьи: не разорваться же консисторской канцеляріи: въ ней такъ мало рабочихъ рукъ, къ тому же голодныхъ и обремененныхъ сторонними занятіями...

Не залежалось въ консисторіи и дѣло о. Захарія; съ постановленіемъ присутствія оно перешло на утвержденіе епископа. Не медлилъ однако и о. Захарій и по счастью предсталъ передъ архіерейскія очи всего на другой день послѣ того, какъ епископъ прочиталъ черезъ роговые очки его дѣло, задремавъ на двухъ послѣднихъ страницахъ.

Епископъ Евсевій, человѣкъ уже довольно пожилой, по темпераменту—чистый сангвиникъ: живость характера сказывается и въ дѣятельности, и въ отношеніяхъ его къ людямъ. Принимаетъ онъ просителей разъ въ недѣлю всѣхъ вмѣстѣ, въ одной большой залѣ, и эти пріемы даютъ потомъ богатый матеріалъ духовенству и мірянамъ для всякихъ пересудовъ. Болтаютъ объ этихъ пріемахъ разное, многое преувеличиваютъ и украшаютъ, но всѣ соглашаются, что знаніе людей и остроуміе у владыки—большое; нѣкоторые даже считаютъ его прозорливцемъ. Юркій корреспондентъ газеты, пожелавшій, по порученію редакціи, побывать у Евсевія на пріемѣ, ничего лучшаго не придумалъ, какъ проситься псаломщикомъ въ городскую церковь,—и досталось-же ему!

— Ты чего пришелъ сюда?—спрашивалъ его епископъ на пріемѣ, сразу же узнавъ человѣка не изъ колѣна Левитова.

— Прошусь псаломщикомъ, ваше преосвященство.

— Гдѣ учился?

— Въ гимназіи, владыко.

— И просишься псаломщикомъ? Охота тебѣ—лучше куда нибудь бариномъ просись, дьячковскій хлѣбъ тебѣ покажется горькимъ. Да ты пѣть умѣешь, читать по славянски?

— Научусь, владыко.

— На должности учиться нѣкогда. Молитвы знаешь? Читай утреннюю молитву...

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Богородицу знаешь?

Съ запинками корреспондентъ началъ читать молитву, но окончить не могъ—спутался.

— Полюбуйтесь, люди добрые,—заговорилъ епископъ,—на „псаломщика“.—Хорошъ!.. Корреспондентомъ въ „Красные Огни“ ты еще, пожалуй, и годишься, а какой же изъ тебя будетъ псаломщикъ? Одно посмѣшище!..

Крайне всѣ удивлялись потомъ, когда узнали, что въ псаломщики дѣйствительно просился корреспондетъ, и именно изъ „Красныхъ Огней“. Откуда епископъ это узналъ?

Архіерейская зала была уже значительно наполнена народомъ, когда по ступенькамъ поднялся туда о. Захарій. Отъ волненія и высокой лѣстницы онъ усталъ и по лицу его катился обильный потъ. Архіерейскій келейникъ въ это время разставлялъ уже просителей по рангу: ино слово солнцу, ино слово лунѣ; архіерея это, впрочемъ, ни къ чему не обязывало: на одномъ пріемѣ онъ начиналъ бесѣду съ хвоста, въ другой разъ—съ середины; всего чаще со старшихъ: протоіереевъ и благочинныхъ; большею частью всѣмъ говорилъ „ты“ и къ этому попривыкли.

Сегодня владыка—въ хорошемъ настроеніи духа; пріемъ начался съ дамъ.

— Ты что, сиротка, скажешь?—спросилъ епископъ молодую бѣдно одѣтую дѣвушку.

— Ваше преосвященство, мѣсто мнѣ дайте,—отецъ у меня умеръ, мать больная, а насъ четверо сиротъ, я старшая.

— Какое-же я тебѣ мѣсто дамъ? Дьяконское, что-ли?

— Учительницей прошусь, епархіальное училище я окончила, а мѣстъ, говорятъ, нѣтъ. Сколько прошеній ни подавала—все получаю отказъ.

— Учительницей? Чѣмъ же я могу тебѣ помочь? Школами у насъ завѣдуетъ викарій съ епархіальнымъ наблюдателемъ; я тутъ нуль. Видишь—вонъ стоитъ баринъ,—указалъ онъ на наблюдателя,—скромнаго свѣтскаго человѣка,—его проси: попрошу и я, отъ просьбы, чай, голова не свалится.

— А вы что, скажете, барышня?—обратился епископъ къ молодой, изящно одѣтой дамѣ.

— Я не барышня, а жена священника.

— Что же вы хотите?

— Мой мужъ—студентъ семинаріи занимаетъ бѣдный приходъ, жить не на что, средствъ никакихъ нѣтъ. Прошу васъ, владыко благостный, дайте моему мужу приходъ въ городѣ.

— Скучаете?! Скажите своему батюшкѣ, что въ городѣ онъ скучать будетъ еще больше, чѣмъ теперь: много соблазновъ въ городѣ для скучающихъ людей. А что, матушка, замужемъ вы давно, дѣтокъ у васъ много?

— Замужемъ я десять лѣтъ, а дѣтей у насъ нѣтъ.

— Вотъ те и разъ: безъ дѣтей, и вдругъ живете бѣдно! Бездѣтнымъ на любомъ приходѣ можно прожить безбѣдно.

— Божья старица!.. заговорилъ епископъ со слѣдующей просительницей въ монашескомъ одѣяніи,—какъ живешь? Скоро-ли сестеръ всѣхъ разгонишь?

Монахиня отвѣсила низкій поклонъ и растерянно смотрѣла на епископа.

— Ну говори, говори, милостивица, въ чемъ твое дѣло?

— Казначея у меня, владыко, сварливая.

— Монахинь рядовыхъ тебѣ мало, за казначею, значитъ, принялась? Чѣмъ не угодна тебѣ? воровка, что-ли?

— Этого не могу сказать; только строптивая, ничѣмъ не довольна, на все свою критику наводитъ.

— А ты что же, критики боишься? Пустяками тревожишься. Почитай, какъ меня-то въ газетахъ критикуютъ! На всякій чохъ не наздравствуешься, а у меня времени не станетъ мирить васъ да разбирать, кто кого перекритикуетъ. Молитесь больше,—меньше времени для критики останется.

— Отпраздновалъ?—перешелъ преосвящ. Евсевій къ почтенному іерею, справившему съ разрѣшенія епископа 35-лѣтній юбилей и пріѣхавшему благодарить за это.

— Отпраздновалъ, владыко святой.

— Воспрославили? тостовъ много было?

— Какъ полагается, владыко.

— А публику угобзилъ?

— Чѣмъ могъ, ваше преосвященство.

— Благообразно и по чину?..

— Такъ точно.

— Ну и слава Господу!

— Вы что хорошаго скажете, ваше преподобіе, обратился епископъ къ сравнительно молодому, щеголевато одѣтому священнику.

— Честь имѣю почтительнѣйше доложить вашему преосвященству, что мною окончена, освящена и открыта церковно-приходская школа на 100 душъ дѣтей.

— Скажите пожалуйста!—удивился владыка. А камилавку вы имѣете?—съ замѣтной ироніей спросилъ его епископъ.

— Не имѣю, ваше преосвященство.

— Пора, пора украсить васъ!—Поблагословивъ взыгравшаго духомъ строителя, епископъ направился къ о. Захарію.

— Какой ты, отецъ, старенькій, ветхій! И служишь еще?

— Служу Богу моему, дондеже есмь.

— Думаю, столѣтіе скоро будешь праздновать?

— Черезъ тридцать лѣтъ, владыко.

— Дай Богъ дожить. Зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

— По дѣлу, владыко святый.

— А я думалъ безъ дѣла... такъ себѣ. Въ чемъ дѣло-то?

— Дѣло о гармоникѣ, ваше преосвященство.

— Это ты Ѳедоровскій изъ Овражнаго?

— Онъ самый, владыко.

— Ну, отецъ, хорошо, что не пожалѣлъ своей старости и пріѣхалъ. Вчера только читалъ твое дѣло. Что это съ тобой за исторія. На старости лѣтъ мусикійскими искусствами задумалъ заниматься? Старенькій такой,—о смерти надо думать, а не музыкой заниматься.

— Я музыкой не занимаюсь, владыко.

— Зачѣмъ же тогда чужую гармонику присвоилъ?

— Не присвоилъ, владыко, а сжегъ.

— Чужую вещь? Ахъ ты. Саванаролла этакій! Вотъ и попалъ въ руки человѣческія. Что это тебѣ вздумалось?

О. Захарій, волнуясь, разсказалъ, какъ было дѣло, не пропуская мелочей. Чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше прояснялся епископъ.

— Вотъ ты какой! Значитъ о святости праздничнаго дня и о добрыхъ нравахъ ревновалъ! Одобряю. Только все же цѣль не оправдываетъ средствъ—это нужно помнить. И къ слѣдствію ты небрежно отнесся: что слѣдователь написалъ, то ты и подмахнулъ и небось гусинымъ перомъ, ни слова въ свою пользу не сказалъ! А слѣдователь у васъ буквоѣдъ, видно, большой и мало сердца имѣетъ.

— Кажется, слѣдователь добропорядочный человѣкъ.

— Дай Богъ ему быть такимъ, только отчего же онъ въ твою пользу ни одного слова не написалъ? Посмотримъ, кстати, что консисторія опредѣлила?

Изъ принесеннаго келейникомъ дѣла епископъ медленно нараспѣвъ прочиталъ: „постановили: за самоуправство и присвоеніе чужой вещи объявить священнику Захарію Ѳедоровскому строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ; сверхъ сего обязать его уплатить крестьянину Ивану Пашкину за причиненный убытокъ 30 рублей“. А что, слышалъ?

— Консисторія это—сама справедливость; тутъ я безсиленъ что нибудь измѣнить. Соборъ пресвитеровъ, съ прибавленіемъ секретаря,—гдѣ же большей правды и милости найти?.. Впрочемъ,—добавилъ онъ задумчиво—можетъ быть они мнѣ подарятъ четыре слова изъ своего постановленія: не станутъ сердиться за нихъ на епископа. Какъ думаешь, старикъ?

О. Захарій не понималъ и молчалъ.

— Э, рискнемъ!—Со внесеніемъ въ формуляръ—выбросимъ: совсѣмъ это лишнее.

— Покорнѣйше благодарю васъ, преосвященнѣйшій владыко, за милость ко мнѣ, только вотъ на счетъ платы за гармонику...

— Какой ты, отецъ!... какъ медъ, такъ и ложкой!.. Отъ платы за убытки освободить не могу. Подастъ жалобщикъ въ свѣтскій судъ, все равно заплатишь, да еще конфуза наберешься.

— Я не противъ уплаты, только Иванъ опять гармонику заведетъ.

— А ты опять ее конфискуешь?—засмѣялся епископъ.

— Безпокойство и музыка опять по деревнѣ пойдутъ.

— А мы ихъ отсрочимъ, кстати дикастерію порадуемъ: за четыре слова я имъ добавлю въ резолюціи три, за то длинныхъ. Дѣло тутъ же, на широкомъ подоконникѣ украсилось такой архіерейской резолюціей: „объявить священнику о. Захарію Ѳедоровскому строгій выговоръ и обязать его уплатить за причиненный убытокъ 30 р. *ежемѣсячными пятирублевыми взносами*“. Архіерей громко прочиталъ резолюцію, любуясь почеркомъ и произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

- Доволенъ, протопопъ?—съ улыбкой спросилъ онъ о. Захарію.

— Много взысканъ вашей милостью; только я еще не протопопъ, рядовой священникъ...

— Что ты, старикъ?! смотри вонъ миссіонеръ—указалъ онъ на молодого академиста,—во внуки тебѣ годится, а уже

протоіерей; въ консисторіи видно мало бываешь, начальство рѣдко видишь, вотъ и забыли тебя. Доживешь до мая, ошибку свою поправлю,—не сердись!.

Архіерей благословилъ о. Захарію и перешелъ къ слѣдующимъ просителямъ.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Почему въ православныхъ храмахъ при богослуженіи должно употребляться псалмодическое, а не речитативно-разговорное чтеніе.

Чтеніе, употребляющееся въ монастыряхъ, имѣетъ два вида: чтеніе разсказное, напр., чтеніе синаксарій или житій святыхъ въ трапезахъ, и чтеніе псалмодическое, распѣвное, употребляющееся только при богослуженіи, когда чтецъ обязанъ тонировать въ предѣлахъ господствующихъ или конечныхъ аккордовъ исполняемыхъ пѣснопѣній.

Ревнители православной церковности неоднократно выражали въ печати свое негодованіе по поводу вторженія въ церковное богослуженіе свѣтскаго, разговорнаго чтенія. Вотъ, напримѣръ, что относительно этого предмета писалъ архіепископъ Херсонскій Никаноръ въ своемъ отчетѣ о состояніи ввѣренной его управленію епархіи. „Въ этотъ край вторглось, распространилось повсюду и окрѣпло въ навыкахъ чтеніе речитативное, разговорное, не строго церковное, весьма нерѣдко нелѣпое и возмутительное“... Подобнымъ образомъ отзывался объ этомъ чтеніи и другой ревнитель православной церковности С. А. Рачинскій. Въ послѣднее время и духовенство и общество обратило вниманіе на церковное пѣніе. Но духовенство и общество, много заботясь объ улучшеніи церковнаго пѣнія, о возстановленіи его древняго характера, мало обращаютъ вниманія на чтеніе. Не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, чтеніе, въ псалмодическомъ его видѣ,

находится далеко не въ блестящемъ состояніи, въ нѣкоторыхъ приходскихъ и особенно въ домовыхъ церквахъ вошло въ употребленіе и, можно сказать, укоренилось чтеніе речитативно-разговорное, ничѣмъ не отличающееся, а совершенно тождественное съ чтеніемъ свѣтскимъ или гражданскимъ. Что касается лично насъ, то мы не замѣчали отступленія отъ указаннаго требованія въ сельскихъ приходскихъ церквахъ. Разсказное чтеніе намъ приходилось встрѣчать въ городскихъ приходскихъ церквахъ, особенно домовыхъ. Вотъ воспитанникъ гимназіи читаетъ шестопсалміе. Чтеніе разговорное, по всѣмъ правиламъ—съ паузами, съ повышеніемъ и пониженіемъ тона. Но его чтеніе ничѣмъ не отличается отъ свѣтскаго или гражданскаго; для примѣра стоитъ прочесть хоть стихотвореніе: „Что ты спишь, мужичекъ“... Такое чтеніе умѣстно только въ аудиторіяхъ, классахъ, на эстрадахъ разныхъ общественныхъ собраній и т. п. Въ храмахъ же такое чтеніе и неприлично, и непріятно, невольно смущаетъ слухъ и душу молящагося, особенно не успѣвшаго еще утратить вкуса къ строго церковному чтенію.

Можетъ быть, правы чуждающіеся псалмодическаго чтенія и радѣющія о разговорномъ, что находятъ первое достойнымъ полнаго забвенія, устарѣлымъ, свойственнымъ лишь малограмотнымъ дьячкамъ, а послѣднее—достойнымъ похвалы и поощренія, считая его новомоднымъ, свойственнымъ развитому, образованному человѣку. Выставлять требованіе псалмодическаго чтенія—не значитъ-ли быть своего рода „старообрядцемъ“ и поклонникомъ „буквы“? Нѣтъ. За „церковность“ псалмодическаго чтенія говоритъ согласіе его духа, его формы съ характеромъ церковной старины. А въ этомъ—все.

Термины „церковный“ или „нецерковный“ въ большомъ употребленіи въ послѣднее время. Естественно поэтому является вопросъ, что собственно разумѣютъ, когда говорятъ: „это церковно, а это нецерковно“. Установить точный смыслъ этихъ словъ необходимо, потому что они часто прилагаются къ случаямъ, одинъ другого исключающимъ, результатомъ чего являются совершенно противорѣчивые отзывы, въ ко-

торыхъ трудно разобраться. Для того, чтобы установить точный смыслъ термина „церковный“, необходимо указать признаки, принадлежащіе такимъ вещамъ и явленіямъ, относительно „церковности“ которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Эти признаки можно приложить и къ тому или иному чтенію, употребляющемуся въ церкви.

У насъ имѣется совершенно обособленный и установившійся кругъ церковныхъ предметовъ. Главная и самая существенная ихъ особенность заключается въ томъ, что ни одного изъ этихъ предметовъ мы не встрѣчаемъ въ обычномъ житейскомъ быту. Такъ, напримѣръ, для освѣщенія комнатъ мы обычно не пользуемся ни паникадилами, ни лампадами, имѣя взамѣнъ ихъ вещи, совершенно иныя по формѣ и виду. Ничего нѣтъ похожаго между нашей одеждой и покроемъ священническихъ облаченій, или между нашими столами и и церковными аналоями. Всѣ перечисленные предметы настолько своеобразны и настолько сжились съ церковью въ нашемъ представленіи, что ни подражанія, ни смѣшенія—ничего подобнаго не можетъ произойти между этими предметами и обычной обстановкой нашей жизни. Указанные предметы „церковны“ въ полномъ смыслѣ, потому что ихъ мѣсто—только въ церкви и нигдѣ болѣе.

Если данное уясненіе слова „церковный“ перенести на чтеніе, то мы должны требовать отъ него такой формы, которая не имѣла бы сходства съ чтеніемъ, предназначеннымъ для иныхъ, т. е. не для богослужебныхъ цѣлей. Слѣдовательно „церковно“ лишь то чтеніе, употребленіе котораго внѣ церкви было-бы столь же неестественно, какъ напримѣръ ношеніе парчевого стихаря вмѣсто платья принятыхъ у насъ фасоновъ. Въ послѣднее время и церковной музыкѣ стремятся дать ту цѣльность и выдержанность формъ и стиля, какія давно получили другія два искусства — архитектура и иконопись, и также и вся церковно-богослужебная обстановка и утварь. Вообще отличію церковнаго искусства отъ свѣтскаго весьма сильно способствуетъ большая или меньшая

сохранность традиціонныхъ формъ, освященныхъ временемъ. Отсюда и музыка „церковна“ та, которая сохранила въ себѣ черты напѣвовъ, издавна употребляемыхъ при богослуженіи. Точно также и чтеніе получаетъ характеръ нецерковный, если оно порываетъ всякую связь съ традиціоннымъ прошлымъ.

Типъ церковной обстановки, одежды, сосудовъ и т. п. создался путемъ преемственности формъ съ древнѣйшихъ временъ. Въ этомъ сказалось стремленіе сохранить отличіе формъ церковныхъ отъ формъ общежитейскихъ. Такой типъ, чисто церковный, пріобрѣли себѣ два искусства—архитектура и церковая живопись. Архитектура храмовъ всегда и вездѣ отличалась отъ архитектуры обычныхъ жилищъ; покрой священныхъ облаченій никогда не былъ сходенъ съ покроемъ мірскихъ одеждъ и т. п. Живопись современной школы Васнецова, Нестерова и др. церковна, потому что сохраняетъ въ себѣ черты древности. Къ періоду въ исторіи церковнаго пѣнія, продолжавшемуся до конца XVII вѣка, наши духовные композиторы должны обращаться, какъ къ сокровищницѣ истинно православнаго, національно русскаго церковнаго пѣнія; здѣсь именно должны они заимствовать образцы и примѣры для подражанія, если хотятъ, чтобы ихъ музыка была церковна и сохранила въ себѣ черты традиціоннаго прошлаго. Церковныя формы, сохранившія въ себѣ черты древности, какъ мы видѣли, всегда имѣютъ отличіе отъ предметовъ обиходныхъ; и это сообщаетъ имъ обаяніе старины и святость традиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту своеобразность, ту характерность, которая столь могущественно и столь опредѣленно вліяетъ на нашу душу.

Итакъ, въ вопросѣ о томъ, какое чтеніе прилично храму, не должно быть примѣси субъективизма, чувствъ, воззрѣній и проч. Въ сужденіи о церковности сего предмета долженъ быть положенъ принципъ, именно,—то чтеніе церковно, которое опирается на формы и духъ древности. Рѣзкое разме-

жеваніе чтенія церковнаго и свѣтскаго не только желательно, но и обязательно. Однимъ словомъ міру—мірское, Богу—Божье. (Кишин. Еп. вѣд.).

К. Яворскій.

ЗАМѢТКИ.

а) О всенародномъ пѣніи въ церквахъ.

Въ Пермской епархіи духовенство, озабоченное вопросомъ, какими мѣрами содѣйствовать успѣшному введенію всенароднаго пѣнія въ церквахъ, выработало слѣдующія правила: 1) „Чтобы освоить прихожанъ съ мыслію о всенародномъ пѣніи, привить охоту и привычку къ такому пѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить необходимыя и вполнѣ естественныя на первыхъ порахъ смущеніе и неувѣренность въ своихъ голосахъ и познаніяхъ, нужно заранѣе постепенно привлекать прихожанъ къ участію въ пѣніи при различныхъ требоисправленіяхъ въ ихъ домахъ, крестныхъ ходахъ, проводахъ покойниковъ, на внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ. 2) Въ виду трудности этого дѣла, вводить и изучать церковныя пѣснопѣнія постепенно, понемногу; сначала, напр., можно ограничиться пѣніемъ, такъ называемымъ, отвѣщательнымъ (когда народъ отвѣчаетъ на возглашенія діакона или священника) на эктеніяхъ; по достаточномъ (на службахъ) повтореніи указаннаго пѣснопѣнія, перейти къ слѣдующему и т. д. 3) Для большаго успѣха при введеніи общаго пѣнія руководителямъ необходимо пользоваться услугами школьниковъ, особенно церковно-приходскихъ школъ; они знаютъ простѣйшія пѣснопѣнія и охотно и смѣло поютъ ихъ въ храмѣ. Поставленные предъ солеею вмѣстѣ съ клиромъ, они могутъ, особенно въ началѣ дѣла, быть и хорошими помощниками руководителямъ и примѣромъ для старшихъ, присутствующихъ въ храмѣ. 4) Съ тою же цѣлью

обезпеченія успѣха при введеніи общаго пѣнія опытные руководители послѣдняго рекомендуютъ тамъ, гдѣ есть хоръ, разставлять пѣвчихъ въ разныхъ мѣстахъ храма среди молящихся, чтобы они своимъ примѣромъ смѣлости и знанія руководили несмѣлыми и малознающими. 5) При увеличеніи количества пѣснопѣній, исполняемыхъ всенародно, для большаго усвоенія ихъ и согласованности и стройности пѣнія, необходимы спѣвки" (Перм. епарх. вѣд.).

b) Священникъ врачъ.

„Волынскія Еп. Вѣд." (№ 39) отмѣчаютъ весьма отрадное явленіе въ средѣ духовенства. Въ с. Г—ѣ, Ковельскаго уѣзда, мѣстный священникъ о. Г. С. оказался врачемъ не только душъ, но и тѣлесъ. Пріобрѣтенныя имъ когда-то въ семинаріи медицинскія познанія пригодились. Онъ теперь самъ лѣчитъ весь свой приходъ и, благодаря частой практикѣ, въ познаніяхъ медицины превзошелъ любого фельдшера. Нѣтъ ни одного дня, чтобы не пришли къ нему 8—10 человѣкъ; также нѣтъ дня, чтобы онъ самъ не посѣтилъ своихъ тяжело больныхъ паціентовъ. Для такого села, какъ Г—а, это особая милость Божія, такъ какъ это село далеко отстоитъ отъ врачебнаго пункта, и населеніе его терпитъ существенную нужду въ медицинской помощи. Слава о. Г. С., что онъ не жалѣетъ ни своего здоровья, ни своихъ скромныхъ доходовъ на пріобрѣтеніе врачебныхъ средствъ для блага ближняго! Желательно было-бы, чтобы другіе батюшки обзавелись домашними аптечками и оказывали своимъ прихожанамъ не только душевную, но и тѣлесную помощь. Не мало есть такихъ селъ, которыя терпятъ сильную нужду въ медицинской помощи. На заведеніе аптечки въ приходѣ потребовалось бы какихъ нибудь 20—30 рублей; деньги небольшія, но зато была бы огромная польза для безпомощныхъ деревенскихъ обитателей.

Въ виду такой полезности для причтовъ, особенно сельскихъ приходовъ епархіи, имѣть въ своемъ распоряженіи домашнія аптечки съ медикаментами, необходимыми для подачи первой врачебной помощи, Архангельское епарх. начальство рекомендовало чрезъ напечатаніе въ „Архангел. Епар. Вѣдом.“ (№ 16) причтамъ епархіи, мужскимъ и женскимъ монастырямъ пріобрѣсти на церковныя и монастырскія средства домашнія аптечки.

с) Призывъ къ сельскимъ матушкамъ.

Одесскій епархіальный органъ, имѣя въ виду достоподражаемый примѣръ разумныхъ и полезныхъ занятій одной сельской матушки съ крестьянскими женщинами, призываетъ сельскихъ матушекъ притти на помощь къ крестьянкамъ съ любовію, ласкою, теплымъ участіемъ въ безчисленныхъ, неизмѣримыхъ деревенскихъ страданіяхъ. „Кто изъ живущихъ или жившихъ въ деревнѣ,—говорятъ „Херсонскія Епар. Вѣдомости“,—не испытывалъ жуткаго чувства отъ неурядицъ современной деревенской жизни. Пьянство, развратъ, азартныя игры въ карты, хулиганство, доходящее до ножовщины, воровство и шинкарство, не говоря уже о непочтительности къ старшимъ по возрасту и по положенію,—вотъ чѣмъ пестритъ жизнь современной деревни. Въ дѣлѣ борьбы съ одичалостью деревни, въ дѣлѣ воспитанія отцовъ и матерей, какую великую службу родинѣ сослужили бы сельскія матушки организаціей разумныхъ чтеній для деревенскихъ женщинъ“. Долгъ „матушекъ“ оправдать присвоенное имъ народомъ высокое званіе „матушки“ и стать для деревни истинными родными матушками. Трудно вѣдь только начало.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го октября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 44

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 28-го октября.

Содержаніе: I. Духовенство и предвыборная кампанія. Кир. Тихомировъ.— II. Бѣды отъ лжебратій. Архіепископъ Антоній.—III. Памяти Павла Петровича Забѣлина. П. К.

Духовенство и предвыборная кампанія.

Предвыборное время рѣшительно мѣшаетъ вождямъ кадетско-еврейской печати отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что пишутъ. Съ одной стороны, лѣвыя изданія читаютъ нотаціи на тему о томъ, зачѣмъ въ однихъ мѣстахъ выдѣляютъ духовенство въ особыя куріи, а въ другихъ не выдѣляютъ; съ другой стороны, тѣ же изданія пускаютъ въ обращеніе вздорный слухъ, будто бы духовное начальство смотритъ на выдѣленіе священниковъ, какъ на обиду, и внушаютъ „домагаться“ совмѣстныхъ съ землевладѣльцами выборовъ.

Иными словами, пробуютъ подойти къ вопросу съ двухъ противоположныхъ концовъ, очевидно, отыскивая мѣсто, съ

котораго можно было бы удобнѣе разстроить столь ихъ пугающіе ряды, хотя, казалось бы, духовенство не вчера явилось и не со вчерашняго дня ему предоставлены закономъ совершенно опредѣленныя избирательныя права. Подходятъ къ тому же вопросу еще и другими способами: въ одномъ изданіи увѣряютъ, что правительство, „мобилизировавъ духовенство“, успѣло уже „испугаться“ его и теперь не знаетъ, какъ быть. Рядомъ сообщаютъ, что, по ихъ свѣдѣніямъ, духовенство настроено „прогрессивно“, и такъ какъ „голосованіе — дѣло темное“, то, слѣдовательно, возможны „любые сюрпризы“. Наконецъ, только немногія изданія воздерживаются отъ соблазна вдругъ принять видъ друзей православнаго духовенства и, въ качествѣ таковыхъ, начать громить правыя и умѣренныя группы, которыя изображаются чуть ли не врагами православія. — Однимъ словомъ, во всемъ этомъ видна только растерянность и тревога лѣвой печати.

Все это до такой степени шито бѣлыми нитками, что ясно обнаруживаетъ подлинныя отношенія лѣвой печати къ духовенству. Нужно, дѣйствительно, не церемониться съ русскимъ священникомъ, чтобы хотя на минуту полагать, будто подобными пріемами можно оказать на него хоть какое нибудь вліяніе. Никто вѣдь никогда и не сомнѣвался, что и среди духовенства были и возможны отщепенцы, которые, забывая санъ и долгъ свой, поддаются смущающимъ увлеченіямъ и пробуютъ поиграть въ радикализмъ. Но что же изъ этого? Развѣ именно эти священники опредѣляютъ собой православное духовенство? Развѣ не эти именно священники являются живымъ укоромъ на мѣстахъ, и не они ли, эти радикальствующіе, вызываютъ противъ себя всеобщія нареканія? Изъ факта существованія такихъ отщепенцевъ дѣлать выводы вродѣ тѣхъ, какими пытаются теперь жонглировать на столбцахъ лѣвыхъ изданій, это значитъ, прежде всего, обманывать самихъ себя.

Но общественнаго мнѣнія этими выводами не обмануть. Какъ въ дѣйствительности сложатся выборы и что вообще

получится въ результатѣ текущей выборной кампаніи [1]),—въ это мы не входимъ. Вообще, не дѣло печати заниматься подобными предсказаніями. Но мы считаемъ себя вправѣ утверждать, *что православное духовенство въ массѣ проявило гораздо больше политической зрѣлости, чѣмъ руководители лѣвыхъ партій*, столь страстно обсуждавшіе все послѣднее время вопросъ объ участіи духовенства въ выборахъ, и это очень легко доказать.

Добиваясь конституціонныхъ формъ правленія, добиваясь всеобщаго избирательнаго права, всѣ эти господа „прогрессивнаго толка“ твердо вѣрили въ себя, въ свою политическую зрѣлость, въ свою подготовленность къ новымъ формамъ государственнаго устройства. На этой большой подготовленности, на сознаніи своего „гражданскаго долга“ они и базировали свои разсчеты. Компактной массой думали они протиснуться къ избирательнымъ урнамъ и подавить остальныя теченія.

Но этой вѣрѣ въ себя, въ свою политическую зрѣлость, приходится теперь претерпѣвать жестокое испытаніе.

Газеты полны телеграммами о выборахъ уполномоченныхъ. И всюду съ поразительнымъ однообразіемъ повторяется все та же картина. Десятки тысячъ избирателей, внесенныхъ въ списки, не явились на выборы за исключеніемъ одного сословія, исполнившаго свой гражданскій долгъ. Это сословіе оказалось именно тѣмъ православнымъ духовенствомъ, тѣми будто бы „своекорыстными“ и „малоразвитыми“ сельскими священниками, къ которымъ съ такимъ презрѣніемъ относится русскій интеллигентъ, понюхавшій quasi-конституціонныхъ идей.

Ни энергичные кадеты, ни фанатичные соціалисты, ни спаянное кагаломъ еврейство, ни вышколенные своими бѣдами поляки,—не оказались на такой высотѣ пониманія

---

[1]) Приблизительно уже опредѣлились результаты выборовъ. *Ред.*

своего гражданскаго долга, до какой поднялись на этихъ дняхъ эти скромныя сельскія рясы. Процентъ явившихся на выборы священниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигъ 100, т. е. явились всѣ, внесенные въ списки. Въ среднемъ же процентъ явки духовенства держится между 80 и 90,—результатъ прямо сказочный. Если разсказать объ этомъ французу, нѣмцу, бельгійцу, англичанину—они просто не повѣрятъ. Ибо самыя передовыя страны не знаютъ примѣра такого удивительнаго исполненія своихъ общественныхъ обязанностей.

Итакъ, въ отношеніи политической зрѣлости, въ дѣлѣ пониманія своего гражданскаго долга православное духовенство оказалось на первомъ мѣстѣ. Въ состязаніи гражданственности оно получило первый призъ.

Отсюда понятны та растерянность, тревога и та злоба, какія проявляетъ теперь въ печати лѣвый лагерь.

И вотъ, чтобы какъ нибудь выйти изъ этого отчаяннаго положенія, эти господа вопятъ о томъ, что священники явились „по приказу архіереевъ“. И провозгласивъ это, они думаютъ уничтожить событіе величайшаго значенія и чреватое будущимъ.

Допустимъ, что дѣйствительно духовенство явилось по приказу епископовъ. Лѣвая печать стремится изобразить это, какъ нѣчто предосудительное, непозволительное; стоитъ ли объяснять, насколько это нелѣпо! Вѣдь явка на выборы не есть нѣчто позорное, противозаконное, и, вообще, нѣчто дурное. Какъ разъ наоборотъ. Явка на выборы есть исполненіе своего гражданскаго долга, того долга, безъ котораго невозможенъ и самый представительный строй. Намъ кажется, что, наоборотъ, всѣ тѣ, кто вѣритъ въ спасительность и нужность народнаго представительства, должны быть только благодарны архипастырямъ, напоминавшимъ подчиненнымъ имъ іереямъ, что выборы въ Думу есть священный долгъ гражданъ. Можно ли осуждать начальниковъ, предписавшихъ подчиненнымъ *исполнить* свой долгъ?

Но задыхающаяся въ злобѣ лѣвая печать ошибается. Не однимъ давленіемъ архіереевъ объясняется поведеніе духовенства. Есть тутъ еще нѣчто... Это то, что совершилось въ послѣдніе дни въ третьей Государ. Думѣ.

Какъ извѣстно, лѣвое крыло третьей Думы, къ которому къ нашему величайшему и горькому сожалѣнію присоединились октябристы, безъ всякаго серьезнаго основанія отказало въ фиксированіи извѣстныхъ суммъ на церковно-приходскія школы. Это роковое голосованіе, какъ мы и указывали своевременно, [1]) было понято духовенствомъ, какъ тяжкое и незаслуженное оскорбленіе. Духовенство увидѣло въ этомъ шагѣ недовѣріе къ самому завѣтному своему дѣлу, увидѣло въ этомъ поползновеніе на самое священное свое право, право, выношенное тысячелѣтней исторіей, право, полученное изъ рукъ св. Кирилла и Меѳодія — право учить православной вѣрѣ и грамотѣ русскій народъ. Этого скромные и тихіе сельскіе пастыри забыть не могли. Подъ вліяніемъ этого удара они поднялись стѣной, они всѣ до единаго пришли къ избирательнымъ урнамъ.

Тревога лѣвыхъ партій вполнѣ понятна. Но намъ совсѣмъ непонятна та кампанія, которую открыли теперь противъ духовенства такія газеты, - какъ „Гражданинъ“ князя Мещерскаго и „Русское Знамя“ г. Дубровина. Эти представители архиправаго направленія стали доказывать, что духовенство не можетъ и не должно участвовать въ выборахъ, что это не его дѣло, что это противорѣчитъ канонамъ и т. д. Словомъ, крайнія правыя газеты протянули руку лѣвымъ и стали повторять точь–въ–точь то, что уже давно настойчиво твердятъ „Рѣчь“, „Русское Слово“ и другіе органы кадетско-инородческой партіи. Лѣвыя партіи въ отношеніи вопроса объ участіи духовенства въ политической дѣятельности стояли раньше на совершенно иной точкѣ зрѣ-

[1]) См. „Руководство д. с. и.“. 1912 г. № 30, стр. 281—284.

нія. Въ лѣвыхъ кругахъ не только не порицали Гапона, Гр. Петрова, арх. Михаила за ихъ политическую дѣятельность, но, наоборотъ, всемѣрно поощряли и прославляли эту дѣятельность. Когда же опредѣлилось, что духовенство въ Россіи является оплотомъ порядка и государственности, то по всему фронту ударили отбой и стали доказывать, что для духовенства область политической дѣятельности должна быть закрыта наглухо.

Нынѣ на помощь лѣвымъ въ этомъ отношеніи выступили нѣкоторые правые. Лѣвые ведутъ походъ въ томъ смыслѣ, чтобы обезоружить русское государство, сдѣлать его беззащитнымъ, открытымъ для нападеній революціи. А „Гражданинъ“ и „Русское Знамя“ вопятъ: Вѣрно! Такъ и надо! Зачѣмъ духовенство мѣшаетъ революціи разрушать Россію?

Еще больше поражаетъ недомысліе нѣкоторыхъ умѣренныхъ газетъ. Особенно старается „Вечернее Время“, которое дошло до крайняго абсурда. Оно дописалось до слѣдующаго заявленія: „Теперь уже нельзя говорить о подтасовкѣ или нажимѣ. Можно говорить только о скандалѣ, небываломъ, невообразимомъ. Превзойдены всѣ границы приличія: три четверти мѣстъ въ Думѣ получатъ священнослужители... Любопытно, однако, какъ представляетъ себѣ г. Коковцовъ священническую Думу и что полагаетъ онъ сдѣлать съ ней? Долго-ли она просуществуетъ? Съ тяжелымъ чувствомъ встрѣтитъ Россія четвертую Думу... Организуется Дума „на предметъ“ уничтоженія народнаго представительства“.

Вотъ какого смѣхотворнаго вздора нагородило „Вечернее Время“, созданное для конкуренціи съ еврейской „Биржевкой“. И надо согласиться, что конкурируетъ оно блестяще: столь „оппозиціоннаго“ вздора даже „Бирж. Вѣдом.“ не въ состояніи нагородить.

Поражаетъ полнѣйшая неосвѣдомленность газетъ, кричащихъ о священнической 4-ой Думѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь дописаться до заявленій о томъ, что въ 4-ой Думѣ будетъ три четверти (т. е. 330) священниковъ, значитъ расписаться

въ отсутствіи даже самаго малѣйшаго представленія о томъ, о чемъ газета берется судить.

Въ 4-ой Думѣ представителей духовенства будетъ немного болѣе, чѣмъ ихъ было въ 3-й Думѣ. Въ центральныхъ губерніяхъ духовенству на выборахъ принадлежитъ второстепенная роль (такъ какъ землевладѣніе не раздѣлено на русское и польское) и, напримѣръ, въ Полтавской и Екатеринославской губ. духовенство, въ силу состоявшихся соглашеній, получитъ всего по одному мѣсту членовъ Государственной Думы. Сильно духовенство только въ Западной Руси (такъ какъ здѣсь землевладѣніе непримиримо раздѣлено на два лагеря). Но и здѣсь ничего оправдывающаго страхи „Веч. Врем." нѣтъ. Отъ трехъ губерній Юго-Западнаго края въ 4-ю Думу, представителей духовенства пройдетъ ничуть не болѣе, чѣмъ ихъ прошло въ 3-ю Думу, а, можетъ быть, и менѣе.

Къ чему-же эти фальшивые крики и смѣшныя запугиванія?

О какомъ собственно скандалѣ кричитъ „Веч. Время"? Неужели скандаломъ является то, что духовенство на выборахъ доблестно исполняетъ свой гражданскій долгъ! Выходитъ такъ: идетъ вокругъ борьба,—борьба на жизнь и смерть между пасомыми, притомъ изъ-за вопросовъ часто религіозно-нравственнаго характера, а пастырь долженъ стоять въ сторонѣ, и ни той, ни другой сторонѣ не помогать. Не есть-ли это проповѣдь теплохладности и толстовскаго „непротивленія злу"?—Отъ всѣхъ людей, гражданъ государства, требуютъ всегда, а въ особенности въ тяжелыя минуты, энергичной дѣятельности. Неужели-же одно православное духовенство въ дни смуты въ умахъ и дѣлахъ человѣческихъ не должно явиться защитникомъ порученнаго его храненію дѣла? При выборахъ въ четвертую Гос. Думу, когда среди крестьянства возникаютъ, несомнѣнно, самыя разнообразныя теченія, спрашивается, кто же будетъ около него? Православному духо-

венству, говорятъ, нужно посторониться. Дворянство уже отстранилось... Воистину, многіе не разумѣютъ, что творятъ.

Духовенство вовсе не стремится въ Государственную Думу. Оно только исполняетъ свой долгъ. Въ своей выборной дѣятельности духовенство руководится не соображеніями о томъ, чтобы провести въ Гос. Думу побольше своихъ представителей, а гораздо болѣе высокими побужденіями; оно желаетъ помочь государственно патріотическимъ партіямъ въ ихъ борьбѣ съ антигосударственными, антицерковными-антиобщественными партіями. Духовенство желаетъ также защитить свое положеніе и свое вліяніе въ русской деревнѣ, а для этой цѣли свѣтскіе люди, цѣнящіе и уважающіе сельскаго пастыря, болѣе пригодны, чѣмъ сами священники. Духовенство, если будетъ въ силѣ, пошлетъ въ 4-ю Гос. Думу свѣтскихъ людей, но людей, которымъ оно вполнѣ вѣритъ.

Въ этомъ—высокая заслуга духовенства. Пройдутъ выборы, улягутся страсти, утихнетъ шумъ, и тогда заслуга духовенства вскроется ярче и будетъ ясна и для слѣпыхъ. И тогда нѣкоторые клеветники устыдятся.

Если-бы не духовенство, еслибы не его дружное и высоко-культурное участіе въ выборахъ, то 4-я Дума была-бы лѣвой, явилась-бы повтореніемъ двухъ позорной памяти первыхъ Думъ. Вотъ это былъ-бы дѣйствительно скандалъ, и тогда народное представительство въ Россіи дѣйствительно было-бы загублено.

Отъ этого скандала и позора русскій народъ спасаетъ патріотическое духовенство. Его дѣятельное участіе въ выборахъ рѣшаетъ исходъ выборной борьбы въ пользу патріотическихъ партій. Этимъ духовенство оказываетъ огромную услугу дѣлу укрѣпленія въ Россіи народнаго представительства.

Великое спасибо скажетъ за все это Россія и русскій народъ своему православному духовенству.

Кир. Тихомировъ.

Бѣды отъ лжебратій.

Разборъ главныхъ возраженій противъ патріаршества.

Когда Моисей оставилъ дворъ Фараона и пошелъ послужить своимъ братьямъ „и паче изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость, большее вмѣнивъ богатство египетскихъ сокровищъ Христово поношеніе“ (Евр. 11, 25, 26), тогда далеко не всѣ евреи обрадовались этой зарѣ своей духовной свободы, а одинъ изъ нихъ грубо оборвалъ увѣщавшаго его великаго пророка: „Кто тя постави князя и судію надъ нами? еда убити мя хощеши, имъ же образомъ убилъ еси вчера египтянина?“ (Исх. 2, 14). Подобные упреки многократно повторялись порабощенною душею народа уже и послѣ того, какъ Богъ извелъ его изъ земли Египетской: народъ оплакивалъ въ пустынѣ „свиная мяса и египетскую пищу“, пренебрегая небесною манною и неоднократно пытался возвратиться въ домъ рабства.

Нѣчто подобное можно наблюдать и нынѣ въ средѣ людей, призванныхъ на служеніе Церкви, хотя къ счастью, пока не среди обличенныхъ священнымъ саномъ. Разумѣемъ то, что противъ мысли о возстановленіи патріаршества и автономіи внутренней жизни Россійской Церкви возстали, вслѣдъ за нигилистами всѣхъ оттѣнковъ, и нѣкоторые духовные писатели. Это и не мудрено: иначе и быть не могло. Двухстолѣтнее положеніе Церкви, рѣзко несоотвѣтственное ея каноническому строю, конечно породило среди ея учрежденій рядъ таковыхъ, которыхъ не знала святая древность; да и въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ древнее происхожденіе, создались многія ненормальныя явленія, неправильныя отношенія, недолжное распредѣленіе власти и денежныхъ средствъ. Весьма понятно, что если возстановленіе патріаршества, соборовъ и вселенскаго общенія безусловно и несомнѣнно, и неотмѣнно желательно и полезно для самой

Церкви, для благочестія, для просвѣщенія, для спасенія людей и славы Божіей: то оно вовсе не желательно тѣмъ должностнымъ лицамъ и тѣмъ учрежденіямъ, которыя либо самое свое положеніе и существованіе получили только по причинѣ каноническихъ правонарушеній, либо, благодаря послѣднимъ, чрезвычайно расширили свое вліяніе и свое благосостояніе.

Быть можетъ здѣсь читатель находитъ намекъ на синодальныхъ чиновниковъ? Напрасно: они должны остаться и въ томъ случаѣ, если Русской Церкви суждено будетъ дожить до своего полнаго каноническаго возрожденія, какъ они были и во времена Московскихъ патріарховъ при разнообразіи функцій управленія. Мы разумѣемъ тѣхъ церковныхъ дѣятелей, которые свое положеніе упрочили именно чрезъ свою нецерковность: таковыхъ было особенно много при Оберъ-Прокурорѣ Д. А. Толстомъ, но возникали они и при К. П. Побѣдоносцевѣ.

Мудрено-ли, что они нисколько не сочувствуютъ церковному возрожденію? „Возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію“ (Іов. 12, 43).

Не говоримъ уже о тѣхъ, которые отдались во власть врагамъ церковнымъ—лѣвымъ партіямъ и являются у тѣхъ невѣждъ въ богословіи на положеніи Валаама волхва или Ахитофела, выпрашивая себѣ либо тридесять сребренниковъ, либо думское кресло. О нихъ приходится сказать печальный стихъ: „виждь имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша: бѣжи несытыя души, Учителю таковая дерзнувшія“.

Впрочемъ жалкое разглагольствованіе въ родѣ лекціи профессора Заозерскаго въ собраніи октябристовъ, которые, конечно, никогда не были ревнителями вѣры, или брошюрки профессора присяжнаго повѣреннаго Кузнецова, едва-ли удовлетворятъ и совершенно неосвѣдомленныхъ слушателей или читателей: болѣе могутъ разстроить церковно убѣжденнаго христіанина двѣ статьи г. Саve въ № 22 и 23 „Церковныхъ Вѣдомостей“, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Правда,

ихъ авторъ прямо не возражаетъ противъ введенія у насъ теперь патріаршества: онъ будто-бы готовъ защищать нашу точку зрѣнія о томъ, что наиболѣе практичнымъ, и въ то же время вполнѣ законнымъ, было бы возстановленіе у насъ патріаршества путемъ ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія о бытіи патріархомъ нашего первоприсутствующаго Іерарха, или же Іерарха, Московскаго. Но соблазняющее значеніе этой статьи заключается въ томъ, что въ ней авторъ какъ бы силится совершенно упразднить понятіе каноническаго строя, сводя его содержаніе къ такимъ уже минимальнымъ тезисамъ, среди которыхъ умалчивается самый главный—о необходимости въ каждой странѣ первенствующаго Іерарха, котораго прочіе почитаютъ, яко главу, ничего не дѣлая безъ него (Прав. 34, Св. Апостол.).

Это уже сознательная передержка, ибо что останется изъ церковнаго права въ отношеніи управленія церковной области, если исключить это, нигдѣ и никогда законно не нарушавшееся правило, а нарушенное, только грубымъ насиліемъ надъ Русскою Церковью во времена Петровы чрезъ безрелигіознаго Ѳеофана Прокоповича, четыре раза перемѣнявшаго свою вѣру. Г. Cave утверждаетъ будто подъ каноническимъ строемъ, который постоянно измѣнялся подъ вліяніемъ времени и мѣста, достаточно разумѣть три условія церковной жизни: 1) епископатъ Вселенской Церкви (т. е. вѣроятно, возможность Вселенскаго Собора), 2) затѣмъ *такой или иной* (?) организованный строй епископата помѣстной церкви (это уже явная неправда, ибо бываетъ строй правильный и неправильный) и 3) неуклоненіе отъ соборнаго начала и недопущеніе единовластнаго управленія помѣстною церковью. На такихъ основаніяхъ авторъ находитъ за собою право утверждать, будто Русское цековное управленіе вполнѣ канонично.

Но если бы эти три жалкіе тезиса и правильно опредѣляли каноничность управленія, то выводъ для нашего современнаго состоянія все-же былъ бы самый безотрадный.

Соборнаго общенія съ Церковью Вселенской у насъ не стало съ упраздненіемъ патріаршества; организованности мѣстнаго Епископата у насъ нѣтъ, потому что онъ въ своемъ цѣломъ не призывается къ совмѣстному рѣшенію дѣлъ церковныхъ, а единоличное властительство надъ церковью у насъ есть въ лицѣ Оберъ-Прокурора, и если съ мая 1911 г. оно не даетъ себя тяжело чувствовать, растворяясь въ самыхъ церковныхъ правилахъ, а также въ желаніяхъ и убѣжденіяхъ самой іерархіи, то это явленіе исключительное, впервые нашедшее себѣ мѣсто за сто девяносто лѣтъ существованія Синода, и зависящее единственно отъ глубокой преданности вѣрѣ и Церкви нашего настоящаго Оберъ-Прокурора.

Этотъ же Оберъ-Прокуроръ торжественно заявилъ въ Государственной Думѣ въ отвѣтъ на лай выпущенныхъ противъ него думскихъ шавокъ, что онъ давно прилагаетъ усилія къ возвращенію Русской Церкви ея каноническаго строя. Дѣйствительно, именно онъ въ 1905 году редактировалъ постановленіе и всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о Соборѣ и патріаршествѣ, напечатанный осенью того-же года въ тѣхъ именно „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, которыя теперь, по странному недоразумѣнію (вѣроятно, редакторъ былъ въ отпускѣ), дали мѣсто этой недобросовѣстной и неискренней статьѣ г. Cave.

Воспроизводимъ докладъ Св. Синода буквально.

„Въ непрестанныхъ Царственныхъ заботахъ о славѣ Церкви Христовой и о благѣ дорогого Отечества ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВЫСОЧАЙШЕ соизволили, въ 13 день марта сего года, передать на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода вопросъ о поставленіи православной Церкви въ соотвѣтствующее ея достоинству положеніе, въ виду примѣненія широкой вѣротерпимости къ инославнымъ исповѣданіямъ, глаголемымъ старообрядцамъ и сектантамъ. На мысль о созывѣ собора, благоустроеніи прихода и упорядоченіи духовно-учебныхъ школъ, какъ разсадниковъ просвѣщенія въ духѣ православной Церкви и воспитателей

пастырей церковныхъ обращаемо было и въ прежнее время вниманіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! Выслушавъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и сыновнею преданностію означенный Державный призывъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Синодъ полагаетъ нынѣ же приступить къ трудамъ по осуществленію ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, дабы оправдать высокое довѣріе къ нему Монарха и исполнить Монаршую волю со тщаніемъ, достойнымъ дѣла, на пользу святой Церкви. Съ молитвою къ Царю Царствующихъ обсудивъ, на точномъ основаніи церковныхъ каноновъ, величайшей важности вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной Церкви, Святѣйшій Синодъ признаетъ существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее Государственное положеніе православной Церкви въ Россіи въ виду измѣнившагося положенія инославныхъ исповѣданій, глаголемыхъ старообрядцевъ и сектантовъ, и преобразовать управленіе церковное, руководствуясь церковными канонами и исторіей церковнаго управленія какъ въ Россійской, такъ и въ другихъ помѣстныхъ Церквахъ.

Основною формою высшаго церковнаго управленія, по каноническимъ правиламъ (I Всел. Соб. прав. 5, Антіох. 16), является помѣстный соборъ епископовъ области, съ митрополитомъ или патріархомъ во главѣ. Соборъ долженъ былъ составляться сначала два раза, а потомъ одинъ разъ въ году. Въ виду, однако, затруднительности періодическихъ ежегодныхъ собраній всѣхъ епископовъ области, уже въ періодъ Вселенскихъ соборовъ, при областныхъ каѳедрахъ образовались постоянные соборы или синоды взамѣнъ прежнихъ періодическихъ соборовъ. Соборы же всѣхъ епископовъ области составлялись только въ особо важныхъ случаяхъ. Право созывать соборы и предсѣдательствовать на нихъ принадлежитъ митрополитамъ или патріархамъ „и никому да не будетъ позволено составляти соборы самимъ по себѣ, безъ тѣхъ епископовъ, коимъ ввѣрены митрополіи“ (Ант. 20). Собра-

ніе епископовъ безъ митрополита или патріарха не считается соборомъ законнымъ и постановленія его дѣйствительными (Ант. 18). Но и патріархъ или митрополитъ, управляющій церковною областію, „ничего да не сотворитъ безъ разсужденія всѣхъ“ (Апостол. 34). Митрополитамъ или патріархамъ предоставлены церковными канонами слѣдующія права: 1) митрополитъ созываетъ епископовъ на соборы для обсужденія общихъ церковныхъ дѣлъ въ своей области и самъ предсѣдательствуетъ на нихъ (Ант. 19 и 20; Халкидон. 19); 2) утверждаетъ избираемыхъ на вакантныя епископскія каѳедры (I Всел. 4 и 6; Ант. 19); 3) принимаетъ жалобы на подчиненныхъ епископовъ и назначаетъ соборный судъ надъ ними (Халк. 9; Ант. 14; Карѳаген. 28); 4) обозрѣваетъ епархіи подчиненныхъ епископовъ (Карѳ. 63) и 5) утверждаетъ своимъ согласіемъ всѣ важнѣйшія распоряженія епископовъ области (Апост. 34; Ант. 9). Но въ дѣлахъ, касающихся цѣлой области, митрополитъ не могъ рѣшать ничего единолично безъ согласія собора областныхъ епископовъ (Апост. 34; Ант. 9). Самъ онъ былъ избираемъ, поставляемъ и судимъ соборомъ своихъ епископовъ (III Всел. 1; Сард. 6) и, какъ архіерей, въ епархіи подчиненнаго ему епископа не могъ ни рукополагать, ни учить, ни совершать какихъ либо архіерейскихъ дѣйствій, развѣ только съ согласія мѣстнаго епископа (Кормч. гл. 58). Такимъ образомъ основною канонической формой управленія тою или иной областью является соборъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ или патріархомъ съ вышеуказанными полномочіями.

Озабочиваясь устроеніемъ внутренней жизни православной Россійской Церкви на началѣ каноническаго соборнаго управленія, при полной автономіи Церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ, и имѣя въ виду господствующее положеніе православной Церкви въ Россійскомъ Государствѣ и положеніе оной среди другихъ помѣстныхъ Церквей, Святѣйшій Синодъ полагаетъ: 1) Въ составъ Синода ввести на ряду съ членами постоянными членовъ, вызываемыхъ по оче-

реди изъ іерарховъ Россійской Церкви, и возглавить оный, чести ради Россійскаго Государства, патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями областного митрополита. 2) Въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ созвать волею ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА помѣстный соборъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: о раздѣленіи Россіи на церковные округа подъ управленіемъ митрополитовъ, вызываемыхъ необходимостью передачи дѣлъ второстепенной важности изъ высшаго управленія въ мѣстныя установленія; о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами; о благоустроеніи прихода въ религіозно-нравственномъ, благотворительномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ; объ усовершеніи духовно-учебныхъ школъ; о пересмотрѣ законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія Церковію собственности; объ епархіальныхъ съѣздахъ духовенства; о представленіи высшимъ представителямъ церковной іерархіи права участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются интересовъ Церкви; о предоставленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ.

Повергая сіи соображенія на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія на созваніе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ волею ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ благопотребное время, помѣстнаго собора всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для устроенія Синодальнаго управленія, избранія Всероссійскаго патріарха и разрѣшенія вышепоставленныхъ и другихъ вопросовъ, имѣющихъ быть предварительно разработанными въ Святѣйшемъ Синодѣ“.

Кажется все ясно. Но наше безчестное время умѣетъ изумительно дружно замалчивать все, что не выгодно для противогосударственнаго и особенно противо-религіознаго направленія. Въ нашей прессѣ постоянно толкуютъ о соборѣ, говорятъ (и въ томъ числѣ выше помянутый г. Кузнецовъ), будто члены Синода идутъ противъ созыва собора; много толкуютъ о составѣ послѣдняго, какъ о предметѣ, совершенно открытомъ для всякихъ точекъ зрѣнія (исключая православной); но никогда никто не обмолвится о томъ актѣ величайшей исторической важности, когда Синодъ, впервые послѣ упраздненія патріаршества, совершенно опредѣленно указалъ на возстановленіе послѣдняго, какъ на неотмѣнное начало истинно православнаго или каноническаго строя церковной жизни.

Впрочемъ, въ нашемъ изолгавшемся обществѣ подобное явленіе и не можетъ казаться диковиной наравнѣ съ тѣмъ, какъ это общество два года тому назадъ чествовало врага революціи Л. Толстого, въ качествѣ ея поборника, какъ провозглашали свою съ нимъ солидарность представители отрицаемыхъ имъ профессій—судебной, медицинской и научной,—какъ вообще у насъ, начиная съ думской трибуны, съ университетскихъ каѳедръ и кончая печатью, всего менѣе желаютъ знать и говорить правду, а думаютъ только о томъ, чтобы превзойти другъ друга въ изворотливой лжи и притворствѣ.—При всемъ томъ перенимать эту современную моду на страницахъ Синодальнаго органа и академическихъ журналовъ—это крайняя степень паденія, это воспроизведеніе пріемовъ жизни и дѣятельности Карамазовскаго Ракитина.

Въ частности пріемы аргументаціи г. Cave—обычные въ академической средѣ, когда хотятъ замазать истину и незамѣтно запутать мысль читателя. Тутъ начинаютъ отвлекать его вниманіе на посторонніе предметы, разводить длинную канитель историческихъ справокъ, совершенно не различая нормальныхъ явленій отъ злоупотребленій и забывая отеческое изреченіе о томъ, что продолжительность послѣднихъ не можетъ служить для нихъ оправданіемъ.

Вотъ почему слова г. Cave: „разъ Синодъ былъ признанъ всею Русскою Церковью и другими церквами, и признается въ теченіе 200 лѣтъ, то нѣтъ основанія считать его неканоническимъ“, эти слова представляются банальною нелѣпостью.—Синодъ нашъ всегда, всѣми церквами, и всѣми искренними іерархами, и всѣми освѣдомленными въ богословіи мірянами считался несоотвѣтственнымъ каноническому праву учрежденіемъ. Онъ признавался и признается въ томъ смыслѣ, что ему слѣдуетъ повиноваться, пока не возстановленъ канонической строй, потому что иначе получится полная анархія въ церковной жизни: но ненормальное управленіе послѣднею въ Россіи заявлялось и запечатлѣвалось страданіями и даже кровью лучшихъ святителей нашихъ—Арсенія Мацѣевича, Гавріила Петрова, Платона Левшина, Архіепископа Агаѳангела, Митрополита Іоаникія; о томъ-же писали лучшіе русскіе люди—Хомяковъ, Самаринъ, протоіерей Иванцовъ-Платоновъ и многіе другіе. Наконецъ, въ мартѣ 1905 г. о томъ-же заявилъ единогласно самъ Святѣйшій Синодъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ товарищемъ оберъ-прокурора В. К. Саблеромъ. Г. Cave безъ всякой нужды и безъ всякой убѣдительности доказываетъ, что церковное управленіе въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ не было одинаковое, но вѣдь эти разновидности весьма ограничены и дѣйствительно самъ же авторъ уничтожаетъ все значеніе своей исторической размазни, которою было надѣялся одурачить читателя: онъ всетаки сводитъ опредѣленный минимумъ канонической законности, общеобязательной всегда и вездѣ,—хотя сводитъ его, какъ мы видимъ, во-первыхъ, совершенно неправильно и завѣдомо неискренно, а во-вторыхъ, сводитъ такъ, что Синодальнымъ строемъ все таки этотъ минимумъ вовсе не выдерживается.

Въ качествѣ заключительнаго и сильнѣйшаго довода противъ патріаршества, какъ ultima ratio своихъ изворотовъ, г. Cave приводитъ вслѣдъ за общеизвѣстнымъ регламентомъ

Прокоповича слѣдующія слова, едва ли служащія къ его чести и къ чести оффиціальнаго органа Святѣйшаго Синода.

„Введеніе патріаршества,—говоритъ авторъ,—можетъ повести къ вящему порабощенію Церкви. (Значитъ такое порабощеніе уже имѣется въ нашемъ теперешнемъ церковномъ строѣ, который вы признаете каноническимъ?). Знаете ли, какъ поставлялся патріархъ въ Византіи? По смерти патріарха, митрополиты, составляющіе Синодъ, представляли императору трехъ кандидатовъ; императоръ, или утверждалъ одного изъ нихъ, или предлагалъ митрополитамъ для избранія своего. Затѣмъ, въ присутствіи духовенства и сената, онъ нарекалъ избраннаго, произнося такую формулу: Божественная благодать и наше, происходящее отъ нея, императорское величество возводитъ этого благочестивѣйшаго мужа въ патріархи Константинополя".

Авторъ думаетъ, что онъ убѣдилъ поборниковъ патріаршества этою цитатою, опредѣлявшею *временный* порядокъ избранія первосвятителя Востока. Но авторъ жестоко ошибся въ своей надеждѣ.

Правда, формула эта не совсѣмъ законная, но,—о, если бы хоть такимъ образомъ у насъ на Руси назначался первосвятитель! Какое то было бы блаженное время сравнительно съ тѣмъ, что мы теперь имѣемъ!

Видимо, г. Cave, постаравшійся ознакомиться съ порядками различныхъ помѣстныхъ церквей, древнихъ и современныхъ, мало знакомъ съ положеніемъ нашего высшаго церковнаго управленія. Теперь весь Синодъ въ своемъ составѣ опредѣляется ВЫСОЧАЙШЕЮ властью по представленію оберъ-прокурора, безъ всякаго участія митрополитовъ, которые узнаютъ о вновь опредѣленномъ своемъ собратѣ по сану или по членству въ Синодѣ изъ состоявшагося уже ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, нерѣдко даже изъ газетъ, одновременно со всѣми столичными дворниками и кухарками и значительно позже газетныхъ разносчиковъ. Нерѣдко назначенія эти бываютъ столь неожиданны, что члены Синода такъ и

ахнутъ, прочитавъ о новомъ митрополитѣ или иномъ своемъ сочленѣ.

Да, г. Cave, не совсѣмъ правиленъ былъ порядокъ назначенія патріарха при Константинѣ Багрянородномъ, на котораго вы ссылаетесь, но это не только не было-бы „вящимъ порабощеніемъ“ Церкви сравнительно съ тѣмъ, что мы теперь имѣемъ, но такой, не наилучшій порядокъ, былъ бы все-же великимъ раскрѣпощеніемъ нашей Церкви, надъ которой имѣетъ теперь силу не только „происходящее отъ Божественной благодати императорское Величество“ (выраженіе вполнѣ законное для Византіи и Россіи), не только оберъ-прокуроръ, но и вовсе уже безблагодатный Совѣтъ Министровъ, Государственный Совѣтъ, Государственная Дума съ Милюковымъ и жидами.

Что сказать о наемнической статьѣ г. Заозерскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ? Авторъ идетъ противъ всѣхъ своихъ прежнихъ идеаловъ и завѣтовъ, возставая противъ введенія патріаршества. Правда, онъ, подобно г. Cave, какъ будто не противъ патріарха, а только въ пользу патріарха выборнаго, но онъ, конечно, понимаетъ, что съ такового никогда не начнется у насъ патріаршество, а слѣдовательно, не начнется вовсе, если первый патріархъ не будетъ ВЫСОЧАЙШЕ назначенъ. Онъ приводитъ лживыя слова проф. Суворова, противъ котораго всегда прежде справедливо возставалъ, какъ противъ каноническаго нигилиста, отвергающаго самый богословскій догматъ Церкви. Г. Заозерскій не стыдится повторять тупой, идіотски глупый аргументъ Суворова и нѣсколькихъ другихъ участвовавшихъ въ предсоборномъ присутствіи нигилистовъ—Ракитиныхъ о томъ, что каноны говорятъ не о патріархѣ, а о каноническихъ митрополитахъ, опредѣляя объединяющую власть первенствующихъ въ области іерарховъ. Конечно, эти господа замалчиваютъ о совершенно точно выражающихся другихъ канонахъ, вполнѣ ясно намѣчающихъ пять патріаршихъ каѳедръ—римской, константинопольской, александрійской, антіохійской и іерусалим-

ской,— о судѣ константинопольскаго патріарха, превышающаго судъ собора (IV, 17). Но пусть въ канонахъ не было вовсе упоминанія о патріархахъ: развѣ въ томъ дѣло, какъ именовать главенствующихъ іерарховъ? Назовите ихъ хоть капустой, но дайте Церкви то, что ей предоставили приведенные въ вышеизложенномъ докладѣ Святѣйшаго Синода каноны. Для полноты вашихъ аргументовъ стоило бы еще прибавить такую фразу: „хотя каноны и говорятъ далѣе о власти патріарха надъ митрополитами (двукр. 15), но тамъ говорится не патріархъ, а патріархисъ, слово же патріархъ, съ твердымъ знакомъ на концѣ, совершенно невѣдомо Вселенской Церкви, а появилось только со времени возникновенія славянской и русской рѣчи". Вотъ такимъ доводомъ вы убьете своихъ противниковъ, г. Заозерскій, а друзьямъ своимъ приводите иные доводы: „мы, октябристы, должны бороться противъ усиленія Церкви всѣми способами, мы должны добивать религію въ Россіи до той степени, по крайней мѣрѣ, какъ она добита въ либеральной Франціи, а поелику главнымъ условіемъ живучести Церкви является ея вѣрность своимъ каноническимъ основаніямъ, поелику возстановленіе патріаршества надолго и накрѣпко утвердитъ православную вѣру въ Россіи: то собирайте, г.г. октябристы, всѣ свои силы, чтобы бороться противъ патріаршества. Противъ собора не боритесь: это будетъ только разновидность революціонной думы и очень удобное средство для разложенія религіозной жизни въ Россіи: поэтому всѣ лѣвыя газеты и журналы кричите о соборѣ, о самомъ широкомъ его составѣ, о четырехвостной баллотировкѣ за его членовъ изъ всѣхъ круговъ общества и при томъ непремѣнно обоего пола! Вѣдь и въ Предсоборномъ Присутствіи толковали о включеніи въ составъ Синода мірянъ и даже женщинъ!" Ошибаетесь, г. Заозерскій и г.г. октябристы: даже такой неканоническій составъ собора, который придуманъ Предсоборнымъ Присутствіемъ (съ очень хитрымъ умолчаніемъ объ участіи на соборѣ восточныхъ іерарховъ), все таки возстановилъ бы истинную церковность и поставилъ бы

каноническаго патріарха: вѣдь большинство духовенства нашего еще не продало совѣсти, а противъ патріаршества только тѣ духовные отцы, у которыхъ подолы позапачканы: „всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть“.

Таковымъ доказывать пользу патріаршества такъ же безцѣльно, какъ убѣждать японскихъ офицеровъ въ желательности лучшаго флота для Россіи. Но я бы предъявилъ иное недоумѣніе г. Заозерскому, не моральнаго, а теоретическаго характера. „Гдѣ и отъ кого вы такъ поумнѣли въ 55 лѣтъ отъ роду, когда вдругъ на Предсоборномъ Присутствіи и затѣмъ въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ, и понынѣ, изъясняете вопросы вашей науки церковнаго права въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ за первые тридцать лѣтъ службы? Вамъ приходится восклицать: я сжегъ все, чему поклонялся; поклонился всему, что сжигалъ!

Не поздновато ли такъ радикально мѣняться на исходѣ шестого десятка лѣтъ жизни? Конечно, позднее развитіе имѣетъ свои преимущества, какъ и поздніе цыплята, но, право, всему есть предѣлъ. Не должно ли вамъ отречься и отъ ученыхъ степеней, полученныхъ за диссертаціи, которыя вамъ теперь приходится сжигать?“

Давненько просмотрѣлъ я брошюру г. Кузнецова (о Еп. Гермогенѣ и Патріаршествѣ). Ему, какъ новичку въ богословіи и состарѣвшемуся въ адвокатской болтовнѣ, простительно повторять глупости о томъ, что каноны знаютъ не патріаршество, а каноническихъ митрополитовъ: дайте намъ таковыхъ, г. Кузнецовъ! Выпросите ихъ у вашего барина Каменскаго!—Я запомнилъ изъ его брошюрки намѣренное непониманіе моего заявленія о томъ, что наша Русская Церковь не имѣетъ отвѣтственнаго за нее лица и является asnullius, вымороченнымъ достояніемъ. Г. Кузнецовъ, сколько помню, вопіетъ, что всѣ епископы отвѣтственны за Церковь. Да развѣ о такой отвѣтственности я говорю?

Ревновать о Церкви обязаны не только всѣ епископы, но и всѣ міряне, но когда говорятъ о служебной, объ іерархической отвѣтственности, то разумѣютъ и правоспособность воздѣйствовать на *цѣлое учрежденіе*, а таковой наши епископы лишены: они могутъ, наравнѣ съ мірянами, и даже съ женщинами, писать доклады, куда угодно и о чемъ угодно, но эти доклады будутъ приняты, какъ доклады частныхъ лицъ; вѣрнѣе—они не будутъ прочитаны, да и не читаются на самомъ дѣлѣ. Если мы говорили, что наша Русская Церковь не имѣетъ отвѣтственнаго лица въ томъ смыслѣ, какъ за приходъ отвѣтственъ его настоятель, за монастырь его игуменъ, за епархію—епископъ, за католическую церковь въ Россіи католическій митрополитъ, за магометанскую—муфтій и т. д.;—то этимъ совершенно ясно выражали ту мысль, что нужды высшаго церковнаго управленія не имѣютъ въ Россіи соотвѣтственнаго попечителя. Члены Синода могутъ разсуждать только о дѣлахъ, поступающихъ въ Синодъ, а поступленіе ихъ зависитъ отъ оберъ-прокурора: затѣмъ составъ Синода измѣняется, наприм., за послѣднія 10 лѣтъ,—по-полугодно въ составѣ всѣхъ членовъ, а „епископа, имѣющаго попеченіе о всей странѣ“ (Ант. 9) у насъ нѣтъ, и епархіальные архіереи знаютъ, что имъ подобаетъ „творити каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ“ (Апост. 34). Вотъ почему *церковное законодательство*, касающееся всей страны, зачинается и проводится у насъ оберъ-прокурорами; ими же опредѣляются и такія дѣла, какъ, наприм., отлученіе Льва Толстого, опредѣленія о бѣглопоповскомъ духовенствѣ, распоряженіе церковными деньгами и т. д. Все это конечно понялъ бы въ моей статьѣ и 12-тилѣтній мальчикъ, и надо быть адвокатомъ не только по профессіи, но и по душѣ, чтобы сумѣть затуманить и извратить то, что ясно, какъ Божій день въ моей статьѣ о возстановленіи патріаршества.

Не менѣе ясно, скажемъ въ заключеніе, и то, что всѣ приведенные противоцерковные писатели, какъ и пресловутое

меньшинство Предсоборнаго Присутствія, просто не вѣруютъ въ каноны, какъ выраженіе воли Божіей,—когда стараются истолковать не ихъ императивный смыслъ, какъ дѣйствующаго права Церкви, а замѣнить послѣдній историческою подкладкой канона, по большей части тутъ же измышленною. Не вѣруютъ они въ Церковь, какъ учитъ насъ Символъ вѣры, не вѣруютъ они твердо ни во что, кромѣ интересовъ своего положенія, и еще матеріальныхъ интересовъ не духовенства, а духовнаго сословія. Не скажу, чтобы у подобныхъ писателей, у подобныхъ типовъ, вовсе не составилось религіозныхъ вѣрованій, но это отдѣльные отрывки изъ впечатлѣнія дѣтства, мелодія „Волною морскою“, пасхальные куличи, серіозная и недоумѣвающая мина предъ чашею причащенія, панихида по родителямъ, крестное знаменіе предъ купаньемъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это не церковное міровоззрѣніе, не богословіе, не наука церковнаго права, ни, всего менѣе, забота о славѣ Церкви, а только прикрытое отрицаніе и того, и другого, и третьяго, и четвертаго, при печальной необходимости тереться около дѣлъ церковныхъ ради своихъ выгодъ.

Быть можетъ, однако, раздвоенность ихъ сужденія, то допускающихъ пользу церковнаго возрожденія чрезъ возвращеніе нашей помѣстной церкви ея законнаго главы,— то отрицающихъ нужду послѣдней,—быть можетъ эта неувѣренность и недоговоренность выражаетъ собою безсильную борьбу совѣсти со злою и изолгавшеюся волею. Въ такомъ случаѣ пожелаемъ нашимъ писателямъ побѣды первой надъ послѣднею; пожелаемъ, чтобы Господь воззрѣлъ въ ихъ сердце, какъ Онъ воззрѣлъ на Симона Петра во дворѣ Каіафы, когда пропѣлъ обличительный алекторъ (Лук. 22, 61).

Менѣе понятенъ намъ г. Cave, какимъ то образомъ проникшій на страницы Синодальнаго журнала при благодушной разсѣянности редакціи, которой слѣдуетъ сказать напредки: „Cavete a domino Cave“; а что нужно послѣднему, мы сказать не можемъ, ибо не знаемъ, кто скрывается за этою под-

письью, а потому остаемся предъ неизвѣстнымъ авторомъ съ недоумѣвающимъ грустнымъ вопросомъ церковной пѣсни: „Кій тя образъ Іудо предателя Спасу содѣла?“ (Волынск. епарх. вѣдом.).

Архіепископъ *Антоній.*

Памяти Павла Петровича Забѣлина.

Въ половинѣ сентября пришло въ Кіевъ извѣстіе изъ уѣзднаго городка Курской губ. Путивля о кончинѣ Павла Петровича Забѣлина, бывшаго преподавателя кіевской духовной семинаріи. весьма много потрудившагося въ качествѣ сотрудника и долговременнаго редактора журнала „Руководство для сельскихъ Пастырей".

П. П. Забѣлинъ, сынъ священника, родился въ Тверской епархіи въ 1847-мъ году октября 12-го; окончилъ курсъ въ Кіевской духовной Академіи въ 1873-мъ году по церковно-практическому отдѣленію со степенью кандидата богословія и съ правомъ искать степень магистра, не подвергаясь новому устному испытанію; по рекомендаціи Совѣта Академіи правленіемъ симбирской духовной семинаріи, съ утвержденія преосвященнаго епископа симбирскаго, опредѣленъ преподавателемъ гомилетики, литургики и практическаго руководства для пастырей въ Симбирскую семинарію съ 4-го іюля 1873-го года; ноября 26-го того же года опредѣленъ членомъ Педагогическаго Собранія Правленія Симбирской духовной семинаріи на шесть лѣтъ.

Согласно изъявленному имъ желанію, по представленію Правленія Кіевской духовной семинаріи, утвержденъ Высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ въ должности преподавателя тѣхъ же предметовъ въ 1874-мъ января 3-го дня. Но такъ какъ по увѣдомленію Правленія симбирской духовной семинаріи отъ 14-го марта 1874-го года до окончанія учебнаго года онъ не могъ быть уволенъ отъ учеб-

ныхъ занятій въ означенной семинаріи по причинѣ крайней трудности сдѣлать распредѣленіе его предметовъ между наличными преподавателями, то въ должность преподавателя кіевской духовной семинаріи вступилъ 6-го іюля 1874-го года. Эту должность покойный и проходилъ до 23-го сентября 1899 го года, когда приказомъ Оберъ-Прокурора св. Синода уволенъ отъ службы согласно прошенію по болѣзни. Во время службы въ семинаріи *) покойный все время состоялъ членомъ Педагогическаго Собранія Правленія семинаріи (тогда ихъ всего было трое изъ педагогическаго персонала и представлялись Правленіемъ семинаріи на утвержденіе Высокопреосвященнаго митрополита); въ 1875-мъ году ревизовалъ Черкасское, Богуславское и Уманское духовныя училища; въ 1884-мъ году по порученію Правленія семинаріи присутствовалъ на выпускныхъ экзаменахъ въ Кіево-Подольскомъ и Кіево-Софійскомъ духовныхъ училищахъ, въ 1892-мъ году по предписанію Его Высокопреосвященства производилъ ревизію Черкасскаго духовнаго училища.

Всѣ, прошедшіе курсъ въ кіевской семинаріи во время пребыванія въ ней покойнаго наставникомъ, помнятъ, вѣроятно, этого всецѣло преданнаго своему дѣлу труженика, постоянно штудировавшаго и углублявшагося въ литературу своихъ любимыхъ предметовъ; строгій къ себѣ, онъ не мемѣе былъ строгъ и къ учащимся, хотя эта строгость всегда сопровождалась справедливостью. Нужно было видѣть, какими онъ возвращалъ прочитанныя ученическія работы или проредактированныя для журнала рукописи. Положительно живого мѣста, что называется, не оставалось отъ нихъ! Всѣ поля были испещрены мелко, бисеромъ написанными замѣчаніями, поправками, дополненіями. Это не были исправленія,

*) По защищеніи представленной имъ въ Совѣтѣ Кіевской Академіи диссертаціи подъ заглавіемъ „Права и обязанности пресвитеровъ," утвержденъ въ степени магистра богословія указомъ св. Синода отъ 19-го апрѣля 1886-го года.

а это были положительно новыя работы, которыя учащіеся должны были взять за образцы для дальнѣйшихъ письменныхъ упражненій, и журнальный сотрудникъ часто едва узналъ посланную имъ въ редакцію статью. Вѣроятно, такая усидчивая работа, такое непомѣрное напряженіе зрѣнія вмѣстѣ съ другими причинами (покойный долго лечился отъ катарра желудка, вслѣдствіе чего принималъ много всякихъ лекарствъ, вредно повліявшихъ на зрѣніе) привели къ тому, что покойный долженъ былъ оставить службу еще полнымъ силъ и здоровья.

А какъ онъ строгъ былъ къ себѣ, тому доказательствомъ служитъ такой фактъ. Покойный не былъ женатъ; Высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Іоанникій пригласилъ какъ-то покойнаго и предложилъ ему принять монашество; на литургіи въ Лаврѣ, которую выслушалъ до посѣщенія Владыки покойный, читалось евангеліе о званныхъ на вечерю. Владыка заявилъ покойному, что онъ зовомый теперь и совѣтывалъ не терять благопріятнаго момента. Покойный согласился было. Но потомъ тяжесть и отвѣтственность предстоящаго подвига, трудности служенія Церкви на высокомъ посту предстали во всей ясности сознанію покойнаго. Дня три, данныхъ ему на размышленіе, онъ находился въ тревожномъ раздумьѣ, не спалъ ночей и кончилъ тѣмъ, что взялъ свое слово назадъ, къ великому, какъ говорили, неудовольствію Владыки.

Покойный любилъ уединенную, даже, можно сказать, замкнутую жизнь; подъ конецъ своей службы въ семинаріи онъ пріобрѣлъ себѣ на тихой улицѣ Кіева (бывшей Ивановской, нынѣ Полтавской) домикъ и въ часы досуга любилъ заниматься садоводствомъ, огородничествомъ и цвѣтоводствомъ.

Но все-таки и эта тихая улица для покойнаго, не выносившаго сутолоки большого города, не казалась достаточно успокоительно дѣйствовавшей на нервы. Онъ сталъ искать еще болѣе тихаго и уютнаго угла, гдѣ могъ бы воспользоваться почетнымъ отдыхомъ отъ понесенныхъ напряженныхъ

трудовъ и остатокъ дней провести въ тиши уединенія и близости къ природѣ. Онъ объѣздилъ весьма много уѣздныхъ городовъ Юго-Западнаго края, но ни одинъ изъ нихъ, при всей красотѣ мѣстоположенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могъ удовлетворить покойнаго: ему претилъ доминирующій въ этихъ городкахъ еврейскій элементъ, котораго покойный не выносилъ. Выборъ его остановился на „чисто русскомъ" уѣздномъ городкѣ Курской губ., гдѣ ему и суждено окончить свое земное странствованіе.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ Путивль, П. П. былъ избранъ въ гласные Путивльской городской Думы; по истеченіи 4 хъ лѣтія вновь былъ избранъ на новое 4-хъ лѣтіе и выбранъ въ члены Городской Управы и заступающіе мѣсто Городского Головы. По окончаніи второго 4-хъ лѣтія П. П. былъ снова выбранъ въ гласные Думы, но, за отказомъ отъ исполненія должности Члена Управы, былъ избранъ въ старшіе гласные. Кромѣ того въ теченіе почти 8 лѣтъ покойный состоялъ членомъ хозяйственнаго комитета ремесленнаго училища Махлакова и въ томъ же училищѣ былъ членомъ библіотечнаго комитета по выпискѣ книгъ, журналовъ и газетъ для открытой при этомъ училищѣ библіотеки и членомъ попечительнаго совѣта поименованнаго училища. Помимо этого П. П. былъ избираемъ въ выборщики отъ г. Путивля во 2-ю и 3-ю Государственную Думу, а нѣсколько лѣтъ назадъ во время проѣзда нынѣ царствующаго Государя Императора, Николая Александровича чрезъ Курскъ на маневры, состоялъ въ депутаціи отъ г. Путивля.

Равнымъ образомъ въ мѣстномъ отдѣлѣ союза русскаго народа П. П. постоянно принималъ живѣйшее, горячее и дѣятельное участіе сперва въ качествѣ учредителя, а затѣмъ (до послѣдняго времени) въ должности товарища предсѣдателя. По смерти почетнаго предсѣдателя (протоіерея М. В. Попова) Совѣтъ и члены отдѣла неоднократно просили П. П. занять мѣсто предсѣдателя, но онъ упорно отказывался отъ этого, ссылаясь на крайнюю слабость зрѣнія, лишавшую его возможности самому непосредственно слѣдить за канцелярскою и литературно-просвѣтительною стороною союзнаго дѣла.

Явственно слабо сталъ чувствовать себя Павелъ Петровичъ около полутора года тому назадъ, переставъ вовсе выходить изъ дома. Во время болѣзни сестры, ухаживалъ за больной и проводя безсонныя ночи, онъ еще болѣе подорвалъ свое здоровье. Послѣ 23-го іюля текущаго года, когда умерла находившаяся на его попеченіи престарѣлая сестра его (она же была и крестной матерью его), здоровье П. П. настолько ослабѣло, что онъ уже съ большимъ трудомъ передвигался изъ одной комнаты въ другую. Въ ночь съ 13 го на 14-е сентября около 1 часа ночи страдалецъ сползъ съ одра болѣзни; колѣнопреклоненный, опираясь на стулъ крестообразно-положенными одна на другую ладонями, поникъ опущенною на нихъ головою и въ такомъ положеніи скончался *).

Погребенъ Павелъ Петровичъ 16-го сентября на Александро-Невскомъ кладбищѣ г. Путивля. При отпѣваніи тѣла въ соборной Преображенской церкви были произнесены двѣ рѣчи: одна была сказана товарищемъ покойнаго по Кіевской Академіи, бывшимъ каѳедральнымъ протоіереемъ Курскаго Собора (переведеннымъ въ Путивль незадолго до смерти П. П.) о. Іоанномъ Платоновымъ, а другая—протоіереемъ соборной Преображенской церкви о. Андреемъ Петровымъ.

Вся библіотека П. П. завѣщана Тверской духовной семинаріи; большая часть суммы, какая выручится отъ продажи недвижимаго имущества, завѣщана на стипендію въ Тверское духовное училище, а меньшая—Курскому Епархіальному попечительству о вдовахъ и сиротахъ духовнаго званія. Одна часть капитала, оставшагося послѣ покойнаго, распредѣлена между ближайшими родственниками его; другая пожертвована въ пользу мѣстныхъ г. Путивля церквей—Благовѣщенской и Вознесенской и на благотворительныя цѣли.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, усердный труженикъ, взрастившій до высокой степени совершенства данный тебѣ Господомъ талантъ! „Вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю“, слышатся намъ вѣчные глаголы Божьи, „вниди въ радость Господа Твоего!“ *П. К.*

*) Анализъ показалъ, что причиной послѣдней болѣзни былъ туберкулезъ легкихъ и горла, обостренный инфлуэнцей.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го октября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская 6.

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 45

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 4-го ноября.

Содержаніе: I. Слово о Царѣ. Архіепископъ Антоній.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. С. Б.—III. Пастырь въ роли общественнаго дѣятеля. Священникъ.—IV. Къ вопросу о современномъ франкмасонствѣ. Свящ. Н. Гроссу.—V. Замѣтка. Изъ моей пастырской практики.

Слово о Царѣ [1]).

Назиданіе желаю вамъ предложить особенное, необычное. Раньше вы слышали поученіе объ усопшихъ святыхъ, а нынѣ поучитесь примѣру здравствующаго праведника.

Кто были праведники древности? Сперва св. мученики, а затѣмъ, послѣ торжества христіанства при Константинѣ Равноапостольномъ, Господь сталъ являть Церкви Своихъ угодниковъ преимущественно двухъ родовъ: во-первыхъ—преподобныхъ отшельниковъ, а во-вторыхъ—святителей и царей.

---

[1]) „Слово о Царѣ“ можетъ служить матеріаломъ для внѣбогослужебной бесѣды. *Ред.*

Тѣ, и другіе, и третіи распяли себя міру ради Христа, умертвили плоть и совлеклись ветхаго человѣка. Первые достигали сего, удаляясь въ пустыню или затворъ, предаваясь молитвѣ, богомыслію, посту и бдѣнію, а вторые умерщвляли себя, воспринимая въ свое сердце жизнь своей паствы, своихъ подданныхъ, и черезъ то умерщвляли въ себѣ всякую личную жизнь, всякое движеніе ветхаго человѣка.

Итакъ, та самая власть, которая столькихъ людей подчиняетъ духу гордыни и тщеславія, доставаясь въ удѣлъ душамъ возвышеннымъ и благороднымъ, возноситъ ихъ на такую-же степень самоотверженія, которой достигали пустынники и постники. Это именно тѣ представители власти, которые взирали на нее согласно съ Господнею заповѣдью: *„Царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодѣтеле нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старѣй, яко служай“* (Лук. XXII, 25—26).

Такимъ именно правиломъ руководствовался въ своей жизни и нашъ возлюбленный Государь Николай Александровичъ.

Итакъ, слово будетъ о Царѣ.

Да, о Немъ, о нашемъ возлюбленномъ Монархѣ. Пора мнѣ сказать о Немъ, братіе; ибо въ то время, когда самодержавіе у насъ хранилось непоколебимымъ и по царскимъ днямъ во всѣхъ соборахъ столичныхъ и губернскихъ городовъ раздавались пышныя похвалы самодержавію и Самодержцамъ—Александру Ш-му и Николаю П-му, я предпочиталъ говорить о словахъ св. Евангелія, читавшихся въ тѣ дни, и о святыхъ, коимъ творилась память, ибо боялся я отступить отъ глагола Давидова: *„да не возлагаютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ, за словеса устенъ Твоихъ азъ сохранихъ пути жестоки“* (Пс. XVI, 4). Но съ тѣхъ поръ, какъ враги Россіи стараются поколебать самодержавіе, нашъ долгъ—открывать глаза на истинное положеніе дѣлъ, особенно, когда оно является для насъ столь обильнымъ источникомъ назиданія.

Сегодня окончился одиннадцатый годъ царствованія нашего Монарха [1]) и настаетъ двѣнадцатый годъ съ нѣсколько измѣнившимися условіями правленія, обозначенными въ послѣднемъ манифестѣ [2]). Оглянитесь-же, русскіе люди, на сей закончившійся первый періодъ царствованія нашего Государя, оглянитесь на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами предъ Крестомъ и Евангеліемъ присягу, и нынѣ, когда густая тьма безсовѣстной лжи и разнузданнаго себялюбія обложила небосклонъ нашей жизни, воззрите мысленно на Того, Кому такъ мало вы подражали въ добродѣтели и Кому столь неблагодарными оказались многіе.

Нашъ Государь вступилъ на отеческій престолъ въ юномъ возрастѣ, но оказался мудръ предъ искушеніями власти. Большею частью цари и другіе высокіе начальники, достигая власти, стараются о томъ, чтобы сразу выдвинуть предъ глазами всѣхъ свою личность въ противовѣсъ личности предшественника, чтобы показать ожидаемыя преимущества своего управленія сравнительно съ предшественникомъ. Они смѣняютъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, а особенно тѣхъ, которые были преданы прежнему властителю, и поощряютъ тѣхъ, которые были имъ обижены. Подобные пріемы дѣйствій особенно свойственны государямъ молодымъ, какъ это и было при первыхъ царствованіяхъ въ народѣ библейскомъ.

Не такъ, совсѣмъ не такъ поступилъ нашъ, тогда еще юный, Государь, сдѣлавшись властителемъ величайшаго въ мірѣ царства. Онъ обѣщалъ слѣдовать во всемъ примѣру и указаніямъ своего въ Бозѣ почившаго родителя и постоянно ссылался на его авторитетъ. Онъ сохранилъ при себѣ его совѣтниковъ и не только не старался о томъ, чтобы выдвигать самолюбиво свою личность, но, напротивъ, постоянно смирялся предъ своимъ Отечествомъ, исповѣдывалъ свою сердеч-

---

[1]) Слово сказано 21 окт. 1905 г.

[2]) Манифестъ 17 окт. 1905 г.

ную привязанность къ старинной Москвѣ и первый изъ русскихъ императоровъ не усрамился распространять свои изображенія въ старинной русской одеждѣ.

Смиреніе, это первая заповѣдь Евангелія, эта первая ступень изъ девяти блаженствъ, черезъ которыя открывается намъ Господень рай—сколь рѣдкая, сколь цѣнная эта добродѣтель въ нашъ горделивый, изолгавшійся вѣкъ! И если мы справедливо цѣнимъ ее такъ высоко среди простыхъ смертныхъ, то какъ она вожделѣнна въ могущественнѣйшемъ Императорѣ.

Учись же, русскій народъ, у твоего Царя этой великой мудрости быть смиреннымъ, ибо въ этомъ великая мудрость; тотъ уже мудрецъ, кто смирилъ свое сердце, а пріобрѣтающій много познаній, но пребывающій въ ослѣпленіи гордыни, рано или поздно обнаружитъ свое безуміе. Сильная воля и быстро воспринимающій умъ, если они лишены смиренномудрія, не могутъ быть полезными для ближнихъ, но всюду вносятъ разстройство и неправду, и разрушаютъ одною рукою то, что созидали другою.

Какъ же сохранить въ себѣ духъ смиренномудрія? Какъ сохранилъ его въ себѣ нашъ Государь? Хранить такой духъ можетъ лишь тотъ, кто боится Бога, кто всѣмъ сердцемъ вѣрить во Христа, кто благоговѣетъ предъ святыми угодниками.

И сему учитесь у своего Царя, русскіе люди!

Нашъ Государь началъ царствовать въ сегодняшній день—21-го октября, причастившись въ храмѣ святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Вторично причастился Онъ Божественныхъ Таинъ черезъ три недѣли, въ день своего бракосочетанія. Сіе необычно земнымъ царямъ, которые хотя и стараются всегда показать, что они не чужды вѣры въ Бога, но весьма опасаются прослыть слишкомъ благочестивыми, ибо это не очень нравится европейскимъ народамъ, а Господню слову о томъ, что невозможно вмѣстѣ работать Богу и мамонѣ, они не придаютъ значенія. Такая раздвоенность совершенно

чужда нашему Монарху: Слава Божія являлась главнымъ направляющимъ началомъ Его дѣятельности. Ревнуя о прославленіи святыхъ угодниковъ съ тѣмъ же безкорыстнымъ упованіемъ, съ какимъ относится къ нимъ народное сердце, Онъ съ радостью разрѣшилъ открытіе мощей святаго Ѳеодосія Черниговскаго въ годъ своей коронаціи, а затѣмъ самъ приложилъ старанія къ тому, чтобы провозглашена была Церковью святость угодника Божія—Преподобнаго Серафима Саровскаго. Но и на семъ не успокоилось сердце Царево: оно повлекло Его съ царицей Супругой и съ царицей Матерью въ далекую Саровскую пустынь и понудило Его собственными руками поднять священный гробъ Чудотворца и вмѣстѣ со своимъ народомъ, собравшимся туда въ количествѣ трехсотъ тысячъ, проливать слезы умиленія, открывать свою совѣсть смиренному духовнику-монарху и причащаться Святыхъ Таинъ изъ одной чаши съ простолюдинами.

Слышалъ ли ты что-либо подобное, о, русскій народъ, за послѣднее столѣтіе и болѣе? Часто ли встрѣчалъ такую силу вѣры среди людей знатныхъ и богатыхъ, и укажешь ли мнѣ во всей вселенной нѣчто подобное въ жизни царей, именующихъ себя христіанскими? Учись-же у своего Царя вѣрѣ и умиленію, и молитвѣ. Учись, ибо силу этой молитвы засвидѣтельствовалъ Угодникъ Божій Серафимъ, даровавъ нашему Царю давно желаннаго Сына и Наслѣдника, ровно черезъ годъ по возвращеніи его изъ святой обители.

Искреннее благочестіе остается неполнымъ, если не украшается любовью и состраданіемъ къ ближнимъ. И сію любовь нашъ Государь проявилъ въ первые же мѣсяцы по своемъ воцареніи, когда, по примѣру всероссійскаго праведника, отца Іоанна Кронштадтскаго, началъ повсюду учреждать дома трудолюбія для бѣдныхъ; ибо именно въ этомъ нуждается городская бѣднота, тогда какъ простое разбрасываніе милостыни поощряетъ тунеядство и пьянство. И если бы въ этомъ нашъ народъ учился у Царя, то сколько бы было отерто слезъ у бѣдняковъ, сколько остановлено вздоховъ ропота во

время безработицы, сколько людей удержано отъ паденія! Но —увы!—у насъ любятъ только говорить о страданіи несчастныхъ, а оказывать имъ дѣйствительную помощь никто не хочетъ.

Нашъ Государь, желая распространить свое примиряющее доброжелательное настроеніе на весь міръ, созвалъ правительства всѣхъ народовъ на Гаагскую конференцію для обсужденія мѣръ къ полному прекращенію международныхъ войнъ или, по крайней мѣрѣ, къ возможному ихъ облегченію. Достигнуть перваго, конечно, было невозможно, ибо, по слову Господню, войны не только не прекратятся, но весьма умножатся къ концу временъ; но все-таки эта конференція въ значительной степени облегчила жестокости и коварство военныхъ столкновеній между народами. Такое столкновеніе, и при томъ весьма неудачно для своего отечества, пришлось перенести и нашему Государю, и сія неудача зависѣла въ значительной степени отъ того, что духъ нашего Монарха до такой степени былъ чуждъ военнаго задора, что онъ и другія правительства считалъ миролюбивыми, а потому Россія подверглась нападенію японцевъ совершенно не подготовленной.

Однако, не любя войны, какъ любитъ нашъ Государь своихъ воиновъ! Благодаря этой войнѣ, Его удостоились видѣть многочисленные захолустные уголки нашей отчизны, которые раньше не видѣли не только Высочайшихъ Особъ, но даже министровъ, ибо опять нѣчто новое и необычайное для царей совершаетъ нашъ Монархъ: взявъ св. иконы, онъ объѣзжаетъ всю нашу необъятную страну, чтобы лично благословить всѣ свои вѣрные полки, чтобы своею царскою нѣжною лаской ободрить всѣхъ своихъ воиновъ.

Учись же, русскій народъ, у своего Царя любви къ меньшей братіи, любить „*не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною*“ (I Іоанна III, 18).

Послѣдніе годы своего царствованія Государь ознаменовалъ довѣріемъ къ доброму сердцу и къ разуму русскаго на-

селенія, и вотъ оно, не освоившись съ новыми порядками жизни, теперь повсемѣстно бушуетъ. Не наше дѣло осуждать, насколько подходятъ сіи порядки къ современной Россіи, ибо говорю вамъ о Царѣ-человѣкѣ и христіанинѣ, а не о дѣлахъ государственныхъ, но ясно для меня то, что духъ нашего Государя не склоненъ требовать послушанія за страхъ, но за совѣсть, что, имѣя самъ душу чистую, Онъ вѣритъ и въ другихъ людей и поступаетъ согласно такому довѣрію.

Учись и сему, русскій человѣкъ, у твоего Государя; старайся о томъ, чтобы все меньше и меньше добиваться добрыхъ цѣлей черезъ страхъ и принужденіе и не переставай взывать къ разуму и совѣсти твоихъ ближнихъ. Насколько сіе удобоосуществимо въ дѣлахъ государственныхъ, о семъ говорить мы не рѣшаемся, но тѣ, которые связаны съ ближними властью, личными отношеніями, т. е. родители, учителя и хозяева, пусть знаютъ, что только тогда они достигли своего назначенія, когда не за страхъ, а за совѣсть повинуются имъ дѣти, ученики и подчиненные служащіе. Въ этомъ заключается истинный, сочувствія достойный либерализмъ, а никакъ не въ томъ предосудительномъ и пакостномъ безразличіи къ добру и злу, не въ томъ безнравственномъ расширеніи правъ молодого поколѣнія, благодаря которому недавно перестали учиться ученики и ученицы нашей средней школы и предаются нынѣ уличнымъ безчинствамъ, а высшая школа уже пять лѣтъ не учитъ и не учится, а лишь проѣдаетъ, пропиваетъ и проигрываетъ казенные оклады и стипендіи.

Итакъ, смотри же, русскій народъ, сколькимъ добродѣтелямъ могъ бы ты научиться у своего Государя,—и сколь далеко ты отступилъ отъ нихъ. Говорить ли еще о томъ, что Его семья является однимъ изъ немногихъ безупречныхъ семействъ въ современномъ обществѣ? Говорить ли объ Его отзывчивости, щедрости, простотѣ и праведности.

Или лучше сказать о томъ, сколь неблагодарною оказалась Ему современная просвѣщенная Россія, о томъ, какъ безотвѣтны будутъ предъ Богомъ присягавшіе Ему въ свое время нынѣшніе крамольники, ибо, если Божественный Духъ повелѣваетъ повиноваться *„владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“* (1 Петр. II, 18), то какая кара ждетъ тѣхъ, которые возстали на благостнѣйшаго и кротчайшаго изъ русскихъ царей? Они подобны врагамъ Христовымъ, которые въ тѣмъ большую приходили ярость, чѣмъ болѣе свѣтилась кротость и незлобіе нашего Спасителя.

Впрочемъ, не одни только прямые мятежники и забастовщики виновны предъ нашимъ Государемъ: виновны и всѣ тѣ, кто недостаточно смѣло имъ противился, кто своимъ невниманіемъ и небреженіемъ прямо или косвенно помогалъ развиваться крамолѣ.

Но, когда она открыто безчинствуетъ въ нашихъ городахъ, когда нагло заглушаетъ своими выходками всю русскую землю, когда она плюетъ тебѣ въ глаза, о родная Русь, —стыдомъ и раскаяніемъ исполнены сердца наши. Теперь мы понимаемъ, какъ должны были мы беречь Тебя, о вождѣленный нашъ Государь, теперь мы понимаемъ, что Ты одинъ, Ты и никто болѣе, надежный щитъ нашей растерзанной Родины, и Твои враги суть злѣйшіе враги Россіи.

О, Государь! если-бы Ты зналъ, какъ безраздѣльно преданъ Тебѣ Твой народъ и лучшіе люди общества.

О, Государь! если бы Ты зналъ, сколько милліоновъ русскихъ сердецъ дали бы себя изрѣзать на мелкіе кусочки за Тебя, за Твое благополучіе.

Тогда бы Ты утѣшился въ эту тяжелую годину испытанія; тогда бы Ты увѣрился въ томъ, что не растлился еще Твой народъ, въ томъ, что подъ плѣсенью, покрывшею часть верхней поверхности нашей жизни, бьется здоровое и народное сердце, бьется оно съ любовью къ Тебѣ, нашему красному солнышку.

О, братіе, дай Богъ, чтобы Царь удостовѣрился въ этомъ: тогда, быть можетъ, и Его кроткое сердце найдетъ въ себѣ силы къ тому, чтобы простить Своихъ неблагодарныхъ и легкомысленныхъ подданныхъ и не замкнуться для нихъ навсегда. Молитесь объ этомъ, русскіе люди, ибо если будетъ такъ, то и Господь не отвернется отъ насъ за премногія наши беззаконія, но если долготерпѣніе царственнаго праведника истощилось, и Онъ въ Своемъ сердцѣ проклянетъ насъ, то этотъ вопль праведника достигнетъ неба и низведетъ на насъ проклятіе Божіе, какъ говорилъ Господь Моисею, и тогда ужъ никто не спасетъ русскую землю отъ конечной погибели, въ которую стараются вовлечь ее внутренніе враги.

Молитесь, братіе, о своемъ Царѣ, чтобы Господь хранилъ Его благополучнымъ и благодушнымъ; молитесь, братіе, о себѣ, чтобы Господь научилъ васъ подражать Его добродѣтелямъ, Его смиренномудрію, Его миролюбію, Его братолюбію, Его долготерпѣнію, Его всепрощающей любви. Молитесь, чтобы Богъ укрѣпилъ насъ непоколебимо исполнять данную нами клятву въ вѣрности Ему, чтобы оградилъ насъ отъ искушенія предательства Іудина, чтобы избавилъ Россію отъ лукаваго демона мятежей и крамолы. Аминь. (Христіанинъ).

Архіепископъ Антоній.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Кинематографъ—распространитель полезныхъ знаній.

До сей поры кинематографъ служилъ больше ко вреду русскаго народа, развращая его безнравственнымъ содержаніемъ своихъ картинъ. Но теперь насталъ часъ, чтобы и это интересное изобрѣтеніе послужило съ пользой и для нашей страны, какъ служитъ оно благу народа за границей и особенно въ Германіи. Засѣдавшая въ Берлинѣ 11-го марта сего года кинематографическая конференція постановила приспособить кинематографъ „для просвѣтительныхъ цѣлей“. Въ Англіи защитникомъ кинематографа является Бернардъ Браунъ,

который, исходя изъ того принципа, что школьное преподаваніе должно быть и интереснымъ, настаиваетъ, чтобы этотъ аппаратъ использованъ былъ при обученіи дѣтей. Засѣдавшій въ Нантѣ (Франція) конгрессъ народнаго образованія постановилъ связать просвѣщеніе народныхъ массъ съ ихъ развлеченіемъ при посредствѣ того же кинематографа. По примѣру Европы и у насъ по мѣстамъ начинаютъ примѣнять кинематографъ въ цѣляхъ просвѣщенія народа. Починъ въ этомъ дѣлѣ оказало Императорское Русское техническое Общество, которое въ теченіе двухъ послѣднихъ зимъ дало въ Петербургѣ рядъ научнаго содержанія картинъ. Кромѣ того, въ Петербургѣ предполагается открыть постоянный научный кинематографъ, каковые уже имѣются въ Кіевѣ, Одессѣ, Юрьевѣ, Самарѣ и др. городахъ. Обзаводятся кинематографами уже и земства. Такъ Екатеринбургское земство Пермской губ. ведетъ чтенія въ селахъ и деревняхъ по сельскому хозяйству, пчеловодству и медицинѣ, иллюстрируя эти чтенія кинематографическими картинами. Успѣхъ оказался громаднымъ. Бѣда только въ томъ, что научныя ленты изображаютъ извѣстный предметъ и явленіе съ большими пропусками и не отличаются вообще цѣльностью и законченностью. Вслѣдствіе этого необходимо многое дополнять словами и длинными объясненіями. Но и этотъ временный недостатокъ кинематографа взялась устранить мастерская графич. искусствъ „Энерю“ въ г. Екатеринбургѣ, которая будетъ пріобрѣтать всѣ существующія картины, пополнять недостающія собственными снимками, снабжать добавочными діапозитивами и пояснительнымъ текстомъ и предоставлять во временное пользованіе по самой низкой цѣнѣ просвѣтительнымъ учрежденіямъ и школамъ. Программа картинъ будетъ самая разнообразная; сюда войдутъ: всѣ отдѣлы естествознанія, исторія, географія, промышленность и сельское хозяйство. Итакъ, завѣтъ великаго Песталоцци: „учите развлекая“ готовъ осуществиться во всей широтѣ черезъ обращеніе на службу народу кинематографа (Екатеринбургскіе Еп. Вѣд. 1912 г., № 34).

На борьбу съ свѣтской развращающей „литературой“.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ множествѣ распространяются въ деревняхъ среди крестьянъ разныя книжки сомнительнаго достоинства, стремящіяся вытравить въ народѣ вѣру православную, благочестіе и любовь къ отечеству. Размноженію этой „литературы“, несомнѣнно, много способствуетъ ихъ дешевизна. Необходимо, поэтому, чтобы Церковь противопоставила этимъ растлѣвающимъ книгамъ свои религіозныя книги и брошюры, вполнѣ доступныя по цѣнѣ бѣдному сельскому люду. Въ сознаніи всей важности такого долга Церкви, Тобольское Епарх. Братство приступило къ изданію жизнеописаній новѣйшихъ русскихъ святыхъ подъ общимъ названіемъ „Новаго Свято-Русскаго патерика“. Извѣстно, какъ встарину русскій народъ любилъ читать Четьи-Миней, Прологи и Патерики. Конечно, эти благочестивыя писанія не потеряли своего значенія и до нашихъ дней, оставаясь для многихъ христіанъ неизсякаемымъ источникомъ назиданія. Но для нашего времени важно особенно показать, что спасеніе возможно и теперь, что благодать Духа Святаго пребываетъ и въ наши дни въ Церкви, надо подчеркнуть, что и теперь существуютъ у насъ на Руси, часто незримые міру, но все же великіе праведники, ведущіе побѣдоносную борьбу съ темными силами ада; надо указать, что черезъ этихъ Своихъ угодниковъ Христосъ и нынѣ творитъ знаменія и чудеса и что наша страна, несмотря на пороки и нечестіе многихъ ея недостойныхъ сыновъ, остается попрежнему Святою Русью. А это, какъ нельзя лучше, можетъ выполнить „Новый Свято-Русскій Патерикъ“, выходящій отдѣльными книжками, доступными вполнѣ народу по своей цѣнѣ (Тобольск. Епарх. Вѣд. № 16).

„Маленькое“ недоразумѣніе среди старообрядцевъ.

Открывшійся на дняхъ соборъ старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, предъявилъ обвиненіе Ни-

жегородскому лже-епископу Иннокентію въ превышеніи власти. Еще въ 1911 году старообрядцы избрали особую комиссію по канонизаціи новыхъ „святыхъ“: протопопа Аввакума, Лазаря, Епифанія и Ѳеодора, и открывшійся соборъ долженъ былъ разсмотрѣть труды этой комиссіи, а потомъ и канонизовать „угодниковъ“. Но Иннокентію ждать долго соборнаго рѣшенія не хотѣлось, и вотъ онъ 6-го августа рѣшилъ освятить придѣлъ въ одномъ нижегородскомъ храмѣ въ честь новоявленныхъ „святыхъ“, канонизовавъ ихъ, такимъ образомъ, безъ собора. Разосланы были приглашенія на торжество и 5-го августа началась праздничная всенощная. Нашлись, однако, среди старообрядцевъ несогласные съ Иннокентіемъ, которые и донесли объ этомъ своимъ духовнымъ отцамъ. Собрано было экстренное собраніе сихъ послѣднихъ, и въ результатѣ Иннокентій получаетъ грозную телеграмму прекратить торжество и ни въ коемъ случаѣ не предвосхищать канонизацію. Но было уже поздновато: всенощная уже кончалась. своевременно было пропѣто величаніе Аввакуму и другимъ и „страстотерпцы“ были прославлены уже въ храмѣ, какъ святые. Послѣ славословія діаконъ, однако, объявилъ, что освященіе придѣла, по независящимъ обстоятельствамъ, отлагается („Нижег. Церк.-Общ. Вѣстн.“ № 40).

С. Б.

Пастырь въ роли общественнаго дѣятеля.

Въ № 48 Орловскаго Вѣстника мнѣ пришлось прочесть весьма непріятное сообщеніе. Брянскій мѣстный протоіерей С. Покровскій (выборщикъ въ Г. Думу), назначенный депутатомъ отъ духовенства на очередное Земское Собраніе, 30 сентября, послѣ совершеннаго имъ молебствія предъ началомъ собранія, заволновался и заплакалъ навзрыдъ потому, что одинъ изъ видныхъ земскихъ дѣятелей не отвѣтилъ ему на его привѣтствіе, не подалъ руки за агитацію со стороны

о. Покровскаго на выборахъ 28 сент. не въ пользу этого дѣятеля. Растревоженный о. прот. Покровскій не пожелалъ присутствовать на земскихъ собраніяхъ, о чемъ и извѣстилъ епархіальное начальство.—Печальный фактъ, являющійся лишнимъ подтвержденіемъ антогонизма, возникающаго между представителями сословій, на почвѣ предвыборной въ Г. Думу горячки. Но въ данномъ случаѣ мы хотимъ обратить вниманіе не на то, что видный земецъ, родовитый дворянинъ и крупный магнатъ показалъ недостатокъ благородства и вѣжливости изъ личныхъ честолюбивыхъ счетовъ, мы хотимъ отмѣтить неприглядность факта съ другой стороны; неприглядность именно въ томъ, что представитель духовенства цѣлаго уѣзда, протоіерей, съ академическимъ образованіемъ показалъ свое малодушіе и безтактность въ самомъ жалкомъ и неприглядномъ видѣ. Зарыдать публично предъ лицемъ гласныхъ уѣзда изъ за мелочнаго въ сущности инцидента и потомъ постыдно бѣжать отъ порученнаго дѣла—это мало того, что показать малодушіе, а обличить еще свою непригодность, какъ общественнаго дѣятеля, и сознаться въ недостаткѣ христіанскаго смиренія, снисходительности и терпѣнія. Тутъ простое соображеніе должно бы подсказать о. П. относительно своего поведенія: если правъ былъ земецъ, то обида съ его стороны должна считаться извинительною и ее, скрѣпя сердце какъ заслуженную награду, нужно было перенести; если неправъ, то о. П. смѣло и съ спокойною совѣстію могъ бы каждому прямо смотрѣть въ глаза, являясь страдальцемъ за правду. Но забудемъ о П., будемъ рѣшать вопросъ принципіально. Духовенство по своему призванію служителей Церкви и государственнымъ правамъ поставлено въ тѣсную связь со всѣми слоями общества. Задачу его дѣятельности составляетъ не одно только служеніе духовнымъ интересамъ своихъ пасомыхъ, а и служеніе общегосударственному благу въ разныхъ его проявленіяхъ. Какъ бы ни былъ безупреченъ пастырь въ своей строго духовной дѣятельности, онъ не выполнитъ доброй половины порученнаго ему дѣла, если не бу-

детъ проявлять дѣятельнаго участія въ жизни общественной и государственной. Мѣсто такого священника въ уединеніи и монастырѣ. И мы видимъ нѣкоторыхъ святителей русской Церкви (Тихона Задонскаго и Ѳеофана Затворника), служившихъ примѣромъ добродѣтельной жизни, которые, опасаясь нежелательнаго, но неизбѣжнаго столкновенія съ міромъ на занимаемыхъ ими постахъ, для сохраненія ими душевнаго своего мира, отказывались отъ оффиціальнаго положенія и проживали въ уединеніи. Но если духовное лице, кромѣ оффиціальнаго своего положенія, выдвигается на особое еще общественное служеніе, то тутъ ужъ совсѣмъ не мѣсто малодушію, не мѣсто мелкимъ, личнымъ счетамъ. Здѣсь дѣло должно быть прежде всего; иначе лучше и не браться за него. Въ партійныхъ и личныхъ столкновеніяхъ общественныхъ дѣятелей, особенно въ настоящее горячее время, очень трудно обойтись безъ пререканій и нежелательныхъ для душевнаго спокойствія конфликтовъ. Дѣятель есть борецъ за идею и порученное ему дѣло. И нужно быть незнающимъ жизни или имѣть дѣтскую обидчивость и неограниченное самолюбіе, чтобы считать себя только правымъ и неприкосновеннымъ. Но еще постыднѣе бѣжать съ поля сраженія при первой встрѣтившейся непріятности не для дѣла даже, а для личнаго самолюбія. Вѣдь такой бѣглецъ никого не удивитъ, а только самъ себя можетъ осрамить трусостію; на него самый нелестный взглядъ можетъ установиться: начальство и общество не можетъ довѣриться ему изъ понятнаго опасенія новаго бѣгства отъ порученнаго дѣла при первой неудачѣ, противники будутъ смотрѣть какъ на недотрогу съ нескрываемою гадливою жалостію и всегда, если захотятъ, могутъ грубостію и оскорбленіемъ испортить и вырвать изъ рукъ самое правое и святое дѣло. Мы не первый разъ видимъ бойцовъ въ нашей, напр., Государственной Думѣ. Тамъ представители противоположныхъ партій, при спорѣ и защитѣ своихъ убѣжденій, меньше всего обращаютъ вниманіе даже на личное оскорбленіе, не говоря уже про простой недоста-

токъ вѣжливости. Цѣль одна—выиграть дѣло, а брань на вороту не виснетъ. Мы, конечно, не защищаемъ думскихъ и вообще парламентарныхъ неделикатностей и такихъ, напр., грубостей, какія допускались крупными даже дѣятелями; всего этого можно было избѣгнуть и рѣшать вопросы въ строго христіанскомъ духѣ—мирнымъ образомъ. Но вѣдь приходится считаться и съ слабостями человѣческими, особенно, когда онѣ проявляются на общественной аренѣ. Тутъ человѣкъ съ горячимъ темпераментомъ способенъ иногда доходить до невмѣняемости и поступать безотчетно. Но это не даетъ повода и тѣмъ менѣе не должно служить причиною для бѣгства противниковъ. Иначе это похоже будетъ на преступную сдачу на капитуляцію. При всемъ томъ, духовному лицу нужно еще большимъ преимуществомъ обладать—выдержкой характера; нужно быть примѣромъ кротости и христіанской снисходительности, чтобы тѣмъ и себѣ завоевать почетное положеніе въ свѣтской средѣ, и успѣхъ дѣла обезпечить, а онъ скорѣе будетъ обезпеченъ при хладнокровномъ и настойчивомъ отстаиваніи своихъ интересовъ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что люди, неспособные оріентироваться въ узкой уѣздной средѣ, тѣмъ менѣе могутъ оказать себя способными и дѣятельными въ такомъ высокомъ учрежденіи, какъ Государственная Дума, гдѣ требуются не только дѣльные, но и спокойные борцы. Священникъ.

Къ вопросу о современномъ франкмасонствѣ.

Весьма трудно составить себѣ ясное представленіе о масонствѣ въ его прошломъ и особенно въ настоящемъ. Это зависитъ отъ отсутствія надежныхъ источниковъ для ознакомленія съ его сложною исторіей и его основными стремленіями. Тѣ масонскія литературныя произведенія, которыя повидимому написаны со спеціальною цѣлью распространенія въ широкой публикѣ вѣрныхъ свѣдѣній о подлинномъ масон-

ствѣ, на самомъ дѣлѣ полны неискренности, тенденціозности и какъ бы нарочито запутываютъ дѣло, чтобы держать общество въ невѣдѣніи относительно истинной сущности масонскаго ордена. Между тѣмъ настойчивыя указанія повременной печати на темную роль, какую играетъ масонство въ современной жизни народовъ и какую, между прочимъ, сыграло оно въ разложеніи Франціи, въ португальской революціи и въ нашихъ разрушительныхъ движеніяхъ послѣднихъ десятилѣтій, вызываютъ необходимость доподлинно знать, что же такое франкъ-масонство, каковы его вѣрованія и сокровенныя вождѣленія.

Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, мы перечитали не мало книгъ, но всей тайны масонской не уразумѣли. Одно только твердое убѣжденіе составилось у насъ, что франкъ-масоны, эти „вольные каменщики", какъ они сами себя называютъ, есть весьма вредное и крайне опасное для благосостоянія народовъ и частныхъ лицъ сообщество. Постараемся показать, на основаніи чего сложилось у насъ такое убѣжденіе.

I.

Остановимся прежде всего на исторіи происхожденія и развитія франкмасонскаго ордена.

У франкмасоновъ существуетъ много легендъ о происхожденіи ихъ ордена, возводимаго нѣкоторыми изъ нихъ чуть ли не къ нашему праотцу Адаму, но исторически достовѣрно лишь то, что масонскія ложи появились въ началѣ 18 вѣка въ Англіи, и имѣютъ онѣ преемственную связь съ средневѣковыми союзами каменотесовъ.

Въ исторіи строительнаго искусства средніе вѣка извѣстны своею интенсивною храмоздательною дѣятельностью, центромъ которой служили монастыри, а руководителемъ—католическое духовенство. Эта дѣятельность особенно широко развернулась послѣ 1000 года, когда, по средневѣковому вѣрованію, должна была наступить кончина міра. Такъ какъ соору-

женіе грандіозныхъ храмовъ, а затѣмъ и другихъ монументальныхъ построекъ привлекало въ мѣста сооруженія тысячи работниковъ каменщиковъ, при томъ не на годъ, не на два, а иногда на десятки лѣтъ, то между этими каменщиками естественно устанавливались близкія, товарищескія отношенія, которыя, въ связи съ общимъ стремленіемъ средневѣковыхъ ремесленниковъ къ цеховой организаціи, повели къ образованію строительныхъ союзовъ или ложъ каменотесовъ [1]).

Эпоха крестовыхъ походовъ, познакомившая Западъ съ сложной символикой Востока, съ ея глубокой мистикой и своеобразною мудростью, оказала то громадное вліяніе на союзы каменотесовъ, что обогатила строительное искусство новыми идеями, внесла въ него неизвѣстные западно-европейскому міру элементы восточнаго символизма и черезъ то сдѣлала союзы замкнутыми учрежденіями, въ которыя входъ не всякому желающему былъ доступенъ. Наиболѣе широкую дѣятельность союзы проявляли въ Германіи, а затѣмъ въ Англіи, въ теченіе 12—14 вв. Въ 15 и 16 вв. уже всюду замѣтно паденіе союзовъ. Этому способствовали развитіе университетскаго образованія, книгопечатаніе, а главное—охлажденіе общества къ строительству, особенно—къ церковному, встрѣтившему непримиримаго врага себѣ въ реформаціи. Послѣ реформаціи строительные союзы или ложи ведутъ уже жалкое существованіе. Но въ 17 вѣкѣ дѣятельность ихъ неожиданно оживляется вступленіемъ въ нихъ сторонникъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ строительному искусству. 17-й вѣкъ былъ временемъ необыкновеннаго умственнаго движенія въ Англіи. Это былъ вѣкъ зарожденія естествознанія съ его строгимъ научнымъ методомъ, безпощадно разрушавшимъ самыя основы средневѣковаго міровоз-

[1]) „Строительная ложа—досчатый баракъ по сосѣдству съ строющимся зданіемъ, въ которомъ каменотесы складывали свои инструменты, работали и собирались, иногда ѣли и спали". Финдель, Исторія франкмасонства, 1872, ст. 34.

зрѣнія; въ религіозной области это былъ вѣкъ появленія деизма съ его натуральнымъ объясненіемъ міровой и человѣческой жизни. Новыя идеи, отуманившія головы западноевропейскаго общества, проникли и въ строительныя ложи, которыя вдругъ стали учрежденіемъ, „вполнѣ раздѣльнымъ отъ строительнаго искусства, стремящимся единственно къ *чисто человѣческимъ цѣлямъ* и потому способнымъ распространиться по всему міру: стали общимъ достояніемъ всего человѣчества“ [1]).

Хотя Финдель, обстоятельнѣйшій историкъ масонства, склоненъ видѣть въ появившемся символическомъ масонствѣ реакцію религіознымъ идеямъ начала 18 вѣка, когда учреждена была въ Англіи первая Великая ложа людьми, „желавшими уйти отъ раздоровъ въ политическихъ и религіозныхъ фракціяхъ и найти пристань, въ которой они могли бы найти спокойствіе и почерпнуть силы на лучшее дѣло“ [2]),— однако въ этомъ позволительно сомнѣваться, потому что задачи первой масонской ложи отзываются именно натурализмомъ и деизмомъ. „Воздвигаемое моральное зданіе, подобно физическому зданію каменщиковъ-ремесленниковъ, должно было имѣть въ виду общую пользу человѣческаго общества; облагороженіе членовъ союза должно проявляться въ самопознаніи, самодѣятельности и самообладаніи, какъ и вообще во всѣхъ человѣческихъ добродѣтеляхъ; союзъ долженъ изъ людей всѣхъ сословій образовывать лучшихъ гражданъ, должностныхъ лицъ, болѣе преданныхъ общему благу, лучшихъ отцовъ, супруговъ и друзей... Болѣе ведущимъ къ цѣли старые основные законы масонства считаютъ—обязывать масоновъ признавать только ту религію, въ которой согласны всѣ люди; ихъ же особыя мнѣнія предоставлять имъ самимъ“... [3]).

---

[1]) Финдель, стр. 113.
[2]) Тамъ же, стр. 112.
[3]) Тамъ же, стр. 113 - 114.

Изъ этого § масонскихъ законовъ и толкованія его Финделемъ развѣ не очевидно ли, что символическое масонство или франкмасонство (свободное—отъ физическаго строительства—каменщичество) ставитъ своею задачею—построеніе новой общечеловѣческой религіи и именно въ духѣ деизма, заставляющаго человѣка работать за свой страхъ и только для жизни земной?

Масонство съ перваго же дня своего существованія окружило себя тайной. Оно заимствовало отъ прежнихъ строительныхъ ложъ разныя техническія выраженія и всевозможнаго рода символы для выраженія исповѣдуемыхъ имъ идей. Оно также выработало желѣзную организацію, устанавливающую неразрывную связь между отдѣльными ложами и сообщающую послѣднимъ характеръ филіальныхъ отдѣленій одного всемірнаго союза. Изъ Англіи, гдѣ первая великая ложа открылась въ 1717 году, франкъ-масонство быстро распространилось по всѣмъ государствамъ Европы. Проникло оно и къ намъ, въ Россію, при Петрѣ В., и въ теченіе всего 18 столѣтія развивалось, пользуясь покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ и часто—благожелательнымъ отношеніемъ къ нему правительства (при Екатеринѣ В., Павлѣ и Александрѣ I). То же самое происходило и въ другихъ странахъ. Впрочемъ, франкмасонство встрѣчало и нѣкоторыя препятствія въ своемъ развитіи и распространеніи. Дальновидная и хорошо освѣдомленная въ дѣлахъ разныхъ темныхъ сообществъ и противорелигіозныхъ организацій, римская курія скоро усмотрѣла всю опасность, какою угрожала католической вѣрѣ франкъ-масонская пропаганда натуральной религіи или точнѣе—атеизма, невѣрія, и въ 1738 г. папа Климентъ XII обнародовалъ буллу противъ вольныхъ каменщиковъ и ихъ союзовъ, „причиняющихъ великое зло не только спокойствію государства, но и спасенію душъ“. Съ теченіемъ времени и другіе элементы западно-европейскаго общества заняли положеніе враждебное по отношенію къ франкмасонству. Очевидно, послѣднее обнаружило въ

своей дѣятельности такія черты, которыя должны были вызвать противъ себя сильную оппозицію. Тайна франкмасонская понемногу разоблачилась, и въ началѣ 19 вѣка масоны уже являются въ глазахъ правительствъ и образованнаго общества не только религіозными еретиками, но и политическими заговорщиками. Какимъ образомъ произошла эта перемѣна въ отношеніи къ долго покровительствуемому передъ тѣмъ союзу вольныхъ каменщиковъ, мы скажемъ ниже, а сейчасъ разъяснимъ вопросъ объ организаціи союза, показывающей съ очевидною ясностью, что масоны съ самаго начала своего существованія почему-то весьма усердно стремились скрыть подлинную свою физіономію.

II.

Масонная ложа можетъ быть открыта вездѣ, гдѣ есть достаточное количество членовъ, но она признается законной только по утвержденіи ея одной изъ великихъ ложъ, обычно называемыхъ символическимъ именемъ „великаго востока“. Члены каждой ложи дѣлятся на три разряда: учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Способы принятія въ тотъ или другой разрядъ, или „посвященія въ тотъ или другой чинъ“ интересны въ томъ отношеніи, что они объясняютъ намъ, почему масонство держитъ своихъ членовъ такими цѣпкими руками, изъ которыхъ рѣдко кто можетъ высвободиться. Вотъ порядокъ посвященія въ чинъ ученика [1]). Ищущему посвященія завязываютъ глаза, обнажаютъ его правое колѣно и ведутъ его въ „кабинетъ для размышленія“, гдѣ братъ служитель приказываетъ ему не снимать повязки съ глазъ, пока онъ не услышитъ 3 ударовъ молотка, а затѣмъ дать письменные отвѣты на вопросы и сдѣлать свое завѣщаніе. Новичекъ скоро слышитъ удары молоткомъ, снимаетъ повязку и видитъ себя въ тѣсной комнаткѣ, окрашенной въ черный цвѣтъ. Вездѣ раз-

[1]) По брошюрѣ † проф. А. Булгакова. Современное франкмасонство Кіевъ, 1903, стр. 21 и дал.

мѣщены скелеты и кости мертвецовъ. Вся мебель состоитъ изъ стола и скамьи. На стѣнахъ различныя надписи, въ родѣ: „твердость и бодрствованіе“, „отъ тебя могутъ потребовать великихъ жертвъ, даже пожертвованія жизнью,—готовъ ли ты принести ихъ?“ и т. п. На столѣ чернильный приборъ и листъ бумаги съ 3 вопросами: каковы обязанности человѣка къ отечеству,—къ самому себѣ и—къ подобнымъ себѣ? На эти вопросы новичекъ даетъ отвѣты, безразлично—какіе. Затѣмъ его подвергаютъ разнаго рода испытаніямъ для опредѣленія степени присутствія духа въ немъ, заставляютъ совершать символическія путешествія по неустойчивымъ предметамъ, по „безконечной лѣстницѣ“, съ которой его толкаютъ, по бассейну, наполненному водою. Далѣе, прикладываютъ ему на грудь печать фракмасонства, предлагаютъ ему заряженнымъ на его глазахъ пистолетомъ прострѣлить голову одному изъ присутствующихъ, ведутъ къ алтарю клятвъ, гдѣ онъ произноситъ между прочимъ слѣдующее: „Клянусь и обѣщаюсь предъ великимъ Строителемъ міра на этомъ мечѣ, знакѣ чести: хранить ненарушимо всѣ тайны, которыя будутъ ввѣрены мнѣ этою достопочтенною ложею... и изъ того, что я увидѣлъ бы или услышалъ бы здѣсь, ничего никогда не описывать, не получивъ на это ясно выраженнаго позволенія и указанія на самый способъ описанія... Я соглашаюсь быть зарѣзаннымъ, если когда-либо сдѣлаюсь виновнымъ въ предательствѣ, открывая тайны ордена“. При этомъ на новичка направляются шпаги присутствующихъ. Заканчивается вся эта процедура чтеніемъ формулы посвященія предсѣдателя ложи и цѣлованіемъ „ученика“. Для посвященія въ подмастерье и мастера существуетъ у масоновъ особые чины и съ посвящаемыхъ берутъ новыя клятвы—болѣе страшныя. При посвященіи въ степень мастера на посвящаемомъ воспроизводятъ легенду объ Адонирамѣ или Хирамѣ, строителѣ Соломонова храма. Онъ долженъ занять въ гробу мѣсто убитаго Адонирама, не захотѣвшаго сообщить подмастерьямъ священнаго слова мастера, съ которымъ онъ творилъ чудеса строи-

тельнаго искусства. Кругомъ самая мрачная обстановка. Всѣ присутствующіе въ черныхъ платьяхъ. Убитаго ищутъ и наконецъ находятъ, стараются приподнять, но заявляютъ, что у него тѣло уже сходитъ съ костей: mac—benach. Тогда предсѣдательствующій мастеръ приподнимаетъ его, цѣлуетъ и говоритъ на ухо „моабонъ“. Посвященный встаетъ и даетъ установленную клятву.

Первоначально существовали только три степени посвященія, но потомъ число степеней въ нѣкоторыхъ великихъ ложахъ стали увеличивать, такъ что теперь въ масонствѣ Шотландскаго обряда ихъ 33, а въ ложѣ мицраимъ (египетской)—кстати сказать: состоящей исключительно изъ евреевъ—цѣлыхъ 90.

Каждая степень масонства связана съ особой тайною, которая невѣдома членамъ, стоящимъ на низшей степени. Такимъ образомъ, сущность франкмасонства въ дѣйствительности оказывается извѣстной только немногимъ лицамъ, достигшимъ высшихъ степеней ордена; они и управляютъ дѣятельностью масоновъ, оставаясь для подавляющаго большинства послѣднихъ совершенно неизвѣстными, какъ бы невидимыми.

Теперь спрашивается, какая надобность въ такой конспиративности, если союзъ франкмасоновъ преслѣдуетъ возвышенныя цѣли нравственнаго совершенствованія человѣческой личности? Зачѣмъ облекать покровомъ страшной тайны то, что дѣлается въ орденѣ, среди его избраннѣйшихъ членовъ? Не служитъ ли это однимъ изъ косвенныхъ доказательствъ зловредности франкмасонства и его революціонныхъ разрушительныхъ вожделѣній?

Проф. свящ. *Н. Гроссу.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА:

Изъ моей пастырской практики.

Дѣло было 8-го или 9-го декабря. Едва пріѣхалъ ко мнѣ о. благочинный для годовыхъ отчетовъ и мы съ нимъ принялись за работу, какъ вдругъ входитъ крестьянинъ сосѣдняго прихода деревни З. Ал. Ви—овъ. Принявши благословеніе отъ о. благочиннаго, онъ подошелъ и ко мнѣ за тѣмъ же. Затѣмъ онъ тревожно сказалъ: „я къ тебѣ батюшка, потрудись поѣхать причастить племянницу Е.въ деревнѣ П—яхъ; да нельзя-ли поскорѣе, больная то ужъ очень ветха, боюсь не умерла бы безъ священника: я бы и не поѣхалъ къ тебѣ, добавилъ онъ, да нашъ-то отецъ ночью хотѣлъ уѣхать: поторопись, пожалуйста, да только одѣнься покрѣпче, лошаденку-то я ужъ больно замаялъ, да и на улицѣ то сильно мететъ“ (заноситъ дорогу).

Съ о. благочиннымъ мы скоро сговорились, и я тотчасъ отправился къ больной.

Предупрежденіе и безпокойство возницы были вполнѣ справедливы—дороги совсѣмъ не было, порывистый вѣтеръ крутилъ немилосердно; снѣгъ сразу заметалъ слѣды.

Но вотъ, наконецъ, и деревня и тотъ домъ, куда меня везли. Вхожу въ избу. На мой привѣтъ „здравствуйте“ слышу смущенный женскій голосъ: „вотъ и батюшка“. А вслѣдъ затѣмъ вошла дѣвица и за нею и мѣстный приходскій священникъ.

Оказывается, сильный припадокъ кашля съ удушьемъ больной чахоточной поставилъ на ноги всю родню и заставилъ поѣхалъ сразу за своимъ духовнымъ отцемъ и за мною.

Итакъ, я былъ уже какъ бы не нуженъ на этотъ разъ. Свой духовникъ до меня уже принялъ исповѣдь больной и пріобщилъ ее святыхъ Христовыхъ таинъ.

Но случай этотъ столкнулъ меня вотъ съ какимъ обстоятельствомъ—незаурядным и достойнымъ полнаго отъ насъ пастырей вниманія.

Сосѣдъ пастырь захлопоталъ объ угощеніи меня съ дороги чайкомъ и закускою. Онъ видѣлъ, что я иззябъ, вполнѣ сознавалъ и то, что я безцѣльно проѣздилъ въ такую непогоду, потому и хотѣлъ сгладить во мнѣ непріятное чувство. Въ суетѣ и заботѣ обо мнѣ онъ вышелъ въ другую избу къ стряпухѣ, чтобы поторопить ее и меня не задержать.

Онъ за порогъ, а больная ко мнѣ съ полнымъ тревоги голосомъ и умоляющимъ взоромъ: „Батюшка! какъ мнѣ быть то? видишь, отецъ-то нашъ ужъ больно навеселѣ, какъ-то онъ справилъ меня? Боюсь, чтобы Господь не засудилъ меня по смерти“. И сама заплакала..

На этомъ закрываю завѣсу видѣннаго и слышаннаго мною...

Немного словъ сказала болящая раба Е—на. Но какой глубокій урокъ намъ пастырямъ церкви Божіей!.

Признаюсь, съ тѣхъ поръ я возненавидѣлъ нетрезвость въ духовенствѣ, особенно въ священникахъ, и всегда воевалъ противъ этого порока въ нашемъ званіи. Мольба, скорбный видъ и горькія слезы больной, искавшей во мнѣ успокоенія для своей возмущенной души, у меня по сіе время въ ушахъ, не говоря уже о томъ, что они въ памяти кровавыми чернилами записаны.

Да, о.о. собратія, намъ слѣдуетъ совершенно оставить бражничанье въ приходѣ, если мы заняли такой высокій и отвѣтственный постъ, особенно же ставшимъ пастырями въ раскольническихъ или сектантскихъ приходахъ. Отъ нетрезвости духовенства великій соблазнъ происходитъ и въ приходѣ [1]).

---

[1]) Новг. епарх. вѣдом.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го октября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Мериноговская 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 46

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 11-го ноября.

Содержаніе: I. О нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ противъ отрицательныхъ явленій современной церковно-общественной жизни. Свящ. К. Корольковъ.—II. Еще о „больномъ вопросѣ". Е. Х.—Щ. Къ вопросу о о современномъ франкмасонствѣ (Окончаніе). Свящ. Н. Гроссу.

IV. a) Діаконъ-садоводъ. b) Новое леченіе алкоголизма.

О нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ противъ отрицательныхъ явленій современной церковно-общественной жизни [1].

На обсужденіе и заключеніе XXVIII Епархіальнаго съѣзда вносится цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній Кіев-

[1]) Докладъ читанъ въ пастырскомъ собраніи духовенства Кіевской епархіи. Печатаемъ докладъ въ виду того, что указанныя въ докладѣ явленія жизни не чужды и другихъ епархій, кромѣ Кіевской, а равно и мѣропріятія противъ этихъ явленій могутъ быть полезны и въ другихъ епархіяхъ, каковыми они признаны въ Кіевской. *Ред.*

ской епархіи и носящихъ матеріальный характеръ. Между тѣмъ само время выдвигаетъ не мало церковно-общественныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не терпитъ отлагательства.

Что же происходитъ въ русской жизни, съ чѣмъ необходимо бороться, а особенно духовенству, поставленному по своему положенію на стражѣ Церкви Христовой?

Въ Кіевской епархіи въ настоящее время болѣе 13 тысячъ сектантовъ, оффиціально зарегистрованныхъ. Есть не мало и такихъ, которые по разнымъ соображеніямъ не записываются въ число сектантовъ, но на дѣлѣ принадлежатъ къ нимъ. Сектантство хотя существуетъ въ немногихъ мѣстахъ, но угрожаетъ каждому приходу, такъ какъ заражаетъ и развращаетъ религіозное сознаніе православныхъ, идетъ противъ установленій церковныхъ и всѣми способами вооружаетъ прихожанъ противъ духовенства. Главнымъ центромъ сектантства служитъ Кіевъ, гдѣ въ приходѣ Златоустовской (желѣзной) церкви, по Жилянской улицѣ д. № 104, находится оффиціально разрѣшенное „молитвенное собраніе христіанъ евангелическаго исповѣданія", другое подобное учрежденіе находится на углу Тургеневской и Бульварно-Кудрявской улицъ. По нашему мнѣнію, эти сектанты (евангелисты или баптисты) стоятъ въ тѣсной связи съ іудействомъ и имъ поддерживаются. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если ознакомиться съ внутренними основами ихъ ученія и внѣшнею обстановкою ихъ молитвенныхъ домовъ.

Вѣроисповѣдный вопросъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій составляетъ въ Юго-Западной Россіи злобу дня. Но никогда онъ не принималъ здѣсь такой острой формы, какъ въ послѣдніе годы (съ 1905 г.). Массовыя отпаденія отъ православія, бывшія въ 1905—1906 г.г., замѣтно ослабѣли, но натискъ католицизма не прекратился и притомъ принялъ болѣе правильную организацію, дѣйствуя на отдѣльныя личности и систематически уловляя ихъ въ свои сѣти. Точной статистики этихъ „уловленій" нѣтъ, да она и едва-ли возможна. Тѣмъ не менѣе число отпавшихъ отъ православія въ Юго-

Западной Россіи опредѣляется крупной цифрой въ 300.000 человѣкъ, причемъ не одинъ десятокъ тысячъ приходится на Кіевскую епархію.

Затѣмъ, начиная съ 1905 г., народъ усиленно развращается путемъ жидо-массонской печати. Евреи отлично поняли все значеніе этого могущественнаго оружія и почти всецѣло захватили печать въ свои руки. Еврейскія газеты поставили своею цѣлью постоянную клевету и завѣдомую ложь. Они открыто идутъ противъ основныхъ началъ государственной жизни: православія, самодержавія и русской народности. Нельзя безъ чувства глубочайшаго негодованія и отвращенія читать эти газеты, на страницахъ которыхъ въ кощунственной формѣ изображался великій праведникъ родной земли о. І. И. Сергіевъ (Кронштадтскій). И эти нечистоплотныя газеты можно встрѣтить вездѣ. Но этого мало. Въ послѣдніе три-четыре года евреи, какъ спрутъ охватили весь югъ Россіи своими зловредными щупальцами; на улицахъ, базарахъ, въ трамваѣ, въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ они продаютъ по самой дешевой цѣнѣ свои газеты: „Голосъ“, „Слово“, разныя „Копѣйки“ и т. п. Бѣднякъ не въ состояніи купить газету за 3—5 к., а одну копѣйку онъ охотно отдаетъ за чтеніе новостей. Такимъ то образомъ подъ видомъ газетъ распространяются и прокламаціи въ народныхъ массахъ, настраивая ихъ на оппозиціонный ладъ. Содержаніе этихъ газетъ-копѣекъ почти одинаково и онѣ издаются по одной программѣ, одобренной „товарищами“, причемъ всякая правительственная мѣра, даже самая безобидная, намѣренно освѣщается съ невыгодной стороны и все сводится къ одному,—осмѣянію православія, подрыву самодержавія, издѣвательству надъ русскимъ народомъ, а затѣмъ—къ еврейскому равноправію. Если принять во вниманіе повышенную любознательность народа въ послѣдніе годы, то легко можно представить себѣ, какой величайшій вредъ приноситъ чтеніе еврейскихъ газетъ. Нашъ простой народъ безусловно довѣ-

ряетъ печатному слову и неспособенъ къ критической оцѣнкѣ его, а потому всякая ложь принимается имъ на вѣру.

Далѣе, послѣ „освободительныхъ дней“ замѣчается общее пониженіе религіозной жизни народа и упадокъ нравственности. Дѣятельность агентовъ революціи и открытое приглашеніе къ бунту со стороны членовъ 1-й Государственной Думы не прошли даромъ. Начались иллюминаціи и погромы, а затѣмъ и всякія злодѣйства, экспропріаціи и убійства. Число преступниковъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, возросло до 100.000 человѣкъ. Но эта цифра не даетъ еще яснаго представленія объ озвѣреніи народа, которое переходитъ всякія границы: дѣти убиваютъ родителей, мужья—женъ, убиваютъ „такъ себѣ“, не умѣя даже объяснить причины своихъ преступленій. Нравственность народная падаетъ настолько, что нѣтъ словъ для передачи того, до какого цинизма дошли дѣти 10—12 лѣтъ (особенно въ городахъ и мѣстечкахъ). Прислушайтесь къ ихъ разговорамъ, и вы поймете, что такимъ языкомъ говорятъ только самые развращенные взрослые люди. Особенно это замѣтно въ Кіевѣ. Такой упадокъ нравственности стоитъ въ тѣсной связи съ народнымъ пьянствомъ; потребленіе водки съ каждымъ годомъ увеличивается и въ настоящее время, напр., въ Кіевской губерніи, доходитъ до 10 р. въ годъ на каждую душу. Есть села, гдѣ пропиваютъ въ годъ по 40—50 тысячъ рублей.

Ярмарки въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Кіевской губерніи давно уже обращали на себя вниманіе Епархіальной власти и духовенства. Въ интересахъ иновѣрцевъ онѣ (ярмарки) проходятъ по преимуществу въ дни воскресные и праздничные, когда народу нужно бы помолиться Богу. А извѣстно, чѣмъ эти ярмарки оканчиваются. Продавая что-либо съ пользой для себя, мужикъ заходитъ въ „монополь“ и возвращается домой ни съ чѣмъ. Кромѣ того, въ Кіевѣ, напр., нормировка воскресныхъ и праздничныхъ дней устроена такъ, что служащіе въ магазинахъ не имѣютъ возможности быть въ храмѣ при совершеніи Богослуженій.

Мы сказали слишкомъ мало, но и этого вполнѣ достаточно, чтобы заставить призадуматься тѣхъ, кому дороги интересы Церкви. Если кто полагаетъ, что не дѣло духовенства вмѣшиваться въ жизнь прихожанъ, тотъ ошибается. Не „приходъ", а „уходъ" паствы, испорченность народныхъ нравовъ, уклоненіе отъ завѣтовъ святой старины, постепенное, но неослабѣвающее развитіе жидо-масонства—все это должно возбуждать тревогу въ душѣ каждаго, кто любитъ свою родину. Да и недавнія выступленія духовенства Кіевской епархіи, во главѣ съ Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Флавіаномъ и викарными епископами, въ обращеніи къ Его Величеству съ адресомъ по поводу нѣкоторыхъ государственныхъ мѣропріятій, указываютъ путь, какимъ должно итти. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать и о томъ почетномъ положеніи, какое дано Государемъ Императоромъ духовенству въ правѣ засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, Думѣ и Земствѣ. А это налагаетъ на духовенство серьезную обязанность и такую же отвѣтственность.

Въ виду сказаннаго мы находили-бы желательнымъ рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ со стороны о.о. депутатовъ съѣзда и проведеніе въ жизнь слѣдующихъ мѣропріятій.

1. Въ цѣляхъ противодѣйствія развитію сектантства и уклоненія въ католицизмъ усилить миссіонерскую дѣятельность оживленіемъ ея въ смыслѣ обличенія сектантскихъ заблужденій и неправильностей папизма. Влѣдствіе этого, помимо проповѣди, необходимо возможно шире поставить дѣло раздачи (безплатной) народу брошюръ и листковъ, направленныхъ противъ сектантства и католицизма въ тѣхъ приходахъ епархіи, гдѣ это окажется необходимымъ.

2. Усилить дѣятельность уѣздныхъ миссіонерскихъ комитетовъ и печатать болѣе подробные отчеты о епархіальной миссіи, по примѣру Екатеринославской епархіи.

3. Завести, по примѣру той же епархіи, особыхъ книгоношъ для распространенія въ народѣ религіозно-нравственныхъ книгъ.

4. Въ противодѣйствіе еврейскимъ газетамъ издавать ежедневную православно-русскую газету, хотя бы „Петро-Павловскую копѣйку“ (въ память П. А. Столыпина и преосвященнаго епископа Павла), а въ связи съ этимъ нужно открыть епархіальную типографію. Вопросъ о типографіи уже разрабатывается въ особой Комиссіи.

5. Озаботиться открытіемъ церковно-народныхъ братствъ, а также и потребительныхъ обществъ.

6. Начать рѣшительную борьбу съ народнымъ пьянствомъ, которое разоряетъ крестьянъ, развращаетъ ихъ и понижаетъ ихъ трудоспособность. Для борьбы съ пьянствомъ хорошія указанія далъ противоалкогольный съѣздъ въ Москвѣ, происходившій въ августѣ сего года.

7. Пересмотрѣть и измѣнить узаконеніе о дняхъ ярмарокъ и о нормировкѣ часовъ для служащихъ

и 8. Всемѣрно бороться съ натискомъ евреевъ, которые даже Кіевъ („Русскій Іерусалимъ“) превратили въ Бердичевъ и здѣсь обрѣли для себя Обѣтованную землю.

Священникъ *Константинъ Корольковъ.*

Еще о „больномъ вопросѣ“.

Церковное проповѣдничество — „больной вопросъ“ въ наше время болѣе, чѣмъ когда-либо. „Печальный фактъ упадка церковнаго учительства у насъ слишкомъ ужъ бьетъ въ глаза“, чтобы не обратить на него самаго серьезнаго вниманія. Кажется, надо бы собрать всѣ силы, напрячь всѣ усилія къ тому, чтобы какъ-нибудь поднять это учительство. Между тѣмъ вотъ что замѣчается: тѣ, кому бы нужно было позаботиться объ этомъ, — проповѣдники, духовенство,—не только мало дѣлаютъ въ этомъ отношеніи, но, повидимому, совершенно мирятся со своимъ ненормальнымъ положеніемъ и „пришли къ тому убѣжденію, что такъ и быть должно, что

ничего тутъ не подѣлаешь; насильно милъ не будешь, не заставишь слушать, когда не хотятъ"... [1]).

Что можетъ быть печальнѣе? Вѣдь это въ концѣ концовъ значитъ, что проповѣдники добровольно соглашаются на то, чтобы ихъ „похоронили" прежде времени. „Разъ насъ не слушаютъ, такъ и не нужно: не велика бѣда; намъ же это лучше: по крайней мѣрѣ, не придется утомлять себя составленіемъ проповѣдей"... Но отчего же бы не поставить себѣ такого вопроса: „насъ не слушаютъ.—это плохо; насъ даже не хотятъ слушать,— это еще хуже. Гдѣ причины этого явленія? Не мы ли проповѣдники сами виноваты, что отъ насъ разбѣгаются? Но въ чемъ же наша вина?"

Мнѣ думается, что, задавшись серьезно такимъ вопросомъ, ужъ низачто не остановишься, а будешь „искать" и искать" отвѣта на вопросъ, пока не „обрящешь" его. Со мной была подобная исторія: я тоже когда то, въ болѣе юные годы, проповѣдывалъ; проповѣдывалъ самъ, и очень интересовался проповѣдничествомъ другихъ. Вдругъ въ одно прекрасное время я замѣтилъ, что проповѣди наши слушаютъ только мужики, да деревенскія бабы, случайно зашедшія въ городскую церковь, а чуть кто пограмотнѣе, да поразвитѣе, такъ тѣ всѣ бѣгутъ вонъ отъ церковной каѳедры. „Что бы могло это значить?" думалъ я. „Вѣдь не можетъ же быть, чтобы люди нисколько ужъ не интересовались религіей. Вѣдь вопросы религіи—вопросы жизни и смерти, мы же проповѣдники—служители религіи. Почему же не хотятъ слушать нашихъ проповѣдей? Значитъ,—заключилъ я,—въ нашихъ проповѣдяхъ что то не ладно". Началъ я читать разныя сочиненія по этому вопросу, сталъ бесѣдовать съ умными людьми на эту тему и вотъ мнѣ удалось познакомиться со взглядами на церковное проповѣдничество о. Тихона Андріевскаго [2]). Его

[1]) „Непринужденная бесѣда"—свящ. Н. Липскаго, въ журналѣ „Вѣра и Жизнь", августъ 1912 г.

[2]) Съ этими взглядами читатели „Рук. для сел. паст." ознакомились изъ ст. „Больной вопросъ", помѣщенный въ № 21.

взгляды были для меня цѣлымъ откровеніемъ, а когда я услышалъ нѣсколько проповѣдей о. Андріевскаго лично, мнѣ не оставалось ничего сдѣлать, какъ сказать: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко"..., и сдѣлаться его горячимъ послѣдователемъ.

Въ ст. „Больной вопросъ", помѣщенной въ № 21 „Рук. для сел. паст.", я хотѣлъ, такъ сказать, прорекламировать взгляды моего учителя. Меня брало зло, что такія цѣнныя сужденія по вопросу о церковномъ проповѣдничествѣ, какъ сужденія о. Андріевскаго, прошли мимо вниманія читателей, благодаря тому, что журналъ „Странникъ", на страницахъ котораго они впервые были высказаны, напечаталъ ихъ почему то мелкимъ шрифтомъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось побудить хоть кого нибудь отозваться и высказаться относительно взглядовъ о. Андріевскаго. И славу Богу! Желаніе мое исполнилось.

На страницахъ Черниговскаго журнала „Вѣра и Жизнь" (№№ 16—18) появилась статья свящ. Н. Липскаго „Непринужденная бесѣда", въ которой этотъ послѣдній подвергаетъ разсмотрѣнію воззрѣнія о. Андріевскаго на церковную проповѣдь. Въ своей ст. онъ дѣлаетъ кое-какія добавленія ко взглядамъ о. Андріевскаго, а въ нѣкотрыхъ пунктахъ заявляетъ о своемъ несогласіи съ нимъ. Такъ какъ статья эта, принадлежащая видному сотруднику журнала „Вѣра и Разумъ" и извѣстному дѣятелю въ области проповѣдничества, представляетъ безусловный интересъ для всѣхъ, кому дороги интересы церковной проповѣди, то я и имѣю честь предложить ее вниманію читателей въ болѣе или менѣе подробномъ изложеніи, съ нѣкоторыми собственными своими замѣчаніями по поводу ея содержанія.

Одной изъ причинъ упадка церковнаго учительства, по мнѣнію о. Андріевскаго, является то обстоятельство, что проповѣдники, по большей части, не считаются съ душевнымъ состояніемъ своихъ слушателей. О. Липскій вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ о. Андріевскаго и дѣлаетъ подробныя разъясненія этого пункта. „Что это зна-

читъ—считаться съ душевнымъ состояніемъ слушателей?"—спрашиваетъ онъ въ своей статьѣ. „Это значитъ—говоритъ онъ—принимать во вниманіе психологическій законъ апперцепціи, весьма важный законъ и для проповѣдника, и для педагога, и для оратора, желающаго подѣйствовать на толпу, и для полководца, желающаго воодушевить солдатъ къ битвѣ". Сущность этого закона состоитъ въ слѣдующемъ. „Всякій новый фактъ, новое явленіе, производитъ на насъ то или другое впечатлѣніе въ зависимости отъ предшествующаго нашего душевнаго состоянія, въ зависимости отъ того душевнаго нашего содержанія, съ какимъ новое ощущеніе должно столкнуться и такъ или иначе съ нимъ ассимилироваться (связаться)". Въ силу этого закона, „всякое новое возникшее въ нашей душѣ представленіе мы сопоставляемъ съ имѣющимися у насъ представленіями, понятіями, склонностями и т. д. Всякій новый фактъ мы стараемся подвести подъ извѣстную рубрику, связать его съ извѣстными уже намъ фактами, найти для него мѣсто въ системѣ нашихъ представленій и понятій". Если намъ не удается тотъ или иной фактъ подвести подъ ту или другую рубрику, то мы испытываемъ непріятное чувство и, наоборотъ, когда намъ удается этого достигнуть, мы испытываемъ пріятное чувство. Но „если новый фактъ такого рода, что онъ безмѣрно превышаетъ имѣющійся у насъ запасъ представленій и понятій, тогда этотъ фактъ даже не затрагиваетъ нашего вниманія, мы равнодушно пройдемъ мимо него. Ребенокъ двухъ-трехмѣсячнаго возраста вовсе не будетъ заинтересованъ тѣмъ, что подаренная ему кукла сама ходитъ, говоритъ и т. п. Онъ еще не подозрѣваетъ того, что неодушевленные предметы сами не ходятъ, не говорятъ. Дарвинъ разсказываетъ о фиджійцахъ, что они очень были заинтересованы, увидѣвъ маленькія лодочки, двигавшіяся по водѣ, тогда какъ большіе корабли вовсе не останавливали ихъ вниманія на себѣ. На неграмотнаго крестьянина едва ли произведетъ какое-либо впечатлѣніе сообщеніе о какихъ-либо вновь открытыхъ чудодѣйственныхъ свойствахъ радія".

Вотъ что такое психологическій законъ апперцепціи, съ которымъ мы имѣемъ дѣло при всякомъ нашемъ познаніи. Этотъ же законъ имѣетъ громадное значеніе и въ проповѣдничествѣ. Свящ. Липскій иллюстрируетъ его значеніе такими примѣрами. „Вотъ—говоритъ онъ—вы имѣете предъ собою десятокъ—другой набожныхъ старушекъ, пришедшихъ къ вамъ на внѣбогослужебное собесѣдованіе. Онѣ ждутъ, что вы прочтете имъ житіе какого-либо святого, разскажете о подвигахъ какого-нибудь пустынника, отшельника, объ его борьбѣ съ искушеніями дьявола и т. п. Ихъ предшествующій психическій опытъ, кругъ понятій и представленій, словомъ, апперцепирующая масса—такого рода, что то новое, что онѣ услышатъ отъ васъ изъ четьи-минеи, тотчасъ вступитъ въ многоразличныя связи съ тѣмъ, что уже есть, что уже достаточно знакомо; найдутся рубрики, подъ которыми это новое легко и удобно размѣстится. Васъ будутъ слушать съ большимъ интересомъ.

Допустимъ теперь невѣроятный случай. Что если бы вы этимъ самымъ старушкамъ стали толковать „о психологическомъ законѣ апперцепціи! Вѣдь быстро бы разогнали отъ себя всѣхъ до одной; да мало того, несчастная апперцепція превратилась бы въ какую-нибудь злочестивую жену Ирода или Пилата, которая пожираетъ собственныхъ дѣтей, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Другой примѣръ. Вашъ приходъ интеллигентный. Вы видите въ храмѣ людей, относительно которыхъ вамъ извѣстно, что ихъ вѣра слаба, ихъ мучатъ сомнѣнія, но они ищутъ Бога; они всѣмъ существомъ своимъ сознаютъ, что безъ вѣры въ Бога, безъ вѣры въ загробное личное существованіе земная наша жизнь безмысленна; многіе изъ нихъ поэтому близки къ отчаянію. Вообразите, что предъ такою аудиторіею вы заговорите о явленіяхъ злыхъ духовъ святымъ подвижникамъ, объ ихъ способности принимать на себя человѣческій образъ, о тѣхъ диспутахъ, какіе подвижники вели со своими соблазнителями; о томъ, какъ одинъ изъ подвижни-

ковъ совершилъ верхомъ на дьяволѣ путешествіе въ Іерусалимъ и т. п. Вѣдь не только вы не заговорите на эту тему, но вамъ и во снѣ не приснится что нибудь подобное".

А вотъ и еще примѣръ, но только въ другомъ родѣ, указываемый о. Липскимъ Преосвященный бесѣдуетъ послѣ литургіи въ храмѣ духовнаго училища съ учениками. „Помню, дѣти, говоритъ проповѣдникъ, что когда я былъ вотъ такимъ же ученикомъ духовнаго училища, какъ вы теперь, то я очень увлекался разсказами Майнъ-Рида. Бывало, ночи просиживалъ за чтеніемъ! Вѣроятно, и вы любите его разсказы, увлекаетесь борьбою его героевъ съ дикарями индѣйцами. Я знаю даже случаи, когда дѣти, начитавшись такихъ разсказовъ, сами пытались бѣжать въ Америку, чтобы тамъ вести жизнь Майнридовскихъ героевъ и бороться съ краснокожими индѣйцами. Но вотъ что я вамъ скажу, дѣти. Нѣтъ надобности искать враговъ въ какой то Америкѣ, чтобы тамъ бороться съ ними и побѣждать ихъ. Борьбу эту вы можете вести и здѣсь. Можете и здѣсь одерживать не менѣе славныя побѣды надъ вашими врагами. Гдѣ же они, эти враги? спросите вы. О, они даже не внѣ васъ, а внутри, въ вашей собственной душѣ. Вонъ куда забрались! Я разумѣю здѣсь ваши дурныя склонности, привычки, страсти. Вотъ съ какими врагами приходится бороться и вамъ, дѣтямъ, и намъ, людямъ уже взрослымъ, и старикамъ". Далѣе преосвященный развиваетъ затронутую тему, и дѣти слушаютъ, притаивъ дыханіе.

Примѣры эти прекрасно объясняютъ, что значитъ сообразоваться съ душевнымъ состояніемъ слушателей. Но какъ быть проповѣднику въ томъ случаѣ, когда предъ нимъ стоитъ толпа людей съ самымъ различнымъ складомъ понятій, убѣжденій, взглядовъ? Тутъ, по мнѣнію о. Липскаго, проповѣднику нужно поступить такъ: предметъ своей рѣчи онъ долженъ связать съ какимъ-либо событіемъ общественной жизни, какое въ данное время занимаетъ общество. „Пусть это будетъ, напр., крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда, бѣдствіе, причи-

ненное ураганомъ, землетрясеніемъ, громкій судебный процессъ и т. п.". О. Липскому пришлось, напр., слышать одного проповѣдника, который началъ рѣчь съ разсказа о томъ, какія сцены наблюдалъ онъ вчера на городскихъ улицахъ во время продажи цвѣтка бѣлой ромашки съ благотворительной цѣлью, отмѣтивъ тутъ проявленія суетнаго тщеславія. „Печально, что въ наше время, такъ закончилъ свою рѣчь проповѣдникъ, для того, чтобы расположить къ пожертвованіямъ на доброе дѣло, приходится прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ: устраивать концерты въ пользу глухонѣмыхъ, танцевальные вечера въ пользу хромыхъ или голодающихъ, или ярмарки тщеславія въ родѣ тѣхъ, какую вы могли видѣть вчера на городскихъ улицахъ. А Христосъ развѣ такъ заповѣдалъ благотворить?" И проповѣдника, замѣчаетъ о. Липскій, слушали внимательно даже тѣ, кто самъ принималъ дѣятельное участіе въ благотворительномъ сборѣ,—эти даже съ особеннымъ вниманіемъ...

Второй пунктъ, котораго касается свящ. Липскій въ своей статьѣ, это—жизненность въ проповѣди. Онъ обѣими руками подписываетъ требованіе этой жизненности, высказанное о. Андріевскимъ. Наши проповѣдники, по словамъ о. Т. А., „часто борются съ соблазнами, которые существуютъ только въ ихъ воображеніи, ратуютъ противъ грѣховъ, отъ которыхъ вѣетъ библейской стариной, тщательно въ то же время замалчивая дѣйствительно глубоко-грѣховную жизнь современнаго общества". „Да, замѣчаетъ и о. Липскій, это такъ. Ужъ чего-чего только не достается отъ нашихъ церковныхъ ораторовъ любостяжательнымъ евангельскимъ богачамъ, Иродіадамъ, Пилатамъ, Іудамъ и т. д. Спора нѣтъ, —эти лица заслуживаютъ всяческаго порицанія и осужденія. Но зачѣмъ ужъ черезчуръ много удѣлять имъ вниманія! Право же, было бы полезнѣе, если бы проповѣдникъ, вмѣсто порицаній и брани по адресу Иродіады, изобразилъ бы страданія современнаго мужа, покинутаго любимой женой, заброшенность и жалкое положеніе дѣтокъ, оставшихся безъ ма-

теринскаго призора, а затѣмъ и фальшивое положеніе самой -то бѣжавшей жены и матери, которую притомъ очень легко можетъ постигнуть судьба извѣстной Анны Карениной изъ романа Толстого". Но о. Липскій не цѣликомъ принимаетъ положенія о. Андріевскаго, касающіяся жизненности проповѣди. Онъ не соглашается съ тѣмъ, что для сообщенія проповѣди жизненнаго интереса нужно очистить языкъ проповѣди отъ метафоръ и образныхъ выраженій и не брать содержаніе проповѣди изъ постороннихъ источниковъ—у философовъ, поэтовъ, писателей и т. д. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ.

„Не нужно метафоръ и образныхъ выраженій!" Но почему же это? „Вѣдь проповѣдь—это искусство, это—художественное творчество. А что же такое искусство, какъ не воплощеніе идеи въ образахъ, картинахъ, въ живыхъ краскахъ! Тутъ форма—самое существенное: она именно дѣлаетъ произведеніе художественно-прекраснымъ [1]). Благодаря ей-то, формѣ, идея произведенія дѣйствуетъ на слушателя, зрителя, или читателя чарующе, волнуетъ его, заражаетъ его извѣстнымъ, желательнымъ художнику, настроеніемъ". „Я не пойму", говоритъ о. Липскій, „почему проповѣдникъ долженъ отказаться отъ того мощнаго средства вліять на слушателей, какое имѣется въ рукахъ художника; почему онъ долженъ избѣгать метафоръ, сравненій и другихъ формъ именно поэтической, художественной рѣчи. Я не понимаю даже и того, почему проповѣднику и не позаимствовать иногда у того или другого художника какой-либо поэтической картины и не изобразить ее предъ слушателями съ церковной каѳедры. Вѣдь художникомъ-то не всякій съумѣетъ быть, а взять готовое чужое, да использовать его въ пастырскихъ цѣляхъ,—отчего бы и не такъ!.." „Отчего бы не взять хотя бы у Толстого чудныхъ художественныхъ женскихъ образовъ, въ родѣ Наташи Ростовой, княжны Марьи

[1]) Это—вопросъ очень и очень спорный. По крайней мѣрѣ, лучшіе эстетики ищутъ сущности художественно-прекраснаго не въ формѣ.

Болконской и др. Припомните эту дивно прекрасную сцену, когди Марья Болконская брату, отправляющемуся на войну, надѣваетъ на шею крестъ и робко проситъ его не снимать креста съ груди, выражая увѣренность, что онъ спасетъ брата, противъ его воли! Или возьмите другую картину: Наташа Ростова, собираясь говѣть, боится проспать заутреню, торопливо одѣвается утромъ и еще до разсвѣта спѣшитъ въ церковь, да не въ свою приходскую, а туда, гдѣ служба совершается строго по уставу, гдѣ духовникъ построже, и стоитъ тамъ передъ образомъ Богоматери и предъ Ней въ молитвѣ изливаетъ свою душу. Возьмите, далѣе, Тургеневскую Лизу съ ея жаждой подвига, монастырскаго подвига! Такія художественныя картины развѣ были бы въ проповѣди неумѣстны? Я не знаю, почему бы слѣдовало считать ихъ неумѣстными. А что онѣ были бы жизненны, что онѣ привлекли бы вниманіе къ проповѣди, что онѣ заражали бы слушателей религіознымъ настроеніемъ,—въ этомъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе".

Вообще о. Липскій внесенію художественнаго элемента въ проповѣдь придаетъ очень большое значеніе. Онъ такъ отвѣчаетъ тѣмъ, которымъ проповѣди съ приведеніемъ въ нихъ примѣровъ изъ литературы кажутся „проповѣдями-фельетонами" и ,,профанаціей церковной каѳедры:" ,,Ну что жъ! продолжайте говорить по старому, если вамъ не нравятся такія новшества; но тогда не удивляйтесь, что вашъ голосъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, не обвиняйте и слушателей въ невниманіи, не жалуйтесь, что многіе изъ нихъ уходятъ изъ храма, какъ только выносятъ аналой для проповѣди. Сознайтесь, что въ этомъ будетъ доля и вашей вины".

Въ качествѣ образца художественныхъ проповѣдей о. Липскій указываетъ на проповѣди одного лютеранскаго пастора Оттона Функе. Это, дѣйствительно, замѣчательный протестантскій проповѣдникъ. Прослуживши въ должности пастора свыше сорока лѣтъ, Функе не пропустилъ ни одного

богослуженія безъ проповѣди. Изъ его проповѣдей составилось болѣе двадцати томовъ сочиненій на разныя темы религіозно-нравственнаго содержанія. По собственнымъ словамъ Функе, проповѣдь для него всегда была высокимъ наслажденіемъ. „Я не могу представить себѣ,—говоритъ онъ, дѣлая характеристику своей проповѣднической дѣятельности,—какъ я могъ бы жить, не проповѣдуя. Въ этомъ отношеніи... я затруднялся бы въ чемъ-либо себя упрекнуть, такъ какъ всегда относился къ этой обязанности слишкомъ серьезно. Обыкновенно цѣлую недѣлю я, такъ сказать, вынашивалъ избранный для проповѣди текстъ. И хотя для меня не представляло затрудненія говорить безъ предварительной подготовки, однако же я не скупился тратить время на подготовку, стараясь всегда дать слушателямъ то лучшее, что я былъ въ состояніи дать. Всегда я говорилъ просто, какъ бы по братски бесѣдуя съ моими слушателями. Въ моихъ рѣчахъ не было пафоса, не было того, что называютъ „помазанностію". Помню, еще въ молодости мнѣ всегда было крайне непріятно слушать проповѣдника, если онъ говорилъ скучно. Я всегда полагалъ, что то самое высокое, самое прекрасное и божественное, что мы имѣемъ въ словѣ Божіемъ, ни въ какомъ случаѣ не должно быть скучнымъ, а какъ разъ наоборотъ... Поэтому-то я всегда старался о томъ, чтобы моя проповѣдь была интересна и для юноши и для старца. Этого я достигалъ тѣмъ, что освѣщалъ свѣтомъ Божественной истины самыя разнообразныя явленія обыденной, повседневной жизни, какъ общественной, такъ и частной, внѣшней и внутренней".

Свой взглядъ на то, какова должна быть церковная проповѣдь, пасторъ Функе выражаетъ въ одной изъ своихъ книгъ такимъ образомъ.

„Христосъ никогда не высказывалъ абстрактныхъ истинъ, абстрактныхъ положеній, но по большей части говорилъ образами, метафорами, сравненіями. И Онъ въ этомъ отношеніи лучшій образецъ для насъ. Всякій, кто имѣетъ дѣло съ обученіемъ юношества, кто обращается съ рѣчью къ народу,

долженъ говорить картинно, образно, если хочетъ, чтобы его слушали. Абстрактная рѣчь суха, скучна, скоро утомляетъ вниманіе и усыпляетъ слушателей. А разъ только учитель, ораторъ или проповѣдникъ становится скучнымъ, то тутъ всему конецъ, все пропало. Скука—это провалъ дѣла, она какъ бы замораживаетъ сердца слушателей и къ нимъ тогда уже близко не подступить. Напротивъ, если ваша рѣчь полна образовъ, картинъ изъ повседневной, обыденной жизни, если при помощи ихъ вы уясняете религіозно-нравственныя истины, тогда васъ будутъ слушать очень внимательно и охотно".

Взгляды Функе на церковную проповѣдь не были одной только теоріей. Свящ. Липскій приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ его проповѣдей, которыя показываютъ, что онъ и на дѣлѣ всегда „умѣлъ дать своей проповѣди характеръ живой, одушевленной, образной и картинной рѣчи, умѣлъ завладѣть вниманіемъ слушателей, касаясь въ своихъ рѣчахъ предметовъ и явленій обыденныхъ, всѣмъ знакомыхъ, либо такихъ, которые въ данную минуту почему либо интересуютъ общество". Проповѣдникъ говоритъ, напр., на текстъ: „Смотрите кринъ сельныхъ"... (Мѳ. VI, 26—29) и озаглавливаетъ свою рѣчь такъ: „Богъ въ природѣ".

„Глубокая осень. Птички, радовавшія насъ своей веселой, беззаботной жизнью и прекраснымъ пѣніемъ, улетѣли въ дальніе края или же спрятались по укромнымъ мѣстечкамъ и умолкли. Увяли цвѣты, пріятно ласкавшіе нашъ взоръ своей красотой и услаждавшіе насъ своимъ душистымъ ароматомъ. По полямъ, на которыхъ еще недавно мы видѣли милость Господа Бога, пославшаго намъ изобиліе плодовъ земныхъ, теперь разгуливаетъ сердитый ноябрьскій холодный вѣтеръ. Кое-гдѣ на деревьяхъ еще притаились пожелтѣвшіе листики, чуть-чуть сохранившіе еще свою связь съ вѣтками, хотя они собственно уже мертвы: достаточно слабаго дуновенія вѣтерка, чтобы эти листики—трупы сбросить на-земь. Словомъ, прекрасный Божій міръ, который насъ окружаетъ, услаждая и радуя, погружается теперь какъ бы въ лоно

смерти. Похоже на то, какъ будто покидаетъ насъ дорогой другъ, и мы не можемъ не чувствовать унынія и тоски... Для человѣка вѣрующаго, съ религіознымъ воодушевленіемъ печально здѣсь не только то, что закрывается источникъ чистыхъ эстетическихъ радостей, но и, кромѣ того, на цѣлые мѣсяцы закрывается болѣе или менѣе великая книга природы, чрезъ которую Самъ Господь говорилъ человѣку, давалъ ему Свое откровеніе. Не только, стало быть, жизнь внѣшняя потеряла свои источники, но и жизнь внутренняя, духовная до нѣкоторой степени обѣднѣла имп.

Я знаю, что есть много людей, которые ничего не хотятъ знать объ этомъ откровеніи Божіемъ чрезъ природу. Въ природѣ они не хотятъ видѣть ничего, кромѣ вѣчнаго круговорота матеріи. Они говорятъ: „Мы изслѣдовали всю природу и никакого Бога въ ней не нашли. Земной шаръ состоитъ изъ расплавленной массы. Въ земной корѣ мы находимъ разнообразныя породы камня, металлы, соли, уголь и т. д.; на поверхности мы имѣемъ воду, воздухъ и свѣтъ. Все это при помощи методовъ, изобрѣтенныхъ современной наукой, можно разложить на мельчайшія частицы, молекулы, но всякій разъ при этомъ будемъ имѣть предъ собою матерію, а отнюдь не Бога. Растенія, животныя и человѣкъ состоятъ изъ той же матеріи, равно какъ и небесныя тѣла—солнце, луна и звѣзды. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ безсмертнаго духа, или Бога, нигдѣ никакихъ слѣдовъ Его любви и благости. Отсюда дѣлаютъ выводъ: разъ мы не находимъ Бога, то стало быть и нѣтъ Его“.

Представьте себѣ, говоритъ далѣе проповѣдникъ, что глухонѣмому написали бы на дощечкѣ: „комната полна сладкихъ звуковъ пѣнія“. По всей вѣроятности глухонѣмой отвѣтилъ бы: „Ничего подобнаго! Вы фантазируете: никакихъ звуковъ здѣсь нѣтъ и не было! „Ну, и что же? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ тѣ, кто имѣетъ уши и музыкальный слухъ, заблуждаются“? Ужели только то мы должны признавать существую-

щимъ въ дѣйствительности, что доступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ?

У меня въ кабинетѣ на маленькомъ мольбертѣ стоитъ рисунокъ, который очень весело выглядитъ. Вотъ что за немъ изображено: нѣсколько пестрыхъ птичекъ прилетѣли къ цвѣтущему персиковому деревцу и усѣлись на его вѣтвяхъ. По-видимому посѣтительницы въ восхищеніи отъ этихъ красивыхъ, ароматичныхъ цвѣтковъ деревца. Картинку эту сама нарисовала и прислала мнѣ моя маленькая дочь, которая живетъ въ другомъ городѣ, далеко отсюда. Посторонній человѣкъ, взглянувъ на рисунокъ, найдетъ его, быть можетъ, очень милымъ, хотя не безъ погрѣшностей. Другой, пожалуй, скажетъ: удачно скомбинированныя частицы матеріи, краски и картонъ и ничего болѣе". Да, посторонній человѣкъ только это и увидитъ. Я, отецъ, вижу въ картинкѣ и еще кое-что: я вижу здѣсь желаніе маленькой художницы порадовать меня, отца Я вижу любящее сердце, бьющееся въ ея груди; вижу какъ оно водитъ пальчиками моей дочери; вижу, какъ устали отъ работы эти пальчики, однако же они повинуются сердцу ребенка и передѣлываютъ то одно, то другое, исправляютъ погрѣшности. Я слышу, наконецъ, радостное восклицаніе дѣвочки: „Ну, готово! То-то порадуется папа! Если бы я могла сама преподнести ему рисунокъ, то навѣрное получила бы отъ него поцѣлуй!" Вотъ что я вижу и слышу. И всякій здравомыслящій человѣкъ согласится со мною, что я въ правѣ видѣть въ рисункѣ, кромѣ картона и красокъ, еще и любящее сердце моей дочери".

Затѣмъ проповѣдникъ, обращаясь къ тѣмъ, кто въ природѣ не хочетъ видѣть Бога, говоритъ: „Ты въ природѣ не находишь ни Бога, ни любви Его. Но слѣдуетъ ли отсюда, что этотъ міръ не есть дѣло Его премудрости и всемогущества? Слѣдуетъ ли отсюда, что нужно отрицать Божественную любовь, которая все направляетъ ко благу тѣхъ, кто Его ищетъ и любитъ? Развѣ не можетъ матеріальное, чувственное, преходящее быть отраженіемъ невидимаго и вѣч-

наго, если даже маленькій рисунокъ на моемъ мольбертѣ такъ много могъ мнѣ сказать о невидимыхъ вещахъ?“.

Послѣ этого проповѣдникъ переходитъ къ словамъ текста и доказываетъ, что Христосъ такъ именно и смотритъ на природу, какъ на откровеніе Божіе, видя повсюду въ мірѣ дѣйствія Промысла Божія, дѣйствія Его премудрости, благости и любви“. *Е. Х.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о современномъ франкмасонствѣ.

(Окончаніе) [1]).

III.

Наша соотечественница Тира Соколовская въ своей книжкѣ: „Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія“ и въ брошюрѣ: „Масонство, какъ положительное движеніе русской мысли въ началѣ XIX вѣка“ очень благосклонно относится къ франкмасонству русскому и выставляетъ его адептовъ въ чрезвычайно выгодномъ свѣтѣ. Они—по изображенію г-жи Соколовской [2])—являются безкорыстными проповѣдниками человѣчности, гуманности. Задача ихъ дѣятельности—въ томъ, чтобы водворить на землѣ любовь между людьми, равенство и братство, и черезъ то создать благополучіе человѣка.

Не вавилонску башню
Мы созидаемъ здѣсь,
Но истину всегдашню,
Чтобъ свѣтъ былъ счастливъ весь—

поютъ масоны въ своихъ собраніяхъ, вспоминая при этомъ золотой вѣкъ, когда

---

[1]) См. № 37, за 1912 г.

[2]) См. „Русское масонство“, стр. 25 и дал.

Любовь блистала всѣмъ въ красѣ
И въ братствѣ жилъ человѣкъ,
Вся тайна—истинно въ любви.

Изъ проповѣди любви вытекаетъ масонское ученіе о равенствѣ и братствѣ:

Не будь породой здѣсь тщеславенъ
Ни пышностью своихъ чиновъ
У насъ и царь со всѣми равенъ,
И нѣтъ ласкающихъ рабовъ.
Сердецъ масонскихъ не прельщаетъ
Ни самый блескъ земныхъ царей,
Насъ добродѣтель украшаетъ
Превыше гордыхъ всѣхъ властей.

Равенство и братство заставляетъ масоновъ быть милосердными, заниматься благотворительностью, а также быть терпимыми ко всякой религіи, „которая только не противна законамъ чести и совѣсти, особливо если ученіе ея наставляетъ быть добрымъ, честнымъ, прямодушнымъ и сострадательнымъ къ людямъ“.

Такими честными борцами за высшіе принципы человѣческой жизни представляетъ масоновъ и Финдель. По словамъ послѣдняго, „масонство имѣетъ дѣло съ человѣкомъ. Стараясь сдѣлать изъ своихъ членовъ хорошихъ людей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ готовитъ изъ нихъ хорошихъ членовъ и для ихъ религіозныхъ обществъ. Указываемая будто бы вражда франкмасонства къ христіанству есть вымыселъ, опирающійся на ложныхъ слухахъ, и есть слѣдствіе незнанія масонства. Не поощряетъ масонство и религіознаго безразличія“. Оно, якобы требуетъ отъ своихъ членовъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе души, а также уваженія къ добродѣтели. „Оно опирается на вѣчныя основы всѣхъ вѣрованій и имѣетъ въ виду только нравственное достоинство своихъ послѣдователей“.

И къ государству масонство также относится якобы съ уваженіемъ. Исключая изъ своихъ бесѣдъ политику, масоны будто бы воспитываютъ добрыхъ гражданъ, уважающихъ законъ и порядокъ.

Представивъ русское масонство учрежденіемъ съ такими идеально чистыми стремленіями, Тира Соколовская съ высокой похвалой отзывается о значеніи его въ исторіи русскаго просвѣщенія. Она говоритъ [1]): „его высокая, чисто-христіанская этика поражаетъ своею хрустальною чистотой. Его чистѣйшія нравственныя начала чрезвычайно возвышенны. Оно было лучезарнымъ идеаломъ со своими увлекательными идеями... И въ этомъ характерѣ масонства заключается главный успѣхъ его и главный залогъ его расцвѣта“...

Должно сознаться, что масонство отлично умѣетъ скрывать свои тайны и носить маску благоприличія. Съ сожалѣніемъ приходится констатировать полную неискренность разныхъ масонскихъ заявленій о безкорыстномъ служеніи масоновъ любви, свободѣ, братству. Эти заявленія расчитаны на то, чтобы сбить съ толку людей довѣрчивыхъ, и вполнѣ опровергаются данными, рисующими предъ нами совершенно иную картину.

Прежде всего масоны стремятся къ полному уничтоженію вѣры въ Бога и насажденію безусловнаго атеизма. Вотъ чистосердечное признаніе ихъ: „Пора человѣку перестать отыскивать, внѣ обитаемаго имъ міра, какихъ-то существъ, могущихъ доставить ему то блаженство, въ которомъ ему отказала природа. Да подчинитъ же онъ себя тѣмъ законамъ, отъ которыхъ онъ уклониться не можетъ, и да не обращаетъ болѣе вниманія на сокровенныя отъ него подъ непроницаемымъ покровомъ причины. Умъ человѣческій, ослѣпленный ученіемъ о Богѣ, до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ (!), суевѣріе замѣшалось повсюду. Во всѣ затруднитель-

[1]) Масонство, какъ положительное движеніе русской мысли, стр. 17–18.

ные случаи жизни непремѣнно впутываютъ Божество и тѣмъ самымъ затемняютъ ихъ еще болѣе, такъ что уже послѣ и объяснить ихъ нѣтъ возможности. Прежде чѣмъ доказывать божественность религіи, слѣдовало бы доказать бытіе Бога“ [1]).

„Не нужно религіи! Въ религіи заключается причина всѣхъ бѣдствій человѣческихъ. Не нужно ни вѣры ни законовъ, нужна только власть разума“ [2]).

Душу масоны признаютъ только „частью нашего тѣла или—лучше сказать—собственнымъ нашимъ тѣломъ, разсматриваемымъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ его отправленіямъ или свойствамъ, которыя природа сдѣлала для него возможными“. Душу якобы придумало духовенство, которое захотѣло де „сохранить какую-то частицу человѣка отъ разрушенія, чтобы потомъ награждать или наказывать ее въ будущей жизни“. [3])

Семейныя и общественныя добродѣтели для масоновъ только вредныя предубѣжденія. „Главное дѣло въ томъ, говоритъ масонъ Пикколо, чтобы отдѣлить человѣка отъ семьи и отучить отъ семейныхъ правилъ. Вѣдь онъ и безъ того уже склоненъ, по увлеченію характера, промѣнять домашнія заботы на запрещенныя удовольствія и даровые успѣхи“ [4]).

Такого же рода и слѣдующія признанія масоновъ. „Не только слѣдуетъ раздѣлить имущества, но также уничтожить семью, національность и отечество“. „Всякая собственность есть кража и потому слѣдуетъ уничтожить собственность. Раздѣлъ имущества должно соображать не со степенью спо-

---

[1]) Разоблаченіе великой тайны франкмасонства. Изъ бумагъ покойнаго О. А. Пржецлавскаго. 1909. Стр. 57. Ср. I. Bertrand, La franc-maconnerie secte juive Paris, 1903. p. 34: Здѣсь приводится молитва Люциферу (діаволу), составленная Прудономъ и читаемая при посвященіи въ высшій масонскій чинъ „кадоша“; молитва наполнена такими кощунственными выраженіями о Богѣ, что ихъ невозможно передать.

[2]) Разоблаченіе... стр. 60.

[3]) Тамъ же стр. 58.

[4]) Тамъ же. Ср. I. Bertrand, op cit. p. 38.

собностей, а съ потребностью каждаго". „Понятіе о долгѣ—нелѣпость. Понятіе о нравственности только препятствуетъ прогрессу. Слѣдовало бы издать законъ, чтобы всякаго произносящаго слово „духъ", запирали какъ безумнаго въ домѣ умалишенныхъ" [1])...

Для кого не ясно, что эти безумные глаголы могутъ принадлежать не невиннымъ идеалистамъ, какими себя изображаютъ масоны, а только озлобленнымъ атеистамъ, непримиримымъ революціонерамъ, крайнимъ человѣконенавистникамъ. Неудивительно поэтому, что франкмасоны всегда подавали и подаютъ руку самымъ преступнымъ и разрушительнымъ элементамъ европейскаго общества, самымъ изувѣрнымъ политическимъ партіямъ и религіознымъ сектамъ. Въ 1776 году нѣмецъ Вейсгауптъ основалъ тайное общество иллюминатовъ, поставившее своею цѣлью уничтоженіе любви къ родинѣ, разрушеніе государственнаго строя и возвращеніе человѣчества къ первобытному дикому состоянію, а средства для достиженія этой цѣли предлагавшее самыя ужасныя и коварныя: ложь, предательство, грубое насиліе, шпіонство и т. п. „Всѣ члены общества, говорилъ Вейсгауптъ [2]) направляясь къ одной и той же цѣли, опираясь другъ на друга и работая надъ осуществленіемъ всеобщей революціи, должны стремиться къ невидимому и незамѣтному господству надъ людьми всѣхъ положеній, всѣхъ націй, всѣхъ религій, вселяя въ нихъ одинъ и тотъ же духъ; но дѣлать это надлежитъ въ самой глубокой тишинѣ и со всей возможной энергіей. А когда эта власть уже твердо установится, благодаря единенію и численности приверженцевъ, то пусть лишь тогда сила замѣнитъ эту невидимую власть! Тогда—свяжите руки всѣмъ противляющимся, уничтожьте зло въ его корнѣ, раздавите весь остатокъ людей, не поддавшихся вашимъ убѣжденіямъ"... И такому со-

[1]) Тамъ же стр. 60—61.

[2]) М. Тальмейеръ, франкмасонство и французская революція. Пер. съ фр., Харьковъ. 1906, стр. 13.

обществу разбойниковъ франкмасонство раскрыло свои дружескія объятья и, такъ сказать, всосало его въ себя. Также покровительственно относилось оно и относится ко всякимъ заговорамъ и конспираціямъ политическо-соціальнаго характера, поддерживая ихъ своими разрушительными идеями и само обогащая свою программу „идеологіей" всякихъ революціонныхъ и атеистическихъ организацій.

Можно ли послѣ этого говорить о высокомъ якобы культурномъ значеніи франкмасонства? Можно ли пѣть ему дифирамбы и увѣрять, что только оно сумѣло заставить современное общество понимать и уважать свободу, равенство и братство [1])? Не отзывается ли это насмѣшкой надъ идеалами, которые столько вѣковъ проповѣдуетъ наше святое Евангеліе? И не является ли современное масонство въ своемъ подлинномъ видѣ самой страшной угрозою всякой культурѣ и цивилизаціи?

IV.

Опасность, угрожающая всему культурному человѣчеству со стороны франкмасонства, тѣмъ особенно страшна, что масонскимъ орденомъ нынѣ, по единогласному завѣренію близко изучавшихъ это дѣло лицъ [2]), заправляютъ евреи, которые изначала стали входить въ него и настолько возымѣли въ немъ вліяніе, что совершенно подчинили его дѣятельность своимъ интересамъ. О близкомъ сродствѣ масонства съ талмудомъ говоритъ весьма многое. Прежде всего, приведенная выше легенда объ Адонирахѣ или Хирамѣ происхожденія еврейскаго, талмудическаго. Обряды посвященія въ разныя степени масонства также воспроизводятъ соотвѣтствующія со-

[1]) Кисъ, очерки современнаго масонства. Пер. съ фр. 1912. Спб. стр. 139.

[2]) Mart. D'Estoc. La Franc-maconnerie, Paris. 1901, partie docum. p. 35—40. J. Bertrand, op. c. t. Н. Л. и Г. Бутми, Іудеи въ масонствѣ, Спб. 1906 г. Пржецлавскій, цит. соч.

бытія изъ исторіи евреевъ. Календарь у масоновъ іудео-халдейскій. Терминологія масонская и символика заимствованы изъ каббалы. Но что особенно важно—духъ масонства проникнутъ такою ненавистью къ христіанству, которая присуща только еврейству. Въ упомянутой выше молитвѣ Люцифиру, читаемой при посвященіи въ степень „кадоша" (святого), мы встрѣчаемъ такое кощунство въ отношеніи къ Господу нашему Іисусу Христу, какое позволяетъ себѣ только талмудъ. Кромѣ сего, мы имѣемъ свидѣтельства лицъ, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ масонскому ордену. „Я окончательно покидаю ложу ордена, говоритъ Камиль [1]), потому что теперь я твердо убѣжденъ, что мы только орудія въ рукахъ евреевъ, которые ведутъ насъ къ полному разрушенію христіанства". Гужено-де-Муссо писалъ [2]) въ 1869 году: „Тѣ, кто утверждаетъ, что верховный всеобщій тайный совѣтъ масонства, состоящій изъ девяти членовъ, долженъ держать въ запасѣ для представителей іудейской націи minimum пять мѣстъ, учатъ насъ тому, что предписываютъ намъ, какъ должное, законы здраваго смысла". А въ 1872 г. онъ откровенно говорилъ [3]): „евреи, безъ вѣдома большей части высшихъ чиновъ ордена, должны составлять большинство высшаго совѣта масонства"...

Какую же цѣль преслѣдуютъ евреи въ масонствѣ?

Почти несомнѣнно, что такою цѣлью является всеобщая революція въ интересахъ еврейской націи, разрушеніе христіанскихъ церквей и государствъ и основаніе на ихъ развалинахъ всемірнаго господства сыновъ Израиля. Въ Сѣверо-и юго-Западномъ краѣ большое распространіе имѣетъ „рѣчь" раввина къ своимъ единоплеменникамъ" [4]). Она служитъ хорошимъ отвѣтомъ на поставленный нами вопросъ. Раввинъ го-

[1]) J. Bertrand, op. cit. p. 45.
[2]) Ibid p. 46.
[3]) Ibid.
[4]) Пржецловскій, цит. соч., стран. 116—119.

ворить, что если Израиль разсѣянъ по всей землѣ, то это потому, что вся земля должна принадлежать ему. Чтобы овладѣть этою землею, онъ совѣтуетъ своимъ единоплеменникамъ захватить въ свои руки все золото, сдѣлать возможно большія территоріальныя пріобрѣтенія, занять общественныя и государственныя должности, наполнить судебныя учрежденія, проникнуть во всѣ отрасли знанія, искусства и литературы, оттѣснить отовсюду христіанъ, свести ихъ къ нулю, прививать христіанской интеллигенціи невѣріе, скептицизмъ, развивать въ пролетаріатѣ чувства озлобленія и вражды. „Дѣйствуя такимъ образомъ, восклицаетъ раввинъ, отъ насъ будетъ зависѣть, когда это понадобится, возбудить массу. Мы употребимъ ее орудіемъ къ ниспровержению правительства и революціямъ, и каждая изъ этихъ катастрофъ гигантскимъ шагомъ будетъ подвигать наше дѣло, быстро приближая къ цѣли—царствованію на всей землѣ, какъ то обѣщано намъ отцомъ нашимъ Авраамомъ".

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что картина порабощенія христіанскихъ народовъ еврействомъ, нарисованная анонимнымъ раввиномъ, не есть мечта, утопія. Полное разложеніе государственной, соціальной и религіозно-нравственой жизни современной Франціи, находящейся всецѣло въ рукахъ масоновъ, бѣснованія атеистической анархіи въ Португаліи, грозная волна революцій, угрожающая многимъ государствамъ разваломъ, нескончаемый рядъ соціальныхъ смутъ, поколебавшихъ благосостояніе не одного народа,—все это тревожное знаменіе нашего времени, когда франкмасонство въ союзѣ съ еврействомъ (или наоборотъ) показываетъ настоящіе свои когти.

Нужно всѣмъ намъ бояться за себя, за свою Церковь, за свою родину, за ея настоящее и будущее: хитрые и сильные враги вплотную подошли къ намъ подъ личиною друзей, и если мы во время не распознаемъ ихъ, насъ ждутъ великія бѣдствія. Проф. свящ. *Н. Гроссу.*

ЗАМѢТКИ.

а) Діаконъ-садоводъ.

Село всегда представлялось и представляется человѣку, имѣющему желаніе поработать на пользу „меньшого брата“, благодарнымъ полемъ. И сколько молодыхъ семинаристовъ уходило въ это поле съ непремѣннымъ желаніемъ посвятить всего себя культурной работѣ въ духовномъ санѣ или на поприщѣ учителя. Немногіе, однако-же, надолго удерживаютъ въ себѣ идеальныя стремленія. Или необходимость въ кускѣ хлѣба для себя и семьи, или неумѣнье взяться за дѣло, или то и другое вмѣстѣ обрываютъ такія стремленія, а сознаніе измѣны идеаламъ порождаетъ неудовлетворенность жизнью и заставляетъ прибѣгать къ забвенію въ винѣ.

Намъ извѣстенъ случай, когда молодой учитель принялъ санъ священника при сельской церкви съ самыми высокими намѣреніями и настроеніями, мечталъ о деревенской школѣ, библіотекѣ и проч.; но... когда окунулся въ дѣйствительную деревенскую жизнь, то созналъ свое безсиліе, и никогда до тѣхъ поръ не пившій молодой священникъ запилъ мертвую и кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Тѣмъ цѣннѣе работа тѣхъ, которые взяли себѣ маленькое дѣло и не покидаютъ его. Такъ, діаконъ села Подбѣлевца, Мценскаго уѣзда, о. Николай Тихомировъ, начавъ свое служеніе здѣсь съ 1892 года, развелъ здѣсь плодовый питомникъ и снабжаетъ крестьянъ прививками за умѣренную плату, едва покрывающую расходы по содержанію питомника, а иногда даже безплатно, и даетъ имъ, крестьянамъ, указанія относительно разведенія садовъ. Результатомъ этого труда почтеннаго о. діакона было то, что, по свидѣтельству уполномоченнаго по сельско-хозяйственной части въ Орловской губерніи,—въ селѣ Подбѣлевцѣ почти при каждомъ домѣ имѣется садъ и, по примѣру жителей этого села, крестьяне другихъ сосѣднихъ селъ и деревень заводятъ у себя сады, пріобрѣтая себѣ прививки у того-же о. діакона.

Не одно только сознаніе своей полезности будетъ служить почтенному о. діакону возмездіемъ за его трудъ, но и соотвѣтственная награда отъ Правительства, о чемъ обсуждается вопросъ въ Главномъ Управленіи Землеустройства и Земледѣлія. Мы же отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ достойный подражанія для тѣхъ, кто пожелалъ-бы внести свою долю участія въ культурную работу. (Орлов. Епарх. Вѣд.).

b) Новое леченіе алкоголизма.

Кружокъ московскихъ врачей ходатайствуетъ о разрѣшеніи открыть въ Москвѣ лечебницу для алкоголиковъ съ примѣненіемъ особаго метода леченія, практикуемаго въ одной изъ лечебницъ Стокгольма.

Въ названной лечебницѣ паціентамъ дается желаемое ими количество алкоголя, но пища, всѣ напитки, вода для умыванья и даже самый воздухъ палатъ въ сильнѣйшей степени пропитаны запахомъ алкоголя.

Черезъ нѣкоторое время пребыванія въ лечебницѣ паціентъ чувствуетъ ужасающее отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ (Таврич. ц.-общ. Вѣстн.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го ноября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Мариинская. 6

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 47

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 18-го ноября.

Содержаніе: I. Насущный вопросъ. Уѣздный Наблюдатель.—II. Всероссійскій Съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Прот. М. Е.—III. Еще о „больномъ вопросѣ“ (Окончаніе). Е. Х.—IV. Зерно Божіе. Свящ. А. Воронцовъ.—V. Объявленіе объ изданіи „Р. д. с. п.“ въ 1913 году.

Насущный вопросъ.

(Къ открытію занятій Государственной Думы).

Мы наканунѣ [1]) открытія IV Думы, отъ которой вѣрные сыны Россіи ждутъ плодотворной работы. Увѣренность въ трудоспособности Г. Думы гарантируется ея составомъ, въ большей половинѣ праваго направленія. Первые шаги дѣятельности новой Думы, несомнѣнно, должны быть посвящены исправленію безтактности своей предшественницы и того бьющаго въ глаза невѣжества, которое было допущено ею предъ самымъ роспускомъ по отношенію къ благожелательному Царскому слову, касательно благоустроенія церковныхъ

[1]) Статья написана до 15-го Ноября. *Ред.*

школъ. Непростительную ошибку III-ей Думы должна загладить IV Дума.—Близкое знакомство, по должности уѣзднаго наблюдателя, съ положеніемъ церковно-школьнаго дѣла въ Брянскомъ уѣздѣ даетъ мнѣ нѣкоторое право выразить свое мнѣніе относительно способа матеріальнаго обезпеченія церковныхъ школъ. Какъ извѣстно, въ цѣляхъ достиженія всеобщаго образованія во многихъ мѣстахъ нашего обширнаго Отечества введена школьная сѣть, захватившая и церковныя школы. И вотъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ параллельно съ земскими и городскими школами вошли въ сѣть и церковныя, тамъ матеріальныя условія для послѣднихъ мало измѣнились къ лучшему, даже больше того, можно сказать, условія эти сдѣлались худшими. До введенія сѣти содержаніе школъ какъ отчасти земскихъ, такъ особенно церковныхъ, въ доброй половинѣ отнесено было къ мѣстнымъ средствамъ: такъ, ремонтъ школъ, отопленіе, освѣщеніе, наемъ сторожа, дополнительная плата учащимъ—все это покрывалось мѣстными средствами. И плательщики, въ лицѣ обществъ крестьянъ, церквей и попечителей, содержаніе школъ считали неизбѣжною повинностію.

Если и встрѣчались иногда недоразумѣнія по части неисправнаго удовлетворенія школьныхъ нуждъ, то онѣ были рѣдкостію. Съ введеніемъ же школьной сѣти положеніе рѣзко измѣнилось. Казна взяла на себя оплату только учащаго персонала и постройку школъ въ извѣстную очередь; прочія же статьи расхода по содержанію школъ отнесены къ мѣстнымъ средствамъ. Земство и городъ безъ всякихъ затрудненій находятъ выходъ изъ этого положенія: они какъ прежде имѣли, такъ и теперь имѣютъ довольно солидныя спеціальныя средства на народное образованіе, ежегодно собираемыя съ обывателей вмѣстѣ съ другими денежными повинностями: въ новомъ источникѣ доходовъ на народное образованіе эти учрежденія не нуждаются. Между тѣмъ для церковныхъ школъ прежніе мѣстные источники доходовъ совершенно закрылись. Крестьяне знать не хотятъ о прежнихъ мѣстныхъ субсидіяхъ

на церковныя школы, въ своихъ доводахъ они ссылаются на земскую школу, которая управляетс-яде въ своемъ содержаніи безъ сторонней помощи. Даже когда приходится открывать глаза темному крестьянину, что земство имѣетъ въ своемъ распоряженіи собранныя съ него деньги на народное образованіе, и тогда онъ аргументируется не безосновательною оговоркою: я уже разъ заплатилъ (земству) на образованіе, такъ зачѣмъ же буду платить другой разъ. А такъ какъ законъ по введеніи школьной сѣти исключаетъ всякій налогъ принудительнаго характера въ пользу школьнаго образованія, то тѣ самыя церковныя школы, которыя до введенія въ сѣть перебивались въ своемъ содержаніи съ грѣхомъ попаламъ, очутились въ безвыходномъ положеніи относительно, напр., ремонта и отопленія. А такая матеріальная несостоятельность по 9 пр. Министерскаго циркуляра грозитъ переходомъ церковныхъ школъ въ другія вѣдомства, болѣе правоспособныя въ финансовомъ отношеніи.—Что же дѣлать церковно-школьному вѣдомству? Въ данное время оно всѣ свои силы напрягаетъ вывернуться изъ неловко сложившагося положенія, опасаясь оказаться неправоспособнымъ въ удержаніи за собою, такъ называемыхъ, сѣтевыхъ школъ. Но напряженное состояніе не можетъ долго продолжаться.—По нашему убѣжденію на помощь духовенству въ содержаніи церковныхъ школъ обязательно должны придти городское и земское самоуправленіе. Въ газетныхъ сообщеніяхъ намъ не разъ приходилось читать отрадныя извѣстія о солидной денежной помощи нѣкоторыми земствами церковной школѣ. Это, несомнѣнно, тамъ практикуется, гдѣ просвѣщенные земскіе и городскіе дѣятели, чуждые сословнаго антагонизма, въ школьномъ образованіи вообще видятъ общегосударственный интересъ и пользу народную. Этимъ дѣятелямъ дорога всякая хорошо поставленная школа, а тѣмъ болѣе школа церковная, далекая отъ политическихъ и религіозныхъ крайностей. Но такой братской участливости со стороны городскихъ и земскихъ самоуправленій не много найдется, большею же частію

эти учрежденія равнодушно относятся къ судьбѣ церковныхъ школъ, а немало найдется и такихъ, которыя при всякомъ удобномъ случаѣ стараются вредить имъ. Брянское, напр., земство, дававшее нѣкогда на церковныя школы по 1000 р. ежегодно, мало того, что два года отказало въ этой субсидіи, а постаралось еще 21 церковныя школы отчудить въ свое вѣдѣніе. Да и на этомъ земство не остановилось, а не перестаетъ поддерживать и развивать у крестьянъ недовольство противъ „сѣтевыхъ" церковныхъ школъ, нуждающихся въ пособіи на свое содержаніе. Будучи богато денежными средствами, при запасномъ 100,000 рублевомъ капиталѣ, это земство не скупится (въ сессію нынѣшняго года) на 1000-рублевое увеличеніе жалованія предсѣдателю управы и тремъ ея членамъ, каждому по тысячѣ рублей, на хорошія прибавки остальнымъ служащимъ Управы, на выдачу двумъ учительницамъ за 25-лѣтіе ихъ службы награды по 420 р. каждой..., а церковныя школы въ этомъ уѣздѣ принуждены оставаться безъ отопленія, сторожа и другихъ насущныхъ потребностей. Брянское земство, думаемъ, не единично по проявленію своихъ антипатій къ церковнымъ школамъ. А такое отношеніе развѣ можетъ считаться корректнымъ? Вѣдь платежную силу городовъ и земствъ составляютъ всѣ обыватели, не исключая и тѣхъ, дѣти которыхъ обучаются въ церковной школѣ; поэтому, добытыя этими учрежденіями средства по справедливости должны распредѣляться на нужды всѣхъ обывателей. Земство не на высотѣ своего положенія окажется, если, при наличіи средствъ, будетъ отказывать по нѣкоторымъ участкамъ уѣзда въ пособіи, напр., на медицину, агрономію. Но школьное образованіе развѣ не составляетъ острой народной нужды, чтобы оставить ее безъ удовлетворенія? Земству и городу хорошо должно быть извѣстно, что другіе сборы на одно и то же дѣло являются несправедливостію и тяжкою повинностію.—Поэтому самою справедливою мѣрою будетъ отчужденіе отъ городскихъ и земскихъ сборовъ денежной суммы на церковныя школы, пропорціонально ихъ количеству.

Тогда эти школы не будуть имѣть, какъ теперь, острой нужды. да и земское самоуправленіе будетъ бережнѣй относиться къ общественнымъ деньгамъ и не будетъ дѣлать сразу 1000-р. прибавокъ къ жалованью земскихъ дѣятелей. Гдѣ городъ и земство сочувственно относятся къ дѣлу народнаго образованія въ церковныхъ школахъ, тамъ нѣтъ нужды примѣнять обязательныя законоположенія; но гдѣ эти учрежденія, вопреки справедливости, хозяйничаютъ общественными суммами по своему усмотрѣнію и игнорируютъ церковную школу, тамъ обязательно должно примѣняться извѣстное постановленіе, выработанное въ законодательномъ порядкѣ. Вопросъ, нами возбужденный и посильно разсмотрѣнный, долженъ бы быть поставленъ на разрѣшеніе въ Государственной Думѣ въ первую очередь.

Уѣздный Наблюдатель.

Всероссійскій Съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ.

Какъ участникъ недавно состоявшагося (6—12 августа) Всероссійскаго противоалкогольнаго Съѣзда въ Москвѣ, я позволю себѣ подѣлиться съ собратьями во Христѣ тѣми впечатлѣніями, какія я вынесъ изъ указаннаго Съѣзда.

Съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Руси (даже изъ Благовѣщенска на Амурѣ) члены Съѣзда—по преимуществу священники—въ цѣломъ рядѣ докладовъ представили такую яркую картину пьянства на Руси, что невольно является опасеніе за будущее нашей дорогой родины. Это былъ сплошной вопль отчаянія, вырвавшійся изъ сердецъ шестисотъ участниковъ Съѣзда... Предъ взоромъ собравшихся на Съѣздъ все время виталъ тотъ „Горе-Богатырь“, о которомъ нашъ поэтъ гр. Алексѣй Толстой поетъ въ своей „былинѣ“:

Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села

И Русь затопляетъ оно.
Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачъ, пѣсни, и вой и проклятья,—
Питейное дѣло растетъ...

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ противоалкогольнаго Съѣзда—членъ бывшей Государственной Думы М. Д. Челышевъ въ цѣломъ рядѣ докладовъ особенно ярко оттѣнилъ постепенный ростъ отравленія алкоголемъ населенія Россіи. Въ 1902 году, по его словамъ, питейныхъ заведеній въ Россіи было 57 тысячъ, въ 1909 г. (чрезъ 7 лѣтъ) ихъ стало 118 тысячъ. Въ фабричныхъ раіонахъ Московской губ. рабочіе пропиваютъ до 70% заработка, оставляя, такимъ образомъ, на содержаніе семьи всего лишь 30% годичнаго заработка.

Въ годы холерной эпидеміи, при запрещеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продажи питей, весь заработокъ полностью поступалъ въ пользу семьи. Въ губерніяхъ, страдавшихъ въ истекшемъ году недородомъ хлѣба, пропивалось, благодаря казеннымъ субсидіямъ на борьбу съ голодовкой, больше прежняго: въ Самарской, Уфимской, Пермской и др. губерніяхъ—до 20 милліоновъ рублей въ годъ. Ежегодный расходъ на водку доходитъ до колоссальной цифры—3 милліардовъ, считая въ этомъ числѣ прогульные рабочіе дни (понедѣльники), полное разстройство народнаго хозяйства и 800 милліоновъ, выручаемыхъ казною отъ продажи питей.

Интересны данныя, представленныя на Съѣздѣ д-ромъ И. В. Сажинымъ (изъ Петербурга) по вопросу о сравнительной „пропиваемости" рабочихъ. „Американскій рабочій пропиваетъ въ среднемъ всего лишь 3,6% своего заработка, т. е. около 4-хъ коп. съ рубля. Нѣмецкій рабочій (въ Берлинѣ) пропиваетъ 14,5%, нашъ же рабочій пропиваетъ въ среднемъ 26,7%, а мѣстами (напр. въ Екатеринославской

губ.) до 47% заработка". По изслѣдованіямъ д-ра Мендельсона самымъ пьянымъ городомъ на свѣтѣ слѣдуетъ считать Петербургъ. Въ Берлинѣ опивается до смерти три человѣка на сто тысячъ, въ Парижѣ—6, въ Лондонѣ—13, *въ Петербургѣ—20 человѣкъ*. Въ Берлинѣ попадаетъ въ полицейскія камеры на вытрезвленіе около *четверти* процента всѣхъ жителей (5,200 человѣкъ),—въ Петербургѣ *четыре* процента т. е. въ 16 разъ больше. Ежегодно въ участокъ забирается въ одномъ Петербургѣ цѣлая армія мертвецки-пьяныхъ—65 тысячъ человѣкъ. Характерна и слѣдующая годовая вѣдомость послѣдствій пьянства по всей Россіи: умерло отъ пьянства . . . . . 6,083 чел.
поступило въ больницы на излеченіе отъ пьянства . . . . . 26,187 чел.
лечилось отъ пьянства въ больницахъ . . . . 81,849 чел.
сошло съ ума отъ пьянства . . . . . 7,434 чел.
А сколько разстройствъ семейной жизни, сколько сумасшедшихъ поступковъ, насилій и преступленій, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, этого не счесть никакой математикѣ!..

Что особенно печально, такъ это то обстоятельство, что алкоголизмъ, по единогласному признанію всего Съѣзда, свилъ себѣ прочное гнѣздо среди дѣтей школьнаго возраста и даже до-школьнаго. Анкета Петербургскаго Городского Попечительства о народной трезвости даетъ такія показанія: въ одномъ случаѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ имѣло мѣсто на 1-мъ году жизни, въ четырехъ на 3-мъ году, въ двадцати одномъ съ 5 лѣтъ и въ двадцати пяти случаяхъ съ 8-лѣтняго возраста. На Всероссійскомъ Съѣздѣ учителей д-ръ Григорьевъ докладывалъ, что въ 8 школахъ съ 180 мальчиками и 150 дѣвочками не пили только 20 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Тотъ же докторъ говоритъ: „въ Пермской губ. въ народныхъ школахъ мальчики пьютъ *поголовно*; въ Лифляндской губ. процентъ пьющихъ дѣтей достигаетъ 92%; въ церковно-приходскихъ школахъ Сызранскаго уѣзда всѣ дѣти пьютъ. Въ Курской губ., гдѣ было обслѣдовано 586

школъ, оказалось, что въ 76,8% школъ наблюдалось пьянство. Въ Петербургскихъ начальныхъ училищахъ оказалось пьющихъ водку 94% мальчиковъ и 91% дѣвочекъ изъ всего числа учившихся въ этихъ школахъ". Не лучше дѣло стоитъ и въ другой столичной губерніи—Московской. По даннымъ анкеты, разработанной др-омъ А. М. Коровинымъ, изъ 18,134 мальчиковъ употребляли тѣ или другіе алкогольные напитки 12,152 или 67,84%; изъ 10,404 дѣвочекъ 4733 или 45,5% знакомы въ различной степени съ вкусомъ алкогольныхъ напитковъ, будетъ ли то пиво, вино или водка. До какихъ размѣровъ развивается среди учащихся въ начальныхъ школахъ употребленіе алкогольныхъ напитковъ, мы можемъ заключить изъ словъ одной учительницы Аккерманскаго уѣзда: „мало того, что пьютъ взрослые, они пріучаютъ пить и своихъ дѣтей. Нѣкоторыя матери даютъ дѣтямъ въ школу хлѣбъ и вино. Дѣти послѣ перемѣны (т. е. послѣ завтрака) засыпаютъ... Мнѣ удалось замѣтить, что дѣти запиваютъ хлѣбъ виномъ". Существованіе школьнаго алкоголизма, по единодушному заявленію всего Съѣзда, должно считать доказаннымъ какъ для низшихъ школъ, такъ и для среднихъ и высшихъ,—въ послѣднихъ пьютъ до 70% всего числа учащихся. Что можно прибавить къ этимъ краснорѣчивымъ цифрамъ?—Онѣ прямо поразительны!.. Въ особенности заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что и амбулаторіи Московскаго столичнаго и Петербургскаго городскихъ попечительствъ о народной трезвости, и Ярославскаго и Тульскаго убѣжищъ, и д-ръ Коровинъ и др. всѣ сходятся на однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ, а именно, что отъ 48,9 до 71,4% алкоголиковъ начинаютъ пить въ школьномъ возрастѣ.

Въ цѣломъ рядѣ докладовъ представителей медицинской науки—каковы: д-ръ Сажинъ изъ Петербурга („за насъ ли абстинентовъ наука?"), Коровинъ и Флеровъ изъ Москвы и др.—съ возможною полнотою доказано, что *алкоголь—ядъ*, что употребленіе его даже въ минимальныхъ дозахъ настолько вредно для организма, что не можетъ быть и рѣчи о без-

различіи для здоровья такъ называемаго умѣреннаго употребленія алкоголя во всѣхъ его видахъ (водкѣ, пивѣ и винѣ). Особенную убѣдительность для членовъ Съѣзда представляли лекціи д-ра Флерова, веденныя имъ въ противоалкогольномъ Московскомъ музеѣ отъ имени кружка дѣятелей по борьбѣ съ школьнымъ алкоголизмомъ. Докторомъ были демонстрированы препараты главныхъ органовъ человѣческаго тѣла (желудка, печени, почекъ, сердца, легкихъ и головныхъ центровъ), какъ у здоровыхъ людей, такъ и алкоголиковъ. Неимовѣрно страшныя опустошенія въ организмѣ человѣка производитъ этотъ, по словамъ лектора, скрытый и лукавый врагъ.

Такъ называемый *этиловый спиртъ* или *алкоголь* есть не что иное, какъ *обыкновенный винный спиртъ*, добываемый перегонкой изъ вина, пива, сидра, а также изъ всякой другой жидкости, содержащей въ себѣ спиртъ. Чаще всего однако для добыванія виннаго спирта употребляютъ картофель, рожь, маисъ, а также плоды (вишни, сливы), тростниковый сахаръ, сахарную патоку (ромъ), рисъ (аракъ) или наконецъ вино (коньякъ,—отъ города Cognak во Франціи). Этиловый или обыкновенный спиртъ представляетъ безцвѣтную жидкость особаго запаха, жгучаго вкуса [1]). Его употребляютъ для приготовленія водки безъ сахара или съ сахаромъ и съ другими примѣсями—отсюда: *очищенная, ерофеичъ, трофимовская, полынная, ратафія* или *сладкая водка, разные ликеры, пунши* и пр. Хотя и стараются очистить этиловый спиртъ отъ примѣсей сивушнаго масла или другихъ алкоголей (перегонка, фильтрованіе чрезъ уголь и пр.), но, по изслѣдованіямъ проф. Селля, трудно имѣть вполнѣ очищенную водку. Пре-

---

[1]) Названіе алкоголя и способъ добыванія его, по мнѣнію проф. И. М. Догеля (Спиртные напитки, здоровье и нравственность. Казань. 1912 г. стр. 7), относится ко времени среднихъ вѣковъ, хотя способъ полученія водки посредствомъ дестилляціи извѣстенъ былъ уже арабскими врачамъ, которые употребляли эту жидкость какъ лекарство въ 860 г. по Р. Хр.

имущественно много получается сивушнаго масла въ этиловомъ спиртѣ, добываемомъ изъ картофеля.

Введенный въ кровь—жидкость желтоватаго цвѣта, въ которой плаваютъ милліоны красныхъ шариковъ, алкоголь портитъ послѣдніе; вслѣдствіе этого ткани легкихъ, сердца, мозга, артерій, мускуловъ и нервовъ не получаютъ веществъ, необходимыхъ для ихъ обновленія. Въ результатѣ же получается разстройство организма, болѣзни и смерть. *Сердце* гонитъ кровь по всему тѣлу при помощи артерій, капиллярныхъ сосудовъ и венъ. Сердце алкоголика сильно увеличено, а потому его движенія сильно замедлены, а чрезъ это замедляется и кровообращеніе. Вслѣдствіе замедленнаго кровообращенія кровь задерживается въ артеріяхъ, переполняетъ ихъ, а чрезъ это стѣнки артерій вытягиваются и образуютъ маленькіе мѣшечки, называемые *аневризмами*. Разрывъ этихъ мѣшечковъ вызываетъ моментальную смерть, такъ какъ достаточно самаго ничтожнаго напряженія, легкаго душевнаго волненія, и стѣнки надуваются и лопаются, а кровь разливается, и жертва алкоголя теряетъ сознаніе и падаетъ мертвою.

Алкоголь оказываетъ разрушительное и парализующее дѣйствіе на нашу *нервную систему*. Нервы, какъ извѣстно, управляютъ органами пищеваренія, кровообращенія и дыханія. Нервныя нити, подобно телеграфнымъ проволокамъ, соединяютъ мозгъ съ органами, которые производятъ движеніе; они окружаютъ эластичной сѣткой наши артеріи и вены. Подъ вліяніемъ алкоголя артеріи и вены расширяются, такъ какъ нервы, охватывающіе ихъ, не дѣйствуютъ, и тогда кровь собирается въ сосудахъ въ большемъ количествѣ. Это расширеніе сосудовъ у пьяницъ выражается покраснѣніемъ лица и глазъ.

Алкоголь производитъ страшно вредное дѣйствіе и *на мозгъ*, этотъ центръ мышленія, чувствованій и движеній. Онъ вызываетъ ужасныя мозговыя страданія: кровоизліяніе въ мозгъ и размягченіе мозга, которыя имѣютъ своимъ послѣд-

ствіемъ – а) *параличъ*, обнаруживающійся мало-по-малу или вдругъ (припадокъ апоплексіи), б) *помѣшательство*, выражающееся маніей величія или преслѣдованія, а нерѣдко бѣлой горячкой, приводящей больного къ смерти,—в) *эпилепсію*, моментально лишающую больного чувствительности и приводящую къ идіотизму или безумію.

Алкоголизмъ производитъ гибельное дѣйствіе на *органы пищеваренія*, каковы: ротъ, глотка, пищеводъ, кишки, печень и поджелудочная железа.

Желудокъ очень расширенъ у пьющихъ пиво и съуживается у алкоголиковъ, при чемъ внутренняя поверхность его дѣлается красною и изъязвленною. Алкоголь производитъ воспаленіе железъ и причиняетъ раны, язвы и ракъ—ужасную болѣзнь, которая быстро приводитъ къ смерти. Вслѣдствіе раздраженія, железы не могутъ выдѣлять пищеварительные соки, которые должны облегчать всасываніе пищи. Отсюда происходитъ дурное пищевареніе, и затѣмъ гастрическія заболѣванія—диспепсія, кровоизліяніе и размягченіе желудка. Подъ вліяніемъ алкоголя языкъ и горло дѣлаются красными и раздраженными.

Алкоголь способствуетъ притоку крови *къ печени* и наполненію ею въ излишествѣ. Чрезъ это печень увеличивается въ объемѣ и такимъ образомъ органъ, способствующій выдѣленію желчи—вещества необходимаго для пищеваренія—разростается. У много пьющихъ печень мало-по-малу превращается въ жировую массу. Это жировое перерожденіе печени причиняетъ смерть. Иногда у пьяницъ печень съеживается, сморщивается, какъ сушеный фруктъ; желудокъ наполняется водой; такую болѣзнь называютъ *циррозъ* печени—болѣзнь всегда смертельная. Въ печени образуются маленькіе камешки, которые называютъ желчными камнями, эти камни нерѣдко переходятъ по узкому каналу въ кишки и тогда причиняютъ страшныя страданія больному.

Алкоголь губительно дѣйствуетъ, наконецъ, на *почки*. Подъ вліяніемъ его почки принуждены работать сильнѣе.

Кровь въ нихъ пробѣгаетъ быстрѣе. Въ почкахъ пьяницъ образуется то же, что мы встрѣчаемъ и въ печени: камни, песокъ и жировое перерожденіе. *Альбуминарія* (образованіе бѣлка)—наиболѣе опасная болѣзнь почекъ, которую чаще всего развиваетъ алкоголь. Эта болѣзнь сначала обнаруживается тѣмъ, что отекаютъ ступни (наполняются водой), потомъ ноги, потомъ животъ и грудь. Больные задыхаются отъ воды, или же умираютъ въ конвульсіяхъ.

Дыхательныя движенія подъ вліяніемъ алкоголя становятся чаще и поверхностнѣе; иногда нарушается правильность дыхательнаго ритма. Алкоголь, выдѣляясь при дыханіи чрезъ легкія, вызываетъ измѣненіе самой ткани *легкихъ* и *бронховъ*; измѣняется дѣятельность железъ, а также происходитъ мѣстное измѣненіе кровообращенія, сопровождающееся припуханіемъ, разрыхленіемъ и утолщеніемъ слизистой оболочки дыхательныхъ путей,—при этомъ уменьшается просвѣтъ бронховъ, и дѣло можетъ дойти до затрудненія дыханія,—*обычный катарръ* дыхательныхъ путей у пьяницъ неизбѣженъ [1]).

Сказаннаго нами достаточно, чтобы съ наглядностью на основаніи данныхъ медицинской науки видѣть, что винный спиртъ и спиртные напитки вообще не улучшаютъ, а ухудшаютъ разнообразныя функціи человѣческаго организма, въ конечномъ итогѣ приводятъ человѣка къ разнаго рода болѣзнямъ, преступленіямъ, духовной и тѣлесной нищетѣ и вырожденію. Всѣ пьющіе спиртные напитки безъ исключенія страдаютъ отъ алкоголя, съ тою только разницею, что одни изъ нихъ погибаютъ скорѣе, а другіе способны, благодаря большей крѣпости своего организма, долѣе бороться съ разрушающимъ дѣйствіемъ яда. Всего сильнѣе страдаетъ *дѣтскій организмъ*; долѣе борется съ дѣйствіемъ этого яда

[1]) Въ изложеніи разрушительнаго дѣйствія алкоголя на организмъ человѣка мы пользовались сочиненіемъ проф. Казанскаго университета И. М. Догеля (Спиртные напитки, здоровье и нравственность", 1912 г.) и „Руководствомъ науки трезвости" Г. Ѳ. Маркова.

взрослый мужчина, легче поддается ему *женщина*. Слова нѣмецкаго поэта Шиллера, ведшаго неправильную жизнь:

„Капля по каплѣ
Лейте вино:
Жизнь оживляетъ
Только оно“,

слѣдуетъ понимать въ обратномъ смыслѣ: не оживляетъ оно нашу жизнь, а разрушаетъ ее, постепенно лишая ее всего, что ее скрашиваетъ и возвышаетъ. Ближе стоящій къ народу русскій поэтъ, вѣрнѣе постигшій пользу отъ алкоголя, говоритъ:

„Опомнись, воздержися!
Смотри—съ питья ты сталъ каковъ:
Распухъ, въ лохмотьяхъ весь, нѣтъ даже сапоговъ,—
Вино—твой первый врагъ; его ты берегися,
Возненавидь“!

Дѣйствительно, народу вино наноситъ бо́льшій вредъ, чѣмъ война, холера или чума; спиртные напитки постоянно находятся въ тѣсномъ союзѣ съ туберкулезомъ и сифилисомъ, такъ какъ алкоголь, сифилисъ и чахотка тайкомъ, не очень быстро, но непрерывно низводятъ ужасное количество людей въ могилу. „Алкоголизмъ, говоритъ извѣстный психіатръ И. А. Сикорскій, грозитъ народу преждевременнымъ вырожденіемъ. Онъ сложился за послѣднія десятилѣтія, когда алкоголь сталъ поступать въ организмъ человѣка въ сконцентрированномъ видѣ. Раньше, чтобы опьянѣть, надо было поглотить значительное количество опьяняющей влаги и въ общей массѣ вводимой въ организмъ жидкости алкогольный ядъ растворялся и не дѣйствовалъ такъ губительно, какъ дѣйствуетъ онъ теперь“. Прот. *М. Е.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Еще о „больномъ вопросѣ“.

(Окончаніе [1]).

Мы нарочно привели длинную выдержку изъ проповѣди Функе, чтобы читатель получилъ ясное представленіе о той проповѣди, которая, по мнѣнію о. Липскаго, является образцовой и художественной. Проповѣдь Функе какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ выраженному о. Липскимъ взгляду на церковную проповѣдь. Въ ней есть все, что должно быть въ проповѣди съ точки зрѣнія о. Липскаго: и художественность, и вѣяніе жизни, и одушевленіе, и т. п. Какъ же теперь намъ отнестись къ этой и подобной художественной проповѣди? О. Т. Андріевскій въ данномъ случаѣ, повидимому, расходится съ о. Липскимъ. Говорю: повидимому, такъ какъ мнѣ думается, что о. Т. не такъ уже настойчиво утверждаетъ, что въ проповѣди не нужно образныхъ возраженій и метафозъ и надо избѣгать заимствованій изъ постороннихъ источниковъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ вовсе не чуждается художественности; поэтому, не можетъ быть, чтобы онъ не придавалъ ей никакого значенія. Но однако несомнѣнно и то, что есть разница во взглядахъ по этому вопросу между о. Андріевскимъ и свящ. Липскимъ. По Липскому, проповѣдь — искусство, художественное творчество. По нему, художественность—conditio sine qua non жизненной проповѣди.

О. Тихонъ смотритъ на проповѣдь иначе. Не отрицая вполнѣ значеніи художественности въ проповѣди, онъ тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не согласенъ съ тѣмъ опредѣленіемъ проповѣди, какое даетъ о. Липскій. Съ его точки зрѣнія, проповѣдь не искусство и не художественное творчество. Она—дѣло Божіе. Его проповѣдь—проповѣдь апостоль-

---

[1]) См. № 46, за 1912 г.

ская. А апостолы, какъ говоритъ о. Т. въ своей повѣсти „Архіерей“ [1]), ничему не учили и не проповѣдывали въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляется у насъ. Они просто ходили по міру и разсказывали людямъ, что Жизнь явилась, и они возвѣщаютъ эту Жизнь. При этомъ слово ихъ вовсе не было похоже на слово ораторское: какъ выражается ап. Павелъ, они были „свидѣтелями“ о Христѣ Іисусѣ, и „свидѣтельство“ ихъ состояло „не въ превосходствѣ слова“ и „не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 2—4). Такова же, по мысли о. Андріевскаго, должна быть и современная проповѣдь по своему существу. Стало быть, для проповѣди художественность не самое главное. Гораздо важнѣе для нея, чтобы она по содержанію своему была на высотѣ своей задачи. Проповѣдь—не фельетонъ, не простое ораторство или декламація, а прежде всего благая вѣсть о жизни, принесенной людямъ Христомъ Спасителемъ. Поэтому она вовсе не необходимо должна быть художественной, а можетъ быть выражена и самымъ простымъ языкомъ. Слово о Христѣ и Его дѣлѣ могутъ предлагать слушателямъ и простецы-пастыри, даже и изъ „огородниковъ“, и пастыри, получившіе самое лучшее образованіе и владѣющіе даромъ художественной проповѣди.

Понятно, что въ томъ и другомъ случаѣ проповѣдникъ, чтобы сообщить своей проповѣди жизненный характеръ, долженъ прекрасно знать, о чемъ онъ говоритъ. Чѣмъ яснѣе и отчетливѣе представляетъ онъ все дѣло Христово, чѣмъ лучше онъ вникнулъ въ спасеніе, которое открыто Христомъ, тѣмъ проповѣдь его будетъ интереснѣе, жизненнѣе и плодотворнѣе. Только при отчетливомъ пониманіи самимъ проповѣдникомъ содержанія своей проповѣди сумѣетъ онъ вложить это пониманіе и въ своихъ слушателей, заинтересовать ихъ и заставить ихъ прислушиваться къ каждому слову, которое онъ произнесетъ. При этомъ чѣмъ меньше будетъ въ проповѣди

---

[1]) „Архіерей“, стр. 101. Казань, 1906 г.

разныхъ метафоръ и др. переносныхъ выраженій, тѣмъ лучше поймутъ слушатели то, что говоритъ проповѣдникъ. Вѣдь переносныя выраженія могутъ прояснять мысль только людямъ, получившимъ извѣстную степень развитія, а для остальныхъ они могутъ послужить только къ затемненію смысла сказаннаго. Въ тѣхъ же проповѣдяхъ, гдѣ идетъ рѣчь, напр., о спасеніи человѣка, такихъ метафоръ и вовсе не должно быть. Извѣстно вѣдь, какъ понятіе спасенія затемнено богословами. Всѣ они одинаково говорятъ о спасеніи, но спросите ихъ, что разумѣютъ они подъ этимъ спасеніемъ, и вы получите самые разнообразные отвѣты вплоть до самыхъ туманныхъ. Начните-ка вотъ теперь съ церковной каѳедры говорить о спасеніи, да уснастите свою проповѣдь разными метафорами, тутъ развѣ самый рѣдкій слушатель пойметъ, о чемъ вы говорите.

Конечно, о. Липскій говоритъ справедливо, что художественная проповѣдь можетъ создать наилучшее настроеніе у слушателей, но развѣ можно проповѣдникамъ ограничиваться созданіемъ однихъ только настроеній въ слушателяхъ? Развѣ не должны они въ концѣ концовъ сообщить послѣднимъ самую „тайну, отъ вѣка сокровенную“, открытую Христомъ, и показать, къ чему собственно ведутъ они рѣчь въ своихъ проповѣдяхъ? Не довольно ли ужъ теперь такихъ проповѣдей, которыя создаютъ настроеніе? Правда, у насъ, русскихъ, и такихъ-то проповѣдей немного раздается съ церковной каѳедры, но возьмемъ протестантскій Западъ: тамъ, пожалуй, всѣ проповѣди разсчитаны именно на то, чтобы создать настроеніе въ слушателяхъ. Могутъ-ли удовлетворять слушателей такія проповѣди? Посудите сами: вотъ вамъ изъ года въ годъ говорятъ проповѣди на разныя темы, но всѣ онѣ носятъ „зовущій“, „манящій“ характеръ. Не явится ли у васъ потребность узнать, куда это, наконецъ, зовутъ васъ и для чего зовутъ? Вотъ послѣдняго-то рода проповѣдь и есть та пропасть, о которой пишетъ о. Андріевскій. Понятное дѣло, что разъ въ подобной проповѣди будетъ предлагаться самая суть

дѣла, такъ и надо въ ней выложить эту суть безъ всякихъ обиняковъ. Вотъ, дескать, куда васъ, достолюбезные слушатели, зовутъ и вотъ что вамъ предлагаютъ! Образцы такой проповѣди можно найти у того же о. Андріевскаго въ его „Архіереѣ“. Тамъ помѣщено нѣсколько словъ, сказанныхъ архіереемъ. Одно изъ нихъ, между прочимъ, очень характерно для о. Андріевскаго. Это—рѣчь, произнесенная архіереемъ предъ открытіемъ миссіонерскихъ собесѣдованій со старообрядцами. Въ ней архіерей говоритъ на такую „отвлеченную“ тему, какъ „о грѣхѣ, проклятіи и смерти“, отъ которыхъ спасаетъ насъ христіанство. Нужно прочитать эту проповѣдь всю, чтобы видѣть, какъ въ устахъ архіерея эта отвлеченная тема сдѣлалась самой жизненной, самой животрепещущей. Вотъ отрывокъ изъ нея, гдѣ идетъ рѣчь о „грѣхѣ“:

„Спасеніе людей—великое дѣло, говорилъ архіерей. Христіанство тѣмъ и отличается отъ прочихъ религій, что ставитъ своею цѣлью спасеніе, возрожденіе людей. Христосъ называется Спасителемъ. Но понимаемъ ли мы, отъ чего именно спасаетъ насъ христіанство?

Я понимаю, когда во время пожара мнѣ кричатъ: „спасайся!“ Это значитъ, что если я сейчасъ же не вскочу и не убѣгу, то огонь доберется до меня и я сгорю, погибну. Тутъ нѣтъ мѣста и времени для разсужденій, а христіанство, вотъ уже девятнадцать вѣковъ, говоритъ человѣчеству: „спасайся“; послѣднее однако и не думаетъ двигаться съ мѣста. Равнодушно выслушиваетъ всѣ призывы ко спасенію и благодушно разсуждаетъ, размышляетъ, споритъ о томъ, что такое спасеніе и т. д. На крикъ „спасайтесь!“ вовсе никто не думаетъ вскочить, убѣжать, спастись... Отчего это?

Дѣло ясно: оттого, что никто, значитъ, не знаетъ объ опасности, отъ которой нужно бѣжать, спасаться, а если кто и говоритъ, что онъ знаетъ, но самъ не бѣжитъ, стоитъ на мѣстѣ,—то это значитъ, что опасность, по его мнѣнію, не на-

столько велика, чтобы отъ нея нужно было бѣжать. Не такъ ли?

Въ дѣйствительности оно такъ и есть. Хотя мы и знаемъ, что христіанство, говоря словами св. Писанія, спасаетъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, но знаемъ ли мы, что такое грѣхъ? Если бы знали, то не разсуждали бы о немъ благодушно.

Когда человѣкъ раненъ, онъ не благодушествуетъ, не разсуждаетъ, что такое рана. Онъ стонетъ, кричитъ, спѣшитъ избавиться отъ тѣхъ непріятныхъ, болѣзненныхъ ощущеній, которыя причиняетъ ему рана.

Отъ грѣховъ никто не стонетъ и не кричитъ, не спѣшитъ отъ нихъ избавиться. О грѣхахъ только „сокрушаются“, „воздыхаютъ“, „каются“ и снова творятъ грѣхи. Что это значитъ?

Это значитъ, что, по понятію людей, грѣхъ есть „запрещенный плодъ“, который, однако, самъ по себѣ имѣетъ тайную прелесть, соблазняетъ человѣка, доставляетъ ему удовольствіе, а порой и жгучее наслажденіе.

Тотъ, кто еще признаетъ Бога, творя грѣхъ, чувствуетъ укоры совѣсти, происходящіе отъ сознанія того, что онъ нарушилъ волю Божію, потому что Богъ запрещаетъ творить грѣхъ. А тотъ, для кого безразлично, есть Богъ, или нѣтъ Его,—тотъ творитъ грѣхъ, не чувствуя никакихъ укоровъ совѣсти. У перваго слишкомъ слабое побужденіе бѣжать, спасаться отъ грѣха,—у второго совсѣмъ нѣтъ никакой причины лишать себя тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ грѣхъ. Такимъ образомъ и тотъ, и другой продолжаютъ творить грѣхъ. И грѣхъ продолжаетъ царствовать въ мірѣ, а призывъ христіанства ко спасенію отъ грѣха остается пустымъ звукомъ“...

Между тѣмъ, если бы люди знали, что такое грѣхъ на самомъ дѣлѣ, они не стали бы такъ равнодушно относиться къ призыву христіанства „спасаться отъ грѣха“. Они по-

няли бы тогда, что грѣхъ не—нѣчто соблазнительное, хотя и преступное, а самый страшный врагъ ихъ.

Вѣдь „грѣхъ это—тѣ недостатки, изъяны въ человѣкѣ и въ его жизни, которые можетъ видѣть каждый изъ насъ.

Грѣхъ это—лысая или плѣшивая голова, гнилые зубы, трясущіяся руки, потливыя ноги, блѣдное, худое или наоборотъ—ожирѣвшее, осунувшееся лицо, впалая грудь, синева подъ глазами, испорченное зрѣніе, тупой слухъ, гнусавый, шепелявый или картавый языкъ, испорченное пищевареніе, большой животъ, разстроенная половая система, неправильное кровообращеніе и т. д. и т. д.

Грѣхъ это—слабая память, тупой умъ, извращенный вкусъ, плохая трудоспособность, отсутствіе иниціативы, слабосиліе и всякая фальшивость вездѣ и во всемъ.

Грѣхъ это—вялая, неуклюжая походка, безсвязная рѣчь, сиплый голосъ, безсмысленный взглядъ, глупая улыбка, сонливый видъ, отвратительныя манеры, непріятный, безобразный видъ, уродливое тѣлосложеніе и т. д. Грѣхъ это—хамство, мѣщанство; это—та заѣдающая человѣка среда, которая принижаетъ его, обезличиваетъ, губитъ въ немъ лучшія его стороны.

Грѣхъ это—всякая ненормальность, неправильность въ ходѣ жизни человѣка; всякая остановка въ его развитіи; это дисгармоніи въ человѣческой природѣ; все то, что ведетъ человѣка къ медленному умиранію, къ маразму, къ умственному, нравственному и физическому вырожденію.

Грѣхъ, далѣе, это—насморкъ, кашель, лихорадка, геморрой, чахотка, холера, дифтеритъ, однимъ словомъ, всякая болѣзнь, подтачивающая здоровье человѣка.

А такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ человѣка обсолютно здороваго, совершеннаго, то поэтому и говорится, что всѣ мы грѣшны передъ Богомъ.

Вотъ что такое грѣхъ съ точки зрѣнія истиннаго пониманія христіанства.

Этотъ грѣхъ у всѣхъ передъ глазами, и всякій имѣетъ возможность разобраться въ томъ, кто, какъ и чѣмъ грѣшенъ. Тутъ нѣтъ мѣста никакому фарисейству и ханжеству. Этотъ грѣхъ всѣми признается и сознается. Никто не вздумаетъ соблазняться и прельщаться имъ. Наоборотъ, всѣ ищутъ отъ него спасенія, и только немногіе догадываются, что отъ этого-то именно грѣха и спасаетъ людей христіанство... [1])

Проповѣдь „Архіерея"—проповѣдь самого о. Т. Андріевскаго. Она—воспроизведеніе проповѣди послѣдняго не только по содержанію, но и по формѣ. Мнѣ пришлось слышать двѣ—три проповѣди о. Андріевскаго, и я долженъ сознаться что онѣ производятъ поражающее впечатлѣніе. Объ одной изъ нихъ было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ, и не съ цѣлью осмѣять, а именно потому, что она показалась чѣмъ-то ужъ слишкомъ необычнымъ. Помнится, рѣчь шла въ ней о современномъ невѣріи и о томъ, какъ съ нимъ быть. Проповѣдникъ развивалъ въ ней мысль, что невѣріе связано, между прочимъ, съ состояніемъ человѣческаго организма и является болѣзнью, болѣзнью не только „своего рода", но и въ собственномъ смыслѣ... Я знаю, т. к. самъ видѣлъ, что ни одинъ изъ слушателей не повернулся и не вышелъ изъ церкви во все время, пока продолжалась проповѣдь. Напротивъ, всѣ слушали ее съ величайшимъ вниманіемъ, а потомъ долго, долго еще обсуждали взглядъ, проведенный въ проповѣди. Эта проповѣдь говорилась предъ интеллигентными слушателями, а что дѣлаетъ о. Андріевскій у простыхъ слушателей! это нужно видѣть, чтобы оцѣнить... Тутъ онъ совершаетъ настоящія чудеса, какія и не снились другимъ проповѣдникамъ. Впрочемъ, боюсь продолжать далѣе объ этомъ, такъ какъ едва-ли удобно говорить обо всемъ при жизни о. Андріевскаго, тѣмъ болѣе, что могу отклониться далеко въ сторону...

Так. обр., подводя итоги всему сказанному, слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ относительно проповѣди: проповѣдь

[1]) „Архіерей", с. 188—189; 192—194.

цѣнна не своею художественостью, а главнымъ образомъ своимъ особеннымъ содержаніемъ. Она по существу своему должна быть проповѣдью о томъ, что составляетъ самое важное для человѣка—проповѣдью о спасеніи. Это—основное содержаніе проповѣди, и въ этомъ оригинальность и самобытность церковнаго слова, ставящія его неизмѣримо выше обыкновенныхъ рѣчей. Благодаря этому своему содержанію, проповѣдь, произнесенная съ церковной каѳедры, носитъ строго церковный характеръ, такъ какъ содержаніе свое получаетъ не изъ какихъ-либо постороннихъ источниковъ, вродѣ произведеній свѣтской художественной литературы или философскихъ сочиненій, а исключительно изъ твореній церковныхъ. Посторонніе источники могутъ быть привлекаемы проповѣдникомъ, но съ осторожностью и лишь въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ. Думается, что только въ тѣхъ, которые произносятся передъ слушателями развитыми, и послѣ того, какъ послѣдніе уже получатъ нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ сущности вѣры. Притомъ, и въ этихъ случаяхъ никогда не нужно забывать главнаго содержанія проповѣди, которое должно быть строго церковнымъ. Положимъ, проповѣдникъ хочетъ раскрыть въ своей проповѣди мысль о необходимости благодати Божіей. Чтобы проповѣдь его имѣла жизненный интересъ, онъ, конечно, долженъ отправляться отъ фактовъ жизни, а не ссылаться въ данномъ случаѣ на текстъ св. Писанія, какъ это часто дѣлается проповѣдниками. Тексты часто ничего не говорятъ ни уму, ни чувству слушателя. А вотъ если взять какой-нибудь жизненный фактъ, да показать на этомъ фактѣ необходимость обращенія къ благодати Божіей,—тогда будетъ дѣло другое. Тогда слушатель сразу пойметъ, въ чемъ дѣло. Тутъ-то вотъ, но только предъ интеллигентной публикой, и можно привести примѣръ изъ художественной литературы, если кому захочется. Можно, напр., взять разные типы „падшихъ“ людей, выведенныхъ въ литературѣ, и на нихъ показать всю недостаточность естественныхъ силъ и необходимость силы Божествен-

ной для спасенія и возстановленія человѣка. Или пусть проповѣдникъ говоритъ о значеніи вѣры для человѣка и о плодотворныхъ дѣйствіяхъ ея на всю его жизнь. Опять таки и здѣсь онъ можетъ съ удобствомъ воспользоваться литературными примѣрами дѣйствія вѣры на человѣка, но эти примѣры должны быть только иллюстраціями, а не занимать всего содержанія проповѣди.

Думается, что теперь понятно, какова должна быть проповѣдь, о чемъ въ ней говорить, и что составляетъ самое существенное, безъ чего проповѣдь теряетъ свой характеръ проповѣди и превращается во что угодно, но только не въ собственно церковное слово. Думается также, что для читателя стало яснымъ и то, на что нужно каждому проповѣднику обращать свое вниманіе при подготовкѣ къ своей проповѣднической дѣятельности: онъ долженъ, прежде всего, самымъ наилучшимъ образомъ изучить то, чему онъ будетъ учить другихъ; онъ долженъ самъ отчетливѣйшимъ образомъ понять смыслъ дѣла Христова, значеніе христіанства, отношеніе его къ жизни человѣческой, и усвоить себѣ все это не такъ, какъ это дѣлается въ школахъ, т. е. не заучить одни слова, фразы, даже мысли, а именно охватить домостроительство нашего спасенія въ его цѣломъ, углубиться въ него, ощутить его, пережить его въ себѣ и прослѣдить на жизни. Только тогда онъ не будетъ предлагать своимъ слушателямъ общія слова и мысли, ничего не выражающія, только тогда его слово не будетъ кимваломъ бряцающимъ, не находящимъ себѣ никакого отзвука, и только тогда польется изъ устъ его животворное слово, къ которому всѣ потекутъ, чтобы узнать о „жизни“, возвѣщаемой проповѣдникомъ, и научиться получать эту „жизнь“ у Источника жизни...

Е. Х.

Зерно Божіе. [1])

„Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ“ (Іоан. 12, 24).

Какъ мало словъ,—какъ много мыслей въ этой притчѣ Христовой!

Пало зерно на землю, цѣла его оболочка, сокрыта въ немъ жизнь, а плода нѣтъ,—зерно одно и одиноко. Въ землѣ разрушилась оболочка, — нѣтъ прежняго зерна,—появилась новая жизнь,—сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ (Марк. 4, 38),—зерно умерло—и принесло много плода.

Сходитъ съ небесъ на землю хлѣбъ жизни—Христосъ (Іоан. 6, 51).

Вокругъ Него—множество народа,—но какъ часто среди многолюдства Онъ—одинъ и одинокъ!

Враги строятъ козни; толпа измѣнчива къ Учителю; близкіе не понимаютъ Его.

Онъ схваченъ врагами,
Покинутъ друзьями,
Отверженъ толпой;
Простертъ на Голгофѣ,
Съ креста бездыханный
Положенъ во гробъ.

---

[1]) Слово, произнесенное 8-го сентября 1912 года, въ день Рождества Пресвятой Богородицы и въ 1-ю годовщину погребенія перваго министра—Петра Аркадьевича Столыпина, въ г. Казани, въ домѣ Воротникова, на углу Верхне-Федоровской и Бассейной улицъ,—предъ панихидой о почившемъ и молебствіемъ Спасителю, Божіей Матери и Св. Іоанну Богослову предъ открытіемъ Національнаго Клуба. На молебнѣ читано Евангеліе—молитва Спасителя о единеніи вѣрующихъ (Іоанна глава 17, ст. 18—26).

Можетъ быть предложено въ качествѣ чтенія на религіозно-патріотическомъ собраніи. *Ред.*

Но „яко живоносецъ, яко рая краснѣйшій, воистину и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій, Христе, гробъ Твой, источникъ нашего воскресенія“ [1]). Нетлѣнная жизнь изъ гроба радуетъ мироносицъ, обновляетъ апостоловъ, оживляетъ вселенную.

Зерно [2]) жизни умираетъ—
И приноситъ многій плодъ.

Является на Руси вѣрный рабъ Божій, доблестный слуга Царскій, великій сынъ отчизны, соименникъ перваго изъ апостоловъ. Вокругъ него—люди, дѣла, заботы, скорби, „и думы дня, и ночи бдѣнья“ [3]).

Тамъ буря страстей, точно море, реветъ,
Тамъ злоба подчасъ, словно вѣтеръ, все рветъ [4]).
Сколько лживыхъ фразъ, надуто либеральныхъ,
Сколько пестрыхъ партій, мелкихъ вожаковъ,
Личныхъ обличеній, колкостей журнальныхъ,
Маленькихъ торжествъ и маленькихъ божковъ!
Сколько самолюбій глубоко задѣто,
Сколько устъ клевещетъ, жалитъ и шипитъ,
И вокругъ, какъ прежде, сумракъ безъ просвѣта,
И, какъ прежде, жизнь и душитъ и томитъ [5]).
Среди такихъ житейскихъ волнъ
Какъ часто—одинока
Душа великая твоя,
Нашъ кормчій свѣтлоокій!
Одни кричатъ тебѣ: „назадъ“!
„Лишь въ старомъ—все спасенье“!

---

[1]) Часы св. Пасхи.
[2]) По славянски „зе́рно“.
[3]) А. Толстой—„Іоаннъ Дамаскинъ“.
[4]) Еп. Гермогенъ—„Житейское море“.
[5]) Надсонъ, СПБ. 1900. стр. 171.

Другіе: „Правь скорѣй впередъ,
„Впередъ безъ замедленья“!
А ты поставленъ отъ Царя
Для ихъ *объединенья.*
Не можешь ты служить *однимъ*,—
Для *всѣхъ*—твое правленье.
И вотъ раздался выстрѣлъ злой,—
Твоя сломилась сила.
Десница вѣрная твоя
Царя перекрестила.
Ты Плоть и Кровь Христа вкусилъ
Въ надеждѣ жизни вѣчной;
Орлиный взоръ навѣкъ смежилъ
Нашъ витязь безупречный.
И нынѣ—годъ, какъ Кіевъ нашъ
Въ землѣ своей священной
Сокрылъ чертогъ своей души,
Навѣки незабвенный.
И смерть твоя, какъ Божій громъ,
Россію пробудила.
Очнулась русская душа,
Раздоры позабыла.
Твой гробъ и нынѣ намъ гласитъ
Завѣтъ твой неизмѣнный:
„*Трудитесь, русскіе друзья,*
На нивѣ обновленной.
Любите Бога, Русь, Царя.
Отнынѣ да сіяетъ
У васъ въ сердцахъ любви заря
И всѣхъ объединяетъ“.
Зерно разрушилось въ землѣ,
Но плодъ его обиленъ,—
Въ душахъ, въ устахъ, въ домахъ, въ селѣ,—
Вездѣ, гдѣ русскій силенъ!

Примите жъ, добрые друзья,
И наше наставленье:
Мы за болярина Петра
Всѣ вознесемъ моленье,
Да упокоитъ нашъ Господь
Въ селеніяхъ блаженныхъ
Его безсмертный духъ; а насъ,
Любовью озаренныхъ,
Да вразумитъ, благословитъ,
Намъ путь укажетъ правый,
И всѣ языки примиритъ
Съ Россійскою державой.
Да изберемъ въ совѣтъ Царю
Мужей ума, терпѣнья,
Великой вѣры, устъ златыхъ,
Любви, труда, смиренья.
Царица неба и земли,
Пречистая Марія,
Въ Свой день да укрѣпитъ и насъ
На всѣ дѣла благія.
Христовъ апостолъ Іоаннъ,
Любви учитель, снова
Да возгласитъ святое слово:
„Да вся едино будутъ въ Насъ,
Мой Отче всесвятѣйшій,
Да разумѣютъ, яко Азъ—
Посланникъ Твой сильнѣйшій“.

„Творче и создателю всяческихъ, Боже! дѣла рукъ нашихъ, къ славѣ Твоей начинаемая, Твоимъ благословеніемъ спѣшно исправи, и насъ отъ всякаго зла избави, яко Единъ Всесиленъ и Человѣколюбецъ [1]). Буди, Господи, милость Твоя

[1]) Іерейскій молитвословъ. Тропарь изъ службы о призываніи о помощи.

на насъ, якоже уповахомъ на Тя! На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки! Аминь".

Свящ. *А. Воронцовъ.*

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала:

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ"

въ 1913 подписномъ году.

Въ **54** году своего существованія журналъ нашъ будетъ преслѣдовать свою всегдашнюю цѣль—содѣйствіе православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной дѣятельности. Для этого журналъ будетъ давать статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни, по изъясненію Св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ, выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней; обзоръ періодической печати (въ 1913 г. будетъ введенъ также обзоръ газетныхъ статей, касающихся церковныхъ вопросовъ) и новыхъ книгъ богословско-религіознаго содержанія; свѣдѣнія по пчеловодству, садоводству, сельскому хозяйству и медицинѣ; разсказы изъ быта духовенства, а также (въ ежемѣсячномъ приложеніи „Проповѣди") поученія на всѣ воскресные и праздничные дни.

Особенное вниманіе Редакція обратитъ на изложеніе и христіанское освѣщеніе событій современной церковной и общественной жизни и на обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на мѣстахъ, въ епархіяхъ, и выдвигаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Кромѣ того, для установленія болѣе живой связи съ подписчиками Редакція приглашаетъ послѣднихъ обращаться къ ней за разрѣшеніемъ возникающихъ у нихъ недоразумѣній и открываетъ въ своемъ журналѣ *новый отдѣлъ—отвѣты на вопросы подписчиковъ*. И вообще Редакція съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ **три** тома; изъ 12 книжекъ

„Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библіографическаго Листка“.

Сверхъ того, въ 1913 году, въ качествѣ особаго безплатнаго приложенія, Редакція дастъ подписчикамъ „Церковно-пѣвческій сборникъ“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ рублей**, за границу **8 р.**

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября м. 1913 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на ½ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го ноября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 48.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 25-го ноября.

Содержаніе: I. Грамата патріарха Константинопольскаго Анѳима о запрещеніи священнослуженія митрополиту Амвросію.—II. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—III. Всероссійскій Съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. (Окончаніе). Прот. М. Е.—IV. Спутницы.—V. Объявленіе объ изданіи „Р. д. с. п.“ въ 1913 году.

Грамата патріарха Константинопольскаго Анѳима о запрещеніи священнослуженія митрополиту Амвросію.

Старообрядцы, принимающіе такъ называемое „австрійское“ или „Бѣлокриницкое“ священство, происшедшее отъ бѣглаго греческаго митрополита Амвросія, увѣренно думаютъ, что ихъ священство законно и правильно. Въ этомъ ихъ стараются увѣрить и начетчики и „заправилы“ старообрядчества—различные купцы Сироткины, Брилліантовы, Пуговкины, Морозовы и другіе. Старообрядческіе же лжеархіереи, какъ люди совершенно необразованные и темные, не спо-

собны разъяснить истину и отличить ложь отъ неправды, идутъ туда, куда ведетъ за собой ихъ всесильное, по капиталу, старообрядческое купечество. Къ сожалѣнію, какъ начетчики, такъ и „заправилы“ раскола старательно скрываютъ отъ простого народа, что митр. Амвросій, отъ котораго началось „австрійское—бѣлокриницкое“ священство, былъ запрещенъ въ священнодѣйствіи патріархомъ Константинопольскимъ Анѳимомъ, и это запрещеніе вновь было подтверждено Анѳимомъ *за двѣ недѣли до принятія* старообрядцами-раскольниками митр. Амросія.

Вотъ грамата патр. Анѳима.

„Анѳимъ, Божіею милостію Архіепископъ Константинопольскій, Новаго Рима и Вселенскій патріархъ.

Святѣйшему Правительствующему Всероссійскому Синоду, возлюбленнѣйшему о Христѣ и вожделѣннѣйшему Брату и Сослужителю нашей мѣрности о Господѣ радоватися.

Какъ мать, преклоняющаяся подъ бременемъ скорбей, воздвизается на гласъ царственной своей Дщери, украшенной свѣтлымъ вѣнцемъ, такъ многострадальная духовная мать православныхъ, Великая Христова Церковь восторглась священною радостію, получивъ святительское и драгоцѣнное посланіе Ваше отъ 30-го минувшаго іюня мѣсяца... Такъ какъ предметъ честнаго Вашего посланія главнымъ образомъ есть переѣздъ въ Буковину [1]) Архіерея Амвросія, прежде бывшаго Боснійскаго, и его соблазнительное и незаконное тамъ пребываніе, то мы предварительно доносимъ братской Вашей любви, что какъ скоро узнано было здѣсь о его отъѣздѣ и совершенномъ исчезновеніи,—Церковь сильно встревожилась, отчасти мыслію, не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія, а отчасти представленіемъ политическихъ обстоятельствъ, дѣлала тщательныя о немъ изслѣдованія во многихъ мѣстахъ, близкихъ и отдаленныхъ, пока,

[1]) Монастырь „Бѣлая Криница“, куда пріѣхалъ митр. Амвросій, находился въ Буковинѣ—австрійской провинціи (губерніи).

наконецъ, не узнали отъ единоплеменныхъ намъ купцовъ, которыхъ спросили объ этомъ, что онъ ушелъ въ Австрію и находится близъ Вѣны. Кажется, онъ недоволенъ былъ тѣмъ, что немедленно, по вступленіи своемъ на святѣйшій патріаршій престолъ, мы, между прочимъ, узаконили, чтобы епархіальные архіереи, вопреки правиламъ, не предпринимали переѣздовъ, хотя-бы что и случилось: равнымъ образомъ, чтобы лишившіеся своихъ епархій во время Святѣйшихъ нашихъ предшественниковъ, какъ и упомянутый Архіерей, получали приличную для содержанія пенсію. Сначала Церковь смотрѣла на его бѣгство просто какъ на отступленіе отъ порядка и почитала его тѣмъ болѣе виновнымъ, *что онъ* (Амвросій) *былъ подъ запрещеніемъ ему священнодѣйствовать,* но послѣ, узнавъ объ немъ, писала отъ *13 октября 1846 года* Святѣйшему Собрату нашему, Митрополиту Карловицкому, *дабы онъ запретилъ ему священнодѣйствовать* [1]) и убѣдилъ его возвратиться сюда. Такія же мѣры употреблены были съ нашей стороны и въ другой разъ; по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, именно 12 марта 1847 года, мы опять писали. Но послѣ всего этого, не получивъ никакого отвѣта на письма, Церковь по слуху только узнала о религіозныхъ его уклоненіяхъ, *о дерзкомъ злоупотребленіи Архіерейскимъ саномъ и особенно о томъ, что онъ рукополагаетъ людей недостойныхъ и неиспытанныхъ въ благочестіи* [2]). Тогда и ему самому было написано увѣщаніе съ угрозой и изложеніемъ тѣхъ правилъ, которыя онъ нарушилъ. Упомянуто было также и о наказаніяхъ, которымъ подвергнется какъ онъ, такъ и рукоположенные имъ, если онъ не опомнится и не обратится къ Церкви съ покаяніемъ. Кромѣ того писано было въ третій разъ и упомянутому собрату Митрополиту Карловицкому и изложено то же самое; при чемъ приложено было особенное письмо отъ

---

[1]) Запрещеніе послано было за двѣ недѣли до принятія Амвросія въ расколъ, которое было сдѣлано 28 октября 1846 г.

[2]) Какъ, напримѣръ, Климоуцкій дворникъ Кипріянъ Тимоѳеевъ возведенный Амвросіемъ *беззаконно* въ санъ архіерея.

30 августа и къ самому Амвросію Боснійскому. Таковы были распоряженія Церкви касательно убѣжавшаго Архіерея, *когда она еще не знала, что онъ уклонился къ нашимъ противникамъ*. Но теперь она не оставитъ безъ вниманія дѣйствій, входящихъ въ кругъ ея заботливости; она накажетъ низложеніемъ и его и рукоположенныхъ имъ... 1847 года сентября 13-го и Подпись патріарха Анѳима.

(Дѣло Св. Синода по II отдѣленію Секретной Экспедиціи № 16 Сдаточной описи—стола, № 2650 Архивной описи. Началось 10 марта 1847 г. Кончено 31 декабря 1847 г. На сорока трехъ листахъ).

Изъ приведенной грамоты патріарха видно, что митр. Амвросій былъ запрещенъ въ священнодѣйствіи еще до его бѣгства, а потомъ это запрещеніе было подтверждено 13 окт. 1846 г. за двѣ недѣли до принятія Амвросія чрезъ кощунственное миропомазаніе въ расколъ. Такимъ образомъ раскольники-старообрядцы приняли уже *запрещеннаго митрополита*, а отъ запрещеннаго, какъ знаютъ и сами старообрядцы, не можетъ быть *законнаго* и спасительнаго для людей священства (Донскія Епарх. Вѣд.).

Ставропольскій противораскольническій епархіальный миссіонеръ священникъ *Михаилъ Виноградовъ*.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Практичный и дешевый способъ окраски желѣзныхъ крышъ.

Извѣстно, какъ дорого обходится окраска желѣзныхъ крышъ масляными красками. Въ виду этой дороговизны, техникъ Поповъ въ „В. Курск. З.“ предлагаетъ воспользоваться для желѣзныхъ крышъ очень дешевой и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ практичной цементной краской, которая приготовляется слѣдующимъ способомъ. Обыкновенный портландскій цементъ

хорошаго качества растворяется въ водѣ, въ количествѣ 7—10 фунтовъ цементу на одно ведро воды. Послѣдняя должна быть свободна отъ солей, для чего лучше всего брать воду дождевую. Цементъ подсыпается въ воду постепенно, при чемъ растворъ этотъ все время тщательно размѣшивается большой малярной щеткой. Вотъ и все изготовленіе краски. Окраску лучше всего производить послѣ дождя, когда крыша свободна отъ пыли и грязи, и подъ вечеръ, или вообще не въ жаркій день, т. к. иначе вода на раскаленной крышѣ быстро испарится и цементъ не соединится съ желѣзомъ. Если эти условія будутъ соблюдены, то цементъ прочно соединится съ ржавчиной и желѣзомъ и получится плотный слой, отлично предохраняющій крышу отъ порчи. Пока цементъ не засохнетъ, цвѣтъ крыши будетъ не ровный, темно-сѣрый, довольно некрасивый, но, высохнувъ, крыша пріобрѣтаетъ ровный и пріятный для глазъ матовый свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Черезъ годъ или два окраску надо повторить и тогда она уже будетъ держаться сряду много лѣтъ. О дешевизнѣ этой покраски можно судить по тому, что однимъ пудомъ портландскаго цемента, стоющимъ 40—50 коп., можно окрасить отъ 10—15 кв. сажень. Значитъ, окраска 1 кв. сажени обходится отъ 4 до 5 коп. Окрашенная такимъ способомъ крыша, по словамъ Попова, течи не допускаетъ, т. к. цементъ образуетъ на желѣзѣ плотную пленку (Москов. Еп. Вѣд. № 26).

Открытіе въ области богословія.

Западный католическій ученый Іосифъ Дальманъ, основываясь на найденныхъ древне-индійскихъ надписяхъ и монетахъ, съ несомнѣнностью установилъ, что въ Индіи въ 26—60 годахъ по Р. Хр. царствовалъ Гундафаръ, принадлежавшій къ парфяно-индійской династіи. Это открытіе важно потому, что имъ подтверждается историческій характеръ повѣствованія „Дѣяній Ап. Ѳомы“ (См. Четьи-Миней 6 окт.), которое полно подробностей тоже о Гундафарѣ, царѣ Индій-

скомъ, принявшемъ христіанство. Гундафаръ, какъ передаютъ „Дѣянія", посылаетъ одного купца въ Сирію, чтобы тамъ найти искуснаго архитектора для построенія въ Индіи царскаго дворца. Купецъ встрѣчается въ Іерусалимѣ со Христомъ, Который и посылаетъ въ Индію Ап. Ѳому, какъ опытнаго архитектора. Этотъ апостолъ, прибывъ въ страну Гундафара, получаетъ отъ него богатыя средства на постройку, которыя и раздаетъ бѣднымъ, чтобы такимъ путемъ устроить царю небесный дворецъ. Царь, увидѣвъ во снѣ этотъ небесный дворецъ, принимаетъ крещеніе. Таково повѣствованіе „Дѣяній", и нѣтъ сомнѣнія, что открытыя индійскія надписи говорятъ о томъ-же самомъ Гундафарѣ и, такимъ образомъ, подтверждаютъ существованіе христіанства въ Индіи въ апостольское время. Такъ какъ Индія скоро послѣ проповѣди Ап. Ѳомы сдѣлалась средоточіемъ буддизма, то неудивительно, что послѣдній заимствовалъ изъ христіанства многія идеи и усвоилъ себѣ. Самая книга І. Дальмана, гдѣ подробно изложено его открытіе, носитъ названіе: Die Thomaslegende und die ältesten Beziehungen des Christenthums zum Fernen Osten". Издана она Гердеромъ въ Фрейбургѣ и стоитъ 3 марки—1 руб. 40 коп.

Шайка евреевъ лже-монаховъ.

Эта шайка оперировала въ разныхъ городахъ Россіи, преимущественно крупныхъ—въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и др., болѣе трехъ лѣтъ. Полиція употребляла всѣ средства къ поимкѣ ея членовъ, слѣдя за ними по разнымъ городамъ Россіи и даже Европы, но все было напрасно. Главарь шайки Янкель Уманскій однажды чуть было не попался въ Парижѣ; однако успѣлъ счастливо скрыться. Мошенники разъѣзжали вездѣ въ качествѣ настоятелей монастырей или „странствующихъ миссіонеровъ", посѣщали дома богатыхъ купцовъ и разныхъ благотворителей и собирали большія средства въ пользу якобы монастырей и церквей. Смѣлость, апломбъ, обиліе орденовъ на груди,—все это

подкупало довѣрчивыхъ людей въ пользу шарлатановъ, и еще недавно въ Кіевѣ жертвой этой шайки оказался одинъ богатый сахарозаводчикъ, пожертвовавшій 200.000 рублей на вновь строющійся въ Сибири монастырь съ условіемъ вѣчнаго поминовенія. Мошенники попались благодаря случайности. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ агентъ полиціи прочелъ сообщеніе о прибытіи въ Маріуполь „помощника“ католикоса всѣхъ армянъ, слѣдующаго въ Петербургъ. Снесясь по телеграфу съ Петербурской полиціей, агентъ понялъ, что „помощникъ“ католикоса—личность крайне подозрительная и принялъ мѣры къ задержанію его. Но „помощникъ“ католикоса тоже не зѣвалъ и, почуявъ опасность, быстро уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ ближайшій дачный поселокъ, гдѣ и поселился. Однако тутъ онъ былъ арестованъ и вмѣстѣ съ нимъ семь человѣкъ лжемонаховъ, изъ которыхъ пятеро оказались евреями: Маргулисомъ, Уманскимъ, Зильберманомъ (фамиліи остальныхъ двухъ не установлены). При арестованныхъ нашлись разные документы и книги, изъ которыхъ видно, что шайка за время своей работы собрала болѣе милліона рублей путемъ обмана и одураченія людей. Арестованные заключены въ Кіевскую тюрьму (Смол. Епар. Вѣд. № 15.). *Б.*

Всероссійскій Съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ.

(Окончаніе [1]).

Послѣ всего высказаннаго на Съѣздѣ и въ литературѣ людьми науки и практическими дѣятелями о гибельномъ вліяніи на душу и тѣло человѣка алкоголя, предъ нами невольно встаетъ великій вопросъ: въ чемъ и гдѣ искать спа-

[1]) См. № 47, за 1912 г.

сенія отъ этого страшнаго яда, именуемаго въ просторѣчіи *зеленымъ зміемъ*?

Недавній противоалкогольный Съѣздъ въ Москвѣ въ своихъ многочисленныхъ засѣданіяхъ выработалъ цѣлый рядъ практическихъ мѣръ для борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ. Въ основу этихъ мѣръ положены религіозно-нравственныя начала. Ежедневный опытъ жизни показываетъ, что ни свѣтскія попечительства о народной трезвости, лишенныя религіозныхъ устоевъ, ни просвѣщеніе, ни улучшеніе матеріальнаго быта трудящихся массъ—ничто само по себѣ не въ силахъ избавить отъ пагубнаго пьянства: успѣшная борьба съ алкоголизмомъ можетъ быть достигнута только на началахъ религіи Христовой. Наилучшимъ выраженіемъ борьбы съ алкоголизмомъ на началахъ религіозно-нравственныхъ являются, по мнѣнію Съѣзда, *братства и общества трезвости* при сельскихъ и городскихъ церквахъ и монастыряхъ. Здѣсь мы достигли того пункта, на которомъ слѣдуетъ подольше остановиться. Учрежденіе обществъ трезвости на началахъ религіозныхъ составляетъ одно изъ могущественныхъ средствъ для борьбы за трезвость и потому очень желательно, чтобы эти общества учреждались при каждой Церкви подъ предсѣдательствомъ самого священника. Эти общества даютъ священнику возможность сплотить во едино членовъ прихода, такъ или иначе готовыхъ къ воздержанію отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, создать живой примѣръ и образъ жизни трезвенный и чрезъ это привлекать сюда и охранять здѣсь предававшихся до сего спиртнымъ возліяніямъ. Благодѣтельное значеніе этихъ обществъ для алкоголиковъ понять не трудно. Кто не знаетъ, какъ слабъ бываетъ самъ неумѣренно пьющій человѣкъ и какому соблазну подвергается онъ отъ прежнихъ компаніоновъ и товарищей по винопитію!

Въ сообществѣ, особенно такомъ, которое основано на религіозныхъ началахъ, съ друзьями трезвости легче выдержать и соблазны, и насмѣшки старыхъ пріятелей, и преодолѣть страсть свою, такъ какъ здѣсь надежда не на свои

только силы, а на помощь Божію. Общества эти возникли по почину духовенства въ концѣ 50-хъ годовъ, и тамъ, гдѣ дѣло ведется съ усердіемъ и умѣньемъ, они самымъ дѣломъ показываютъ не только свою цѣнную плодотворность, но и полную пригодность въ томъ отношеніи, что народъ самъ ищетъ и съ радостію находитъ въ нихъ убѣжище отъ удручающей его пьяной жизни. Достойны особеннаго при этомъ вниманія слова одного ученаго врача (Веньямина Рюса), который говоритъ: „Я принужденъ вѣрить, что на пьянство можно дѣйствовать только религіею! Человѣческія средства, какъ я убѣдился изъ многолѣтняго опыта, ни къ чему не приводятъ“ (см. Апостолы трезвости изд. Алекс.-Нев. Общ. трез. Петербургъ, стр. 13). Какъ на образцовое и наиболѣе широко поставленное общество трезвости въ Москвѣ можно указать на Даниловское Общество, составляющее отдѣленіе 1-го Московскаго Общества, основанное на чисто религіозныхъ началахъ и руководимое священникомъ о. Лукою Любимовымъ.

Въ виду важности трактуемаго нами вопроса я позволю себѣ подробнѣе остановиться на трезвенной дѣятельности о. Луки Любимова, сдѣлавшаго на Съѣздѣ обширное сообщеніе о постановкѣ трезвеннаго дѣла въ его Обществѣ.

Во главу угла своей дѣятельности по борьбѣ съ винопитіемъ о. Любимовъ полагаетъ *молитву*. При помощи нѣсколькихъ сотрудниковъ, онъ по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собираетъ своихъ трезвенниковъ въ чайную, гдѣ совершаетъ всенародное молебное пѣніе Спасителю, Божіей Матери, Крестителю Господню Іоанну, Святителю Николаю, мученику Вонифатію, Сергію Радонежскому и др. Здѣсь всѣ трезвенники, какъ одинъ человѣкъ, едиными устами и единымъ сердцемъ съ умиленіемъ славятъ и воспѣваютъ Тріединаго Бога и Его св. угодниковъ и тѣмъ низводятъ на себя и свое семейство благословеніе и милость Божію. Это *всенародное пѣніе* есть наилучшій способъ привлекать народъ къ участію въ богослуженіи и молитвѣ и

отучать его отъ праздности и разгула. Каждое изъ этихъ молебныхъ пѣній о. Любимовъ неопустительно сопровождаетъ словомъ назиданія, имѣющимъ цѣлію укрѣпить въ трезвенникахъ сознаніе необходимости жить трезвенно, свято, какъ подобаетъ христіанину, и возбудить въ душѣ ихъ отвращеніе къ позорному невоздержанію и пьянству. Сердечное слово пастыря, какъ благодатная роса, ложится въ ихъ сердца, вызываетъ въ нихъ искреннее раскаяніе и твердое намѣреніе—жить трезвенно, что многимъ изъ нихъ, по милости Божіей, и удается. Простой народъ, видя это, съ полнымъ довѣріемъ пользуется предлагаемыми ему средствами для борьбы съ пьянствомъ и охотно записывается въ число Даниловскихъ трезвенниковъ. Каждый день цѣлыми толпами приходятъ и пріѣзжаютъ одержимые недугомъ пьянства въ Даниловскую чайную и здѣсь, испросивши себѣ въ молитвѣ у Бога помощи на борьбу съ своею болѣзнью, съ радостію записываются въ члены общества трезвости, давая *обѣтъ* безусловно воздерживаться отъ употребленія какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ. Теперь этихъ Даниловскихъ трезвенниковъ можно встрѣтить уже во всѣхъ концахъ Москвы и даже далеко за ея предѣлами. Вступаютъ въ число трезвенниковъ не только лица, злоупотребляющія спиртными напитками, но даже и такіе, которые или вовсе не пьютъ вина, или пьютъ его очень мало; вступаютъ и мужчины и женщины, вступаютъ юноши и дѣвицы, вступаютъ отдѣльными лицами и цѣлыми семействами.

Армія Даниловскихъ трезвенниковъ растетъ и растетъ: начавшись съ 25-ти человѣкъ, она теперь насчитываетъ до 50,000, обладаетъ стотысячнымъ капиталомъ, имѣетъ школу для дѣтей и воскресную для взрослыхъ, читальню, библіотеку, ночлежный пріютъ и т. под. учрежденія. Еще болѣе развита дѣятельность Александро-Невскаго Общества трезвости въ Петербургѣ: въ послѣднемъ числится до 100 тысячъ давшихъ обѣтъ трезвости. Организація этого общества весьма широкая: имъ устраиваются для трезвенниковъ бе-

сѣды, чтенія съ туманными картинами, литературные вечера съ пѣніемъ, издается спеціальный журналъ „Трезвая Жизнь“, а также „Отдыхъ Христіанина“ со множествомъ книгъ и брошюръ противъ пьянства. При Обществѣ существуютъ хорошо оборудованныя: библіотека, амбулаторія, вечерніе классы. Ежегодно Обществомъ совершаются паломничества съ торжественными богослуженіями въ Александро-Невскую Лавру, Сергіеву пустынь, на Валаамъ и др. мѣста. Бывшій на Съѣздѣ представитель этого Общества—онъ же и предсѣдатель—почтенный протоіерей о. Петръ Миртовъ въ обширномъ докладѣ познакомилъ членовъ Съѣзда съ весьма полезными институтомъ при обществѣ такъ называемыхъ выборныхъ. Избираемые ежегодно, выборные по указанію руководителя несутъ разные труды по обществу трезвости, а именно: распространяютъ среди населенія листки противъ пьянства путемъ безплатной раздачи ихъ, слѣдятъ за порядкомъ и тишиной въ конторѣ при записи членовъ, посѣщаютъ по возможности трезвенниковъ своего участка и укрѣпляютъ ихъ въ трезвой жизни чрезъ чтеніе книгъ и бесѣды; разносятъ журналъ и повѣстки по квартирамъ трезвенниковъ; наводятъ справки о положеніи трезвенника въ случаѣ подачи имъ прошенія о вспомоществованіи. Выборные, какъ можно видѣть, являются весьма дѣятельными сотрудниками о. руководителя Общества въ распространеніи идей трезвости. Для надлежащей постановки трезвеннаго дѣла въ Обществахъ трезвости представляется весьма желательнымъ, по мнѣнію Съѣзда, заводить всюду институтъ *выборныхъ*, при чемъ привлекать въ число ихъ не только мужчинъ, но и женщинъ, особенно полезныхъ для женской половины въ указанныхъ обществахъ.

Великимъ счастьемъ для нашего отечества было бы, если бы подобныя столичнымъ Общества трезвости раскинули свои сѣти во всѣхъ углахъ нашей родины.—тогда борьба противъ алкоголя пошла бы ускореннымъ темпомъ и имѣла бы несомнѣнный успѣхъ. Хорошими сотрудниками

пастырямъ въ борьбѣ противъ пьянства могутъ служить учителя приходскихъ школъ, коимъ ввѣрено обученіе и воспитаніе дѣтей народа. На Западѣ учителей побуждаетъ къ этому само учебное начальство. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, въ Швеціи, Норвегіи, Бельгіи, Франціи, Англіи, Вюртембергѣ учащимся въ школахъ алкоголевѣдѣніе обязательно преподается вмѣстѣ съ наукою о гигіенѣ. Въ Пруссіи учебное начальство требуетъ, чтобы ни одна школа не уклонялась отъ участіи въ борьбѣ съ губительнѣйшимъ недугомъ пьянства. У насъ, къ сожалѣнію, этого еще нѣтъ,— все же попытки въ этомъ родѣ дѣлаются и у насъ. На протовоалкогольномъ Съѣздѣ въ Москвѣ однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей по борьбѣ со школьнымъ алкоголизмомъ Г. Ф. Марковымъ въ блестящемъ изложеніи было доложено Съѣзду, что анти-алкогольное преподаваніе (наука трезвости) не можетъ и не должно составлять отдѣла гигіены. Наука трезвости есть наука самостоятельная и должна занимать видное мѣсто въ оффиціальныхъ программахъ всѣхъ типовъ школъ. Г. Марковымъ представлены Съѣзду и печатныя „Руководства для преподаванія науки трезвости“ въ школахъ—это 4 выпуска соч. Юлія Дени перев. съ франц. и книга подъ заглавіемъ: „Руководство науки трезвости“, составленная по сочиненію Лемуана Бельера. Весьма удачную попытку въ борьбѣ со школьнымъ алкоголизмомъ предпринялъ и извѣстный іеромонахъ Павелъ изъ Сергіевой пустыни близь Петербурга. Основатель первой въ Россіи школы трезвости въ Сергіевой пустыни іеромонахъ Павелъ наглядно ознакомилъ Съѣздъ съ веденіемъ обученія въ школѣ науки трезвости. Въ живой бесѣдѣ съ дѣтьми школьнаго возраста по Закону Божію онъ умѣло раскрылъ предъ ними весь вредъ гибельнаго порока пьянства. Учительница его школы А. Павлова въ присутствіи всего Съѣзда дала образцовый урокъ трезвости по ариѳметикѣ. Наглядные уроки трезвости какъ іеромонаха Павла, такъ и его учительницы произвели самое отрадное впечатлѣніе на присутствующихъ членовъ

Съѣзда во главѣ съ Владыкою Митрополитомъ Московскимъ. Для всѣхъ стало очевиднымъ, что дѣло трезвости въ школѣ не есть нѣчто отвлеченно-книжное, а напротивъ живое и въ высшей степени благотворное. Чувствовалось во время этихъ уроковъ, что предъ нами нарождается юная, трезвая Россія, чуждая алкогольныхъ привычекъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Въ отношеніи экспонатовъ Сергіевская школа трезвости безспорно занимала первое мѣсто на Съѣздѣ.

Въ библіотечной комнатѣ Съѣзда можно было видѣть множество фотографій, картограммъ, разныхъ описаній и учебныхъ пособій, относящихся къ школѣ и дѣлу трезвости. Въ ряду послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія сочиненіе іеромонаха Павла—„Трезвость по Библіи“ (уроки трезвости въ школѣ по библейскимъ разсказамъ). Къ слову сказать, Сергіевская школа трезвости для ознакомленія общества съ результатами своей дѣятельности неоднократно принимала участіе на выставкахъ въ Россіи и заграницей. На всемірной выставкѣ въ Туринѣ она получила за свои экспонаты золотую медаль.

Могучимъ факторомъ успѣшной борьбы съ алкоголизмомъ Съѣздъ призналъ *личный примѣръ* стоящаго во главѣ трезвеннаго дѣла въ приходѣ пастыря Церкви. Съѣздъ настойчиво рекомендуетъ пастырямъ *абсолютное воздержаніе* отъ всякихъ хмѣльныхъ напитковъ, будетъ ли то водка, пиво или вино. По выраженію одного изъ докладчиковъ на Съѣздѣ (прот. П. А. Миртова—„Пастырская совѣсть предъ вопросомъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ“), пастырю Церкви, по примѣру первоучителей—апостоловъ, надо принести себя въ жертву ради гибнущихъ, а не себѣ угождати“. Свое пожеланіе абсолютной трезвости для пастырей Съѣздъ базируетъ какъ на данныхъ науки (докладъ д-ра Сажина и др.), такъ и на ученіи Слова Божія. Прочитанный на Съѣздѣ протопресвитеромъ Н. А. Любимовымъ обширный докладъ Высокопреосвящ. митрополита Владиміра на тему: „Противъ ли насъ, абстинентовъ, Библія?“ по поводу недавно вышедшаго

въ свѣтъ сочиненія проф. Гарнака „Библія и алкогольные напитки“,—весьма обстоятельно изслѣдуетъ затронутый вопросъ. Въ Библіи, по мнѣнію Владыки, ясно различаются: перебродившее—алкогольное вино и неперебродившее—питательный виноградный сокъ. Въ то время, какъ св. Библія благословляла употребленіе вина неперебродившаго (оно было за столомъ царей Египетскихъ при Іосифѣ, о такомъ винѣ упоминаетъ и Іосифъ Флавій),—за употребленіе вина опьяняющаго, за пьянство, она осуждаетъ: пьяницы Словомъ Божіимъ обличаются, имъ угрожается наказаніями (28 гл. пр. Исаіи, 20 гл. Притч. Сол., 23 гл. прор. Іезек. и др.). Вино запрещаемое, охмѣляющее, въ св. Библіи называется сикера; вино благословляемое св. Библіей называется гаюинъ (названіе повторяется 140 разъ),—тирошъ (упомин. 40 разъ)—новое вино (40 гл. Іерем., 65 гл. Ис., 6 гл. Мих. и др. мѣста). Такимъ образомъ, въ св. Библіи устанавливается двоякое отношеніе къ вину, объясняемое двоякой природой вина—неперебродившаго и перебродившаго: первое—даръ Божій,—питаніе, второе—ядъ для души и тѣла. О винѣ неперебродившемъ, какъ любимомъ и полезномъ напиткѣ древнихъ народовъ, говорятъ Аристотель, Плиній, блаж. Августинъ и Гиппократъ, добавляющій, что часто этотъ сокъ для освѣженія разжижали водой. И теперь употребляется неперебродившій виноградный сокъ—такъ называемый Страстбургскій штрафель. „Пусть употребляется христіанами, говорится въ докладѣ Владыки, только сокъ лозы виноградной, какъ продуктъ драгоцѣнный для здравія. Полное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ даетъ господство духа надъ тѣломъ и силу расти для Бога самому, возращать и другихъ; любовь христіанская обязываетъ каждаго все дѣлать полезное и спасительное не только для себя, но и для другаго,—особенно въ силу своего пастырскаго дѣла—вести всѣхъ къ Богу, обязаны къ этому полному воздержанію отъ вина пастыри Церкви,—обязаны во имя любви, а любовь—исполненіе долга. Пора и всѣмъ бросить отравлять себя ядомъ,

въ корнѣ деморализующимъ человѣка!" закончилъ свой глубоко интересный докладъ Владыка Митрополитъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго и въ связи съ выработанными на противоалкогольномъ Съѣздѣ въ Москвѣ резолюціями, весьма желательными представляются слѣдующія мѣры отрезвленія народа.

1) Проведеніе въ жизнь принципа полнаго, *абсолютнаго воздержанія* отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, какъ такого фактора, который является единственно надежнымъ ручательствомъ успѣха противоалкогольной борьбы.

2) Заведеніе повсюду въ приходахъ *обществъ или братствъ трезвости*, которыя наилучшимъ образомъ могутъ способствовать желанному отрезвленію родины. До выработки нормальнаго устава приходскихъ и епархіальныхъ братствъ трезвости С.-Петербургскимъ Александро-Невскимъ Обществомъ трезвости, что послѣднему поручено Съѣздомъ,—можно пользоваться для открытія обществъ трезвости образцомъ Устава церковно-приходскаго Общества трезвости, напечатаннаго въ „Календарѣ трезвенника" на 1912-й годъ (безплатное приложеніе къ журналу „Трезвые всходы" за 1911 г. С.-Петерб. Петерб. сторона, Б.-Спасская, 26).

3) Служеніе молебновъ для будущихъ трезвенниковъ, пастырское увѣщаніе и *обѣтъ трезвости*. Обѣтъ—это не клятва, но и не форма,—это актъ, обязательство служить Богу и ближнему, связывающее волю,—это жертва Богу. *Обѣтную грамоту* можно найти въ томъ же календарѣ трезвенника на 1912-й г. (стр. 152).

4) Устройство внѣбогослужебныхъ чтеній съ туманными картинами, собесѣдованій и торжественныхъ праздниковъ съ *общенароднымъ пѣніемъ* и *крестными ходами, паломничества* и возможно частая проповѣдь трезвости какъ въ церкви, такъ и внѣ ея.

5) Устройство библіотекъ съ противоалкогольною литературою и выпискою журналовъ: „Трезвая жизнь", ежем. журн. Ц. 1 р. Спб. Обводный 116. Изд. прот. П. А. Мир-

товъ,—„Трезвые Всходы“, ежем. журн. Ц. 3 р. Спб. Б.-Спасская 26, изд. свящ. М. В. Галкинъ,—„Вѣстникъ Трезвости“, ежем. журн. Ц. 1 р. Спб. Гороховая 32. Изд. д-ръ Григорьевъ,—„Всероссійскій Вѣстникъ Трезвости“ 2-хъ недѣльн. журналъ, ц. 3 р. Спб. Измайловскій пр. 5. Изд. Д. Г. Булгаковскій,—„Въ борьбѣ за трезвость“, ц. 2 р. Москва, Ляховъ пер. Епарх. домъ.

Противоалкогольная литература съ приложеніемъ картъ можетъ быть пріобрѣтена по недорогой цѣнѣ въ С.-Петербургскомъ Александро-Невскомъ Обществѣ трезвости и Московскомъ Епархіальномъ Обществѣ.

6) Введеніе въ ц.-прих. школахъ преподаванія науки трезвости путемъ вкрапливанія элементовъ ея во всѣ предметы школьнаго курса и (для старшихъ классовъ) въ систематическомъ видѣ на отдѣльныхъ и спеціальныхъ урокахъ.

7) Дѣятельное сотрудничество по насажденію трезвости въ школахъ учителей ц.-приходскихъ школъ чрезъ преподаваніе ими науки трезвости дѣтямъ по руководствамъ Г. Ѳ. Маркова (4 вып. по 15 коп. выпускъ, а книга въ 75 коп.) и іеромонаха Сергіевской пустыни Павла („Трезвость по Библіи“).

8) Введеніе въ семинаріяхъ науки трезвости на урокахъ медицины и школьной гигіены. Весьма важно, чтобы будущіе работники по отрезвленію народа получали практическую подготовку въ дѣятельности трезвенныхъ городскихъ организацій.

9) Устройство спеціальныхъ курсовъ и лекцій по наукѣ трезвости, а также публичныхъ чтеній и бесѣдъ—особенно при помощи передвижныхъ выставокъ противоалкогольнаго характера.

Въ заключеніе скажемъ словами Архипастыря Московскаго: „борьба съ алкоголизмомъ—это крестовый походъ, священная война. Ибо она имѣетъ въ виду освободить народъ нашъ отъ того исконнаго врага, который взялъ въ плѣнъ его тѣло и душу. Вотъ почему изъ глубины души

взываемъ ко всѣмъ вамъ, боголюбивые отцы: помогайте этому въ высокой степени благому дѣлу, становитесь въ ряды борцовъ съ этимъ опаснымъ врагомъ, принимайте живое участіе въ этой войнѣ! Этимъ вы сдѣлаете поистинѣ патріотическое дѣло, великое дѣло христіанской миссіи"!

Прот. *М. Е.*

Спутницы [1]).

„Или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе апостолы?“ (1 Кор. IX, 5).

„Спутницы“, „сестры“. Не иначе, какъ съ иронической усмѣшкой прочтутъ эти слова нѣкоторые изъ нашихъ читателей. Для лицъ же съ противоположнымъ настроеніемъ отъ этихъ апостольскихъ словъ вѣетъ чѣмъ-то такимъ чистымъ, успокоительнымъ и отраднымъ... И невольно рисуется въ умѣ путь пастыря... путь тѣсный, тернистый и скорбный. Кругомъ сумракъ. Безлюдье. Злится вьюга. Усталыя ноги вязнутъ въ сугробѣ. Холодно. Утомленный взоръ тщетно устремляется въ темную даль: не видать ни одного огонька, а до свѣту еще далеко... И унынiе закрадывается въ сердце путника... Ноги подкашиваются у него, и вотъ-вотъ онъ упадетъ и не найдетъ уже болѣе силъ встать, чтобы продолжать путь. И онъ, разслабленный, изнеможенный и потерявшій всякое желаніе итти впередъ, готовъ самъ опуститься на дорогу, чтобы навѣки заснуть...

— О, другъ мой! не дѣлай этого: иначе ты погибнешь,— слышитъ онъ въ эту минуту ласковый голосъ сзади себя, и въ то же время чья-то заботливая рука беретъ его руку.

---

[1]) Изъ журн. „Воскресный день“.

Тутъ онъ вспоминаетъ, что онъ не одинъ, что у него есть вѣрная спутница, которая все время шла по его стопамъ.

— Ободрись, братъ мой,—продолжаетъ между тѣмъ голосъ:—обопрись на плечо мое: ты все время шелъ впереди, ты грудью своей боролся съ вѣтромъ и оттого такъ сильно усталъ; я же шла по твоимъ слѣдамъ, по проложенной тобою дорогѣ, и ты защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра; поэтому я утомилась не сильно, и теперь могу поддержать тебя. Не бойся! Я не упаду... Огни близко! вонъ, вонъ сверкаютъ они! Отдохнемъ немного и потомъ скоро дойдемъ до нихъ. А тамъ близко будетъ и разсвѣтъ...

Цѣлительнымъ бальзамомъ вливаются эти бодрящія слова въ сердце путника.—Это—свѣжая вода для жаждущихъ устъ. И безлюдная, холодная темь становится не страшной ему. Онъ чувствуетъ возлѣ себя вѣрнаго и любящаго друга—спутницу, и этого для него достаточно. Станъ его вновь выпрямляется, онъ снова со смѣлою надеждой готовъ итти впередъ...

— Но вѣдь это фантазія, которая исчезаетъ при первомъ же соприкосновеніи съ дѣйствительностью, какъ сонъ при пробужденіи?—не преминутъ сказать иные.

Да, фантазія, скажу и я; но не только фантазія. Прежде всего это—идея служенія жены пастыря. А во-вторыхъ, до нѣкоторой степени, это и фактъ, реальность. Въ отношеніи нѣкоторыхъ священническихъ женъ это очень близко къ реальности. А въ отношеніи апостольскихъ женъ это есть несомнѣнная реальность...

Священную хвалу воздаетъ Церковь апостоламъ за ихъ самоотверженные труды и проповѣданіе глаголовъ жизни. Но кто съ благоговѣйнымъ уваженіемъ не преклонится и предъ подвигомъ святыхъ женъ, сопутствовавшихъ имъ и раздѣлявшихъ съ ними всѣ скорби и лишенія? Безспорно, высока и неизмѣнно свята идея пастырскаго служенія. Но столь же неизмѣннымъ должно быть и наше благоговѣйное

уваженіе къ подвигу тѣхъ священническихъ женъ, которыя являются истинными спутниками пастыря.

Къ сожалѣнію, очень немногія священническія жены сознаютъ свой долгъ сопутствія пастырю. Большинство не понимаютъ, да и не стараются понять идею своего служенія. Весьма многія изъ нихъ никогда объ этомъ и не думаютъ. Впрочемъ, въ этомъ виноваты не онѣ однѣ, но ихъ мужья, которые объ этомъ никогда имъ не говорили.

Всѣхъ современныхъ священническихъ женъ можно раздѣлить на пять главныхъ категорій.

Первый типъ священнической жены можно охарактеризовать такими чертами. Внѣшность—дородная. Дѣятельность: распоряженіе стряпками и руганіе ихъ, сборъ осенокъ, петровскихъ и др., кушанье и спанье. Интересы: здоровье дѣтей, нажива, сплетни и пересуды съ кумушками, почетное мѣсто въ углу на именинахъ, свадьбахъ и др. деревенскихъ вечеринкахъ. Это—типъ вымирающій. Не будемъ жалѣть его. Въ немъ нѣтъ и малой доли сопутствія пастырю.

Второй типъ въ другомъ родѣ. Это типъ скромной, смиренной женщины, трудолюбивой хозяйки и заботливой матери. Она вѣчно на кухнѣ или въ столовой и спальной. Отъ печки до стола и отъ стола до зыбки—вотъ ея дѣятельность. Она заботится угодить мужу: въ гости ходитъ рѣдко и почетомъ особеннымъ среди прихожанъ не пользуется. Въ праздники, когда позволяетъ время, ходитъ въ церковь, но воодушевленіе ей не знакомо. Книгами и дѣлами мужа не интересуется. Если случатся житейскія огорченія—въ родѣ болѣзни и смерти дѣтей, обиды отъ мужа и т. п., она переноситъ ихъ, но переноситъ пассивно, съ нѣкоторою тупою безнадежностью. Ничего лучшаго впереди она не ждетъ, но и отчаянія не имѣетъ. Короче сказать—это типъ простой, доброй и честной, но не развитой во всѣхъ отношеніяхъ женщины. Трудъ и огорченія часто видитъ она въ жизни; но радости и утѣшенія мало. Пожалѣемъ ее, но не пожелаемъ распространенія такому типу священнической жены, ибо и въ этомъ типѣ нѣтъ сознанія общественнаго долга.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1913 подписномъ году.

Въ 54 году своего существованія, журналъ нашъ будетъ преслѣдовать свою всегдашнюю цѣль—содѣйствіе православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной дѣятельности. Для этого журналъ будетъ давать статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни, по изъясненію Св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ, выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней, обзоръ періодической печати (въ 1913 г. будетъ введенъ также обзоръ газетныхъ статей, касающихся церковныхъ вопросовъ) и новыхъ книгъ богословско-религіознаго содержанія; свѣдѣнія по пчеловодству, садоводству, сельскому хозяйству и медицинѣ; разсказы изъ быта духовенства, а также (въ ежемѣсячномъ приложеніи „Проповѣди“) поученія на всѣ воскресные и праздничные дни.

Особенное вниманіе Редакція обратитъ на изложеніе и христіанское освѣщеніе событій современной церковной и общественной жизни и на обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на мѣстахъ, въ епархіяхъ, и выдвигаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Кромѣ того, для установленія болѣе живой связи съ подписчиками Редакція приглашаетъ послѣднихъ обращаться къ ней за разрѣшеніемъ возникающихъ у нихъ недоразумѣній и открываетъ въ своемъ журналѣ *новый отдѣлъ—отвѣты на вопросы подписчиковъ*. И вообще Редакція съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библіографическаго Листка“.

Сверхъ того, въ 1913 году, въ качествѣ особаго безплатнаго приложенія, Редакція дастъ подписчикамъ „Церковно-пѣвческій сборникъ“.

Кромѣ того подписчикамъ продается „Толковый Типиконъ“ съ уступкой.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи *шесть рублей*, за границу *8 руб.*

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября м. 1913 г.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать *25 к.*; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, на ½ г. или на 1 м. не принимается.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., въ сентябрѣ 3 р.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Въ Редакціи имѣются для продажи экземпляры журнала и „Проповѣди“ за прежніе годы по удешевленной цѣнѣ.

ИМЕННО:

I) Полные экземпляры журнала за 1888, 1889, 1891, 1894 и 1895 годы съ приложеніями—по 3 руб. за 1892, 1896, 1897 и 1898 годы съ приложеніями по 4 руб.; за 1879, 1880, 1881; 1882, 1883, 1899, 1900, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910 и 1911 годы съ приложеніями—по 5 руб.

II) Приложенія къ журналу—„**Проповѣди**“ 1888, 1889, 1890, 1891, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг.—**по 1 руб. 50 коп.**; 1886, 1892, 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909 1910, 1911 и 1912 годы—**по 2 руб.** за каждый отд. вып.

III) Слѣдующія отдѣльныя изданія:

1) **Избранныя слова и бесѣды** высокопреосв. **Платона, митр.** Кіевскаго и Галицкаго, говоренныя въ разные годы на дни воскр. и пр. Ц. 1 р. 20 к.

2) **Сборникъ поученій по случаю неурожая.** Цѣна 1 руб.

3) **Катихизическія бесѣды** къ сельскимъ прихожанамъ, или весь Православный Катихизисъ въ бесѣдахъ. Свящ. *І. Скарданицкаго.* Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Цѣна 1 руб.

4) **Краткая исторія и обличеніе новыхъ раціоналистическихъ сектъ.** *Н. Гумилевскаго.* Ц. 1 р. 20 к.

5) **Практическіе совѣты священникамъ** при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковнослужителей. Ц. 60 к.

6) **Практическія наставленія митрополита Григорія пастырямъ** по предмету спасительнаго дѣйствія на раскольниковъ. Цѣна 60 коп.

7) **Торжествуй, наша обитель.** Гимнъ для хора при встрѣчѣ преосвященныхъ. Партитура и слова. Цѣна для 2-хъ тено-

ровъ и 2-хъ басовъ 75 коп., для 4-хъ женскихъ голосовъ. Ц. 60 коп.

8) **Руководство къ изъяснительному чтенію Четвероевангелія и Дѣяній-Апостольскихъ.** Составилъ *А. Ивановъ*. Цѣна 2 руб.

9) **О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви.** *И. В. Вознесенскаго*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

10) **Толковое Евангеліе отъ Іоанна.** *Евфимія Зигабена*. Цѣна 1 руб. 50 к.

11) **Толкованіе для пастырей пастырскихъ посланій ап. Павла къ Тимофею и Титу.** Цѣна 1 руб.

12) **Пастырскія посланія ап. Павла** въ толкованіи *Икуменія*. Переводъ съ греческаго. Цѣна 50 коп.

13) **Православная догматика для народа.** Катихизическія поученія на 10 заповѣдей закона Божія. Свящ. *В. Гридина*. Цѣна 60 к.

14) **Поученія, рѣчи.** Арх. Іоанникія. Ц. 1 р. 50 к.

15) *А. Юрьевскій.* **Гомилетика, или наука о пастырскомъ проповѣданіи Слова Божія.** Цѣна 2 руб.

16) **Изъ бесѣдъ о проповѣди американскаго проповѣдника Филиппа Брукса.** Съ французскаго. Пересказъ *В. І. Петрушевскаго*. Кіевъ, 1898 г. Цѣна 85 к.

17) **Сборникъ главнѣйшихъ пѣснопѣній Божественной литургіи Кіевскаго распѣва.** Перел. на три голоса *В. Г. Петрушевскаго*. Цѣна 60 к.

18) **Главнѣйшія пѣснопѣнія Всенощнаго бдѣнія Кіевскаго распѣва** въ общедоступномъ переложеніи на три голоса. *В. І. Петрушевскій*. Ц. 60 к.

19) **Сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній.** Состав. *В. Г. Петрушевскій*. Цѣна 75 к.

20) **Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики.** Вып. I. Службы круга суточнаго, седмичнаго и годичнаго. Ц. 75 к.

21) **Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики.** Вып. II. Чинопослѣдованія по требнику. Ц. 75 к.

22) **Божественная литургія св. Іоанна Златоуста** (параллельно славянскій и русскій текстъ церковн. молитвослов. и пѣсноп. съ общедост. объяснен.). Цѣна 75 коп.

23) **Церковныя пѣснопѣнія** для хорового исполненія. Вып. I. Ц. 70 коп.

24) **Церковныя пѣснопѣнія** для хорового исполненія. Вып. II. Ц. 80 к.

25) **Указатель** къ ж. „Руковод. для с. п.“ съ 1860—1869 г. Ц. 30 к.

26) Проф. *Ѳ. И. Титовъ*. **Русская Православная Церковь** въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. т. II. Цѣна 3 р.

27) *Н. Маккавейскій*. **Педагогика древнихъ Отцовъ и Учителей Церкви.** Ц. 50 к.

28) **Противосектантскія бесѣды съ дѣтьми школьниками о важнѣйшихъ истинахъ православной вѣры.** (Примѣнительно къ программѣ Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ). Свящ. *Д. Слюсарева*. Ц. 40 к.

29) Откуда пошла **Русская Земля**, и какъ она стала православною. Ц. 15 коп.

30) **Толковый Типиконъ.** Вып. I-й. Ц. 2 р. 50 к.

31) **Избранныя Духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя** вып. I и II. Ц. 1 р. 50 коп.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 20-го ноября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 49

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 2-го декабря.

Содержаніе: I. Въ защиту общины. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію. Алекс. Аболенскій.—III. Спутницы. (Окончаніе).—IV. Легенда объ основаніи Константинополя.—V. Объявленіе.

Въ защиту общины.

Хутора и хуторское хозяйство, настойчиво проводимые въ послѣднее время въ жизнь нашей деревни, представляютъ новый и весьма важный факторъ бытового устройства многомилліонной сермяжной Россіи—главной нашей кормилицы. Закономъ о хуторахъ и отрубахъ въ корнѣ подрубленъ вѣковой укладъ крестьянскаго хозяйственнаго быта. Опредѣленнаго общепризнаннаго взгляда на тотъ результатъ, какой принесетъ новый законъ о крестьянскомъ землепользованіи, пока еще нѣтъ, такъ какъ законъ еще не проведенъ въ жизнь во всю его ширь. Въ то время, какъ одни ожидаютъ отъ новаго закона блестящихъ результатовъ—быстраго экономическаго развитія Россіи, культурнаго подъема, другіе смот-

рять на новый законъ скептически, называютъ его „ставкой на сильныхъ“ и утверждаютъ, что онъ будетъ полезенъ только для болѣе предпріимчивыхъ крестьянъ и сильныхъ, а болѣе слабыхъ приведетъ къ обезземеленью и нищенству. Быстрое увеличеніе кадровъ деревенскаго пролетаріата—вотъ первый результатъ, какого ожидаютъ скептики отъ новаго закона.

Отзывалось, довольно разнообразно, на новый законъ и православное духовенство. Въ ряду статей по этому вопросу, принадлежащихъ представителямъ духовенства, обращаетъ вниманіе статья священника П. Локтина, помѣщенная въ „Вятскихъ епарх. вѣдомостяхъ“, озаглавленная „На хутора“! Написанная съ воодушевленіемъ, она представляетъ горячій призывъ къ новому устройству жизни деревни; но къ сожалѣнію, увлекаясь въ одну сторону, о. Локтинъ огульно осуждаетъ прежній укладъ деревенской жизни, не видитъ въ общинномъ устройствѣ ни одной свѣтлой черты. Думаемъ, что въ этомъ отношеніи о. Локтинъ хватилъ черезъ край и отнесся несправедливо къ тому учрежденію, отъ котораго Церковь Русская на протяженіи долгихъ годовъ видѣла не мало добра. Приходъ и община во многихъ мѣстахъ Россіи почти совпадаютъ; существуя рядомъ долгіе года, они взаимно вліяли другъ на друга; нѣкоторыя стороны церковной жизни въ значительной степени зависѣли отъ общины, и все то, что дѣлала община для Церкви, не слѣдуетъ ни забывать, ни тѣмъ болѣе осуждать. Каковы же обвиненія, выставленныя противъ общины о. Локтинымъ?

„Проповѣдь современнаго православнаго духовенства среди крестьянства,—пишетъ онъ,—въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ рѣшительно никакого успѣха. Деревня въ нравственномъ отношеніи дичаетъ. Пьянство, развратъ, буйство, своеволіе, непочтеніе къ старшимъ охватываютъ деревню за деревней все сильнѣе и прочнѣе“. Причину неуспѣха проповѣди о. Локтинъ видитъ отчасти и въ самомъ духовенствѣ,—въ его разобщенности, въ отсутствіи системы и плана па-

стырства, но „главная причина все же заключается въ общинномъ чрезполосномъ владѣніи крестьянами землей". О вѣковой укладъ деревенской жизни, который держится общиною, по мнѣнію о. Локтина, разбиваются всѣ идейныя попытки православнаго духовенства. Благодаря общинѣ, нѣтъ никакой возможности подступиться къ этому укладу, повернуть, улучшить, обновить его. Тѣсно связанные, благодаря чрезполосицѣ, другъ съ другомъ, крестьяне должны и по привычкамъ и по всей своей жизни походить другъ на друга, какъ двѣ капли воды. „Живи такъ, какъ отцы, какъ дѣды жили. Вотъ основной мотивъ, догматъ общины. Всѣ деревенскіе порядки, обычаи, примѣты, суевѣрія, обряды свято охраняются общиною, какъ что-то самое важное, нужное и самое лучшее... Община настолько цѣпко и прочно держитъ каждаго своего члена на уровнѣ и въ курсѣ общихъ своихъ понятій и интересовъ, что каждый членъ общины безъ всякаго преувеличенія является олицетвореніемъ этой общины. Одинъ, какъ всѣ, и всѣ какъ одинъ". Безплодною оказывается здѣсь всякая проповѣдь; она можетъ подѣйствовать, въ лучшемъ случаѣ, на единицы, но „когда эти единицы остаются въ деревнѣ, среди десятковъ и сотенъ неубѣжденныхъ, то вся ихъ убѣжденность живо растаетъ, „яко воскъ отъ лица огня".

Даже исповѣдь,—это могущественнѣйшее средство воспитанія душъ человѣческихъ, особенно на Западѣ—въ католичествѣ,—по мнѣнію о. Локтина, у насъ является „формальнымъ отбываніемъ повинности, ни къ чему не обязывающимъ, ни на что не вліяющимъ и безслѣдно исчезающимъ изъ памяти"... Причина такого печальнаго явленія заключается въ томъ, что въ народѣ „нѣтъ личной совѣсти,—она заглушена, забита, почти атрофирована. Она замѣнилась привычкой жить по указкѣ общества и изъ года въ годъ повторять машинально на исповѣди свои слова и поступки"...

Приводя примѣры религіознаго невѣжества въ народѣ, указывая на существованіе многочисленныхъ анекдотовъ изъ

этой области, о. Локтинъ причину этого невѣжества отчасти находитъ и въ самомъ духовенствѣ, но главная—это стальная броня общины: она обезличиваетъ, обезволиваетъ мужика, убиваетъ въ немъ сознаніе собственной индивидуальности,—сознаніе, что онъ есть отдѣльная особь, способная самостоятельно развиваться и самостоятельно же отвѣтственная за свои поступки.

Община и на пастыря создаетъ свой особый взглядъ, священникъ—это не пастырь душъ, а почетный гость и добый сосѣдъ. И какъ таковой, обязанъ пить и ѣсть все, что ему предлагаютъ, обязанъ и самъ въ свою очередь угощать прихожанъ.

„Община это—стадо. Оно руководится не здравымъ разсудкомъ, а чувствомъ стадности. Въ ней особенно благопріятную почву находятъ себѣ именно стадные низменные инстинкты. Вы никогда не подвигните деревню на какое нибудь предпріятіе призывомъ во имя долга, блага ближняго, общественной пользы, даже личной выгоды,—но пообѣщайте ведро или два водки, деревня пойдетъ въ огонь и воду, сдѣлаетъ добро и зло—все что хотите“.

Община, по мнѣнію о. Локтина, способна развивать только низменныя качества, „донныя“ достоинства. Никто другой, какъ община, по его мнѣнію, виновата въ томъ, что вымираетъ русская пѣсня, замѣняясь фабричной частушкой, что полные красоты и граціи хороводы замѣняются дикимъ, пьянымъ разгуломъ, что невинныя отношенія молодежи смѣняются бойкой разнузданностью, что патріархальность семейныхъ отношеній смѣняются эгоистической расчетливостью“.

Оканчиваетъ о. Локтинъ свою статью горячимъ призывомъ къ духовенству вооружиться противъ общины всѣми силами, потому что она есть главный врагъ пастырства, и принять самое энергичное участіе въ разселеніи крестьянъ на хутора. „Правда, при разселеніи крестьянъ на хутора дѣла у духовенства прибавится, но дѣла внѣшняго, декора-

тивнаго. Существо же дѣла отъ этого только выиграетъ. Тогда мимолетное случайное слово вразумленія будетъ имѣть гораздо большій успѣхъ, (?!) чѣмъ теперь продолжительныя пламенныя филиппики, отскакивающія отъ общины, какъ горохъ отъ стѣны".

Таковы обвиненія о. Локтина противъ общины. Къ сожалѣнію, горячее его слово, привлекающее своей искренностью, едва-ли можетъ быть принято цѣликомъ, безъ значительныхъ оговорокъ, и обвиненія его, горячія и искреннія, по нашему мнѣнію, далеко не во всемъ справедливы.

Посмотримъ на дѣло прежде всего съ принципіальной точки зрѣнія. Община, общество т. е. союзъ лицъ, объединенныхъ юридически, имущественно и, всего чаще, религіозно, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ община состоитъ исключительно изъ однихъ православныхъ. Объединяя людей въ существенныхъ сторонахъ жизни, а не въ одной какой нибудь, община представляетъ огромную силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ и огромныя удобства для совмѣстной жизни, для совмѣстной работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она создаетъ величайшія удобства для вліянія на общину, и думаемъ,—не вина общины въ томъ, что вліяніе на нее порою было слабое, порою даже отрицательное. Принципъ общественности, единенія людей не есть нѣчто отрицательное по самой своей природѣ. Этотъ принципъ такъ близокъ Церкви Православной; на свободномъ единеніи людей, одинаково вѣрующихъ, должна строиться и церковная и приходская жизнь: съ внѣшней стороны церковь и община у насъ на Руси отчасти похожи и сродни другъ другу.

Община,—говоритъ о. Локтинъ, это стадо. Она руководится чувствомъ стадности, но вѣдь и Церковь Свою Господь называетъ стадомъ, а себя добрымъ пастыремъ; неужели же устройство стада, психика стада не создаетъ никакого удобства для пастыря, не имѣетъ въ себѣ ничего положительнаго?. Общину о. Локтинъ считаетъ главнымъ врагомъ пастырства, подавлявшимъ личную совѣсть, низвед-

шимъ даже исполненіе святаго дѣла исповѣди на степень отбыванія формальной повинности.

Рѣшительно не можемъ понять, какимъ образомъ въ исповѣди священникъ дѣйствуетъ на личность; тайна исповѣди хранится свято въ народѣ, наконецъ, общинѣ, сельскимъ и волостнымъ сходамъ закономъ воспрещено вмѣшиваться въ вопросы чисто церковнаго и религіознаго характера. Результаты пастырскаго вліянія прежде всего должны сказываться въ жизни личности, въ сокровенномъ отъ взора людей сердцѣ человѣческомъ, до котораго никакой общинѣ нѣтъ дѣла. Не беремся судить о той средѣ, вѣроятно весьма не благопріятной, въ какой приходилось работать о. Локтину, но опытомъ многочисленныхъ пастырей, засвидѣтельствованнымъ и литературой, утверждаемъ, что личная совѣсть въ народѣ не подавлена, что работа энергичныхъ пастырей не всегда гибнетъ на каменистой почвѣ и терніяхъ, что она приноситъ плодъ, что, наконецъ, обшина, „міръ“ не мѣшали народу хранить въ своемъ сердцѣ образъ Христа, что признавали за нашимъ народомъ такіе знатоки сердца человѣческаго, какъ Достоевскій, Толстой.

Въ общинѣ есть одно великое качество—единеніе, а въ единеніи, говорятъ, сила. И мы видимъ, что люди, преслѣдующія самыя разнообразныя цѣли, первое, что дѣлаютъ, это объединяютъ единомыслящихъ людей въ общества, союзы, содружества, братства и т. д. Всѣ такія организаціи, съ самыми разнообразными задачами, суть тѣ же общины съ своимъ уставомъ, съ извѣстной дисциплиной, которой всѣ члены подчиняются. Очевидно, въ общинѣ, въ общественныхъ организаціяхъ люди находятъ что-то для дѣла весьма полезное, чего ничѣмъ другимъ замѣнить нельзя. То же можно сказать и о деревенской общинѣ.

Песимистическіе выводы и обвиненія о. Локтина противъ общины опровергаются и на основаніи его же собственныхъ ссылокъ на современную жизнь. Пусть всѣ печальныя наблюденія о. Локтина о развращеніи деревни, пьянствѣ и

т. д. вполнѣ справедливы, но разложеніе деревни—crescendo пошло въ послѣдніе лишь годы, а община есть учрежденіе давнее. Въ патріархальной простотѣ нравовъ, въ народной пѣснѣ о. Локтинъ признаетъ нѣчто цѣнное, но вѣдь прежде община ни простоты нравовъ, ни народной поэзіи не разрушала. Существовало въ наукѣ даже мнѣніе, признававшее старинныя народныя произведенія народнымъ (а не индивидуальнымъ) твореніемъ, а творцомъ весь народъ. Не мало есть произведеній, въ которыхъ воспѣвается сила народа, значеніе общины, „міра“ крестьянскаго. Община не только не разрушила народной поэзіи, но охраняла ее и обогощала; и если мы видимъ на мѣстѣ народной пѣсни похабную частушку, на мѣстѣ патріархальныхъ нравовъ порчу и развращеніе, то здѣсь не община виновата, а, напротивъ, тѣ новые факторы жизни, что разрушаютъ общину: прежде всего необычайный ростъ городовъ и развитіе фабричнаго дѣла, отрывающаго людей отъ земли и отъ общины. Образованные классы наши—интеллигенты никакого общиннаго устройства не знаютъ, но кто же скажетъ, что въ нравственномъ отношеніи они выше народа и что тѣ пороки и недостатки, какіе о. Локтинъ усвояетъ народу и объясняетъ ихъ происхожденіе дѣйствіемъ общиннаго устройства, здѣсь не имѣютъ мѣста? Напротивъ, даже въ бо́льшихъ еще размѣрахъ: порнографія и всякія пакости во вкусѣ Вербицкихъ, Гиппіусъ, Арцыбашевыхъ до народа еще, слава Богу, не дошли.

Деревенская община не мало дѣлала добра для Церкви, котораго во всякомъ случаѣ ни отрицать, ни забывать нельзя: однихъ храмовъ Божіихъ и школъ на Руси крестьянскими общинами построены тысячи и на всякую нужду церковную и приходскую въ очень многихъ мѣстахъ деревенскія общины отзывались и отзываются съ полнымъ сочувствіемъ. Не такъ давно намъ пришлось присутствовать на освященіи храма, построеннаго исключительно общиной. Задумали крестьяне строить храмъ,—отвели для этого изъ общинной земли 50

десятинъ пахоти; міромъ или „опчествомъ“ засѣвали и убирали хлѣбъ, „міромъ“ устроили маленькій кирпичный заводъ, нигдѣ и ни у кого не просили помощи. А когда епархіальное начальство потребовало отъ крестьянъ обезпечить вновь назначаемый причтъ землей, и тутъ община помогла, сократила душевой надѣлъ на нѣколько квадратныхъ саженъ и образовала такимъ образомъ 33 десятины для причта. Такихъ случаевъ—сотни и тысячи; такъ строились многіе храмы на Руси. Спрашивается, что же замѣнитъ общину во всѣхъ подобныхъ случаяхъ? Едва-ли крестьянинъ-индивидуалистъ, крѣпенькій мужичекъ собственникъ, окажется щедрѣе, чѣмъ крестьянинъ общинникъ.

Въ крестьянской общинѣ не рѣдко сказывалось нравственное начало, стремленіе бороться за правду, за совѣсть, за вѣру православную. Не рѣдко община выступала на защиту обиженныхъ, старалась оградить себя (напримѣръ, выселеніемъ) отъ порочныхъ элементовъ, не разъ выступала противъ сектантства. Не рѣдко такія дѣйствія,—безъ руководства, совѣта и наставленія,—принимали неправильную форму, шли ложнымъ путемъ (напримѣръ, путемъ насилій, которыхъ мы, разумѣется, не думаемъ одобрять); для насъ важно доказать присутствіе въ общинѣ добрыхъ мотивовъ и добрыхъ началъ.

Что и говорить,—пьянствуетъ русскій народъ и въ одиночку и „міромъ“. Но оторванный отъ деревни и общины, крестьянинъ пьетъ больше и опускается такъ, какъ въ деревнѣ люди опускаются очень рѣдко. Самый ледащій деревенскій мужиченко-питухъ во сто кратъ лучше городского босяка. Община не рѣдко сознаетъ своего врага въ винѣ, дѣлаетъ приговоры о закрытіи лавокъ казенныхъ, но рѣдко эти благіе порывы осуществляются; а когда народу въ этомъ дѣлѣ будутъ развязаны руки, несомнѣнно, община больше сдѣлаетъ и въ борьбѣ со своимъ вѣковымъ врагомъ. Если самыя пьяныя деревни, по изслѣдованію статистиковъ, про-

нивають иногда 30—40% своего зарабатка, то на заводахъ и фабрикахъ, какъ недавно было сообщено въ газетахъ, процентъ этотъ поднимается до 80%.

Ломку, какую произведетъ хуторское хозяйство въ религіозной жизни народа, о. Локтинъ представляетъ легкой, „при разселеніи на хутора, пишетъ онъ, у духовенства дѣла прибавится, но дѣла внѣшняго, декоративнаго". Едва-ли можно смотрѣть на дѣло такъ просто. Теперь духовенство имѣетъ аудиторію—болѣе или менѣе усердныхъ и внимательныхъ слушателей (другой вопросъ—какъ мы ею пользовались). При разселеніи крестьянъ на хутора аудиторія наша, несомнѣнно, распылится; переполненіе храмовъ,—теперь обычное явленіе не только по большимъ праздникамъ, но и по воскресеньямъ, станетъ рѣдкимъ явленіемъ, особенно тамъ, гдѣ хутора растянутся на десятки верстъ. Ослабѣетъ, несомнѣнно, вліяніе храма и богослуженія, ослабѣетъ и вліяніе народной школы, такъ какъ за дальностью разстоянія у многихъ можетъ не оказаться ни времени, ни физической возможности посылать дѣтей въ школы.

Суевѣрія, сектантство, при развалѣ общины и ростѣ хуторовъ, тоже могутъ увеличиваться, такъ какъ ослабѣетъ связь православнаго населенія, взаимное вліяніе людей другъ на друга, которые оберегаютъ не только одно худое, но и многое хорошее въ деревенской жизни.

Для духовенства при хуторахъ прибавится не „декоративной" работы, а ненужной безполезной траты силъ и времени на разъѣзды по разнымъ концамъ разбросаннаго иногда на десятки верстъ прихода, и такая работа будетъ тяжело и вредно отзываться на всей пастырской работѣ.

Отъ души хотѣлось-бы вѣрить, вмѣстѣ съ о. Локтинымъ, что свѣтлыя надежды, возлагаемыя на хутора, оправдаются въ дѣйствительности, и хуторское устройство крестьянской жизни принесетъ одни благіе результаты, но все

же думаемъ, что не слѣдуетъ закрывать глаза и на нѣкоторыя неудобныя стороны хуторской жизни; необходимо заблаговременно учесть ихъ и принять мѣры противъ того вреда и разстройства, какой онѣ могутъ принести.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію.

(Думы въ концѣ года).

Въ 1895 году Вятское Губернское Земство, желая узнать, соотвѣтствуетъ ли своему назначенію издававшійся имъ въ теченіи 1894 года народный органъ—„Вятская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная газета", разослало во всѣ школы губерніи свыше 1000 вопросныхъ бланковъ, на которые было получено свыше 500 отвѣтовъ. Въ ряду отвѣтовъ на вопросъ—„удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей?" мы встрѣчаемъ между прочимъ такіе:—„Крестьяне читаютъ въ газетѣ все и не потому, чтобы интересно, а только потому, что *хочется ему что нибудь читать*" [1]). „Крестьяне, пишетъ одна учительница, *довольны всѣмъ*, что предлагается имъ для чтенія". „Большинство, отвѣчаетъ учитель изъ Котельническаго уѣзда, *съ жадностью читаетъ первую попавшуюся книгу*" [2]). „Крестьянину", какъ справедливо замѣчаетъ г. Арефьевъ, авторъ статьи „Читатель народной газеты", изъ которой мы заимствуемъ и вышеприведенные отвѣты,—„доставляетъ удовольствіе самый механизмъ чтенія".

---

[1]) Согласованіе подлинника. Курсивъ какъ и въ остальныхъ двухъ отвѣтахъ нашъ.

[2]) „Читатель народной газеты"—Русское Обозрѣніе 1898 г. № 12—статья В. Арефьева. стр. 30.

То было въ 1895 году—17 лѣтъ тому назадъ.., когда бурная волна революціи не врывалась въ русское море, когда тихо и мирно бился пульсъ русской народной жизни... Но не перемѣнилось и за эти годы отношеніе русскаго крестьянина къ книгѣ. Не удовлетворилась эта жажда просыпающагося интеллекта... Тѣ же самые отвѣты, что и 17 лѣтъ назадъ, только въ болѣе настойчивой формѣ, мы услышали бы и теперь изъ народной среды, если бы пожелали спросить у нея о ея настроеніи... Ту же жажду чтенія, жажду книги мы увидѣли бы и теперь, если бы поближе взглянули на наши мирно покоящіяся подъ пушистымъ снѣжнымъ покровомъ деревни, если бы повнимательнѣе заглянули подъ нависшія подъ овчинной шапкой густыя брови ея обитателя...

И кому же, какъ не сельскому приходскому священнику, кому, какъ не ему—пастырю душъ, духовному „кормилицу“, „отцу“ нашего крестьянства, больше другихъ видна эта жажда духовная его великой семьи, кому, какъ не ему, она и особенно близка и чувствительна, кому же, какъ не ему, больше и прежде всего и стремиться удовлетворить ее, удовлетворить не грязнымъ, зараженнымъ питьемъ, но здоровымъ свѣжимъ напиткомъ, здоровымъ чтеніемъ и удовлетворить какъ можно скорѣе... сейчасъ же... не теряя времени... не медля даже и минуты? Къ этому побуждаетъ и естественное влеченіе сердца и настроенія современности, въ которыхъ слышатся, чувствуются еще отголоски окруженныхъ кровавымъ нимбомъ 1905 и 1906 годовъ, слышатся какъ въ средѣ интеллигенціи, такъ и въ средѣ простого народа. Туда, въ народную среду устремлено особенное вниманіе создателей кроваваго ореола вокругъ этихъ годовъ. Здѣсь, въ народной средѣ ихъ взоръ не могъ не замѣтить этой жажды чтенія, не могъ пройти мимо ея... Они хорошо понимали, что въ этомъ заключенъ залогъ ихъ успѣха, они прекрасно видѣли, что въ этомъ ихъ главная поддержка.

И вотъ намъ пришлось быть, къ сожалѣнію и позору нашему, почти молчаливыми свидѣтелями того, какъ къ нашему жаждущему духовно простому народу со всѣхъ сторонъ протягивались дрожащія руки, подающія мелкія книжки, а пересохшія губы шептали—„возьми и читай! Нѣтъ денегъ—возьми даромъ, только возьми и читай! Заплати грошъ, сколько можешь, и читай, только читай!..“ Какъ наши книжные рынки были буквально завалены безчисленнымъ количествомъ дешевыхъ изданій въ родѣ „Народной воли“, „Донской рѣчи“ и имъ подобныхъ, глядя на которыя хотѣлось сказать съ Псалмопѣвцемъ:—„сіе море великое и пространное, тамо гади, ихъ же нѣсть числа“... Какъ русскій крестьянинъ съ жадностью припалъ къ этому зараженному источнику и пилъ изъ него, пилъ до опьяненія, пилъ до одурманиванія, пилъ не сознавая что... Какъ вмѣстѣ съ этимъ зараженнымъ питьемъ по его здоровому организму расходилась отрава, по его крѣпкому тѣлу разливался злой ядъ.

А теперь намъ приходится быть свидѣтелями того, какъ этотъ ядъ входитъ во внутрь организма народнаго, входитъ съ каждой минутой все глубже и глубже, силится проникнуть въ кровеносныя жилы, заразить кровь,—стать народной стихіей.

И неужели мы снова, къ нашему позору, останемся лишь молчаливыми свидѣтелями этой незримой обычными глазами, пагубной работы, разрушающей крѣпкіе организмы тѣхъ, кто—наши меньшіе братья и духовныя дѣти?! Намъ думается, что въ борьбѣ съ этой разрушительной работой злого яда мы должны не только показать себя стойкими, сильными, вѣрящими въ торжество добра и свѣта надъ тьмою и зломъ, но мы должны смыть своимъ трудовымъ потомъ позоръ нашей первой бездѣятельности, позоръ нашего перваго молчанія...

Мы должны дать народному организму силу побороть гибельное дѣйствіе яда, мы должны ему помочь въ этой трудной работѣ, мы должны заставить его сопротивляться,

если онъ примирился съ разрушеніемъ, если стихія отравы стала для него своею стихіей... мы должны привить ему противоядіе, должны доставить здоровую пищу, должны окружить его чистой атмосферой. Все это мы должны сдѣлать какъ можно скорѣе, не пропуская времени, такъ какъ съ каждой минутой эта борьба будетъ труднѣе и труднѣй. Мы это должны сдѣлать именно теперь потому, что теперь для этого создалось особенно удобное положеніе, особенно удобный моментъ.

Съ одной стороны прошли годы революціоннаго пыла, бевого увлеченія, а вмѣстѣ съ этимъ отхлынула и волна книжнаго прилива отъ народной среды, сократился подвозъ новаго яда, новой отравы, а жажда чтенія въ народной средѣ не улеглась, но возросла и возростаетъ. Съ другой стороны, и общая атмосфера современности наиболѣе подходяща для работы въ пользу религіи. Современная мысль имѣетъ ясный наклонъ въ религіозную сторону.

Все это вмѣстѣ съ потребностью любящаго сердца—съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и насточивѣе ставитъ вопросъ о народной литературѣ, объ удовлетвореніи духовной жажды нашего крестьянства... Все это рѣшительнѣе и рѣшительнѣе говоритъ о необходимости того или иного, но во всякомъ случаѣ немедленнаго, его разрѣшенія.

Но особенно настойчиво встаетъ онъ, особенно рѣшительно заявляетъ о себѣ, когда проходитъ къ западу солнце стараго года, когда серебромъ сѣдинъ начинаетъ покрываться его голова... когда среди мыслей, длинной вереницей встающихъ въ людскихъ головахъ, мыслей быстро сѣняющихъ другъ друга, мыслей о новомъ... мыслей о счастьѣ, о лучшемъ, о святомъ и радостномъ, встаетъ неизмѣнно изъ года въ годъ все одна и та же мысль, мысль объ изданіи и выпискѣ книгъ и журналовъ; когда вопросъ—что издавать? что выписывать? не идетъ съ устъ человѣческихъ, когда онъ становится благодарной темой для разговоровъ и въ рос-

кошныхъ салонахъ богачей и въ скромныхъ домахъ священниковъ.

Слушая эти безконечные разговоры—невольно вспоминаешь о томъ, что эти высшія волненія. волненія интеллектуальныя идутъ выше большей части Россіи, Россіи трудовой, Россіи крестьянской,—и краска стыда выступаетъ на лицѣ. Ты, какъ Евангельскій богачъ, сидишь ежедневно за роскошной духовной трапезой, ты со всѣхъ сторонъ окруженъ цѣлыми горами книгъ, ты выбираешь изъ нихъ самое лучшее, самое пріятное и вкусное для себя—какъ самый тонкій гастрономъ, а здѣсь же у твоихъ воротъ. у дверей твоего наполненнаго книгами дома, лежитъ твой меньшій братъ, изнемогающій отъ духовной жажды, питающійся отравленной пищей и въ лучшемъ случаѣ жалкими крошками, падающими отъ твоей раскошной трапезы, крошками часто неудобоваримыми для непривычнаго желудка.

И хочется сказать, сказать самому себѣ, своему черствому сердцу,—„отдай хоть десятину твоей трапезы, отдай хоть остатокъ, отдай этоту жаждущему и алчущему твоему меньшому брату, отдай хоть крошки съ твоей трапезы, но крошки удобоваримыя для его простого организма...“

Итакъ, все говоритъ за то, что всѣ мы, вкусившіе сладкаго плода образованія, и прежде всего пастыри Церкви —мы, должны реагировать на ясный для всѣхъ, всѣмъ извѣстный фактъ стремленія нашего народа къ чтенію, жажды книги, должны реагировать немедленно, именно теперь, потому что для этого „нынѣ время благопріятно“, потому что „нынѣ день спасенія“, легчайшаго спасенія нашего крестьянства отъ того разрушительнаго яда, что влили въ него годы революціонныхъ движеній; все призываетъ къ великой работѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ все заставляетъ насъ остановиться на естественномъ и важномъ для существа дѣла вопросѣ: какъ реагировать на эту жажду,—чѣмъ и какъ удовлетворять народное стремленіе къ книгѣ, къ чтенію?

Этотъ вопросъ настолько важенъ, что всякую попытку его рѣшенія можно только всячески привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ уже имѣетъ если не многочисленную, то довольно опредѣленную литературу, мало, если не сказать бо́льшаго, использованную. И мы конечно отнюдь не претендуемъ на какую либо полноту рѣшенія этого вопроса или использованія матеріала, доставленнаго намъ упомянутой литературой. Мы отводимъ себѣ скромную задачу высказать свои думы насчетъ этого важнаго вопроса въ слухъ образованнаго міра и прежде всего того міра, который волей неволей самымъ своимъ положеніемъ долженъ сталкиваться съ поставленнымъ нами вопросомъ.

Александръ Аболенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Спутницы.

(Окончаніе [1]).

Третій типъ, это типъ щеголеватой, кокетливой и легкомысленной женщины, съ чисто будничными интересами въ жизни. Дѣтьми своими она тяготится, хотя иногда и наряжаетъ ихъ по-барски; но о христіанскомъ воспитаніи ихъ совершенно не заботится. Она любитъ вечера, моды, общества кавалеровъ. Участвуетъ въ спектакляхъ. Въ отношеніи религіи у ней самые жалкіе обрывки: такъ кое-когда небрежно перекрестится, да очень рѣдко забѣжитъ къ концу обѣдни въ церковь.

Это отвратительный типъ. Въ крайнихъ своихъ выраженіяхъ онъ встрѣчается рѣдко. Но не мало есть священническихъ женъ, которыя пошли бы по этому пути, если бы позволяли средства и вообще благопріятствовали условія жизни; къ счастью, недостатокъ средствъ и самыя условія быта

[1]) См. № 48, за 1912 г.

духовенства не даютъ развиться пошлымъ буржуазнымъ наклонностямъ нѣкоторыхъ матушекъ.

Совсѣмъ не похожъ на предыдущіе типы четвертый типъ священнической жены. Это—развитая, начитанная и серьезная женщина. Но односторонне развитая. Она много читаетъ, но исключительно „свѣтскую" литературу—беллетристику новыхъ писателей, толстыя періодическія изданія, газеты. Религіозными вопросами она не интересуется. Надъ житіями святыхъ и прологами, пожалуй, улыбнется. Богословіе для нея мертво и скучно. Да она и не пробовала его читать. Въ церковь ходитъ только по надобности. Она съ охотой берется за учительство въ школѣ, фельдшерство и т. п. Вообще ей очень хочется имѣть независимое положеніе отъ мужа и въ этомъ отношеніи она до болѣзненности чувствительна. Однако, имѣя отдѣльную службу, она хотя и несетъ ее съ полной добросовѣстностью и даже умѣньемъ и съ успѣхомъ, но воодушевленія и самоотверженности въ служеніи не имѣетъ. Одѣвается довольно изысканно. Живого общенія съ простонародьемъ не имѣетъ и въ послѣднемъ видитъ, главнымъ образомъ, невѣжество и грубость. Къ служенію мужа относится безразлично. Положеніе ея въ семьѣ священника фальшиво. И она, конечно, совсѣмъ не спутница мужа въ его пастырскомъ служеніи. Она ничего не имѣла бы противъ того, если бъ мужъ ея совсѣмъ снялъ рясу и сдѣлался бы акцизнымъ надзирателемъ, начальникомъ желѣзнодорожной станціи или чѣмъ угодно. Если мужъ такой жены—священникъ убѣжденный и человѣкъ съ твердымъ характеромъ, то отрицательныя стороны этого типа нѣсколько сглаживаются. При другихъ же условіяхъ мужъ вполнѣ подчиняется антицерковному вліянію жены, и изъ него получается уродливый типъ священника безъ всякихъ устоевъ, безъ уваженія къ уставамъ той церкви, которой служитъ, и безъ вѣры въ то священство, которое на себѣ носитъ.

Пятый типъ священнической жены лучше всего характеризуется апостольскимъ словомъ: спутница. Это, истинно,

спутница мужа въ его пастырскомъ служеніи. Она всюду слѣдуетъ по его стопамъ и въ минуты его боренія и изнеможенія всегда готова утѣшить его и подкрѣпить. Прежде всего она спутница мужу въ вѣрѣ. Не рѣдко, хорошо знакомая со свѣтской литературой и получившая вообще, т. наз., „свѣтское“ образованіе, она съ благоговѣйнымъ вниманіемъ углубляется и въ чтеніе святоотеческой литературы, прологовъ и житій. Она вмѣстѣ съ мужемъ изучаетъ ихъ, а также и самое Слово Божіе. Она молится вмѣстѣ съ мужемъ и дома, и въ церкви, и въ избахъ прихожанъ. Во время отлучекъ мужа молитвенно сопутствуетъ ему. Чуждая того, что называется ханжествомъ, она въ то же время съ уваженіемъ относится къ установленіямъ церкви относительно поста и вообще внѣшняго уклада жизни. Она не пустится въ танцы и вообще не будетъ увлекаться другими мірскими „развлеченіями“ и не станетъ этого дѣлать не только изъ любви къ мужу и уваженія къ его служенію, но и просто потому, что ей это совершенно неинтересно, да и некогда объ этомъ думать. У ней такъ много священныхъ заботъ и высокихъ интересовъ, что мысль о танцахъ, вечерахъ и т. п. даже и въ малой степени не привлекаетъ ее. Вѣдь она спутница пастыря, спутница того, кто долженъ возвѣщать людямъ Евангеліе, кто долженъ вразумлять заблудшихъ, кто долженъ насыщать алчущихъ, утѣшать страдальцевъ, защищать обиженныхъ... Она спутница того, кто долженъ бороться съ царствующимъ въ мірѣ зломъ, кто обязанъ вслухъ всѣхъ громко возвѣщать: „Горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчите. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете“ (Лук. VI, 24—55). До танцевъ ли, нарядовъ и развлеченій вѣрной спутницѣ того, кто провозглашаетъ людямъ эти слова Христовы?

О, нѣтъ! даже мимолетно сердце ея не ищетъ такихъ радостей. Сердце ея влечетъ ее въ жилище несчастныхъ, голодныхъ, заброшенныхъ, забытыхъ. Тутъ ея мысли, ея за-

боты, ея интересы. Она горячо желаетъ помочь всѣмъ. И ей все кажется, что она мало дѣлаетъ добра людямъ, что она эгоистка и думаетъ только о себѣ. Смиреніе всегда бываетъ спутникомъ истинной добродѣтели. Въ такомъ же духѣ она воспитываетъ и дѣтей своихъ. Она стремится вложить въ нихъ навыки дѣятельной христіанской любви и искренняго благочестія. Ничто такъ не огорчаетъ ее въ ихъ поведеніи, какъ случаи неблагодарности и холодности ихъ къ Богу и грубости въ отношеніи къ людямъ. Въ такъ называемомъ „обществѣ“ она бываетъ очень рѣдко: въ гости къ людямъ привилегированнаго положенія ей ходить некогда, да и въ большинствѣ случаевъ съ ними у ней нѣтъ почти ничего общаго. Но когда случается ей въ обществѣ такихъ людей бывать, она держитъ себя съ свойственной ей скромностью и безъ тѣни какого-либо пренебреженія или высокомѣрія. Эти чувства совершенно не свойственны ея натурѣ. Много дѣлающая, много читающая и думающая, она, однако, никогда не стремится поставить на видъ свою дѣятельность, свое развитіе или начитанность. Напротивъ, она искренно считаетъ себя малодѣятельной и малосвѣдущей.

Въ средѣ простого народа она, наоборотъ, бываетъ очень часто. Здѣсь она чувствуетъ себя въ родной атмосферѣ. Она постоянно посѣщаетъ съ мужемъ дома простолюдиновъ и съ воодушевленіемъ принимаетъ активное участіе въ тѣхъ бесѣдахъ и собраніяхъ, которыя мужъ ея устраиваетъ съ народомъ какъ въ храмѣ, въ школѣ или иномъ помѣщеніи, такъ и въ домахъ самихъ прихожанъ, по приглашенію послѣднихъ. О, какъ много отрадныхъ и святыхъ чувствъ почерпаетъ она въ живомъ общеніи съ народомъ, въ этой мирной бесѣдѣ въ маленькой горницѣ, переполненной народомъ за невзыскательной и общей съ простыми людьми трапезой на самодѣльной скатерти, въ бесѣдѣ, прерываемой хотя и не музыкальнымъ, но воодушевленнымъ общимъ пѣніемъ молитвъ и священныхъ стиховъ! Въ свою очередь и дома она принимаетъ своихъ прихожанъ съ полнымъ радушіемъ. И они идутъ

къ ней, какъ къ своему человѣку, и чувствуютъ себя у нея, какъ дома. Здѣсь, въ домѣ священника, никто и ничто ихъ не третируетъ, а также и они нисколько не шокируютъ хозяевъ.

Она, при случаѣ, не сторонится и занятій въ школѣ, фельдшерства и т. п. Она берется за эти дѣла даже съ большой охотой и увлеченіемъ. Но при этомъ у нея нѣтъ никакихъ корыстолюбивыхъ видовъ или жажды независимости, а одно горячее желаніе принести людямъ пользу.

Во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ она стремится поддержать мужа. Если же видитъ его унывающимъ при неудачахъ или готовымъ опустить руки при видимой безплодности нѣкоторыхъ стремленій его, то спѣшитъ утѣшить его, подкрѣпить. Она напоминаетъ ему о Христѣ, о Его подвигѣ. Она съ любовію указываетъ мужу на собственныя его ошибки или невѣрный шагъ, она молится за него и проситъ у Бога для него помощи и подкрѣпленія. Однимъ словомъ, она во всемъ, какъ вѣрная спутница, какъ добрая и любящая сестра во Христѣ. Вотъ положительный типъ жены священника! Но воплощается ли такой типъ въ дѣйствительности? Среди современныхъ священническихъ женъ есть ли такія вѣрныя спутницы пастыря.

Немного, но есть. Ихъ мало, но онѣ истинно народныя *матушки*. Смиренны, скромны онѣ. Но задача ихъ, поистинѣ, высока и свята. Немного о нихъ сказано въ прошломъ. Но славное будущее принадлежитъ имъ.

Рисуя разные типы матушекъ, мы, конечно, не думаемъ этимъ сказать, что всѣ существующія матушки подходятъ подъ эти пять категорій. Нѣтъ, жизнь слишкомъ разнообразна, да и имѣли намѣреніе набросать только схемы характеровъ лишь *типичныхъ*, по нашему мнѣнію, матушекъ. Наша цѣль—путемъ сравненія разныхъ характерныхъ типовъ показать, какое огромное значеніе въ пастырскомъ дѣлѣ имѣетъ то или иное направленіе священнической

жены, какъ много значитъ для пастыря спутница его жизни?

И не ради осужденія или насмѣшки мы нарисовали выше нѣкоторые отрицательные, по нашему мнѣнію, типы матушекъ. Нѣтъ, да не будетъ сего! Мы, современные пастыри, болѣе достойны осужденія и насмѣшки, чѣмъ наши спутницы. Въ большинствѣ случаевъ онѣ лишь подчиняются тѣмъ условіямъ, созданіе которыхъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ насъ.

Несомнѣнно, и среди современныхъ священническихъ женъ найдется не мало людей съ отзывчивымъ на добро сердцемъ, готовыхъ стать въ ряды воинства Христова и взяться за работу на нивѣ Христовой. Пусть будетъ этотъ вопросъ однимъ изъ тѣхъ, которые требуютъ неотложнаго разрѣшенія. („Ен. Е. В.“).

Священ. *Владиміръ Кузьминъ.*

Легенда объ основаніи Константинополя.

Легенда объ основаніи Константинополя говоритъ, что когда, по повелѣнію Императора Константина, землемѣры и строители приступили къ постройкѣ города, изъ одной норы выползъ большой змій. Вдругъ въ воздухѣ показался орелъ. Онъ опустился на змія, схватилъ его когтями и поднялся съ нимъ высоко. Змій обвился вокругъ орла и завязалась страшная борьба. Но потомъ оба упали на землю. Змій душилъ орла, но кинулись люди, убили змія, а орелъ улетѣлъ въ высь.

Императоръ Константинъ Великій при этомъ присутствовалъ, созвалъ мудрецовъ и просилъ ихъ истолковать, что̀ значитъ это предвѣщаніе? Мудрецы отвѣчали:

„Орелъ есть знаменіе христіанства, а змій—знаменіе бусурманства (язычества). Какъ змій одолѣлъ орла, такъ бусурманы одолѣютъ христіанъ; и какъ нынѣ христіане убили

змія и освободили орла, такъ въ поздніе вѣка христіане одолѣютъ бусурманъ, отнимутъ у нихъ Седмихолмый и воцарятся въ немъ".

Построенный, какъ и Римъ, на семи холмахъ, онъ имѣлъ видъ треугольника во славу Св. Троицы, каждая сторона—семь верстъ. Въ стѣнѣ 52 башни, по числу недѣль, 24 воротъ, по числу часовъ въ сутки; 12 улицъ, по числу мѣсяцевъ; 365 переулковъ, по числу дней въ году.

Городъ имѣлъ семь названій: Византія, Константиноградъ, Царьградъ, Новый Римъ, Седмихолмый, Константинополь и Стамбулъ.

При императорѣ Юстиніанѣ былъ построенъ храмъ св. Софіи. Строили его 100 архитекторовъ, у каждаго было 500 мастеровъ, 5000 человѣкъ работали на правой сторонѣ и столько-же на лѣвой. Императоръ самъ во все время постройки ежедневно послѣ обѣда осматривалъ работы.

Стѣны храма сложены изъ драгоцѣннаго мрамора бѣлаго, розоваго зеленаго и голубого цвѣта, 107 коллонъ поддерживали главный куполъ.

Престолъ былъ слитъ изъ драгоцѣннаго сплава; верхняя доска его сплавлена изъ золота и серебра, съ мелкими и драгоцѣнными камнями и алмазами.

По преданію, при освященіи храма имераторъ Юстиніанъ воскликнулъ:

О Соломонъ, я превзошелъ тебя!

Легенды говорятъ, что за недѣлю до взятія Константинополя турками 21 мая 1453 г., въ день св. царя Константина и матери его Елены, ночью городъ освѣтился необыкновенно яркимъ заревомъ. Пламя выходило изъ верхнихъ оконъ Софійскаго собора и охватило весь куполъ и постепенно стало подниматься къ небу. Небеса какъ бы разверзлись, поглотили его, и въ городѣ стало темно. Всѣ это приняли за знаменіе, что благодать Божія ушла изъ храма и самому царству наступилъ конецъ.

29 мая турки начали послѣдній штурмъ Константинополя. Императоръ пришелъ въ Софійскій соборъ, исповѣдался, причастился, простился съ патріархомъ, императрицей, поклонился до земли на всѣ четыре стороны, затѣмъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ битву.

Когда городъ былъ взятъ, Магометъ верхомъ на конѣ въѣхалъ въ храмъ св. Софіи. По преданію, престарѣлый священникъ выносилъ въ это время къ народу чашу. Увидя врывавшихся турокъ и желая спасти святую чашу отъ поруганія невѣрныхъ, старецъ бросился къ стѣнѣ и каменная стѣна разверзлась предъ нимъ и поглотила его. Литургія осталась незаконченной. Она будетъ закончена только при взятіи Константинополя христіанами. Тогда, по легендѣ, каменная стѣна снова раскроется, и отсюда выйдетъ престарѣлый священникъ съ св. чашей и кончитъ литургію, прерванную въ 1453 г. (Тамб. е. вѣд.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Переселенческаго Управленія.

Въ каждомъ Волостномъ Правленіи, у Мирового Посредника и въ Уѣздной Землеустроительной Коммиссіи можно безплатно получать справочную книжку о переселеніи на казенныя земли Сибири.

Ходаческія свидѣтельства и льготный тарифъ для проѣзда въ Сибирь выдаются Мировыми Посредниками всѣмъ крестьянамъ и мѣщанамъ-землепашцамъ безпрепятственно.

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала:

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ"

въ 1913 подписномъ году.

Въ **54** году своего существованія журналъ нашъ будетъ преслѣдовать свою всегдашнюю цѣль—содѣйствіе православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной дѣятельности. Для этого журналъ будетъ давать **статьи** по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни, по изъясненію Св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней; **обзоръ періодической печати** (въ 1913 г. будетъ введенъ также **обзоръ газетныхъ статей**, касающихся церковныхъ вопросовъ) и новыхъ книгъ богословско-религіознаго содержанія; свѣдѣнія **по пчеловодству, садоводству сельскому хозяйству и медицинѣ**; разсказы изъ быта духовенства, а также (въ ежемѣсячномъ приложеніи „Проповѣди") **поученія** на всѣ воскресные и праздничные дни.

Особенное вниманіе Редакція обратитъ на изложеніе и христіанское освѣщеніе **событій современной церковной и общественной жизни** и на обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на мѣстахъ, **въ епархіяхъ**, и выдвигаются **въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ**.

Кромѣ того, для установленія болѣе живой связи съ подписчиками Редакція приглашаетъ послѣднихъ обращаться къ ней за разрѣшеніемъ возникающихъ у нихъ недоразумѣній и открываетъ въ своемъ журналѣ **новый отдѣлъ—отвѣты на вопросы подписчиковъ**. И вообще Редакція съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ **три** тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей" и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библіографическаго Листка".

Сверхъ того, въ 1913 году, въ качествѣ особаго безплатнаго приложенія, Редакція дастъ подписчикамъ „Церковно-пѣвческій сборникъ".

Подписчики могутъ покупать „Толковый Типиконъ" по уменьшенной цѣнѣ, вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 р.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ рублей**, за границу **8 р.**

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября м. 1913 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $^1/_2$ г. или на 1 м. не принимается; разсрочка платы допускается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го ноября 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6.

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 50

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 9-го декабря.

Содержаніе: I. „Голуби Святого Младенца". Н. Гумилевскій.—II. Плачъ на кончину Патріарха Іоакима III. Архіепископъ Антоній.—III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—IV. Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію. (Продолженіе). А. Аболонскій.—V. Замѣтки: а) Христіанское воспитаніе дѣтей въ школѣ.—b) Живое слово.—VI. Объявленіе объ изд. „Р. д. с. п."—

„Голуби Святого Младенца"...

Какъ извѣстно, въ послѣднее время (поистинѣ дни лукавые) книжный рынокъ буквально наводняется массой сочиненій противорелигіознаго и противонравственнаго содержанія. Поэтому ощущается необходимость въ широкомъ распространеніи литературы противоположнаго характера, и всякое религіозно-нравственное изданіе заслуживаетъ поддержки. Но чтобы быть дѣйствительно полезными, религіозно-нравственныя изданія должны содержать чистую истину безъ всякой посторонней примѣси, такъ какъ подобная примѣсь въ изда-

нiи, которое считается выразителемъ подлиннаго церковнаго ученiя, можетъ быть гораздо болѣе соблазнительной, чѣмъ въ книгѣ, завѣдомо противохристiанской.

Къ сожалѣнiю, попадаются статьи въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ религiозно-нравственныхъ изданiй безъ достаточной осмотрительности помѣщенныя въ нихъ. Такъ, въ „Свѣточѣ“ (1912 г., кн. 11), приложенiи къ извѣстному популярно-назидательному журналу „Русскiй Паломникъ“, находимъ легенду польскаго писателя Г. Даниловскаго „Голуби Святого Младенца“. Въ этой легендѣ дѣтство Христа представляется наполненнымъ чудесами, которыя съ подлинными евангельскими чудесами ничего общаго не имѣютъ, а скорѣе напоминаютъ буддiйскiя или мусульманскiя сказанiя; таковы, напр.,— превращенiе дѣтей въ козлятъ, оживленiе глиняныхъ фигуръ, поправка безъ клея сломанныхъ игрушекъ и т. п. При этомъ авторъ употребляетъ выраженiя, совершенно недопустимыя въ примѣненiи къ Лицу Спасителя, напр.: „недостатка въ изобрѣтательности въ Его играхъ не было“; „сила Его чудесъ проявлялась въ дѣтскихъ шалостяхъ и играхъ“. А далѣе допускается фраза, содержащая въ себѣ мысль будто бы Христу не было съ самаго начала присуще сознанiе Своей Божественности: „Онъ сталъ раздумывать надъ строгостью ветхозавѣтнаго закона карающаго, грознаго Бога и скоро почувствовалъ, что станетъ Пророкомъ, Учителемъ и Мучеником Новаго Завѣта—Завѣта любви“.

Послѣднимъ дѣтскимъ чудомъ Спасителя представляется оживленiе глиняныхъ голубей, которые будто бы потомъ всюду слѣдовали за Нимъ. Повѣствованiя легенды объ этихъ голубяхъ явно противорѣчатъ Слову Божiю. Послѣ погребенiя Христа они будто бы „пребывали съ Нимъ въ пещерѣ, и ихъ распростертыя крылья и взъерошенныя перья показались обезумѣвшей отъ горя Маріи Магдалинѣ свѣтлыми ангелами, спросившими, ее: жено, о чемъ ты плачешь?.. Когда ученики Его собрались спустя пятьдесятъ дней,—подобно бурѣ, съ высоты неба въ быстромъ шумѣ слетѣли къ нимъ тѣ же са-

мые голуби. Свѣтящимися крыльями, какъ будто раздвоеннымъ пламенемъ, коснулся каждый изъ нихъ головы апостола, и въ видѣ этихъ гонцовъ Іисуса сошелъ на нихъ Духъ Святой, горячая вѣра въ ожидавшее ихъ апостольство, которому они и предались единодушно". Здѣсь очевиденъ тотъ пріемъ фантастическаго перетолкованія Слова Божія, который обычно употребляется противохристіанскими раціоналистическими писателями. Какое назиданіе можетъ вынести для себя благочестивый читатель изъ подобныхъ легендъ?

Въ той же книжкѣ „Свѣточа", въ отдѣлѣ „смѣси", при перечисленіи сказаній разныхъ народовъ о томъ, какъ создана женщина, между прочимъ, сказано: „Ассирія, Вавилонъ, Египетъ, а за ними и Іудея сохранили самую непоэтическую легенду о происхожденіи женщины... изъ ребра мущины!" Помимо неуважительнаго отношенія къ библейскому сказанію (названному притомъ легендой), здѣсь ясно проглядываетъ мысль, что еврейское повѣствованіе о сотвореніи Евы имѣетъ своимъ источникомъ не Божественное откровеніе, а ассирійскія, вавилонскія и египетскія сказанія.

Несомнѣнно, всѣ указанныя, совершенно недопустимыя въ православномъ духовномъ журналѣ выраженія попали въ „Свѣточъ" вслѣдствіе недостаточной внимательности, по неосмотрительности. Но это только подтверждаетъ мысль, съ какой осторожностью должны производить выборъ своего матеріала издатели, задавшіеся цѣлью дать народу религіозно-нравственное чтеніе. *Н. Гумилевскій.*

Плачъ на кончину патріарха Іоакима III.

Прости, Владыко, сокровище вѣры, источникъ любви, носитель огненной ревности, пастырь вселенной! Ты покинулъ насъ, христіанъ всего міра, какъ великій Моисей предъ вступленіемъ своего народа въ Землю Обѣтованную.

Свѣтлый рай принялъ тебя подъ свои священные кущи раньше, чѣмъ Христовъ крестъ возсіялъ на Софіи, раньше,

чѣмъ угасло полувѣковое раздѣленіе съ православно-вѣрующими болгарами, раньше, чѣмъ осуществилась твоя молитва и твоя проповѣдь о созваніи вселенскаго собора православныхъ христіанъ.—Уже не на дальній Аѳонъ и не на 18 лѣтъ уединился ты отъ своей паствы и отъ руководства вселенскою церковью, но переселился духомъ на небо и пребудешь тамъ до всеобщаго воскресенія.

Не увижу тебя я на землѣ сей, къ чему стремился уже много лѣтъ! Не на комъ будетъ успокоиться взору христіанина, скорбящаго объ ослабленіи современной жизни церковной и о глубокомъ упадкѣ нравовъ. Тебя нѣтъ среди насъ, великій оплотъ православія! Тебя нѣтъ, и сердца вѣрныхъ погружены въ глубокую печаль. Сокрушенный скорбями и болѣзнями 80-лѣтній старецъ, ты не только былъ сильнѣе всѣхъ своимъ апостольскимъ духомъ, но твое слово или посланіе вливало силу въ душу всякаго, къ кому оно обращалось. Сіяніе Божественной славы блистало на твоемъ челѣ; благодатная сила соединена была съ твоимъ словомъ; твоя молитва длившаяся безпрерывно болѣе половины сутокъ „посредѣ Церкве“, одушевляла предстоящую братію и народъ, и сонъ далеко бѣжалъ отъ ихъ очей, когда они видѣли, какъ твои очи постоянно наполняются слезами молитвеннаго умиленія.—Такъ пребывалъ ты учителемъ вселенной и на патріаршемъ престолѣ и въ Аѳонской пустынѣ, куда почти каждую седьмицу приходилъ ты въ качествѣ пѣшаго богомольца на престольные праздники иноческихъ обителей всѣхъ народностей и былъ всѣми встрѣчаемъ съ одинаковымъ восторгомъ, какъ отецъ, учитель и другъ всѣхъ народовъ.

Будучи отцомъ всѣхъ вѣрныхъ человѣковъ, ты теперь будешь нареченъ сыномъ Божіимъ, какъ великій миротворецъ церквей и племенъ. Твоимъ святительскимъ посредствомъ возвращено было церковное общеніе Антіохійской патріархіи съ прочими церквами Востока; твоимъ авторитетомъ была успокоена распря среди Іерусалимской іерархіи, возникшая на племенной враждѣ, а послѣдніе два года твоей

праведной жизни ты посвятилъ великому дѣлу примиренія съ Церковью шестимилліоннаго болгарскаго народа и его епископовъ. Поистинѣ ты былъ для православной вселенной вторымъ Моисеемъ, примиряя церкви и народы между собою и всѣхъ примиряя съ Богомъ.—Впрочемъ Архангелу Михаилу не нужно будетъ спорить съ сатаной о твоей праведной душѣ, какъ онъ спорилъ о тѣлѣ Моисея, ибо Моисей воспріялъ смерть до вступленія въ Обѣтованную Землю за то, что однажды прогнѣвилъ Бога малымъ сомнѣніемъ, а тебя отнялъ Богъ отъ вѣрующей вселенной не за твои, а за наши грѣхи, за то, что, будучи теплохладны, мы, епископы всѣхъ странъ, слишкомъ вяло отзывались на пророческіе призывы въ твоихъ Окружныхъ Посланіяхъ, вмѣсто того, чтобы радостно спѣшить на твой голосъ. Десять лѣтъ почти прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты призывалъ церкви къ собранію Вселенскаго Собора, но, увы, мы уподобились недостойнымъ гостямъ, званнымъ на евангельскую вечерю! И вотъ заключился чертогъ твоей благодатной души: она перенеслась отъ насъ въ свѣтлый чертогъ небесный. Она тамъ встрѣтитъ болѣе присныя ей души праведныхъ. Она узритъ тамъ умиротворителя церквей—Великаго Василія, будетъ бесѣдовать съ изгнанникомъ за правду—Аѳанасіемъ Великимъ, утѣшаться слышаніемъ глаголовъ ревности святаго Златоуста.—„*Блаженъ путь, въ онь же днесь идеши душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія*“.

Твой путь блаженъ, но печально пребываніе овецъ, оставшихся безъ пастыря, предъ дверми церковнаго единенія, предъ освобожденіемъ царствующаго града отъ рукъ невѣрныхъ. Кто соберетъ теперь встрѣтившіеся тамъ народы, „*якоже кокошь собираетъ птенцы своя подъ крылъ своя*“ (Мтѳ., 23, 37). Кто удалитъ отъ нихъ распрю о первенствѣ и подобно Спасителю вопроситъ ихъ: *кто болій: возлежай-ли или служай? не возлежай-ли? Азъ же посредѣ васъ есмь, яко служай*“ (Бук. 22, 27).

Да! осиротѣли православные народы, подошедшіе съ оружіемъ и съ приговоромъ смерти за вѣру къ столицѣ султановъ! Осиротѣла тѣмъ паче великая народность эллиновъ, которую ты удерживалъ отъ обращенія ея сердца къ древне-языческимъ предкамъ и возносилъ ихъ духъ, ихъ чувство и память къ ихъ отцамъ по вѣрѣ, къ великимъ строителямъ Церкви, къ святымъ апостоламъ и богоноснымъ отцамъ. Осиротѣло и одно древне-русское племя, двѣсти лѣтъ тому назадъ вовлеченное насиліемъ и обманомъ во власть латинской ереси, но въ послѣдніе годы пытающееся сорвать съ себя ея погибельные оковы и сдѣлаться твоею богоспасаемою паствою. Ихъ іереи съ греческими антиминсами томятся тамъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, а бѣдный народъ простираетъ къ священному Востоку свои умоляющія руки, прося православнаго крещенія дѣтямъ и православнаго погребенія умершимъ, въ чемъ имъ отказываютъ мірскія власти, злые мучители, носящіе личину гражданской свободы.

Вотъ сколькихъ сиротъ по разнымъ странамъ міра оставляешь ты, „всемірный отче“, какъ именовала Церковь нѣкоторыхъ святыхъ.—Плачьте же, христіане всего міра! Вы лишились пастыря, который одинъ, изъ немногихъ, носилъ въ душѣ своей тотъ залогъ животворящей силы, коимъ должны бы обладать всѣ: онъ одинъ изъ немногихъ, болѣе всего во всемъ мірѣ любилъ Христову Церковь, любя общее спасеніе; для него трудился, для него жилъ, для него подвизался въ постѣ и молитвѣ, для него терпѣлъ изгнанія, за него терпѣлъ оскорбленія, для него переносилъ „*бѣды отъ единоплеменниковъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды на мори, бѣды отъ лжебратіи*“ (2 Кор. 11, 26).

Не достало бы намъ словъ, если бы мы пожелали припомнить всѣ черты духа усопшаго святителя, уподоблявшія его святымъ апостоламъ и древнимъ великимъ отцамъ. Іоакимъ Третій не былъ человѣкомъ двадцатаго вѣка: ни эпоха, ни мѣсто рожденія не опредѣлили собою его духовнаго об-

лика. Такіе люди, такіе служители Христа, стоятъ выше и внѣ исторіи и народности: еще на землѣ принадлежатъ они вѣчности, еще во плоти они граждане и отцы вселенной. Во времена древнія такихъ святителей и монаховъ бывало не мало. Блаженно и наше время, что оно имѣло хотя одного такого избранника. Блаженны очи тѣхъ, которые видѣли его, блаженны уши тѣхъ, которые его слышали!

Соединимъ же, христіане, нашу скорбь съ нашимъ благодареніемъ Богу! Утремъ наши слезы цвѣтами благодарственнаго прославленія вѣрнаго Божія раба! Вознесемъ молитву, чтобы Господь открылъ его душѣ безпреткновенный путь къ Своему престолу, дабы и онъ повергъ предъ Нимъ свое ходатайство о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей!

А мы здѣсь, оставшіеся на землѣ предводители церковнаго воинства, оплакавъ потерю патріарха Іоакима Третьяго, скажемъ себѣ и Богу то, что сказали іудеи, потерявъ третьяго полководца Маккавея—Іонаѳана: „*теперь нѣтъ у насъ начальника и поборника; итакъ, будемъ теперь воевать противъ нихъ* (*безбожниковъ*) *и истребимъ изъ среды людей память ихъ*“ (1 Макк. 12, 53). Такъ и мы: станемъ за святую Церковь Христову, за вселенское единеніе, за чистоту нравовъ, за охраненіе священныхъ каноновъ, на борьбу съ невѣріемъ, съ ересями, съ язычествомъ древнимъ и новымъ! Станемъ за великіе завѣты Іоакима Третьяго, во славу Божію и за упокой его праведной души.

Архіепископъ *Антоній*.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Смиреніе побѣдило.

Слѣдующее интересное сообщеніе о. Козубовскаго находимъ въ журналѣ „Приходскій священникъ“. Слобода Темная давно уже извѣстна была, какъ гнѣздо штундизма, вслѣдствіе чего трудно въ ней было жить пастырямъ православнымъ, изъ которыхъ ни одинъ долго не могъ удержаться здѣсь.

Всѣ средства были приняты, чтобы ослабить штундизмъ, но ничто не помогало: ни кружки ревнителей православія, ни миссіонерскіе курсы, ни увѣщанія и народныя чтенія, и секта все росла и росла. Наконецъ мѣстный преосвященный рѣшилъ испробовать такую мѣру противъ штунды. Зная хорошо своихъ священниковъ, онъ особенно цѣнилъ тѣхъ изъ нихъ, которые были незамѣтны, не стремились къ служебной карьерѣ, но кротко, тихо и усердно пасли свое стадо гдѣ-нибудь въ глуши, большей частью, въ бѣдныхъ приходахъ. Вотъ одного изъ такихъ смиренныхъ труженниковъ онъ и призываетъ къ себѣ и предлагаетъ перейти въ слободу Темную. „Я желаю дать тебѣ, отче, лучшій приходъ, но штундистскій. Согласенъ?“ „Ваше преосвященство! отвѣчалъ смиренный пастырь.— Я вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, и хотя иногда нуждаюсь, но не ропщу: на все воля Божія. Не хотѣлось бы мнѣ бросать насиженнаго мѣста. Но если угодно Вашему преосвященству, то я согласенъ идти и ко врагамъ Церкви Божіей. Смиреннѣйше прошу святительскаго благословенія и молитвъ обо мнѣ грѣшномъ“. Итакъ, волей Бога и владыки о. Алексѣй (такъ звали смиреннаго священника) оказался на новомъ приходѣ. Послѣ перваго же богослуженія онъ созвалъ своихъ прихожанъ къ себѣ на братскую трапезу, а затѣмъ, выбравъ изъ нихъ десятка два самыхъ преданныхъ православію, часто посѣщалъ ихъ на дому и приглашалъ къ себѣ на «братскій чаекъ». Во время этихъ свиданій о. Алексѣй читалъ имъ житія святыхъ, религіозно-нравств. листки, творенія святителя Тихона Задонскаго и пѣлъ съ ними псалмы. Простота, доступность и любовное отношеніе ко всѣмъ привлекали къ о. Алексѣю всѣхъ его прихожанъ. Со штундистами онъ не вступалъ въ пререканія и не позволялъ это дѣлать и своимъ пасомымъ. А когда сектанты ужъ сильно нападали на православныхъ, то смиренный пастырь говорилъ обидчикамъ: „зачѣмъ вы, люди добрые, раздираете св. хитонъ Христовъ, Церковь Его святую, когда на это не дерзнули распинатели Господа? Развѣ мы не вѣруемъ въ Господа

Іисуса Христа? развѣ мы не читаемъ Его Св. Евангеліе? Зачѣмъ же намъ ваше „новое благовѣствованіе“, когда мы въ своей Церкви Православной имѣемъ все, яже потребно намъ къ животу и благочестію? Вы все порываетесь на ссоры и своры съ нами, а мы, какъ вѣрные рабы Господни, поклоняющіяся Ему въ духѣ и истинѣ, наоборотъ, ищемъ благодатнаго мира и согласія со всѣми... Оставте же насъ въ покоѣ, люди добрые. Мы вамъ не мѣшаемъ вѣровать по своему. Не мѣшайте же и намъ въ этомъ“. Самъ будучи бѣденъ, добрый пастырь находилъ возможнымъ благотворить изъ своихъ скудныхъ средствъ бѣднякамъ прихода. Зато и любовь къ нему возросла среди прихожанъ до самой высокой степени, а штунда заколебалась и потеряла свою обаятельность для жителей слободы. «Штунда выросла изъ духа гордыни и озлобленія, говорилъ обыкновенно о. Алексѣй, и ее потому надо врачевать смиреніемъ, примѣромъ любви и кротости“. „Вотъ какой смиренникъ нашелся“, разсуждали въ свою очередь озлобленные штундисты. „Постой: мы выведемъ твое смиреніе на чистую воду и покажемъ, что ты гордецъ первостепенный“. И попытались показать, но осѣклись. Издавна въ с. Темной былъ заведенъ обычай, чтобы всѣ хозяева пасли мірское стадо по очереди. Штундисты потребовали на сходѣ, чтобы свою очередь выполнялъ и священникъ, потому что и его скотъ ходитъ въ общемъ стадѣ. „Если вашъ батюшка—смиренный апостолъ Христовъ, пусть и онъ пасетъ стадо“. Узналъ объ этомъ о. Алексѣй и съ радостью согласился соблюдать свою очередь пастуха. Чуть свѣтъ онъ тогда подымался на ноги, смиренно гналъ стадо на поле и только позднимъ вечеромъ возвращался со стадомъ домой. Крестьяне были поражены и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро сознали свою виновность предъ батюшкой. Они сами рѣшили, что пастырю всегда надо быть «во служеніи слова», а не мірскимъ дѣломъ заниматься, и со слезами просили прощенія у о. Алексѣя. Посрамлены были и штундисты, и скоро ихъ совсѣмъ не стало въ слободѣ. (Вол. Еп. Вѣдом. № 42.)

Истинныя цѣли „Всемірнаго евхаристическаго конгресса“.

Всѣмъ извѣстна та шумиха, которую подняли газеты по случаю «Всемірнаго евхаристическаго конгресса», бывшаго недавно въ Вѣнѣ. Подробно описывались торжественныя процессіи, въ которыхъ участвовали императоръ Францъ-Іосифъ и его наслѣдникъ, великолѣпныя украшенія города и храма, пріѣздъ и встрѣча папскаго легата; насчитывались десятки тысячъ благочестивыхъ католиковъ и клерикаловъ, прибывшихъ на конгрессъ и т. д. Что побудило католическую церковь устроить эту церемонію? Думаете—поднятіе благочестія среди католиковъ, укрѣпленіе ихъ въ евангельскихъ великихъ завѣтахъ вѣры и любви? Какъ бы не такъ! Католицизмъ, никогда особенно не преслѣдовавшій такихъ цѣлей, а больше всего заявившій себя политикой и стремленіемъ подчинить папѣ другія христіанскія вѣтоисповѣданія, и на этотъ разъ остался вѣренъ себѣ. Уже на предыдущихъ подобныхъ конгрессахъ выступала со всей ясностью чисто политическая окраска ихъ. Такъ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ конгрессъ въ Мецѣ принялъ резолюцію: распространять всѣми силами католицизмъ среди другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и укрѣплять народъ въ сознаніи превосходства папской власти надъ свѣтской. Слѣдующій затѣмъ конгрессъ, собравшійся въ 1903 году въ Іерусалимѣ, былъ откровенно охарактеризованъ профессоромъ-католикомъ Эгардомъ, какъ средство къ подчиненію православія папѣ. Это было «торжественное приглашеніе со стороны Запада Восточной церкви», чтобы она оставила вражду и покорилась святому отцу. Съѣздъ въ Лондонѣ открыто выражалъ стремленіе возвратить въ лоно католицизма англиканскую церковь. Но ни одинъ изъ прошлыхъ конгрессовъ не принималъ, кажется столь демонстративнаго характера противъ другихъ вѣроисповѣданій и къ возвеличенію католицизма, какъ конгрессъ, недавно закончившійся въ Вѣнѣ. Въ статьѣ „Тріумфальное евхаристическое шествіе“, напечатанной въ оффиціозѣ съѣзда,

находимъ откровенное приглашеніе отъ имени конгресса ко всѣмъ народамъ Европы вступить въ ряды католиковъ и по примѣру „католическаго императора Европы“ (Франца-Іосифа) смиренно преклониться предъ святынями Рима. Приводимъ буквально отрывокъ изъ этой знаменательной статьи: „Когда великое, древнее, священное царство рушилось, имперская корона Габсбурговъ пережила имперію, погибшую въ водоворотѣ столѣтій. Блескъ династіи, находившейся въ рукѣ Божіей, пережилъ судьбы народовъ. О стѣны Вѣны разбились не только полчища полумѣсяца, но и внутренніе раздоры христіанства тщетно потрясали католическій духъ австрійскихъ земель. Преклоненіе графа-охотника (Рудольфа Габсбургскаго) возобновляетъ теперь *католическій императоръ Европы. Поднимайтесь, народы континента, мы приглашаемъ васъ къ этому празднику преклоненія.* Пусть Европа всегда помнитъ этотъ евхаристическій конгрессъ, и пусть участники его пронесутъ вѣсть о немъ во всѣ монархіи стараго свѣта! Гдѣ найдется царскій родъ столь древній, какъ Габсбургскій, столь богатый, какъ Габсбургскій, столь счастливый, какъ Габсбургскій! Смотри, это династія евхаристіи. Здѣсь осуществилась, какъ нѣкогда, великая картина Игнатія (Лойолы), которая раздѣляетъ міръ на два могущественные лагеря, заставляетъ двѣ арміи готовиться къ бою, два знамени видѣть развѣвающимися надъ человѣчествомъ. И народъ безчисленной массой окружаетъ мірского царя славы и восторженно привѣтствуетъ его тѣмъ же, чѣмъ привѣтствовалъ его любимѣйшаго полководца: «въ твоемъ лагерѣ Австрія!» Конечно, далеко императору Австріи до католическаго императора всей Европы; далеко и до угнетенія католицизмомъ протестантовъ Австріи, т. к. послѣдней невыгодно ссориться съ протестантской Германіей; но что православнымъ Галичанамъ послѣ этого конгресса придется хуже, то это несомнѣнно. Нафанатизированные конгрессомъ поляки начнутъ теперь обращать къ «святой вѣрѣ» православныхъ, положеніе которыхъ тамъ и безъ того хуже всѣхъ вообще христіанъ въ Турціи (Минск. Еп. Вѣд. № 19.).

Ходатайство о передачѣ Галицкой церкви въ вѣдѣніе Св. Синода.

По словамъ „Новаго Времени“, недавно русскіе епископы во главѣ съ архіепископами Антоніемъ Волынскимъ и Евлогіемъ Холмскимъ обсуждали вопросъ о положеніи православія въ Галиціи. Обсужденіе это вызвано тѣми притѣсненіями, преслѣдованіями, гоненіями, какія начались тамъ на православіе со стороны австрійскихъ властей и католиковъ. Галиція входитъ въ область Константинопольскаго патріархата, хотя священниковъ сюда обыкновенно рукополагаютъ русскіе епископы. Въ виду печальнаго положенія православныхъ галичанъ, предположено войти въ переговоры съ константинопольскимъ патріархомъ о передачѣ Галицкой церкви въ вѣдѣніе русскаго св. Синода, чтобы послѣдній могъ de jure выступать на защиту преслѣдуемыхъ православныхъ нашихъ братьевъ, австрійскихъ подданныхъ. Едва ли только австрійское привительство согласится на такую передачу. Всесильные зарубежные поляки употребятъ все вліяніе свое, чтобы не лишиться возможности угнетать несчастныхъ православныхъ галичанъ, чтобы такимъ образомъ хоть чѣмъ нибудь отомстить и насолить ненавистнымъ „москалямъ“ (Минск. Епар. Вѣд. № 19). *Б.*

Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію.

(Продолженіе) [1]).

Чѣмъ же наполнять намъ тѣ кубки, что мы должны поднести къ устамъ жаждущаго народа, чѣмъ мы должны удовлетворять его жажду чтенія?

Для пастыря Церкви да и для всякаго вѣрующаго сознанія отвѣтъ на этотъ вопросъ готовъ самъ собою. Естествен-

[1]) См. № 49-й за 1912 г.

ное чувство любви, братской расположенности побуждаетъ поднести нашему брату самое цѣнное, самое полезное изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи напитковъ.

Но что можетъ быть цѣннѣе, для вѣрующаго сознанія, безцѣннаго блага религіи?! Что замѣнитъ ему красоту Христова Евангелія?! Что сравнитъ онъ съ восторгами религіознаго подъема?! И что, какъ не безцѣнное благо, естественно прежде и больше всего поднести своему меньшему брату, чѣмъ, какъ не этимъ чисто-духовнымъ питьемъ наполнить ему кубокъ?!

Такъ вполнѣ естественнно рѣшается для пастыря и для всякаго вѣрующаго вопросъ о томъ, чѣмъ слѣдуетъ утолять народную жажду чтенія.

Настолько естественъ этотъ отвѣтъ, что можно бы было вполнѣ законно спросить:—такъ для чего же было и ставить такой вопросъ?—если бы только мы не имѣли въ виду нѣчто другое, если бы не были намѣрены вытекающую изъ содержанія нашего вѣрующаго сознанія необходимость попытаться, насколько возможно, сочетать съ свободой другихъ.

Вѣдь то, что для насъ естественно и необходимо, то для другихъ можетъ не быть такимъ, быть далеко необязательнымъ; то, что для однихъ кажется яснымъ,—для другихъ можетъ казаться совершенно темнымъ и непонятнымъ. И если такъ бываетъ въ обычныхъ вопросахъ, то это особенно возможно въ вопросахъ религіозныхъ. Здѣсь приходится имѣть въ виду, что сознаніе часто, хотя и къ прискорбію нашему, бываетъ безрелигіознымъ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не можетъ придти къ тому выводу, который полученъ нами. Люди сходятся въ томъ, что надо давать самое лучшее, но они сейчасъ же расходятся, какъ только поднимется вопросъ о томъ, что же представляетъ собою это лучшее. Поднимается безконечный споръ, безконечное стремленіе отстоять во что бы то ни стало свои позиціи. И конечно не съ этимъ явленіемъ намъ нужно считаться, не съ этимъ обнаруженіемъ свободы, такъ какъ тогда намъ пришлось бы уходить отъ

своей прямой задачи далеко, далеко на сторону, пришлось бы блуждать безъ надежды когда-нибудь достигнуть конца. Вѣдь человѣческая воля, разъ утвердившись въ томъ или иномъ направленіи, чего только не заставитъ предпринимать разумъ, только чтобы подыскать основаніе для своего направленія. Это, поистинѣ, дорога безъ конца! И становиться на нее, даже когда того требуетъ спеціальный предметъ изслѣдованія, весьма опасно, тѣмъ болѣе это неумѣстно теперь... И не объ этой свободѣ, лежащей внѣ религіознаго сознанія, мы должны говорить, не съ нею хотѣли мы пытаться согласовать свой отвѣтъ на поставленный вопросъ, но съ иной свободой, съ той, съ которой мы дѣйствительно сталкиваемся, въ область которой дѣйствительно простираемъ свою руку, произнося то или иное сужденіе по поводу поставленнаго вопроса. Это свобода тѣхъ, о комъ мы говоримъ, свобода не чуждая религіознаго сознанія, свобода нашего простеца—народа. Съ этой-то вотъ свободой мы и хотимъ попытаться сочетать необходимо вытекающій изъ содержанія *нашего* сознанія отвѣтъ о предметѣ народнаго чтенія. У этой то свободы мы и хотимъ спросить, какъ она относится къ содержанію того духовнаго питья, котораго ищетъ?

Въ самомъ дѣлѣ, не свидѣтельствуетъ ли самъ народный голосъ о томъ, что нужно для удовлетворенія его духовной жажды?

Намъ думается, что всякій, кому приходилось вращаться въ народной средѣ, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не увидѣть этого наклона, нужно быть глухимъ, чтобы не услышать этого свидѣтельства.

Намъ думается также, что всякій добросовѣстный, безпристрастный наблюдатель отвѣтитъ, что этотъ наклонъ преобладаетъ именно въ религіозную сторону.

Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать того, что въ народной средѣ нѣтъ жажды иного чтенія, кромѣ чтенія рели-

гіознаго; преобладаніе же симпатій къ этому чтенію несомнѣнно имѣется. Этого наклона не могъ уничтожить и наплывъ книгъ съ весьма опредѣленной окраской, книгъ безрелигіозныхъ, говорящихъ исключительно о землѣ и земномъ и отвергающихъ, въ лучшемъ случаѣ замалчивающихъ о небесномъ, которыми такъ охотно и обильно снабжали народъ создатели революціоннаго пожара 1905—6 годовъ.

Правда, у нѣкоторыхъ это стремленіе къ духовному, религіозно-нравственному чтенію замаскировывается теперь или изъ-за ложнаго стыда, боязни прослыть необразованнымъ, или заглушается, покрывается толстымъ слоемъ земной пыли, земныхъ заботъ и томленій, но оно есть, оно заложено слишкомъ глубоко, чтобы быть вытравленнымъ, оно коренится въ самой душѣ человѣка, по природѣ своей религіозной, оно по временамъ несомнѣнно встаетъ или въ видѣ неясно сознаннаго исканія, желанія чего то болѣе свѣтлаго, болѣе лучшаго, чѣмъ окружающая земная дѣйствительность, или въ видѣ непреодолимаго влеченія къ образамъ духовнаго подвига, къ высотамъ вѣрующаго духа. Только не всѣ и не всегда умѣютъ правильно понять эти исканія и томленія, удовлетворить это влеченіе... и нердѣко они постепенно чахнутъ.

Чтобы не быть голословными въ своихъ утвержденіяхъ, постараемся обратиться къ показаніямъ дѣйствительной жизни. Чтобы кто не заподозрилъ насъ въ пристрастномъ рѣшеніи вопроса, обратимся именно къ такимъ источникамъ, которые можно скорѣе заподозрить въ нерасположенности къ религіи, чѣмъ въ пристрастіи въ ея пользу.

Чуть ли не всѣ авторы, писавшіе объ отношеніи народа къ книгѣ, отмѣчаютъ благоговѣйное отношеніе крестьянина къ божественной книгѣ [1]).

---

[1]) Считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ оговориться относительно того, что это предпринятое нами согласованіе свободы и необходимости для насъ необязательно, что оно у насъ вызывается непреклон-

„Божественная книга, пишетъ Н. А. Рубакинъ, въ глазахъ деревенскаго читателя окружена какъ бы ореоломъ. „Разъ ты пріобрѣлъ, пишетъ одинъ грамотѣй (Петерб. губ. Петергоф. уѣзд.) духовную книжку на собственныя средства, ты совершилъ цѣль добродѣтели навсегда, не только для себя но и для ближняго своего". Духовныя книжки хранятся у образовъ" [1].

„Въ моей личной практикѣ", — пишетъ скромно скрывшійся подъ подписью С. Ан—скій авторъ обстоятельной статьи „Народъ и книга", [2] излагающей его наблюденія надъ народными чтеніями, которыя онъ стремился поставить прототипами самостоятельныхъ народныхъ чтеній, личное участіе автора въ которыхъ ограничено до крайняго minimum'а, — „мнѣ не часто приходилось читать такія религіозныя книжки, которыя заранѣе были бы знакомы слушателямъ, какъ „бо-

---

ной увѣренностью въ справедливости истины, въ ея неизмѣнности и снисхожденіемъ къ немощамъ современнаго колеблющагося сознанія. Этимъ мы хотимъ оградить себя *даже отъ несправедливыхъ* упрековъ въ томъ, что мы насилуемъ свободную волю нашего крестьянства, упрекъ, какъ мы сказали, несправедливаго, такъ какъ—развѣ несправедливо заблудившагося человѣка вывести на правую дорогу, развѣ безчеловѣчно незнающему куда идти показать путь, указать направленіе?! Это отлично понимаетъ и безрелигіозное сознаніе и для него, откровенно говоря, дѣло сводится къ утвержденію, что только служителямъ и друзьямъ религіи нельзя толкать въ извѣстномъ направленіи свободную волю крестьянства, вести его своей дорогой, а имъ, конечно, все это возможно, для нихъ это необходимо. Утвержденіе, кажется, не требующее какихъ-либо дальнѣйшихъ разсужденій для обнаруженія своей несостоятельности. И мы снова повторяемъ, что это дѣло не необходимости, но снисхожденія, что если бы даже народная среда дала намъ отвѣтъ и не въ пользу религіи, то наше первоначальное утвержденіе не поколебалось бы, такъ какъ волѣ человѣка свойственно уклоняться отъ истиннаго пути, а любви свойственно ее возвращать на истинный путь, такъ какъ она нуждается для нравственной устойчивости въ нѣкоторомъ стороннемъ воздѣйствіи, сторонней поддержкѣ.

[1]) „Этюды о русской читающей публикѣ" стр. 152.

[2]) Русское Богатство 1902 годъ № 6-й стр. 82—115 и № 7-й стр. 18—60.

жественныя". Это, однако, не помѣшало мнѣ замѣтить, что къ книжкамъ этой котегоріи слушатели относились съ глубокимъ благоговѣніемъ, положительно какъ къ святынѣ... Если мнѣ рѣдко случалось самому предлагать слушателямъ чтеніе божественныхъ книжекъ, то иногда случалось, что чтеніе какого-нибудь свѣтскаго разсказа, даже очень интереснаго, вдругъ прерывалось просьбой:

—А ты бы лучше почиталъ намъ какую ни на есть божественную... „нашу" бы намъ почиталъ!..

И при этомъ мнѣ обыкновенно протягивалась засаленная, истрепанная книжка, большей частью „житіе святаго", изданіе какой-нибудь „обители". И когда я начиналъ читать эту, въ большинствѣ случаевъ, безграмотную, варварскимъ языкомъ написанную книжку, слушатели слѣдили за моимъ чтеніемъ съ благоговѣніемъ, съ восторженной любовью, съ широко раскрытыми глазами и, повидимому, съ такою же широко раскрытою душой" [1]).

„Средній народный читатель находитъ въ„ божественномъ чтеніи" особенное эстетическое удовольствіе. Слушая чужое или собственное заунывно-монотонное чтеніе, смутно улавливая значеніе полупонятныхъ, но несомнѣнно прекрасныхъ словъ, измученный трудомъ и заботами, темный и бѣдный человѣкъ проникается какимъ-то особеннымъ возвышеннымъ настроеніемъ. Божественное чтеніе превращается въ музыку, ласкающую слухъ, успокаивающую душу [2])".

Вотъ и непосредственное свидѣтельство самого крестьянства, переданное намъ тѣмъ же авторомъ.—

„При чтеніи разсказа„ Іоаннъ Воинъ", изъ жизни первыхъ христіанъ, одинъ крестьянинъ воскликнулъ:

—Вотъ такую намъ книжку и надо! Послушаемъ—и сами надумаемъ такъ дѣлать, какъ этотъ Иванъ [3])"...

---

[1]) Стр. 85.
[1]) Стр. 86.
[1]) Стр. 103.

А сколько подобныхъ свидѣтельствъ разбросано въ капитальномъ, двухтомномъ трудѣ учительницъ Харьковской частной воскресной школы, составленномъ по иниціативѣ и подъ руководствомъ извѣстной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской, подъ заглавіемъ „Что читать народу?“, явившемся у насъ первой серьезной попыткой *непосредственнаго изученія* народнаго читателя, уровня его развитія, его запросовъ и отношенія къ печатному слову! [1]).

Мы не будемъ обременять читателя приведеніемъ многочисленныхъ интересныхъ для настоящаго положенія выписокъ въ надеждѣ что онъ самъ дастъ себѣ трудъ хоть полистовать эту во многихъ отношеніяхъ полезную для него книгу, а перейдемъ теперь къ обоснованію нашего положенія такими, считающимися у насъ обычно неопровержимыми, доказательствами, какъ показанія статистики.

Въ отчетѣ о работѣ Воронежскихъ статистиковъ по вопросу о народномъ образованіи—читаемъ: „въ составѣ обращающихся въ мелкихъ селеніяхъ книгъ приходится на *церковныя 24,1 проц., духовно-нравственныя 23,6 проц., житія святыхъ 21,6 проц.* [2]), разныя свѣтскія 12,7, учебники 11,3, сказки 2,8, научно-популяр. 2,1, извѣстныхъ авторовъ 1,8“.

И еще: „изъ общаго числа 28,728 зарегистрированныхъ книгъ приходится на долю „*житій*“—*33,7 проц.*, разныхъ свѣтскихъ 11,7 проц., *духовно-нравственныхъ—10,3 проц.*, историческихъ и географическихъ—8,9 проц. сказокъ—7,6 проц., произведеній извѣстныхъ авторовъ—7,3 проц., *церковныхъ—6,5 проц.*, календарей—3,2 проц.“... и т. д. [3]).

---

[1]) Этотъ трудъ, насколько извѣстно намъ, почти незнакомъ пастырямъ, особенно сельскимъ, какъ незнакомы и многія другія хорошія книги Мы не можемъ не обратить на него ихъ вниманія и отъ души посовѣтовать ознакомиться съ нимъ.

[2]) Курсивъ здѣсь и дальше нашъ.

[3]) Цифры эти и первыя взяты изъ замѣтки „Что читаетъ народъ“ Міръ Божій 1899 годъ сентябрь стр. 16.

Если подвести итогъ всѣмъ разновидностямъ перечисленныхъ здѣсь религіозно-нравственныхъ книгъ, то получимъ въ первомъ случаѣ—71,3 проц., а во второмъ 50,5; процентъ весьма значительный.

То же самое говорятъ намъ и данныя о книгахъ, вращающихся въ народной средѣ уѣздовъ Вятской губерніи.

„У крестьянъ Орловскаго уѣзда оказалось $14^1/_2$ тысячъ книгъ религіознаго и 2,588 книгъ—свѣтскаго содержанія“, [1] т. е. религіозныхъ книгъ было 82%.

По Нолинскому уѣзду числится всего 34,934 книги, изъ нихъ религіознаго содержанія 30,845, свѣтскихъ—4,289 [2].

Вообще же о статистическихъ данныхъ говорятъ, что „самое большое, что можно ожидать отъ нихъ, это то, что онѣ установятъ только и безъ этого *всѣмъ извѣстное предпочтеніе, отдаваемое взрослымъ крестьянскимъ населеніемъ* религіозному чтенію передъ свѣтскимъ“ [3].

Такіе свидѣтели встаютъ въ нашу пользу изъ той среды, которая въ лучшемъ случаѣ въ своемъ отношеніи къ религіи безразлична.

Послѣ этого, конечно, нечего много говорить о тѣхъ людяхъ, въ сердцахъ которыхъ горитъ огонь св. вѣры, освѣщая ихъ путь, нечего много говорить о тѣхъ, кто служитъ въ народѣ великому дѣлу Христову. Ихъ безчисленные голоса согласно свидѣтельствуютъ, что воля народа, жаждущаго чтенія, склоняется больше всего подъ кровъ религіи. Изъ этого сонма свидѣтелей мы остановимся на голосѣ умудреннаго опытомъ священника А. А. Боброва, свыше 25 лѣтъ занимавшагося книжной торговлей среди простого народа, несшаго великую миссію просвѣщенія деревни.

---

[1]) „Умственные запросы народа и ихъ удовлетвореніе“—Ел. Щепотьевой—Русская Мысль 1889 г. кн. 4 стр. 50.

[2]) Ibid. стр. 51 примѣч.

[3]) Ibid. стр. 51. Курсивъ нашъ.

Вотъ что пишетъ этотъ почтенный пастырь въ своей брошюрѣ ,,Крестьянинъ и книга", [1]) въ которой онъ подводитъ итогъ своимъ личнымъ наблюденіямъ за двадцать пять лѣтъ труда на пользу грамотнаго крестьянства.

,,Только при такомъ занятіи, какъ продажа духовно-нравственныхъ книгъ, вы поймете, какая сильная жажда у нашего простолюдина до книжной мудрости, и исключительно той мудрости, которая истекаетъ изъ божественнаго источника... [2]). Судя по отзывамъ и спросу книгъ, которыя доселѣ остаются въ средѣ крестьянъ излюбленными, нельзя не убѣдиться, что нашъ темный народъ ищетъ выхода изъ своего умственнаго мрака исключительно лишь въ проясненіи для себя истинъ Богооткровенныхъ, путемъ строго религіознаго обученія"... [3]).

Таковъ голосъ авторитетнаго пастыря, который за ,,двадцать пять лѣтъ самыхъ непринужденныхъ бесѣдъ и взаимнаго обмѣна мыслей съ своими покупателями настолько ознакомился съ нашимъ простолюдиномъ со стороны его запросовъ на тотъ или другой родъ чтенія, что имѣлъ достаточно времени пріобрѣсти, такъ сказать, самый наглядный опытъ на счетъ того, къ какимъ книгамъ, если не исключительно, то всего охотнѣе обращается нашъ русскій простецъ въ своемъ желаніи найти для себя существенную пользу; изъ какого источника онъ желалъ бы прежде всего утолять свою духовную жажду" [4]).

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ смѣло утверждать, что, сказавши въ отвѣтъ на поставленный вопросъ, что жажду въ народѣ чтенія мы должны удовлетворять чтеніемъ религіозно-нравственнымъ, зовущимъ душу человѣка къ подвигамъ духа, ведущимъ его стезею вѣры на высочайшую

---

[1]) Владиміръ 1903 г.
[2]) Ibid. стр. 16.
[3]) стр. 17.
[4]) Ibid. стр. 27.

тору вѣчнаго упокоенія въ Богѣ, мы сочетали истину и необходимость, вытекающую изъ содержанія нашего вѣрующаго сознанія, съ свободнымъ наклономъ воли нашего русскаго крестьянства. *Александръ Аболенскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ

а) Христіанское воспитаніе дѣтей въ школѣ.

„Только что съ урока“, писалъ духовный сотрудникъ одного изъ епарх. журналовъ, „бесѣдовалъ съ дѣтьми о милосердіи къ ближнимъ, разсказалъ простымъ и яснымъ языкомъ Евангелія притчу о милосердомъ самарянинѣ, разъяснилъ, какія дѣла милосердія заповѣданы Христомъ (Мѳ. 25, 36—36), и перешелъ къ разсмотрѣнію нашей жизни. Приведенные разсказы такъ подѣйствовали на дѣтей, что они не могли удержаться отъ слезъ. Умиленный ихъ отзывчивостью къ людскому горю, я сказалъ: „помните, дѣтки, что, по слову Христа, „блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“. Не успѣлъ я дописать этотъ стихъ Евангелія на классной доскѣ, какъ вдругъ входитъ въ классъ старушка-нищенка. На дворѣ морозъ (былъ декабрь). Дрожавшая и вся посинѣвшая отъ стужи, несчастная нищенка удивленно смотрѣла на непривычную обстановку школы и затѣмъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ протянула: ,,подайте милостыньку Христа ради“! Молча, какъ одинъ, встали дѣти и, захвативъ изъ партъ свои кусочки хлѣба, взятые изъ дому, потянулись къ старушкѣ, которая еле успѣвала принимать дѣтскую милостыню“.

Дѣтское сердце мягко какъ воскъ. Если бы у насъ—у всѣхъ пастырей Церкви—было горячее желаніе потрудиться надъ воспитаніемъ школьныхъ подростковъ, если бы мы научили и прихожанъ воспитывать дѣтей въ духѣ христіанской любви,—какая была бы тогда чудная жизнь! Но наша дѣятельность и въ школьномъ и въ церковномъ отно-

шеніи идетъ ложнымъ путемъ. Школа учитъ читать, писать, считать, но не воспитываетъ, не учитъ жить. Знаетъ ребенокъ, какого роста былъ Голіафъ, а не знаетъ, до какой мѣры совершеннаго возраста онъ долженъ дойти въ своей нравственно-духовной жизни. Знаетъ, что заповѣдей Моисея 10, а заповѣдой Христа 9, но ни одной изъ нихъ не умѣетъ приложить къ своей жизни.

Кто увѣренъ, что воспитаніе сердца и воли такъ же (если не болѣе) необходимо для подростающаго поколѣнія, какъ и развитіе ума, тотъ долженъ признать, что наилучшимъ средствомъ такого воспитанія могутъ служить именно уроки Закона Божія. Если законоучитель любитъ свое дѣло, „Божіе дѣло“, и если слово Господне есть для него святыня, то онъ внесетъ въ преподаваніе и ту живость и увлекательность, которыя требуются педагогикой (Церк. Вѣстн.).

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала:

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ"

въ 1913 подписномъ году.

Въ **54** году своего существованія журналъ нашъ будетъ преслѣдовать свою всегдашнюю цѣль—содѣйствіе православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной дѣятельности. Для этого журналъ будетъ давать **статьи** по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни, по изъясненію Св. Писанія, по исторіи Церкви, по апологетикѣ, по исторіи и изъясненію богослуженія, по обличенію сектантства (главнымъ образомъ, по вопросамъ выдвигаемымъ самими сектантами въ ихъ печати), о разныхъ отрицательныхъ теоріяхъ и теченіяхъ нашихъ дней; **обзоръ періодической печати** (въ 1913 г. будетъ введенъ также **обзоръ газетныхъ статей**, касающихся церковныхъ вопросовъ) и новыхъ книгъ богословско-религіознаго содержанія; свѣдѣнія **по пчеловодству, садоводству,**

сельскому хозяйству и медицинѣ; разсказы изъ быта духовенства, а также (въ ежемѣсячномъ приложеніи „Проповѣди“) **поученія** на всѣ воскресные и праздничные дни.

Особенное вниманіе Редакція обратитъ на изложеніе и христіанское освѣщеніе **событій современной церковной и общественной жизни** и на обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на мѣстахъ, **въ епархіяхъ**, и выдвигаются **въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ**.

Кромѣ того, для установленія болѣе живой связи съ подписчиками Редакція приглашаетъ послѣднихъ обращаться къ ней за разрѣшеніемъ возникающихъ у нихъ недоразумѣній и открываетъ въ своемъ журналѣ **новый отдѣлъ—отвѣты на вопросы подписчиковъ**. И вообще Редакція съ полной готовностью предлагаетъ страницы своего журнала всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своимъ опытомъ, наблюденіями и мыслями.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ **три** тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и изъ 12 выпусковъ „Богословскаго библіографическаго Листка“.

Сверхъ того, въ 1913 году, въ качествѣ особаго безплатнаго приложенія, Редакція дастъ подписчикамъ „Церковно-пѣвческій сборникъ“.

Подписчики могутъ покупать „Толковый Типиконъ“ по уменьшенной цѣнѣ, вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 р.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280)

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ рублей**, за границу **8 р.**

Плата за журналъ по офиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября м. 1913 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $^1/_2$ г. или на 1 м. не принимается; разсрочка платы допускается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

При семъ №-рѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ безплатное приложеніе къ журналу „Руководство для сельскихъ пастырей“ **Избранныя Богословскія сочиненія А. С. Хомякова.**

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го декабря 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6.

ГОДЪ LIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ перевозкою ШЕСТЬ рублей.

№ 51.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 16-го декабря.

Содержаніе: I. Курьезы нашего правового положенія. Свящ. В. П.—II. О звѣздѣ волхвовъ. В. Аѳонскій.—III. „Вы же не нарицайтеся учителіе". Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи, Свящ. А Введенскій.—IV. Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію. (Продолженіе). А. Аболенскій.—

Курьезы нашего правового положенія.

Небольшая доза вниманія и наблюденія надъ нашимъ правовымъ положеніемъ неизбѣжно приводитъ къ тому убѣжденію, что православное духовенство по своимъ гражданскимъ правамъ принадлежитъ къ неполноправнымъ гражданамъ Россіи, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно стоитъ на одной доскѣ съ иностранцами, и хотя эти ограниченія не касаются существенныхъ сторонъ правового бытія, но все же нельзя не признать ихъ обидными и устарѣлыми, требующими отмѣны. Не претендуя на широту и новизну, укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій.

Общественное самоуправленіе, осуществляемое въ городахъ въ видѣ городскихъ думъ, въ уѣздахъ—въ видѣ земствъ, все болѣе пускаетъ корни въ нашу русскую жизнь, ширится, становится потребностью общества; къ благамъ общественнаго самоуправленія постепенно пріобщаются все новыя области русской земли. Но увы, духовенство лишено права участія въ общественномъ самоуправленіи и въ выборахъ въ него. Лишеніе, скажутъ, не большое. Пусть такъ; но лишеніе вредно не столько для духовенства, какъ сословія, сколько для того дѣла, какому мы служимъ, и по существу несправедливо. Органы общественнаго самоуправленія обслуживаютъ не только матеріальныя нужды населенія, но и духовныя; отъ нихъ зависитъ въ значительной степени направленіе народнаго просвѣщенія, такъ близкаго Церкви и духовенству. Обладая избирательными правами хотя бы по личному имуществу, духовенство больше могло-бы вліять на общественную жизнь, да и отношеніе къ нему общегородскихъ и земскихъ учрежденій было-бы нѣсколько другое, чѣмъ теперь. Существующіе теперь такъ называемые депутаты отъ духовенства въ огромномъ большинствѣ случаевъ никакого значенія въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ не имѣютъ. Назначаемые изъ центра, независимо отъ личнаго опыта и интереса къ общественнымъ дѣламъ, такіе депутаты являются только декораціей, хроническаго отсутствія которыхъ вовсе не замѣчаютъ. На нашихъ депутатовъ смотрятъ, какъ на что-то лишнее, навязанное со стороны, безъ чего вполнѣ возможно обойтись. Самыя права такихъ депутатовъ понимаются разно: одни допускаютъ для нихъ право голосованія и обсужденія по всѣмъ вопросамъ, другіе только по вопросамъ церковнымъ (напр., о церковно-приходскихъ школахъ).

Разъ другія сословія пользуются правомъ голоса въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, разъ духовенство не лишено право пріобрѣтать въ собственность имущество, дающее право участія въ указанныхъ учрежденіяхъ, то ясно, что ограниченіе, указанное нами, есть несправедливость, и она

должна быть отмѣнена. Частичную отмѣну мы и видимъ въ допущеніи духовенства къ участію въ земствѣ юго-западнаго края. И не можетъ не казаться страннымъ, что духовенство, напримѣръ, кіевской губерніи участвуетъ въ земскихъ выборахъ, а сосѣднее черниговское, отдѣленное отъ перваго верстой—двумя, этого права не имѣетъ. Право участія въ земскихъ выборахъ несомнѣнно выдвинуло бы для земской работы хотя отдѣльныя единицы изъ духовенства, которыя сумѣли бы внести въ общеземскую и городскую работу долю своего знанія и опыта и тѣмъ содѣйствовали бы сближенію общественныхъ элементовъ съ духовенствомъ и поднятію нашего престижа.

Всевозможныя организаціи, самыхъ разнообразнѣйшихъ направленій, съ различными задачами и цѣлями, ростутъ у насъ въ послѣдніе годы, какъ грибы. Въ уставахъ большей части ихъ есть непремѣнно одинъ пунктъ: „право пріобрѣтать недвижимую собственность“. И пріобрѣтаютъ, разъ есть средства и желаніе, легко и безъ затрудненій. А тысячелѣтняя организація, воспитавшая русскій народъ—Церковь Православная въ этомъ правѣ стѣснена и если можетъ пріобрѣтать недвижимость, то лишь со всякими препятствіями, пройдя не мало инстанцій. Въ древности, когда пожертвованія широкою рѣкою лились въ Церковь, ограниченія и стѣсненія въ этой области имѣли еще свой смыслъ, предупреждая скопленіе большихъ земельныхъ имуществъ въ рукахъ монастырей и церквей. Теперь съ этой стороны „опасности“ никакой, конечно, нѣтъ: куда ужъ намъ думать о расширеніи церковной собственности, когда многимъ монастырямъ и храмамъ трудно свести концы съ концами, когда средствъ, получаемыхъ отъ восковой свѣчки и жертвы въ кошелекъ, порою не хватаетъ на удовлетвореніе консисторскихъ налоговъ и текущихъ насущныхъ нуждъ въ поддержаніи благопріличія въ храмахъ?..

Кредитъ это—жизненный нервъ современной экономической жизни; кредитомъ пользуются всѣ: и богатые и бѣдные.

Приходится прибѣгать (и еще какъ часто!) къ кредиту и духовенству; къ сожалѣнію, выдавать то, что обезпечиваетъ кредитъ–векселя–духовенству соотвѣтствующей статьей Свода Законовъ воспрещено. Черезъ это духовенству совершенно закрытъ ходъ во многія кредитныя общества, гдѣ есть дешевый кредитъ, но основанный исключительно на векселяхъ (общества взаимнаго кредита). Жизнь, конечно, создаетъ обходы закона. Въ крайнемъ случаѣ священникъ можетъ перехватить и подъ простую росписку, но за это съ него всякій кулакъ сдеретъ лишнее: росписка не вексель, учесть и въ оборотъ ее пустить нельзя, и потому платите лишнее.

То-же и относительно купли и промышленныхъ заведеній. Хорошо бы точно и ясно указать, конечно, въ согласіи съ канонами, что можно и чего нельзя, что къ лицу и что не къ лицу духовенству, такъ какъ духовенству по мѣстамъ приходится возвращаться къ первобытнымъ временамъ и питаться отъ рукъ своихъ.

Указанные нами примѣры—мелочи въ нашей жизни, но такихъ мелочей можно было-бы набрать много. Искреннюю благодарность сословія заслужили бы наши представители въ Государственной Думѣ, если-бы они задались цѣлью пересмотрѣть наше правовое положеніе въ государствѣ и въ порядкѣ думской иниціативы (къ сожалѣнію, въ трехъ прошлыхъ думахъ иниціативы со стороны духовенства ни въ чемъ проявлено не было) подняли-бы вопросъ объ отмѣнѣ въ этой области всего устарѣлаго и ненужнаго. Свящ. *В. П.*

О звѣздѣ волхвовъ.

Явленіе звѣзды на востокѣ было однимъ изъ поразительныхъ и таинственныхъ событій, которыми сопровождалось пришествіе въ міръ Спасителя. Эта звѣзда, возвѣстившая міру о рожденіи Царя іудейскаго, въ силу своего великаго значенія, занимаетъ подобающее мѣсто въ церковномъ рождественскомъ богослуженіи. Въ тропарѣ Рождеству Христову

говорится только о звѣздѣ волхвовъ. Но въ тропарѣ всегда выражается вся суть празднуемаго событія, весь смыслъ, цѣль и значеніе, главная, средоточная сторона всего церковнаго воспоминанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно,—что тропари и кондаки наиболѣе древнія изъ праздничныхъ пѣснопѣній, откуда слѣдуетъ, что по древне-церковному воззрѣнію наиболѣе характерный эпизодъ Рождества Христова составляетъ именно появленіе звѣзды Новорожденнаго [1]). Какъ наиболѣе выразительный символъ Рождества Христова, виѳлеемская звѣзда оставила многочисленные слѣды въ рождественскихъ обычаяхъ, разсказахъ и преданіяхъ всѣхъ христіанскихъ народовъ: повсюду устраиваются елки со звѣздою или ангеломъ, держащимъ звѣзду, наверху; со звѣздою ходятъ по домамъ славить Христа. Въ сочельникъ сохранился прекрасный обычай не ѣсть до появленія на небѣ первой звѣзды. Безчисленное множество картинъ и поэтическихъ произведеній воспроизводятъ явленіе звѣзды при рожденіи Спасителя.

Чрезвычайная краткость евангельскихъ указаній относительно виѳлеемской звѣзды давно уже возбуждала стремленіе богословской и научной мысли проникнуть въ тайну этого загадочнаго явленія, договорить то, что не было досказано въ Евангеліи. Русская богословская литература недавно обогатилась цѣннымъ комментаріемъ на Ев. отъ Матѳея, принадлежащимъ священнику М. Ѳивейскому, [2]) гдѣ содержится сводъ мнѣній новѣйшихъ изслѣдователей по этому вопросу. Кромѣ того, совсѣмъ недавно вышелъ очеркъ Д. Святскаго подъ заглавіемъ „Виѳлеемская загадка“, [3]) гдѣ авторъ даетъ нѣсколько цѣнныхъ критическихъ замѣчаній

---

[1]) Проф. М. Н. Скабалановичъ. О звѣздѣ волхвовъ. „Труды Кіев. дух. Академіи“ № 12, 1907 г.

[2]) „Толковая Библія“, прилож. къ журн. „Странникъ“, т. VIII, „Евангеліе отъ Матѳея“. СПБ. 1911 г.

[3]) Въ книгѣ Д. Святскаго „Подъ сводомъ хрустальнаго неба“. СПБ. 1913.

по поводу прежнихъ теорій и предлагаетъ свою собственную, совершенно неудовлетворительную гипотезу. Появленіе этихъ двухъ книгъ и побудило насъ разсмотрѣть мнѣнія, которыя были высказаны о звѣздѣ волхвовъ до нашего времени.

Древніе отцы и церковные писатели полагали, что звѣзда волховъ была сотворена нарочито Богомъ передъ рожденіемъ Спасителя. По мнѣнію св. Іоанна Златоуста, это было „нѣкая невидимая сила“ въ образѣ звѣзды (Бес. на Матѳ. VI) или ангелъ. Мнѣнія, что звѣзда волхвовъ была чудесной звѣздой, держатся и теперь многіе изслѣдователи, но, какъ увидимъ ниже, евангельскій текстъ позволяетъ принять это мнѣніе съ большими ограниченіями. Вообще же древніе толкователи большею частью просто поникали въ благоговѣйномъ молчаніи передъ этимъ явленіемъ [1]). У позднѣйшихъ толкователей замѣчается стремленіе допустить участіе и естественнаго элемента въ виѳлеемскомъ явленіи. Уже въ „Точномъ изложеніи православной вѣры“ св. Іоанна Дамаскина находится мнѣніе о кометахъ, по которому онѣ „составляются Богомъ въ знаменія нѣкая“, причемъ къ кометамъ причисляется и звѣзда волхвовъ: „понеже и въ Господне насъ ради по плоти человѣколюбное и спасительное Рождество явльшаяся волхвомъ звѣзда овогда отъ востокъ на западъ творяше теченіе, а овогда отъ сѣвера на югъ, и овогда сокрывашеся, овогда же паки являшеся, еже ни съ чиномъ, ни съ естествомъ звѣздъ не сходствуетъ“. Движеніе звѣзды волхвовъ, напоминающее своеобразное движеніе кометъ, дало поводъ отожествить эту звѣзду съ кометой. Въ средніе вѣка это мнѣніе было довольно широко распространено, имѣлись даже рисунки звѣзды волхвовъ въ видѣ кометы. Противъ этой теоріи выставляются критикой два сильныя возраженія. Во 1-хъ, кометы, по воззрѣніямъ древней астрологіи, всегда предвѣщали несчастья и смерть великихъ лю-

[1]) Скабалановичъ, тамъ же.

дей. По словамъ Светонія, около времени смерти Цезаря косматая звѣзда или комета свѣтила постоянно въ теченіи 7 дней. Стоитъ лишь развернуть старинныя хроники, чтобы встрѣтиться тамъ съ описаніями страшной паники, которая охватывала цѣлыя страны при появленіи на небѣ кометы. Звѣзда же волхвовъ, наоборотъ, знаменовала собою рожденіе Христа,—„ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволѣніе". Во 2-хъ, исторія астрономіи не знаетъ ни одной кометы, болѣе или менѣе подходящей ко времени начала нашей эры [1]). Большаго вниманія заслуживаютъ неоднократныя попытки ученыхъ установить, что звѣзда волхвовъ періодически появляется на небѣ черезъ опредѣленные промежутки времени. Первая гипотеза подобнаго рода была предложена знаменитымъ математикомъ XVI в. Карданомъ. Въ 1572 г. астроному Тихо де-Браге удалось замѣтить въ созвѣздіи Кассіопеи блестящую звѣзду невиданной величины, при чемъ она мерцала сильнѣе всѣхъ звѣздъ 1-й величины. Ея блескъ превосходилъ блескъ Сиріуса, Лиры и Юпитера. Можно было сравнить его только съ блескомъ Венеры въ ближайшемъ ея разстояніи отъ земли. Люди, одаренные острымъ зрѣніемъ, узнавали новую звѣзду днемъ, даже въ полуденные часы. Звѣзда эта была совершенно неподвижна. Въ декабрѣ 1572 года блескъ ея сталъ уменьшаться, отъ силы свѣта звѣздъ 1-й величины она постепенно стала приближаться къ звѣздамъ 2, 3, 4, 5, 6 величины, а въ мартѣ 1574 года сдѣлалась совершенно невидимой [2]). Была ли эта звѣзда совершенно новой, или же она принадлежала къ числу періодическихъ звѣздъ? Карданъ отыскалъ въ одномъ старомъ астрономическомъ сочиненіи лѣтописное извѣстіе о томъ, что новая звѣзда появлялась еще въ 945 г. по Р. Хр., при императорѣ Оттонѣ Великомъ, и въ 1264 г. Въ обоихъ случаяхъ

---

[1]) По Д. Святскому „Подъ сводомъ хруст. неба" стр. 113.

[2]) А. Гумбольдтъ. Космосъ т. III, отд. 1 перев. М. Гусева. М. 1863, стр. 185.

новая звѣзда помѣщалась между созвѣздіями Цефея и Кассіопеи, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, близкомъ къ зениту и Млечному Пути, гдѣ явилась въ 1572 г. звѣзда Тихо-де-Браге. Если допустить, что въ 945, 1264 и 1572 г.г. являлась одна и та же звѣзда, то она являлась черезъ промежутки времени въ 319 и 308 лѣтъ. До 945 г. со времени Рождества Христова прошло почти три такихъ періода. Поэтому звѣзда эта могла появиться и во время Рождества Христова. Съ большей точностью установить годъ тогдашняго появленія звѣзды невозможно, потому что годы явленія перемѣнныхъ звѣздъ часто подвержены колебаніямъ, какъ указываютъ неодинаковые промежутки времени въ 319 и 308 лѣтъ. Критика справедливо указываетъ на то, что ни одно изъ появленій звѣзды Тихо-де-Браге никогда не было зарегистрировано, кромѣ указанныхъ 945, 1264 и 1572 г.г., и въ ни 1880 году, ни въ 1891 г., когда должно было бы, по тому же разсчету, повториться это явленіе, звѣзда не появилась на небѣ [1]). Вслѣдствіе этого становится чрезвычайно гипотетичнымъ утвержденіе Кардана, что звѣзды указанныхъ 945 и 1264 г.г. тожественны со звѣздою 1572 г. Неустойчивость періодовъ появленія звѣзды Тихо-де-Браге, которая то спѣшитъ, то запаздываетъ на десятки лѣтъ, лишаютъ насъ возможности дѣлать какія бы то ни было сближенія ея со звѣздой волхвовъ. Мы уже не говоримъ о тѣхъ текстуальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми соединяется принятіе гипотезы Кардана.

Не такъ давно Визелеръ открылъ старинный китайскій документъ, въ которомъ говорится о необыкновенно яркой звѣздочкѣ, блиставшей на китайскомъ небѣ въ 4 году до начала нашей эры. Несмотря на авторитетъ А. Гумбольдта, признававшаго китайскій документъ достовѣрнымъ, все же ученые съ большими основаніями заподазриваютъ его достовѣрность [2]).

[1]) См. у Д. Святскаго, цит. соч., 113–114.

[1]) См. М. Н. Скабалановичъ, цит. соч. Д. Святскій, цит. соч. 114.

Знаменитый астрономъ Іоганъ Кеплеръ (1571—1630 г.), установившій законы планетныхъ движеній, за что получилъ громкое имя „законодателя неба“, превосходно знакомый съ астрологіей и самъ составлявшій гороскопы, предложилъ важную гипотезу, окончательно, повидимому, рѣшавшую вопросъ о звѣздѣ волхвовъ. Въ 1603 г. онъ замѣтилъ соединеніе планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи Рыбъ, при чемъ обѣ эти яркія планеты подошли такъ близко одна къ другой, что могли быть приняты земнымъ наблюдателемъ за одну новую звѣзду необыкновенной яркости. Это явленіе началось 17 декабря 1603 года. Весною слѣдующаго года къ этимъ двумъ планетамъ присоединился Марсъ, увеличивъ объемъ и яркость планетнаго соединенія. Красота новаго небеснаго явленія увеличилась еще болѣе, когда 10 октября 1604 г. недалеко отъ Юпитера и Сатурна зажглась новая звѣзда въ восточной ногѣ созвѣздія Змѣеносецъ, горѣвшая ярче всѣхъ звѣздъ 1-й величины. „Подобно алмазу многогранному, который, будучи поворачиваемъ на солнцѣ передъ глазами зрителя, играетъ разноцвѣтнымъ блескомъ, она, непрерывно играя, послѣдовательно отражала цвѣта радуги“ [1]) и напоминала этимъ описаніе у св. Игнатія Богоносца звѣзды волхвовъ, которая, по его словамъ, „искрилась, подобно брилліанту, больше всѣхъ другихъ звѣздъ“ (Посл. къ Ефес. 19). Просвѣтивъ ярко около года, а затѣмъ постепенно теряя свой блескъ, новая звѣзда исчезла въ мартѣ 1606 года [2]).

По вычисленіямъ Кеплера, видѣнное имъ въ 1603—6 г.г. соединеніе небесныхъ свѣтилъ должно повторяться черезъ каждые 800 лѣтъ. Если оно случилось въ 1604 г., то, отложивъ назадъ 800 л. и еще 800 л., найдемъ, что такое небесное явленіе произошло какъ разъ во время Рождества Христова, потому что общепринятая христіанская эра, введенная римскимъ аббатомъ Діонисіемъ младшимъ, какъ твердо

---

[1]) Гумбольдтъ. Космосъ. Т. III, отд. 1 стр. 193, прим.

[2]) М. Н. Скабалановичъ, цит. соч. 8; Д. Святскій, цит. соч. 115.

установлено, дѣлаетъ ошибку на 4 года, которыхъ какъ разъ не доставало Кеплеру, чтобы наблюдавшееся имъ явленіе совпало со временемъ Рождества Христова. Результатъ, повидимому, получился поразительный, казалось, темный вопросъ былъ рѣшенъ разъ навсегда. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, заключенія Кеплера были сдѣланы слишкомъ поспѣшно. Мы не будемъ подробно останавливаться на взглядахъ самого Кеплера, потому что они никѣмъ не раздѣляются въ томъ видѣ, какъ они были формулированы имъ самимъ. Замѣтимъ только, что, по словамъ Кеплера, открытое имъ планетное соединеніе возвращается въ эпохи, поворотныя въ исторіи человѣчества. Откладывая отъ 1604 г. назадъ по 800 л., Кеплеръ нашелъ, что это явленіе происходило въ эпохи: Адама, Еноха, потопа, Моисея, Исаіи (начало вавилонской, греческой и римской эры), Христа, Карла Великаго, реформаціи. [1]) Въ вычисленія Кеплера впослѣдствіи внесена была чрезвычайно важная поправка, значеніе которой какъ-то мало оцѣнивается изслѣдователями, раздѣляющими теорію Кеплера въ исправленномъ видѣ (напр., свящ. М. Ѳивейскимъ). Было найдено, что періодическое возвращеніе соединенія планетъ Юпитера и Сатурна совершается не черезъ 800 л., а черезъ 794 г. 4 м. 12 дн. Кеплеръ, такимъ образомъ, можетъ быть, невольно округлилъ цифру, которая, при этомъ только условіи, какъ разъ содержится два раза въ 1600 [2]) л., прошедшихъ до того времени, когда Кеплеръ наблюдалъ соединеніе планетъ отъ Р. Хр. Если отъ 1604 г. тѣмъ же порядкомъ отложить назадъ дважды по 794 г., то окажется, что соединеніе планетъ, даже если принять во вниманіе ошибку въ лѣтоисчисленіи, все же могло произойти болѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ *послѣ* Рождества Христова, что уже, конечно, не подходитъ къ дѣлу. Кромѣ того, ни одного подобнаго явленія не было зарегистрировано въ лѣтописяхъ астрономіи ни около

---

[1]) М. Н. Скабалановичъ. цит. соч. 11.

[2]) Исправленной 1604 г.

времени Рождества Христова, ни въ 800-тыхъ годахъ нашей эры, когда оно должно было произойти. Самое это явленіе, особенно въ описаніи Кеплера, слишкомъ сложно для звѣзды волхвовъ. Поправки гипотезы Кеплера на этомъ не остановились. Идеперъ и др. изслѣдователи нашли, что соединеніе Юпитера и Сатурна должно было произойти, какъ показали новыя вычисленія, въ *7 году до* Рождества Христова. При этомъ соединеніе было троекратнымъ *въ одинъ годъ*. Первое соединеніе планетъ было 20 мая. Юпитеръ и Сатурнъ подошли другъ къ другу всего на разстояніе 1^0 и были видны въ Персіи и Месопотаміи на восточной сторонѣ неба передъ восходомъ солнца. Затѣмъ планеты разошлись и соединились только 27 октября въ томъ же знакѣ Рыбъ и могли быть уже видимы на южной сторонѣ неба. Затѣмъ опять послѣдовало расхожденіе планетъ, послѣ чего онѣ снова сошлись 12 ноября [1]). „Различныя комбинаціи этихъ планетъ, имѣвшія мѣсто въ теченіе нѣкотораго времени, могли казаться движеніемъ необычайной звѣзды, и именно съ востока на югъ, т. е. по тому самому направленію, по которому пришли въ Іерусалимъ восточные мудрецы". [2]) А такъ какъ раввинъ Абарбанелъ (1437—1508 г.) передаетъ, повидимому, древнее преданіе о томъ, что сближеніе Юпитера и Сатурна предвѣщаетъ вообще великія событія, соединеніе же ихъ въ знакѣ Рыбъ, по мнѣнію евреевъ, созвѣздія Израиля, предвѣщало свершеніе этого событія именно въ еврейскомъ народѣ (оно было, напр., за 3 года до рожденія Моисея) [3]), то становится болѣе понятнымъ, почему у волхвовъ явилась мысль о рожденіи именно Царя іудейскаго. Астрономъ Гольдшмидтъ далѣе устанавливаетъ, что такое небесное явленіе могло быть

---

[1]) Д. Святскій цит. соч. 115.

[2]) Прот. Т. Буткевичъ. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. СПБ. 1887, стр. 299.

[3]) Фарраръ. Жизнь Іисуса Христа, пер. свящ. М. Ѳивейскаго. СПБ. 1904 г. стр. 64.

видимо людьми, оставившими Іерусалимъ, и что оно могло указывать имъ путь, почти идти предъ ними по направленію къ Виѳлеему и остановиться надъ нимъ [1]). Даже и эта поправка не дѣлаетъ гипотезу Кеплера болѣе пріемлемой. Противъ нея рѣшительно говоритъ уже то, что это соединеніе Юпитера и Сатурна могло произойти только за 7 лѣтъ *до* Рождества Христова, а потому, въ лучшемъ случаѣ, могло дать волхвамъ только мысль о грядущемъ великомъ событіи. Вотъ почему чрезвычайно странны сужденія Иделера и др., которые, признавъ, что соединеніе Юпитера и Сатурна произошло 20 мая *7 года до* Рождества Христова, тутъ же указываютъ, что послѣ этого волхвы могли отправиться на поклоненіе родившемуся Царю въ Іерусалимѣ, прибыть туда къ осени, 27 октября вновь увидѣть это соединеніе, которое и остановилось надъ храминой, „ идѣже бѣ отроче“ [2]), за 7 лѣтъ до Его рожденія. Кромѣ того, противъ изложенной гипотезы критика весьма основательно замѣчаетъ, что соединеніе Юпитера и Сатурна едва ли могло быть принято за новую звѣзду. Планеты находились между собою на разстояніи 1 градуса, а это разстояніе приблизительно равно двумъ діаметрамъ полной луны и слишкомъ велико для того, чтобы сблизившіяся планеты могли казаться одной новой звѣздой. 3 августа 1911 г. наблюдалось замѣчательное соединеніе Марса съ Сатурномъ, причемъ между планетами оставалось разстояніе всего въ 21 минуту, но даже это разстояніе было слишкомъ велико, чтобы для глаза обѣ планеты могли слиться въ одну [3]).

В. Авонскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Визелеръ у М. Н. Скабалановичъ, цит. соч. 9 Д. Святскій, цит. соч. 115.

[2]) Д. Святскій цит. соч. 115.

[3]) Д. Святскій цит. соч. 116.

„Вы же не нарицайтеся учителіе“ (Мѳ. 23 гл. 8 ст.).

(Къ нашей полемикѣ съ сектантами).

Православные христіане изъ любви и изъ уваженія къ своимъ духовнымъ пастырямъ называютъ ихъ не иначе, какъ отцами, наставниками, священниками, учителями и другими тому подобными именами.

Сектантамъ же не нравится такое почтительное отношеніе нашихъ вѣрующихъ къ своимъ руководителямъ и они пытаются доказать, что св. Писаніе—противъ величанія духовенства такими именами.

На какія же мѣста изъ св. Писанія ссылаются сектанты въ доказательство своихъ мыслей?

Сектанты такъ отвѣчаютъ на данный вопросъ:

„Вы называете своихъ пастырей учителями, а между тѣмъ Христосъ Спаситель говорилъ Своимъ ученикамъ: „вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель, Христосъ; всѣ же вы братія (Мѳ. 23 гл. 8 ст.)“. Затѣмъ, вы величаете ихъ отцами, но и этого не одобряетъ Спаситель. Онъ говоритъ: „И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ (Мѳ. 23 гл. 10 ст.)“. Называете—наставниками, но это также запретилъ Іисусъ Христосъ:„ и не называйтесь наставниками говорилъ Онъ, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ (Мѳ. 23 гл. 10 ст.)“. Наконецъ, зовете ихъ священниками, но апостолъ Павелъ пишетъ, что священникъ одинъ—Христосъ, который „имѣетъ священство непреходящее. Посему и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за нихъ (Евр. 7 гл. 24—25 ст.)“.

Такимъ образомъ, заключаютъ сектанты, православные пастыри незаконно присвоили себѣ названіе отцовъ, учителей, наставниковъ и священниковъ, черезъ что и нарушили Заповѣдь Христа и ученіе Апостола.

Посмотримъ, насколько основательно обвиненіе нашихъ сектантовъ.

„Вы же не называйтесь учителями".

Да, Спаситель сказалъ это, но приложимы ли эти слова къ православнымъ пастырямъ?

Совсѣмъ нѣтъ. Настоящія слова Христа направлены были главнымъ образомъ противъ книжниковъ и фарисеевъ, которые, не будучи священниками и не происходя изъ левитскаго колѣна, „сѣли на Моисеевомъ сѣдалище", т. е. самовольно присвоили себѣ званіе народныхъ учителей и требовали, чтобы люди звали ихъ: „учитель, учитель!" (Мѳ. 23, гл. 6—7 ст.). Этихъ-то самозванныхъ учителей и обличаетъ Христосъ въ вышеприведенныхъ словахъ, тѣмъ самымъ давая знать Своимъ ученикамъ, чтобы они не подражали книжникамъ и фарисеямъ, не назывались самовольно учителями, но чтобы получали оное званіе по Господню установленію. Что именно въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать объясняемыя нами слова, видно изъ того, что слово „учитель" употреблялось нерѣдко самими апостолами, что говоритъ за то, что законное употребленіе имени „учитель" не возбранено было Христомъ. Такъ, апостолъ Павелъ самъ себя называлъ учителемъ: „таково было въ свое время свидѣтельство, писалъ онъ, для котораго я поставленъ проповѣдникомъ и апостоломъ, учителемъ язычниковъ въ вѣрѣ и истинѣ" (1 Тим. 2 гл. 7 ст.). Затѣмъ, не только себя, но и другихъ апостоловъ Павелъ называлъ учителями: „имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли,—въ ученіи (Рим. 12 гл. 7 ст.)", „и иныхъ поставилъ Богъ въ Церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ—пророками, въ третьихъ учителями" (1 Кор. 12 гл. 28 ст.); „и Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями" (Ефес. 4 гл. 11 ст.). Далѣе, апостолъ Іаковъ говоритъ вѣрующимъ христіанамъ изъ іудеевъ: „не многіе дѣлайтесь учителями" (3 гл. 1 ст.). Апостолъ не сказалъ

,,совсѣмъ не называйтесь и не бывайте учителями", но только: ,,не многіе".

Когда же апостолы не только себя но и другихъ называютъ учителями, и когда, по ихъ словамъ, Самъ Христосъ поставилъ нѣкоторыхъ въ церкви учителями, то ясно, что выраженіе Христа: ,,вы же не называйтесь учителями" нельзя понимать такъ, какъ понимаютъ сектанты, будто совсѣмъ запрещено было Господомъ именоваться учителемъ, въ противномъ случаѣ апостолы никогда не допустили бы ни себя ни другихъ называть такимъ именемъ. Если Христосъ и называетъ Себя единымъ Учителемъ, то только въ томъ смыслѣ, что Онъ Одинъ по праву можетъ быть названъ учителемъ жизни. Всѣ же православные пастыри суть проповѣдники не своего ученія, а ученія Христа. Они учатъ людей тому, чему училъ и Христосъ. А когда учатъ, то значитъ... учители.

,,И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ".

Опять таки и эти слова не возбраняютъ духовнымъ пастырямъ именоваться ,,отцами". Данное выраженіе нельзя понимать въ такомъ узкомъ, одностороннемъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его сектанты. Вѣдь апостолы, безъ сомнѣнія, лучше понимали ученіе Христа, чѣмъ сектанты, однако они и себя и другихъ именовали ,,отцами". Значитъ, и законное употребленіе имени ,,отецъ" тоже не возбранено Христомъ. Напримѣръ: апостолъ Павелъ называетъ Тимоѳея своимъ ,,возлюбленнымъ и вѣрнымъ въ Господѣ сыномъ" (1 Коринѳ. 4 гл. 17 ст.), а себя, значитъ, отцомъ. О коринѳянахъ тотъ же апостолъ такъ отзывался: ,,не къ постыженію вашему пишу сіе, но вразумляю васъ какъ возлюбленныхъ дѣтей моихъ. Ибо хотя у васъ тысячи наставниковъ во Христѣ, но немного отцевъ; я родилъ васъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ". (1 Кор. 4 гл. 14—15 ст.). Апостолъ Іоаннъ однихъ христіанъ называетъ дѣтьми (1 Іоан. 2 гл. 1, 18, ст. 3 гл. 7, 18 ст. 3 Іоан. 4 ст.), а другихъ отцами: ,,пишу вамъ отцы, потому что вы познали сущаго отъ начала" (Іоан. 2 гл. 13 ст.).

Разъ въ апостольское время были лица, называвшіяся отцами, то почему предосудительно называться этимъ именемъ нашимъ духовнымъ пастырямъ? Если пастырямъ древняго апостольскаго времени разбираемыя слова Спасителя не мѣшали называться отцами, то они не мѣшаютъ и пастырямъ нашего времени называться подобнымъ именемъ. Если Христосъ и называетъ Единымъ Отцомъ Бога Отца, то лишь въ томъ смыслѣ, что Онъ даетъ людямъ жизнь и плотскую и духовную: „Имъ мы живемъ и движемся и существуемъ“ (Дѣян. 17 гл. 28 ст.). Тѣлесне и духовне тоже никто не можетъ возродить человѣка, кромѣ Бога Отца. Онъ Одинъ возрождаетъ. Его силою возрождаютъ людей пастыри церкви. Посему въ собственномъ смыслѣ Богъ Отецъ—Отецъ Единъ.

Наконецъ, если ап. Павелъ называетъ Христа Единымъ Священникомъ, то это въ томъ смыслѣ, что Онъ Одинъ принесъ Себя Самого въ жертву за грѣхи всего міра. Что касается нашихъ священниковъ, то они не сами виновники своего священства въ церкви, а суть только носители тѣхъ благодатныхъ даровъ и правъ, которыя предоставлены имъ отъ Единаго священника Христа. Благодатная сила, которая проявляется чрезъ земныхъ священниковъ, въ ихъ священнодѣйствіяхъ, есть не ихъ личная сила, а сила Единаго Священника Христа. А какъ носители... они могутъ называться конечно не въ собственномъ смыслѣ, какъ Христосъ, священниками. Сектанты больше всего упираютъ на то, что такимъ именемъ, свойственнымъ только Христу, неудобно и недостойно называться. Но если ап. Іоаннъ и ап. Петръ всѣхъ христіанъ называютъ въ духовно-нравственномъ смыслѣ священниками (Откр. 1 гл. 6 ст., 5 гл. 10 ст., 1 Петр. 2 гл. 9 ст.), то тѣмъ болѣе наши православные пастыри могутъ и даже должны называться священниками, какъ совершители безкровной жертвы Іисуса Христа.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы приходимъ къ такому заключенію, что сектанты совершенно не правы, отрицая законность такихъ наименованій нашихъ па-

стырей, какъ напримѣръ: отецъ, наставникъ, учитель, священникъ.

Сами апостолы пользовались такими именами. Такъ неужели и они незаконно присвоили себѣ такія наименованія?

Законоучитель Одесской 2-й мужской гимназіи, Свящ. *Александръ Введенскій.*

Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію.

(Продолженіе) [1]).

II

Установивши положеніе, что жажду народа къ чтенію должно удовлетворять чтеніемъ религіозно-нравственнымъ, что это согласно съ требованіями и самого народа, мы сдѣлали лишь одну меньшую часть своего дѣла. Теперь передъ нами другая, бо́льшая его часть, предъ нами вопросъ—какъ этимъ питьемъ удовлетворять жажду, какъ его подносить къ устамъ жаждущаго—1) въ *какой формѣ* и 2) *какимъ способомъ*...

1) Можно различать двѣ основныхъ формы печатной передачи того или иного идейнаго содержанія—форму матеріальную, форму внѣшнюю въ собственномъ смыслѣ этого слова и форму литературную. Это естественно дѣлитъ частный вопросъ о формѣ, въ которой слѣдуетъ подносить народу религіозное содержаніе, на два болѣе частныхъ вопроса: α) въ какой матеріальной формѣ его подносить и β) въ какой формѣ литературной, въ какомъ изложеніи?..

α) Основныхъ матеріальныхъ формъ въ которыхъ распространяется всякое произведеніе пера, независимо отъ его идейнаго содержанія, намъ извѣстно двѣ—это печать періодическая и непериодическая. Въ свою очередь эти основныя

[1]) См. № 50-й за 1912 г.

формы распадаются на болѣе частныя—періодическая на газеты и журналы, непериодическая—на листки, мелкія брошюры и книги.

Какую же изъ этихъ формъ печати слѣдуетъ избрать? Существо и важность религіознаго образованія и воспитанія заставляютъ насъ отвѣтить, что ни одна изъ этихъ формъ, взятая въ отдѣльности, не можетъ быть признана пригодной для этой цѣли, но только всѣ онѣ въ своей совокупности.

Великому дѣлу должны служить всѣ виды печатнаго слова, всѣ должны содѣйствовать славѣ Творца, какъ всякая былинка полевая и травка, неустанно говорящая о Немъ человѣческому сердцу!

Изъ всѣхъ источниковъ печатнаго слова въ міръ трудовой долженъ вливаться живительный свѣтъ, долженъ входить могучій потокъ религіи. Только тогда и возможно будетъ полное удовлетвореніе жаждущей души „благочестія водами".—Каждый изъ видовъ печатнаго слова въ своемъ мѣстѣ, въ своей сферѣ окажетъ могучее вліяніе, а въ общемъ получится одинъ громадный потокъ, обильный водами, потокъ, изъ котораго можно будетъ жаждущимъ пить всѣмъ и всегда!

Правда, можно говорить о превосходствѣ однѣхъ формъ печати надъ другими, но о превосходствѣ лишь въ извѣстномъ какомъ либо отношеніи, о превосходствѣ относительномъ. Въ существѣ же всѣ виды печати не больше не меньше, какъ части цѣлаго организма, и какъ въ человѣческомъ тѣлѣ рука не можетъ сказать уху—я нужнѣе тебя, такъ и здѣсь мелкій летучій листокъ не можетъ сказать журналу: „ты мнѣ не нуженъ, я безъ тебя обойдусь, сдѣлаю свое дѣло", и наоборотъ.

Среди современныхъ настроеній можно замѣтить наклонъ въ пользу дешеваго мелкаго листка, но этотъ наклонъ никакъ нельзя понимать въ смыслѣ безусловной достаточности его въ дѣлѣ удовлетворенія умственныхъ запросовъ простого народа, это—достаточность относительная...

То справедливо, что листокъ дешевъ, что „листокъ можно, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ почтенный редакторъ „Православно-народнаго листка“, [1]) оставить у простолюдина навсегда, ничуть не лишая этимъ самымъ другихъ возможности пользоваться другими экземплярами этого же листка“, но нельзя не отдать справедливости и тому обстоятельству, что и книга имѣетъ предъ листкомъ много преимуществъ дѣйствительныхъ, безспорныхъ, что доказываетъ хотя бы такой фактъ, какъ существованіе въ издательствахъ листковъ—листковъ двойныхъ, имѣющихъ не 4, какъ обычно, но 8 страницъ. Вѣдь это, собственно говоря, уже не листокъ, а нѣчто вродѣ брошюры, уменьшите форматъ, перегните листокъ пополамъ, и у васъ получится уже приличная брошюра болѣе чѣмъ въ 16 страницъ и при томъ весьма убористой печати. Слегка пораздвиньте шрифтъ, увеличьте поля,—какъ это обычно дѣлается у насъ въ брошюрахъ, и это число еще значительно возрастетъ... Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что въ изложеніи листка необходима необыкновенная сжатость, обычно предполагающая въ читателѣ уже нѣкоторую (у простого народа отсутствующую) подготовленность, образованіе, привычку къ краткимъ литературнымъ выраженіямъ... Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на тотъ *отчасти справедливо* подмѣченный о. Бобровымъ фактъ, что „при всей своей убогой скудости, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, нашъ крестьянинъ не любитъ мелкой и дешевой книги. На предложеніе купить какую либо брошюру, онъ обыкновенно выражается такъ: „много ли изъ нея займешься? Листокъ—онъ листокъ и есть, и читанья-то въ немъ всего на полчаса. Нѣтъ, уже коли покупать книгу, такъ чтобы она была настоящая, дополнительная,—за ту и денегъ не жаль, а это одна ребячья забава“ [2]). Наблюденіе это *справедливо* именно *лишь отчасти*. Это скрытно, но опре-

[1]) „Нѣсколько словъ о религіозно-нравственныхъ изданіяхъ для простого народа“—Донскія Епарх. Вѣдомости 1911 г. № 9. стр. 186—187.

[2]) „Народъ и книга“—стр. 29.

дѣленно признаетъ и самъ авторъ—о. Бобровъ, если только не думаетъ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Не дальше, какъ на слѣдующей страницѣ, онъ говоритъ, что „единственное исключеніе въ данномъ случаѣ составляютъ „Троицкіе Листки", которые всегда покупаются простонародьемъ съ особенной охотой и расходятся всюду въ громадномъ количествѣ" [1]). Не ясно ли, что крестьяне отвергаютъ *не форму листка, но* собственно *его содержаніе.* И мы, говоря все это, отнюдь не думаетъ отвергать формы листка, мы не хотимъ такъ же и становить книги выше листка, мы хотимъ лишь подчеркнуть *равноправность* существованія какъ ихъ, такъ и всѣхъ остальныхъ видовъ печатнаго слова.

Обращаясь къ дѣйствительности, мы видимъ, что у насъ почти что такъ и есть. Къ служенію религіозному просвѣщенію простого народа у насъ привлекается одинаково и толстая книга и тощая брошюра, и летучій листокъ. Конечно многое нужно было бы пожелать существующему у насъ народному религіозному издательству, многое и въ отношеніи содержанія и лнтературной формы и особенно многое въ отношеніи интенсивности этого дѣла... Но взоръ нашъ теперь устремляется къ тому виду распространенія печатнаго слова, къ той его формѣ, что особенно важна и могуча, что завоевала подъ свою власть весь культурный міръ и что извѣстна съ именемъ газеты.

Въ то время какъ другія формы печатнаго слова у насъ используются въ цѣляхъ распространенія религіознаго просвѣщенія среди народа, правда, далеко не всегда и не всѣми какъ должно, эта форма совершенно игнорується. Да и не такъ давно и не такъ ужъ широко она стала использоваться, какъ средство религіознаго воздѣйствія и для интеллигентнаго общества. Вѣдь всего какихъ нибудь 10 лѣтъ тому назадъ народилась и доселѣ остающаяся одинокой церковная газета „Колоколъ"!

---

[1]) Ibid. стр. 30.

Кажется, уже четвертый годъ издается въ Москвѣ церковно-народная еженедѣльная газета „Церковность“. Но ее нельзя назвать газетой въ собственномъ смыслѣ этого слова. органомъ, держащимъ читателя въ курсѣ общественной жизни, въ курсѣ текущихъ, близкихъ ему, событій и интересовъ, такъ какъ всего этого она касается какъ бы мимоходомъ, все это входитъ въ ея столбцы какъ бы случайно. Это скорѣе еженедѣльный листокъ, наполненный мелкими разсказами религіозно-нравственнаго содержанія, безсильный заполнить существующій въ нашей народной литературѣ пробѣлъ отсутствія церковной газеты.

Нельзя отъ души не пожалѣть того, что такое могучее средство удовлетворенія жажды къ чтенію и воздѣйствія на волю народную у насъ въ полномъ забытьи, совершенно не использовано!

А вѣдь какая великая это сила—газета, этотъ, повидимому, жалкій листокъ обычно неважной бумаги, напечатанный наскоро, который обычно свертывается какъ придется, бросается куда попало, жизнь котораго на свѣтѣ продолжается, подобно жизни прекраснаго мотылька, нерѣдко не болѣе нѣсколькихъ часовъ и лишь въ лучшемъ случаѣ—двухъ трехъ сутокъ, а далѣе протекаетъ гдѣ нибудь въ темномъ углу, за диваномъ и оканчивается на полѣ самоотверженной защиты какихъ-либо житейскихъ, полныхъ животной прозы предметовъ!!.

А между тѣмъ, какое громадное вліяніе въ немъ сокрыто!

„Если спросить о средствахъ, при помощи которыхъ образуется громадная ткань духовныхъ и матеріальныхъ взаимодѣйствій, пишетъ историкъ происхожденія газеты—Карлъ Бюхеръ [1]), собирающая современное человѣчество во единое

---

[1]) „Происхожденіе газеты“. Перев. съ нѣмецкаго В. Чумикова Международная Библіотека № 46 СПБ. 1896 г. стр. 4.

общество, никто не задумается назвать на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ почтою, желѣзной дорогой и телеграфомъ, газету".

„Газета, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, стала теперь постояннымъ учителемъ, другомъ, совѣтникомъ, вождемъ. Изо дня въ день непрерывнымъ потокомъ впечатлѣній и внушеній она вліяетъ на разумъ и волю читающаго, помимо сознанія его самого, направляя ихъ въ ту или другую сторону. Печать внушаетъ симпатіи и антипатіи, создаетъ общественное мнѣніе, вліяетъ на политическіе выборы и на самую политику государственныхъ дѣятелей, а чрезъ это и на судьбу народовъ. Благодаря тому, что и телеграфъ и телефонъ состоятъ на службѣ у нея, она въ нѣсколько часовъ можетъ сообщить населенію все, что дѣлается въ отдаленныхъ уголкахъ земного шара. Печать является самой большой, всемірной кафедрой. „Это изобрѣтеніе, пишетъ одинъ нѣмецкій ученый, дало всѣмъ умѣющимъ читать еще третій глазъ, которымъ они могутъ обозрѣть весь міръ, прибавило къ двумъ еще одно ухо, которымъ они могутъ слышать сказанія прошлаго и предсказанія о будущемъ, прибавило языкъ, голосъ котораго слышенъ и чрезъ океаны и чрезъ вершины Гималайскихъ горъ" [1])...

И въ самомъ дѣлѣ, въ обычной жизни, на самихъ себѣ, на своихъ близкихъ, друзьяхъ и знакомыхъ можно наглядно видѣть могущество газеты. Развѣ не знакомъ намъ тотъ фактъ, что по разсужденіямъ можно бывать нерѣдко сказать, какую газету читаетъ человѣкъ, и наоборотъ,—зная газету, можно предугадывать сужденія человѣка по тому или иному вопросу. И нужно сознаться, что это господство газеты, эта тяжелая власть ея мыслей и разсужденій всегда обратно пропорціональна силѣ ума и степени образованности человѣка, хотя возможны и здѣсь, какъ и вездѣ, исключенія и въ томъ

---

[1]) С. Троицкій – „Католическая печать въ Германіи" (сообщ. изъ заграницы), Церковн. Вѣдомости 1912 г. № 34 стр. 1376.

и въ другомъ направленіи. Для гордаго и свободолюбиваго ума и сознанія тяжело и непріятно, когда ему говорятъ объ этой власти листа бумаги... но положеніе дѣла отъ этого нисколько не измѣняется!

И эта то могучая сила остается не использованной, не кѣмъ либо, какъ только одними служителями религіи, проповѣдниками свѣта Христова, вождями религіозной жизни русскаго народа!

Вожди же сельскіе хорошо и давно сознали важность и мощность этой формы печатнаго слова и постарались использовать и его въ своихъ интересахъ, далеко, конечно, не совпадающихъ съ интересами религіи. Такими органами, какъ „Трудовая Копейка“, изо дня въ день, вотъ уже четвертый годъ, они дѣйствуютъ на волю и умъ простого народа, толкаютъ его въ желательномъ для нихъ направленіи.

— Грошевая цѣна (1 коп. за номеръ, 3 мѣсяца—1 рубль), а газета порядочная, много сообщеній, не запоздалыхъ, своевременныхъ, правда, въ большинствѣ случаевъ тендеціозно подобранныхъ и односторонне освѣщенныхъ! И для простого человѣка хорошо, а еще лучше для издателей и авторовъ, незамѣтно, но неуклонно этимъ путемъ подготовляющихъ опору для своего дѣла, становящихся незамѣтно хозяевами положенія.

А вѣдь настоящая то хозяйка человѣческихъ душъ и сердецъ есть религія, есть церковь и хозяевами то положенія должны быть служители религіи и церкви!

Вѣдь религія научила Русскій народъ грамотѣ, вѣдь она пріохотила его къ книгѣ, давши ему въ руки часословъ и и псалтирь! Вѣдь духовенство, выведши его изъ мрака язычества, пробудило его и отъ умственной спячки и поставило на дорогу къ свѣту образованія... А теперь эти фактическіе хозяева очень часто только смотрятъ, какъ чужіе распоряжаются ихъ владѣніемъ, какъ чужіе засѣваютъ сѣменами терній воздѣланную ими трудовую ниву, воздѣланную для посѣва добрыхъ сѣмянъ. Теперь отъ этого своего духовно

рожденнаго сына нерѣдко приходится имъ слышать лишь насмѣшки да упреки въ малообразованности и мракобѣсіи...

И хозяева все это смиренно выслушиваютъ, какъ будто бы это все такъ и должно быть. Пора бы проснуться имъ, пора стряхнуть съ себя покровъ ложнаго смиренія! Пора! а то не стало бы поздно, какъ бы не упустить времени! Не взошли бы на воздѣланной нивѣ тернія, тогда съ ними будетъ трудно бороться! Да и нива-то сама не отвыкла бы отъ питанія добрыхъ корней! Пора бы создать намъ церковную—именно *народную* газету, которая работала бы буквально въ народной средѣ, въ средѣ *простонародья*...

И намъ кажется, что это не пустая мечта, но наиболѣе близкая къ дѣйствительности. — Она возможна со стороны наличности у насъ и нужныхъ для ея осуществленія силъ и со стороны матеріальныхъ средствъ.

Развѣ нѣтъ у насъ лицъ близко знающихъ народную душу, знающихъ не по книгамъ, но въ дѣйствительной жизни!? Развѣ нѣтъ тѣхъ, кто понимаетъ ея запросы и стремленія, кто могъ бы поговорить съ нею знакомымъ, понятнымъ ей языкомъ, объ интересующихъ ее событіяхъ міровой жизни!? Развѣ нѣтъ тѣхъ, кто разсказалъ бы ей попросту, безъ лжи и прикрасъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, который для крестьянина давно уже разросся не только за предѣлы губерніи, но и за предѣлы государства Русскаго!? Мы не смѣемъ даже и сомнѣваться въ этомъ, мы вполнѣ вѣримъ въ духовную близость къ народу тѣхъ, кто всегда съ нимъ соприкасается, кто всегда дѣлитъ съ нимъ радости и горести. Мы вѣримъ также и въ то, что ихъ авторитетный, пастырскій голосъ будетъ первымъ откликомъ на призывъ къ работѣ на благо народа, на дѣло его просвѣщенія, что ихъ камень будетъ первымъ, краеугольнымъ камнемъ въ дѣлѣ созданія той великой религіозной твердыни и опоры русскаго народа, какимъ является *церковная простонародная газета*.

По нашему мнѣнію, гораздо больше затрудненій встрѣтить въ дѣлѣ изданія простонародной церковной газеты—другая сторона всякаго издательскаго дѣла, сторона матеріальная.

Народная газета должна быть очень дешева. Она должна прежде всего конкурировать съ названной нами «Трудовой копѣйкой», стоющей въ 3 мѣсяца — 1 рубль, а на мѣсяцъ 35 коп.; — слѣдовательно, въ самомъ крайнемъ случаѣ она должна стоить столько же, въ лучшемъ же случаѣ—меньше ея.

При такихъ условіяхъ о доходности изданія можно говорить лишь при допущеніи весьма широкой организаціи дѣла, когда издательство будетъ поддерживаться не однимъ только изданіемъ газеты, а и чѣмъ нибудь другимъ, или же при весьма широкой распространенности самой газеты. Но говорить какъ о первомъ, такъ и о второмъ на первыхъ порахъ нѣтъ возможности.—Всякое дѣло начинается съ очень немногаго, съ зерна горчичнаго. Популярность же и при отсутствіи конкуренціи и сложившихся привычекъ и то пріобрѣтается не сразу, тѣмъ болѣе она требуетъ времени, когда есть тяготѣніе въ противоположную сторону.

Несмотря на все это, намъ кажется, что дѣло это вполнѣ осуществимо. Важно только, чтобы была сознана его важность, его необходимость, его потребность въ пастырской дѣятельности русскаго духовенства, важно, чтобы сознали, что отсутсутвіе церковнаго воздѣйствія на простой, всему вѣрящій народъ чрезъ газеты составляетъ крупную брешь, чрезъ которую смѣло входятъ непріятельскія силы и ослабляется, расточается внутренняя сила нашего вѣрующаго крестьянства...

Конечно, о личной иниціативѣ, въ обычныхъ условіяхъ, здѣсь можетъ быть рѣчь меньше всего. Для личной иниціативы дѣло это, нужно сознаться, мало возможное. Здѣсь нужны сочетанія качествъ, почти не встрѣчающихся одновременно въ человѣкѣ, сочетанія, съ одной стороны, сознанія важности этого дѣла, желанія, готовности жертвовать ради

него всѣмъ и, съ другой стороны, наличность матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для реализаціи намѣренія.

Правда, возможно соединеніе двухъ или даже нѣсколькихъ лицъ, съ различными качествами, въ своей совокупности удовлетворяющихъ нужнымъ требованіямъ... но это можно только желать, этого можно только ожидать, а быть можетъ даже объ этомъ можно только мечтать! А въ область желаній и ожиданій, въ область мечты относить *важное, неотложное дѣло* грѣховно. Такъ поступать вдвойнѣ грѣховно, когда есть вѣрные пути къ его осуществленію.

Намъ предносится сейчасъ цѣлый рядъ возможностей осуществленія этого великаго дѣла.—Развѣ мало у насъ на святой Руси монастырей, гдѣ могутъ быть и даровыя руки и свои типографіи, гдѣ все потому можетъ стоить очень дешево?! Знаменитыя Троицкая, Кіево-Печерская, Александро-Невская лавры и другіе разсадники свѣта Христова—развѣ не могутъ, не въ силахъ онѣ начать и утвердить этого дѣла?!

Развѣ не найдется въ св. Синодѣ нѣсколькихъ тысячъ, которыя можно бы было израсходовать на начало этого великаго дѣла?!

Или развѣ нельзя, хотя бы на первое время, поддержать это предпріятіе обязательной подпиской для всѣхъ церквей Имперіи, какъ обязываютъ подпиской на Епархіальныя Вѣдомости, въ которыхъ рѣдко даютъ даже порядочную бумагу, а не только что порядочное содержаніе?!

Да, наконецъ, развѣ нельзя субсидировать на первое время книгоиздательство В. М. Скворцова съ тѣмъ, чтобы оно выпускало 2-е, собственно *простонародное*, изданіе „Колокола“?!

Мы знаемъ, конечно, что хорошо говорить и трудно дѣлать, что легче указывать, чѣмъ осуществлять указанія, но тѣмъ не менѣе *долженъ же быть гдѣ нибудь положенъ предѣлъ этому неудержимому, безконечному стремленію человѣка къ легкости, должна же гдѣ нибудь существовать его предѣльная линія?!!...*

А вѣдь если къ наличнымъ, къ существующимъ у насъ формамъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, даже въ ихъ современномъ состояніи, даже съ ихъ многими недостатками, прибавить могучую форму—газету, то мы будемъ имѣть на всѣхъ пунктахъ, правда, не всегда вполнѣ надежныхъ, но все же защитниковъ интересовъ религіи, проводниковъ, проповѣдниковъ ея, будемъ вездѣ имѣть тѣ колодцы, изъ которыхъ нашъ русскій простой человѣкъ можетъ пить, сколько ему будетъ угодно и когда угодно, здоровую сродную ему воду живую, воду Христова ученія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Аболенскій.

ЗАМѢТКА

Извѣстія и замѣтки.

Къ свѣдѣнію духовенства. Замѣтка о составленіи метрическихъ выписей учрежденіямъ, составляющихъ призывные списки.

Съ 1-го декабря текущаго года вступаетъ въ силу новый Высочайше утвержденный Законъ о воинской повинности, напечатанный въ № 31-мъ Церковныхъ Вѣдомостей за сей 1912-й годъ.

При написаніи Метрическихъ выписей на лицъ, подлежащихъ къ призыву въ 1913-мъ году къ исполненію воинской повинности, духовенству необходимо знать нѣкоторыя статьи сего закона, которыя и считаемъ не лишнимъ привести въ настоящей замѣткѣ въ подлинникѣ съ небольшимъ отъ себя поясненіемъ.

Такъ 2 ст. гласитъ: „*Къ исполненію воинской повинности призывается ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду къ 1-му января того года, когда производится призывъ.*

Слѣдующій призывъ будетъ производиться въ 1913-мъ году. На основаніи 2-й статьи новаго Устава въ слѣдующемъ 1913-мъ году будутъ призываться къ исполненію воинской повинности молодые люди, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду *къ 1-му января 1913 года*. То же самое говоритъ и ст. 66-ая Высочайше утвержденнаго Закона:

„Въ призывные списки вносятся всѣ достигшіе двадцати лѣтъ къ 1-му января того года, когда производится призывъ.

Въ текущемъ 1912-мъ году производится съ 15 октября рекрутскій наборъ къ исполненію воинской повинности молодыхъ людей, 21 года, родившихся съ 1-го октября 1890 года по 30-ое сентября 1891 года.

Согласно 2-ой и 66-й статьи новаго Высочайше утвержденнаго Закона о воинской повинности въ слѣдующемъ 1913-мъ году подлежать призыву къ исполненію воинской повинности молодые люди, родившіеся съ 1-го октября 1891 года и всѣ родившіеся муж. пола въ 1892 году, коимъ и исполнится 20-ть лѣтъ къ 1-му января будущаго 1913 года, кои и должны быть немедленно внесены въ метрическія выписи для составленія призывныхъ списковъ къ исполненію воинской повинности въ слѣдующемъ 1913-мъ году.

Если внести въ метрич. выписи только лицъ, которыя *къ 1-му января текущаго 1912 года* достигнутъ 20 лѣтъ, то пришлось бы внести въ выписи только родившихся муж. пола за три (3) мѣсяца: (за октябрь, ноябрь, и декабрь) 1891 года, что не согласно со 2-й и 66-ой ст. новаго Устава о воинской повинности.

Ст. 69 „Метрическія выписи должны быть доставлены учрежденіямъ, составляющимъ призывные списки не позднѣе 1-го декабря года, предшествующаго призыву означенныхъ въ сихъ выпискахъ лицъ къ исполненію воинской повинности".

Примѣчаніе. Настоящая краткая замѣтка написана по поводу опредѣленія Св. Сунода отъ 3-ое октября сего 1912 года за № 8772-мъ, напечатаннаго въ № 41-мъ Церковныхъ Вѣдомостей (стр. 383-ья).

Церкви Серебрянскаго завода Священникъ Александръ *Ласинъ*.

При семъ №-рѣ разсылается объявленіе отъ редакціи журналъ „Русскій Паломникъ" о подпискѣ на 1913 годъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го декабря 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6.

ГОДЪ LIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей.

№ 52

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1912-го года 23-го декабря.

Содержаніе. I. „Христосъ рождается, славите!“ В. С.—II. Виѳлеемская звѣзда. Кир. Тихомировъ.—III. О звѣздѣ волхвовъ (окончаніе) В. Аѳонскій.—IV. Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію (окончаніе). А. Аболенскій.—

„Христосъ рождается, славите“!

Этими словами св. Церковь призываетъ всѣхъ насъ въ наступающіе священные дни къ прославленію Новорожденнаго Младенца—Христа. На свѣтломъ таинственномъ востокѣ и на далекомъ темномъ западѣ, подъ чуднымъ небомъ прекраснаго, какъ мечта, и погруженнаго въ нѣгу юга, и среди угрюмыхъ, скованныхъ льдомъ, скалъ суроваго сѣвера, на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ и среди многочисленныхъ народовъ торжественно звучитъ и несется этотъ священный призывъ церковный: „Христосъ рождается, славите!“ Какая душа останется безотвѣтной на этотъ призывъ? Чье сердце не забьется сильнѣе въ отвѣтъ на эти радостныя слова, призывающія людей забыть, хотя на нѣсколько часовъ,

все земное и вмѣстѣ со святыми ангелами на небѣ воспѣть хвалу сошедшему на землю Христу—Спасителю!

Въ домахъ богачей около сіяющей огнями и разукрашенной елки и въ убогихъ хижинахъ и подвалахъ бѣдняковъ въ эти священные вечера ведутся тихія и мирныя бесѣды о родившемся въ Виѳлеемѣ Божественномъ Младенцѣ. Мысли и чувства всѣхъ уносятся на много вѣковъ назадъ въ далекую Палестину къ скромнымъ яслямъ, въ которыя по безконечной любви къ человѣчеству былъ положенъ Тотъ, Кого не можетъ вмѣстить въ себя весь міръ, предъ Кѣмъ трепещутъ небо и земля, Кого непрестанно восхваляютъ херувимы и серафимы.

Съ благоговѣніемъ люди вспоминаютъ эту дивную, святую, божественную ночь!

Вотъ она далеко раскинула свой покровъ подъ небомъ Палестины. Темно кругомъ. Величественное, усѣянное милліонами звѣздъ безконечное небо таинственно смотритъ на землю. Наполняющія небесную бездну свѣтила, совершая свой воздушный путь, тихимъ свѣтомъ озаряли земную поверхность и, казалось, неуловимо шептали о какой-то неразгаданной тайнѣ. Міръ уснулъ, отягощенный грѣхомъ и преступленіемъ. Затихла дневная суета и борьба. Утомленные дневными заботами и враждою люди забылись тихимъ сномъ. Не спали только пастухи, наблюдавшіе за стадомъ въ окрестностяхъ Виѳлеема. Они, восхищеннные красотою этой ночи, благодатной ночи, сидѣли и тихо бесѣдовали. Да и было о чемъ побесѣдовать: за послѣдніе дни въ Виѳлеемѣ, по указу римскаго кесаря Августа, со всѣхъ концовъ великой имперіи съѣхалось для записи множество народа. Виѳлеемъ никогда еще не былъ такъ оживленъ, какъ въ эти дни. Сюда пріѣхали всѣ потомки царя Давида, знаменитые іудейскіе вельможи и много простыхъ людей. Для всѣхъ недоставало даже помѣщенія, и потому многіе спали подъ открытымъ небомъ.

Да, много мыслей тогда могъ пробуждать этотъ спящій городъ. При взглядѣ на него и многочисленныхъ пришель-

цевъ его невольно уносилась мысль въ тѣ далекіе края, откуда пришли всѣ эти люди, и предъ умственнымъ взоромъ невольно представлялась картина жизни и состоянія тогдашняго человѣчества. Безотрадна, печальна была эта картина: міръ изнемогалъ отъ людской злобы и коварства. Кругомъ лилась человѣческая кровь. Для забавы необузданной и развращенной толпы люди на аренахъ цирковъ безжалостно убивали другъ друга. Одни не находили себѣ душевнаго мира отъ всевозможныхъ излишествъ, томились отъ бездонной пустоты въ душѣ, отравляли жизнь своимъ ближнимъ и грѣшили, а другіе стонали озлобленные, забитые, обездоленные и погруженные въ безпросвѣтную моральную тьму. Люди потеряли способность отличать добро отъ зла, и ученые философы не надѣялись уже найти когда-нибудь отвѣтъ на вопросъ: „что есть истина?“

Чужды были терзаній изъ-за нерѣшенныхъ вопросовъ простыя, но благочестивыя души Виѳлеемскихъ пастуховъ; ложь человѣческой жизни, очевидно, не загрязнили ихъ чистыхъ сердецъ. Вспоминая слова Ветхозавѣтныхъ пророковъ, они утѣшали себя надеждой, что скоро уже долженъ появиться на землѣ обѣщанный Богомъ и ожидаемый людьми Мессія, Который сниметъ проклятіе съ человѣчества и укажетъ людямъ истинный путь жизни.

Когда пастухи мирно бесѣдовали между собой о Небесномъ Искупителѣ, неожиданно явился имъ ангелъ, а за нимъ—безчисленныя толпы свѣтлыхъ ангеловъ какъ-бы спускались съ небесной высоты, и среди ночной тишины землю огласила ихъ святая небесная пѣснь,—та самая пѣснь, слова которой люди такъ часто повторяютъ въ эти святые рождественскіе дни: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“

Не только грѣшная земля какъ-бы замерла въ нѣмомъ восторгѣ отъ этой дивной пѣсни, но, выражаясь словами поэта, „и мѣсяцъ, и звѣзды и тучи толпой внимали той пѣснѣ святой!“...

Совершилось величайшее изъ чудесъ: Самъ Господь принялъ на себя тѣло смиреннаго человѣка, возлегъ въ яслѣхъ Невмѣстимый Христосъ—Богъ. Совершилось то, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали на протяженіи многихъ вѣковъ святые патріархи, вдохновенные пророки и всѣ ветхозавѣтные праведники. Небо примирилось съ землею, и люди опять получили право называть Бога своимъ Небеснымъ Отцомъ. Среди людей, по безконечной любви къ нимъ, воплотился Агнецъ Божій, взявшій на Себя грѣхи міра.

Совершилась великая міровая побѣда добра надъ зломъ. Теперь страданія на землѣ не страшны для людей.

Впереди себя теперь каждый вѣрующій христіанинъ видитъ Христа Спасителя. Житейское море теперь безсильно затерять насъ навѣки въ своихъ бурныхъ и полныхъ ужаса волнахъ: тамъ, на другомъ берегу этого моря, тамъ—на границѣ нашей жизни съ вѣчностью, стоитъ любящій Христосъ Спаситель; Онъ всегда протянетъ Свою руку погибающему... Обо всемъ этомъ и еще о многомъ таинственномъ, великомъ и непонятномъ для людей пѣли ангелы въ эту святую Виѳлеемскую ночь!..

Но вотъ, пѣніе ангеловъ замолкло. Небо, адъ и все мірозданіе содрогнулось, а люди на землѣ въ эту святую ночь безпечно спали!

Съ тѣхъ поръ прошли года. Вѣка за вѣками уходили въ вѣчность. Исчезли царства и цѣлые народы; забылись дѣянія царей; въ ничто обратились сильные; какъ призракъ растаяли слава и богатство земное. Все прошло, все миновало. Осталось же только вѣчное и неизмѣнное. Остался въ душахъ людей тотъ миръ который былъ принесенъ на землю Младенцемъ—Христомъ. Этотъ миръ когда-то озарялъ лицо Спасителя, распятаго на Голгоѳѣ. Съ этимъ миромъ Его Божественныя уста произнесли великое всепрощеніе людямъ, которые пригвоздили Его ко кресту: „Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ!“ Во имя этого мира св. апостолы и безчисленные сонмы мучениковъ шли на смерть за Христа.

Этотъ святой миръ и теперь царитъ въ душахъ страдальцевъ—христіанъ, безропотно переносящихъ свою горькую жизненную долю.

Приступимъ же и мы съ этимъ миромъ въ душахъ къ Божественному Младенцу. Откроемъ предъ Нимъ не убогія ясли, а наши, хотя и недостойныя, но проникнутыя любовію къ Нему сердца. Вѣдь только тамъ, гдѣ Христосъ, принесенный Имъ на землю миръ будетъ проченъ и „плодъ многъ сотворитъ“. Поэтому стряхнемъ съ себя тотъ тяжелый гнетущій сонъ, въ который погружено современное намъ человѣчество; сонъ, исполненный кошмарныхъ призраковъ взаимной ненависти и вражды, безцѣльности жизни, вѣчной тоски, безплодныхъ исканій и духовнаго одиночества. Очнемся подъ благодатнымъ вѣяніемъ чудной симфоніи словъ и звуковъ небесной пѣсни и пойдемъ къ Нему, пойдемъ навстрѣчу идущему къ намъ Христу!

Юные и старцы, веселящіеся и печальные, богатые и бѣдные, повелители и подчиненные, благочестивые и великіе грѣшники, всѣ поклонимся Новорожденному Младенцу—Спасителю; всѣ съ обновленными душами и въ простотѣ сердца воспоемъ Ему ангельскую пѣснь мира и любви! Только въ Немъ Одномъ мы найдемъ истинное счастіе, небесную радость и вѣчное блаженство! *В. С.*

Виѳлеемская звѣзда.

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Съ тѣхъ поръ, какъ сіяніе необычайной звѣзды привело къ колыбели Родившагося Спасителя міра съ востока первыхъ поклонниковъ, твердо вѣровавшихъ въ будущее всемірное значеніе „родившагося Царя Іудейскаго“, рождественская звѣзда сдѣлалась наиболѣе понятнымъ и близкимъ

сердцу символомъ этого праздника. Но понимая всю высокую поэзію этого символа и всю прелесть историческаго преданія о звѣздѣ волхвовъ, къ сожалѣнію, весьма рѣдко задумываются надъ дѣйствительнымъ смысломъ этого образа. Между Виѳлеемскою звѣздою и тѣмъ, что принесъ на землю Родившійся Христосъ, сходство не внѣшняго только подобія, а глубокаго внутренняго сродства. Евангеліе и все то, что явилъ людямъ Христосъ, стало для человѣчества яркою, незаходимою звѣздою, сіяющею надъ міромъ тихимъ и отраднымъ свѣтомъ. Но гдѣ же этотъ свѣтъ? Видимо ли, ощутимо ли человѣческому сердцу его благодатное вѣяніе за тѣ 19 вѣковъ, которыя истекли съ того времени, когда засіяла яркая Виѳлеемская звѣзда?

Есть скептики, которые и теперь готовы отвѣтить на этотъ вопросъ извѣстными словами Екклесіаста: „нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ!“ Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое; но это было уже въ вѣкахъ минувшихъ“. Но не такова была все-же звѣзда Виѳлеемская, на поклоненіе которой за тысячу верстъ пришли мудрые халдейскіе звѣздочеты.

Настроеніе людей измѣнчиво, люди, утомленные жизнью, люди нетерпѣливые, желающіе въ одно мгновеніе перестроить весь міръ, всегда будутъ жаловаться на то, что нравы испортились, и все святое попрано, когда наше поколѣніе состарится и увидитъ другіе порядки, то непремѣнно и мы будемъ хвалить наше нынѣшнее время и порицать поколѣніе потомковъ. Настроеніе, конечно, настроеніемъ, но безпристрастная исторія даетъ иной, болѣе отрадный отвѣтъ. Она говоритъ намъ о томъ, что „миръ“ человѣческой совѣсти и умиротвореніе земли, о которомъ пѣли въ ночь Рождества ангелы, есть свѣтлый лучъ, брошенный вглубь человѣческаго сердца и постепенно его преобразующій. Это тихій свѣтъ яркой звѣзды, освѣщающій въ теченіе 19 вѣковъ тьму человѣческаго невѣдѣнія лучемъ истины, и это не „пустая мечта“ о „золотомъ вѣкѣ“, а нѣчто постепенно осуществляющееся въ міровой исторіи.

Возьмемъ красу и гордость античной цивилизаціи—Римъ временъ Августа, или, что то же, временъ Рождества Христова, и сравнимъ его съ Византіей временъ Юстиніана. Въ верхахъ византійскаго общества въ V и VI вѣкахъ еще продолжали царить языческія традиціи, да и самое правительство сплошь и рядомъ прибѣгало къ нехристіанскимъ по духу мѣрамъ и средствамъ борьбы.

Законодательство Византіи этого времени еще только подводитъ итогъ римской, языческой по духу юриспруденціи, культура начинаетъ падать и понижаться подъ гнетущими варварскими вліяніями, шедшими со всѣхъ сторонъ. Но посмотрите, однако же, сколько новаго уже внесло христіанство въ крѣпкія, какъ сталь, римскія традиціи.

Не только „гладіаторы“ и „римскій циркъ“—этотъ позоръ античной цивилизаціи, но и пятнавшее ее рабство отходятъ въ область преданій; дѣти, жизнь и смерть которыхъ зависѣли отъ каприза отца, получаютъ самостоятельныя права; женщина изъ полузакрѣпленной за мужемъ рабы выросла въ друга и помощника мужа, надѣленнаго опредѣленными правами. Прежде людей, здоровыхъ и способныхъ къ труду, бросали въ пищу откармливаемымъ рыбамъ, теперь столицы и большіе города усѣяны больницами и странноприимными домами, въ которыхъ находятъ пріютъ, леченіе и уходъ больные, отверженные міромъ, и спустившіеся до нищеты. Перемѣна, конечно, слишкомъ велика, что бы кому либо пришло въ голову приложить сюда слова: „это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“. Нѣтъ, здѣсь пять протекшихъ со времени рожденія Спасителя вѣковъ измѣнили лице земли, и тихій свѣтъ яркой Виѳлеемской звѣзды, сверкающей надъ міромъ, постепенно пронизываетъ потемки души и смягчаетъ во многомъ жесткое сердце человѣка.

Пять вѣковъ, конечно, большой срокъ, но вѣдь уже въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., лишь только языческая культура успѣла присмотрѣться къ христіанамъ, замѣтить и отличить ихъ отъ ненавидимыхъ всюду іудеевъ, язычество начинаетъ

невольно, еще враждуя и понося христіанъ, привлекаться въ сторону христіанства. Цѣлый рядъ сродныхъ христіанству мистическихъ и моральныхъ теченій, которыя обнаружились въ греко-римской имперіи съ особенною силою въ вѣкъ Северовъ, начиная съ культа Митры, повторившаго христіанскія таинства, и кончая своеобразнымъ культомъ святыхъ,—былъ только завершеніемъ этого процесса постепеннаго приближенія къ христіанству язычества. Это было невольное отраженіе язычествомъ сіявшаго на весь міръ свѣта евангельскаго.

Уже съ тѣхъ поръ язычество стало приближаться къ тому, что могло дать отраду истомленной царствомъ жестокости и зла человѣческой душѣ,—къ твердой вѣрѣ во Единаго Бога, стоявшаго выше міра и всѣхъ человѣческихъ страстей, но готоваго снизойти отечески къ павшему и томящемуся подъ ярмомъ грѣха человѣчеству. Это вѣра, когда къ ней присоединилось благовѣстіе о совершенномъ спасеніи человѣчества Сыномъ Божіимъ, только и могла создать дѣйствительный и прочный миръ человѣчеству, которому не стала страшна ни горесть жизни, ни самая мука смерти.

Ветхозавѣтный іудей, искавшій внѣшняго приближенія царствія Божія, чудеснаго избавленія отъ горестей жизни, обрѣлъ теперь это царство, эту радость, скрытую въ собственномъ сердцѣ, какъ нѣкоторую „драгоцѣнную жемчужину“. И лично каждый изъ насъ въ вѣрѣ во Христа, родившагося отъ Пречистой Дѣвы Маріи въ Виѳлеемѣ, можетъ найти миръ и радость душѣ, независимо отъ внѣшнихъ благъ, не смотря ни на какія горести и лишенія. Но это будутъ все же избранники,—когда же наступитъ миръ для всѣхъ?

Это зависитъ отъ самихъ людей, отъ ихъ воли. Свободный только путемъ свободнаго развитія можетъ достигнуть своего блаженства, и пока въ сердцѣ его не загорится огонь живой любви Христовой, даже всемогущество и благость Божія не могутъ сдѣлать его участникомъ той свѣтлой радости, въ которой состоитъ возвѣщенное ангелами наступле-

ніе царствія Божія. Но призываемое благодатію Божіею человѣчество все же идетъ, хотя и постепенно, къ этому миру.

Христосъ предупреждалъ, что царство небесное не наступитъ примѣтнымъ образомъ,—оно будетъ подобно закваскѣ, которая постепенно закваситъ все тѣсто; это царство уподобится зерну горчичному, которое меньше всѣхъ сѣмянъ земныхъ, но, однако, изъ него выростаетъ дерево, подъ сѣнію котораго укроются всѣ птицы небесныя. Да, дѣйствительно, христіанство въ исторіи является не готовымъ закономъ, не опредѣленной юридической системой, не культурой даже или культурной средой, а именно закваской, дрожжами, или сѣменемъ, которое постепенно растетъ, постепенно проникаетъ во всякую окружающую среду.

Какъ у насъ надъ головами, въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ—на смѣну угасшимъ, отжившимъ солнцамъ, возникаютъ, загораются новые міры, такъ и въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ человѣческаго сердца на смѣну устарѣлымъ, осуществленнымъ цѣлямъ, выясняются, зарождаются новые идеалы. Мелкія, личныя стремленія людей смѣняются быстро, напоминаютъ причудливую пестроту калейдоскопа; но поверхъ этихъ частныхъ, злободневныхъ нуждъ и заботъ у человѣчества въ каждую отдѣльную эпоху есть особыя общія цѣли, стремленіе къ которымъ держитъ духовныя силы общества въ напряженномъ состояніи, и чѣмъ болѣе вѣковъ проносится надъ головою человѣка, тѣмъ эти общія цѣли, верховные идеалы его становятся шире, гуманнѣе и возвышеннѣе.—Все это началось и развивается съ момента рожденія Виѳлеемскаго Младенца.

Съ этого времени начало любви получило перевѣсъ въ общей суммѣ тѣхъ принциповъ, которыми руководятся люди въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Варварство и звѣрство стало понемногу отходить въ предѣлахъ вліянія христіанства въ область преданій далекаго прошлаго. Хотимъ или не хотимъ мы признать это, но все, что есть высокаго и святого

въ нашей культурѣ, мы почерпнули изъ Благовѣстія галилейскихъ рыбаковъ. Равенство, братство, свобода, любовь—всѣ великія идеи, за которыя такъ жадно хватается нашъ вѣкъ,—во всемъ этомъ слышатся ясные отзвуки завѣтовъ Галилейскаго Учителя, а то новое, что попытались влить въ пониманіе этихъ евангельскихъ началъ жизни мы сами, только затемнило ихъ свѣтлыя и высокія черты.

Нынче среди нашей интеллигенціи христіанство не въ модѣ, она всѣми силами стремится оттолкнуться отъ христіанства и, несмотря на это, какъ древнее язычество въ эпоху Северовъ, всецѣло дышетъ атмосферой христіанскихъ идей: ими только живетъ и движется впередъ. Всѣ языческія движенія, всѣ противорелигіозныя тенденціи—только наносныя тучи на ясномъ горизонтѣ христіанской культуры, которая теперь свѣтитъ на весь міръ. Но пусть тучи закрываютъ солнце, дневной свѣтъ, окружающій насъ, все же не самобытенъ, а только результатъ сокрытаго отъ насъ свѣтила. Тучи пройдутъ, разсѣются, а святое зерно, посѣянное на грѣшной землѣ въ ту ночь, когда возсіяла Виѳлеемская звѣзда, будетъ расти, пока земля не насладится общимъ миромъ.

Кир. Тихомировъ.

О звѣздѣ волховъ.

(Окончаніе) [1]).

Рѣшительная безуспѣшность попытокъ подойти къ рѣшенію вопроса астрономическимъ путемъ навела нѣкоторыхъ современныхъ писателей на мысль истолковать все сказанное въ Евангеліи о Рождествѣ Христовомъ въ астрально-миѳологическомъ смыслѣ. По словамъ Н. Морозова, весь евангельскій разсказъ вмѣстѣ съ Магами и Яслями нужно понимать

[1]) См. № 51 за 1912 г.

астрально [1]). Мы не будемъ здѣсь говорить подробно объ астрально-миѳологическомъ методѣ толкованія библейскихъ повѣствованій,—объ этомъ надѣемся поговорить особо,—а прямо перейдемъ къ разбору очерка Д. Святскаго „Виѳлеемская загадка", который насъ теперь интересуетъ. Нужно сказать, что мысль указаннаго очерка не принадлежитъ всецѣло Д. Святскому,—впервые она была высказана уже давно французскимъ ученымъ Дюпюи, и подробно развита недавно польскимъ писателемъ А. Нѣмоевскимъ, наиболѣе крайнимъ сторонникомъ астральнаго метода.

„Астрономовъ,—говоритъ Д. Святскій,—давно уже поражало совпаденіе въ расположеніи нѣкоторыхъ созвѣздій на небѣ *въ полночь* [2]) *на 25декабря* съ евангельскимъ повѣствованіемъ о рожденіи Христа въ ясляхъ и волхвахъ. *Въ названіяхъ созвѣздій* символически запечатлѣно событіе Рождества Христова. Въ это время на востокѣ появилось созвѣздіе Дѣвы, говорившее о „рожденіи" благодѣтельнаго свѣтила; передъ восходомъ же Дѣвы на серединѣ неба уже стояли ясли (по мнѣнію Д. Святскаго, они находятся въ созвѣздіи Рака), а впереди Яслей шли „съ высоты востока" на западъ три царя или волхва (созвѣздіе Ориона)". [3]) Греческое слово ἀστήρ, стоящее въ Ев. Матѳея, употреблялось одинаково для обозначенія какъ звѣзды, такъ и созвѣздія. Поэтому, говоритъ Д. Святскій, нужно еще рѣшить вопросъ, надо ли здѣсь разумѣть дѣйствительно звѣзду, или какую нибудь группу звѣздъ, которую *древняя астрологія* связывала съ именемъ Христа? А. Нѣмоевскій, а за нимъ и Д. Святскій полагаютъ „что такой группой звѣздъ было созвѣздіе Дѣвы съ ея яркой звѣздой Спикой или Колосомъ. Появленіе этого созвѣздія на востокѣ въ полночь на 25 декабря, когда въ первые вѣка христіанства нарождалось новое солнце—Христосъ (въ католическомъ гимнѣ на Рождество еще до сихъ поръ поется:

---

[1]) Д. Святскій цит. соч. 118.

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

[3]) Д. Святскій, тамъ же.

„Sol novus oritur"), заставало ясли стоящими на меридіанѣ [1]). Во время же восхода солнца *„звѣзды"* Христа, или созвѣздіе Дѣвы, поднимались и проходили меридіанъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ передъ этимъ былъ лежащій Младенецъ въ яслях (Д. Святскій ссылается здѣсь на Мѳ. II, 7). А три царя Оріона уже зашли на западѣ, чтобы „отойти въ страну свою инымъ путемъ" (Мѳ. II, 12). Въ послѣднемъ выраженіи скрывается замѣчательная астральная аллегорія. Изъ разныхъ апокрифическихъ сочиненій А. Нѣмоевскій и Д. Святскій извлекли указаніе, что волхвы происходили изъ царскаго рода маговъ, обитавшихъ на горѣ Воусъ, греч. Ῥάος, санскритск. Bhas,—т. е. гора свѣта и побѣды [2]). „Астральная аллегорія" заключается въ томъ, что „зашедшія на западѣ три звѣзды Оріона могли возвратиться въ сторону своего восхода, на гору Воусъ, т. е. на гору свѣта и одержанной имъ побѣды надъ зимнимъ мракомъ (праздникъ непобѣдимаго солнца у римлянъ 25 декабря—Natalis Solis Invicti), только *инымъ путемъ* (курсивъ Д. Святскаго), а не прежнимъ, потому что всѣ звѣзды, скрываясь на западѣ, проходятъ къ востоку *въ другой половинѣ звѣздной сферы*, находящейся *подъ нами*". [3]) Итакъ, Д. Святскій приходитъ къ слѣдующему заключенію о виѳлеемской звѣздѣ: „не надо видѣть въ ней, —говоритъ онъ,—какого либо особеннаго явленія, потому что мы имѣемъ дѣло *не съ фактомъ, а съ* (*астральнымъ*) *мивомъ*. Стремленія прежнихъ астрономовъ во что бы то ни стало отыскать въ лѣтописяхъ астрономіи соотвѣтствующее виѳлеемской звѣздѣ астрономическое событіе вело по ложной дорогѣ и потому то виѳлеемская загадка, несмотря на всѣ попытки, оставалась неразгаданной. Новый же методъ изслѣдованія привелъ къ опредѣленному результату". [4]) Предло-

---

[1]) Меридіаномъ въ данномъ случаѣ называется линія, идущая отъ зенита по направленію къ югу.

[2]) Святскій, цит. соч. 120.

[3]) Д. Святскій, цит. соч. 121.

[4]) Цит. соч. 120—121.

живъ этотъ результатъ вниманію читателей, мы можемъ остановиться и подумать надъ этимъ удивительнымъ во многихъ отношеніяхъ литературнымъ явленіемъ. Мы не будемъ возражать противъ принципіальнаго отношенія названныхъ писателей къ библейскимъ книгамъ. Изслѣдователи, долгое время занимавшіеся мелочной и придирчивой критикой Новозавѣтныхъ писаній, не представили ни одного серьезнаго возраженія противъ исторической достовѣрности ихъ. Теорія Д. Штрауса, видѣвшаго въ Евангеліи выраженіе миѳологическихъ представленій, давно уже отошла въ область прошлаго. Недавно возродившаяся въ сочиненіяхъ Древса и др., эта теорія была безъ труда опровергнута еще разъ. А. Нѣмоевскій и Д. Святскій не хотятъ знать этого и полагаютъ, что по отношенію къ библейскимъ книгамъ возможно употреблять пріемы, которые совершенно немыслимы въ примѣненіи ко всякимъ другимъ книгамъ. Пусть же они думаютъ, какъ хотятъ, но пусть, по крайней мѣрѣ, представляютъ серьезные доводы въ подтвержденіе своихъ теорій. Что же представляетъ изъ себя ихъ аргументаціи, мы сейчасъ постараемся показать.

При чтеніи очерка Д. Святскаго сразу бросается въ глаза коренное заблужденіе, уничтожающее всю теорію. Намъ говорятъ, что евангельскій разсказъ является записью расположенія созвѣздій на небѣ въ полночь на 25 декабря. Въ самихъ созвѣздіяхъ, конечно, нѣтъ ничего такого, что напоминало бы Рождество Христово самымъ отдаленнымъ образомъ. Все дѣло въ названіяхъ созвѣздій, въ которыхъ (названіяхъ) „символически запечатлѣно,—по словамъ Д. Святскаго,—событіе Рождества Христова“. Названіе созвѣздій: „Три волхва“, „Ясли“, „Дѣва“, стоявшихъ на небѣ въ святую ночь, навѣяли весь евангельскій разсказъ. Если бы, напр., три звѣзды Ориона не назывались „Тремя волхвами“, то не было бы въ Евангеліи и повѣствованія о поклоненіи волхвовъ и т. д. Обоимъ писателямъ—Нѣмоевскому и Святскому не пришло въ голову, что три рядомъ стоящія яркія

звѣзды Оріона получили свое названіе „Три волхва“ *подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа* [1]), а не евангельскій разсказъ составленъ подъ вліяніемъ этого названія Раньше же эти звѣзды не выдѣлялись какими нибудь особыми названіями изъ среды остальныхъ звѣздъ Оріона. Такимъ образомъ, сужденіе названныхъ писателей представляетъ превосходный образецъ того, какъ нужно переворачивать важные вопросы вверхъ ногами. Что касается названія созвѣздія Рака Яслями, то, повидимому, оно спеціально придумано къ настоящему случаю, или же встрѣчается крайне рѣдко; по крайней мѣрѣ, въ такихъ извѣстныхъ книгахъ, какъ ,,Астрономическіе вечера“ Клейна (С.-Пб. 1900 г. 3-е изд. ,,Знанія“) и Фламмаріона „Популярная астрономія“, данное созвѣздіе такъ и называется созвѣздіемъ Рака, притомъ это созвѣздіе состоитъ изъ еле замѣтныхъ звѣздъ. Въ томъ же обстоятельствѣ, что созвѣздіе Дѣвы было видно 25 декабря на небѣ, ничего удивительнаго нѣтъ, потому что это созвѣздіе можно наблюдать въ очень многіе дни года. Послѣ сказаннаго, собственно, можно было бы не говорить болѣе о „теоріи“ Нѣмоевскаго и Святскаго, но все же не мѣшаетъ отмѣтить и другіе перлы новаго рѣшенія виѳлеемской загадки. Совершенно неосновательно, разумѣется, явленіе звѣзды и поклоненіе волхвовъ относятся названными писателями къ 25 декабря, дню рожденія Христа. Евангеліе, какъ увидимъ ниже, смотритъ на эти явленія, какъ на разновременныя. Далѣе, какое созвѣздіе или звѣзда соотвѣтствуетъ, по представленію авторовъ, родившемуся Христу? По словамъ Д. Святскаго, А. Нѣмоевскій думаетъ, что „такой группой звѣздъ было созвѣздіе Дѣвы съ ея яркой звѣздой Спикой или Колосомъ“. Но почему же, на какомъ основаніи г. Нѣмоевскій такъ думаетъ? Можетъ быть, потому, что это созвѣздіе предшествовало солнцу, нарождаю-

[1]) Съ примѣсью апокрифическаго элемента, т. к. число волхвовъ въ апокрифѣ обыкновенно равняется тремъ, можетъ быть, въ зависимости отъ евангельскаго разсказа о трехъ дарахъ.

щемуся 25 декабря? Но въ такомъ смыслѣ ему „предшествовали“ всѣ звѣзды, бывшія въ свѣтлую ночь на небѣ. Еще интереснѣе объясненіе, которое даетъ А. Нѣмоевскій слову „Виѳлеемъ“. „Самое слово Виѳлеемъ,—говоритъ онъ, —по своему филологическому смыслу, означаетъ „домъ хлѣба“ (Bet—lachem) *или* созвѣздіе Дѣвы съ хлѣбнымъ колосомъ въ рукѣ“. Это *или* прямо превосходно. „Потому,—продолжаетъ А. Нѣмоевскій,—вполнѣ понятенъ и смыслъ *астрологическаго* отвѣта книжниковъ на вопросъ Ирода—„гдѣ должно родиться Христу?“—„въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ“, т. е. именно, *потому* въ Виѳлеемѣ, что звѣзда Его соотвѣтствуетъ „дому хлѣба“, т. е. созвѣздію Дѣвы“. [1]) До такихъ Геркулесовыхъ столбовъ рѣдко доходитъ самая тенденціозная критика. Мы можемъ еще смѣло отбросить апокрифическія фантазіи, которымъ Д. Святскій вполнѣ и безусловно довѣряетъ, о происхожденіи волхвовъ отъ горы Воусъ и т. д.; долженъ же онъ, наконецъ, знать, что апокрифы существуютъ именно для того, чтобы фантазировать о не вполнѣ раскрытомъ въ Св. Писаніи, а не Св. Писаніе заимствуетъ свое содержаніе изъ апокрифовъ. Отсюда становится безсмысленной его „замѣчательная астральная аллегорія“, скрывающаяся въ томъ выраженіи Мѳ. II, 12, что волхвы „инымъ путемъ“ отошли въ страну свою. Нѣтъ нужды касаться остальныхъ подробностей очерка Д. Святскаго, заимствованныхъ имъ изъ апокрифовъ: во всемъ очеркѣ царитъ какой то сумбуръ, съ которымъ встрѣтится всякій, желающій воспроизвести въ своемъ воображеніи картину, набросанную Д. Святскимъ и А. Нѣмоевскимъ. Раскрытіе всѣхъ деталей завело бы насъ слишкомъ далеко.

Мы разсмотрѣли важнѣйшія попытки разрѣшить трудный вопросъ о звѣздѣ волхвовъ. Большинство этихъ попытокъ предпринималось независимо отъ евангельскаго текста, такимъ образомъ, авторы ихъ упускали изъ вида самое главное. Нисколько не пытаясь дать рѣшеніе интересующаго насъ

[1]) Д. Святскій, цит. соч. 118—119.

вопроса, мы считаемъ наиболѣе необходимымъ для всякаго, приступающаго къ этому рѣшенію, ознакомленіе съ текстомъ II-й главы Ев. отъ Матѳея. Что же открываетъ намъ эта глава о звѣздѣ Мессіи?

Что звѣзда появилась на небѣ приблизительно за два года до Рождества Христова, съ увѣренностью можно заключать изъ распоряженія Ирода убить въ Виѳлеемѣ всѣхъ мальчиковъ „отъ двухъ лѣтъ и ниже, по времени, которое вывѣдалъ отъ волхвовъ“ (ст. 16), т. е. по времени появленія звѣзды (ст. 7), которое ему удалось вывѣдать у волхвовъ. Въ Евангеліи сообщается дважды о томъ, что волхвы видѣли звѣзду „на востокѣ“ (2 и 9). Изслѣдователи считаютъ это выраженіе труднымъ для объясненія, и большею частью видятъ здѣсь указаніе на то, что волхвы наблюдали звѣзду „при восхожденіи“ ея, въ самомъ началѣ, когда она только что появилась (ἐν τῇ ἀνατολῇ)[1]. Можетъ быть, здѣсь просто указывается на то, что волхвы видѣли звѣзду у себя на родинѣ на востокѣ, но не на время или мѣсто ея появленія на небѣ. Теперь выдвигается вопросъ большой важности, какъ узнали волхвы по звѣздѣ, что родился царь, и именно Царь Іудейскій? Свящ. М. Ѳивейскій, принимающій вмѣстѣ со многими другими изслѣдователями гипотезу Кеплера, какъ мы видѣли, совершенно неудовлетворительную, такъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ. „Звѣзда,—говоритъ онъ,—которая явилась волхвамъ, была замѣчена на небѣ только ими, и, можетъ быть, немногими другими людьми, интересовавшимися небесными явленіями. Въ то время, какъ волхвы волновались, вслѣдствіе необычайнаго, замѣченнаго ими, небеснаго явленія, тысячи и милліоны другихъ людей въ это время не замѣчали на небѣ ничего особеннаго, потому что звѣзда во всякомъ случаѣ была не настолько велика, чтобы привлекать взоры незнающихъ астрологіи. Даже въ то время, когда астрологія перешла въ астрономію и сдѣлалась наукой,

[1]) Свящ. М. Ѳивейскій, цит. соч. 44.

звѣзду увидѣлъ едва ли не одинъ только Кеплеръ и описалъ ее, а многіе другіе, можетъ быть, отнеслись къ этому явленію равнодушно. Необыкновенная звѣзда должна была, по понятіямъ волхвовъ, предвѣщать и необыкновенное событіе. Если она явилась года за два до Рождества Христова, то волхвы могли переговариваться о ней между собой, и, можетъ быть, сталкиваясь въ это время съ іудеями, разсѣянными тогда по всему міру, узнали отъ нихъ, что въ Іерусалимѣ ожидаютъ великаго царя и отправились туда, чтобы поклониться ему". [1]) Дѣйствительно, не только на востокѣ, но и вообще во всемъ человѣчествѣ было распространено древнее и прочное мнѣніе, записанное, между прочимъ, у Тацита, Свѣтонія и Виргилія, будто предопредѣлено, что имѣющіе придти изъ іудеи сдѣлаются властителями міра. [2]) Такимъ образомъ, можно предполагать, что волхвы узнали не отъ самой звѣзды о рожденіи Царя іудейскаго, и не пришли бы къ Нему, если бы по всему свѣту не была распространена молва объ Его скоромъ пришествіи. Этимъ несомнѣнно, значительно умаляется цѣнность ихъ астрологическихъ занятій самихъ по себѣ, которая иногда чрезмѣрно преувеличивается.

Обычное воззрѣніе на звѣзду волхвовъ, какъ на путеводительницу ихъ къ Виѳлеему, такъ выражается однимъ духовнымъ писателемъ: „Чудесная звѣзда,—говоритъ онъ,—оказала (волхвамъ) двоякую услугу, именно, она была для нихъ свѣточемъ, по которому они узнали явленіе Спасителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ, который безопасно привелъ ихъ къ Его колыбели" [3]). Первое положеніе этой выдержки, какъ мы видѣли, не можетъ быть принято всецѣло. Что же касается второго положенія, то свящ. М. Ѳивейскій противъ подобныхъ сужденій возражаетъ, что, собственно, изъ евангельскаго текста совсѣмъ не видно, чтобы звѣзда волхвовъ

[1]) Тамъ же, стр. 45.

[2]) См. у Скабаллановича, цит. соч. 15—16.

[3]) „Воскр. Чт." 1877 г. № 48, стр. 363—364.

руководила ихъ на пути. „Если бы—говоритъ онъ,—путешествіе волхвовъ совершилось подъ руководствомъ звѣзды, то спрашивается, почему она привела ихъ въ Іерусалимъ, а не въ Виѳлеемъ? Не противорѣчитъ ли подобнымъ предположеніямъ самый вопросъ волхвовъ о мѣстѣ рожденія Царя іудейскаго? Далѣе, ясно, что волхвы отправились въ Виѳлеемъ не потому, что путь туда былъ указанъ имъ звѣздой, а потому, что узнали о мѣстѣ рожденія Христа, хотя и не сами лично, а чрезъ посредство другихъ, отъ „первосвященниковъ и книжниковъ“ [1]). Собственно, Иродъ направилъ ихъ въ Виѳлеемъ послѣ того, какъ посовѣтовался съ первосвященниками и книжниками народными (гл. II ст. 9, ср. 4). Это разъясненіе, сдѣланное о. М. Ѳивейскимъ, чрезвычайно важно и еще болѣе осложняетъ вопросъ о звѣздѣ волхвовъ. Принявъ теорію Кеплера и признавъ звѣзду волхвовъ естественнымъ небеснымъ явленіемъ, о. М. Ѳивейскій долженъ былъ отвѣтить на вопросъ, какъ объяснить, что „звѣзда, которую видѣли (волхвы) на востокѣ, шла передъ ними, какъ, наконецъ, пришла и остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ Младенецъ“? (9 ст.). „Выше было указано,—говоритъ онъ,—что волхвы направлены были въ Виѳлеемъ не звѣздой, а *людьми*. Когда они вышли изъ Іерусалима, то та самая звѣзда, которую они видѣли раньше, пріобрѣла для нихъ новое и болѣе опредѣленное значеніе и имъ *казалось*, что она идетъ предъ ними. Другими словами, это было просто оптическое явленіе“ [2]). Это мнѣніе не новое, оно уже давно было высказано Кеплеромъ, а въ новѣйшее время поддерживается извѣстнымъ экзегетомъ Цаномъ. Видный апологетъ Эбрардъ, раздѣлявшій также эту теорію, согласенъ съ тѣмъ, что движеніе звѣзды представляло извѣстный оптическій обманъ, въ которомъ каждый можетъ убѣдиться ночью; при постоянномъ вниманіи къ одной опредѣленной звѣздѣ, наблюдатель можетъ замѣтить,

---

[1]) „Толк. Библія“ т. VIII стр. 42.

[2]) Тамъ же стр. 44.

что звѣзда эта будетъ идти, когда онъ самъ идетъ, и стоять, когда онъ остановится. Такъ было и съ магами, при постоянномъ вниманіи ихъ къ необыкновенной звѣздѣ на пути въ Виѳлеемъ. И св. Матѳей только передаетъ впечатлѣніе маговъ“ [1]). Необходимо отмѣтить, что явившаяся волхвамъ звѣзда на пути въ Виѳлеемъ была та самая, какую они видѣли у себя дома, и, можетъ быть, во время путешествія въ Іерусалимъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не подлежащее перетолкованіямъ сообщеніе евангелиста о звѣздѣ, которую волхвы видѣли на востокѣ: эта самая звѣзда шла предъ ними. „Но она получила теперь для нихъ иной смыслъ. Прежде они знали ее только какъ звѣзду возвѣщавшую о рожденіи *какого то* великаго царя. Теперь они были увѣрены, что этотъ Царь уже родился, и именно въ Виѳлеемѣ. Прибавилось новое знаніе о царѣ. Если обратить вниманіе на то, какая разница существуетъ въ воззрѣніяхъ людей на одни и тѣ же предметы, зависящая отъ просвѣщенія и развитія духа, то легко понять психологическое состояніе волхвовъ. Имъ теперь казалось, что звѣзда идетъ передъ ними, радуется вмѣстѣ съ ними, указываетъ имъ мѣсто (т. е. Виѳлеемъ), гдѣ родился Младенецъ. Волхвы походили на морскихъ путешественниковъ, плавающихъ по звѣздамъ, указывающимъ путь. Среди волненій и бурь какая радость видѣть звѣзду, указывающую на тихую пристань!“ [2]). Вотъ почему, „увидѣвши звѣзду, они возрадовались радостью весьма великою“ (Мѳ. II, 10). Признающимъ звѣзду волхвовъ естественной звѣздой нужно объяснить еще, какимъ образомъ волхвы нашли домъ, гдѣ былъ Младенецъ. „Это, повидимому, трудно объяснить,—говоритъ о. М. Ѳивейскій,—если предположить, что звѣзда, которая шла передъ ними, была естественною звѣздою. Но трудность

---

[1]) Прот. М. Д. Златоверховниковъ. Звѣзда явившаяся на востокѣ Журн. „Домашняя Бесѣда“ 1873 г. № 51 стр. 1250—1251. См. въ этой статьѣ подробности теоріи Кеплера и др.

[2]) Свящ. М. Ѳивейскій, цит. соч. 47.

устраняется, если мы вспомнимъ, что о Младенцѣ начали уже говорить въ Виѳлеемѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что поклоненіе виѳлеемскихъ пастуховъ совершилось раньше, чѣмъ поклоненіе волхвовъ; пастухи разсказывали о томъ, что имъ было возвѣщено ангелами о Младенцѣ, по крайней мѣрѣ, въ Виѳлеемѣ. Подтвержденіе этого находимъ и въ томъ обстоятельствѣ, что Мать и Младенецъ теперь помѣщались уже въ „домѣ", а не въ прежней гостинницѣ или пещерѣ" [1]). Стройная и превосходно изложенная теорія о. М. Ѳивейскаго все же, къ сожалѣнію, не во всѣхъ пунктахъ убѣдительна. Она основана на гипотезѣ Кеплера и должна висѣть въ воздухѣ, пока подъ нее не будетъ подведено болѣе прочное основаніе. Разъясненіе вопроса о томъ, какимъ образомъ волхвы могли узнать о рожденіи Царя іудейскаго, въ значительной мѣрѣ лишь гипотеза.

Противъ раздѣляемаго о. Ѳивейскимъ взгляда, что движеніе звѣзды было только мнимымъ, справедливо возражаютъ, что принять подобное объясненіе „значило бы свести звѣзду Мессіи къ самому обыкновенному физическому явленію и навязать евангелисту то, что ему вовсе несвойственно. Евангелистъ Матѳей передаетъ намъ вовсе не то, что *казалось* или *могло казаться* магамъ, а то, что они дѣйствительно видѣли и чувствовали" [2]). Кромѣ того, защищаемая о. Ѳивейскимъ теорія явно расходится съ текстомъ 9—10 стт. II гл. Звѣзда не „получила въ глазахъ волхвовъ иной смыслъ", когда они смотрѣли на нее по дорогѣ въ Виѳлеемъ, но, несомнѣнно, тогда они увидѣли ее въ первый разъ послѣ ея появленія два года тому назадъ. Евангеліе въ двухъ мѣстахъ (2 и 9 ст.) ясно говоритъ *только* о томъ, что волхвы видѣли звѣзду у себя *на востокѣ* и добавляетъ къ этому, что они увидали ее еще разъ на пути въ Виѳлеемъ. Отсюда проистекала и радость волхвовъ по поводу появленія звѣзды. Они

[1]) Тамъ же.

[2]) Прот. М. Д. Златоверховниковъ, цит. соч. 1251.

надѣялись, что та же звѣзда, которая возвѣстила о рожденіи Царя іудейскаго, приведетъ ихъ и къ Его колыбели. Противъ догадки о. Ѳивейскаго относительно того, какъ могли волхвы найти домъ Спасителя, можно указать на ясный смыслъ 9 стиха, откуда видно, что волхвы узнали объ этомъ отъ звѣзды, которая „пришедши ста верху, идѣже бѣ Отроча". Совершенно согласно съ текстомъ толкованіе св. Іоанна Златоуста, по которому безъ звѣзды „нельзя было узнать Его, такъ какъ и домъ не былъ извѣстенъ, и Мать Его не была знаменита". Догадка о. Ѳивейскаго совершенно не нужна.

Изъ предложеннаго краткаго очерка видно, что Евангеліе учитъ о *чудесности* звѣзды волхвовъ и что всѣ попытки объяснить звѣзду иначе были безуспѣшны. Какъ сверхъестественное явленіе, звѣзда волхвовъ всегда останется не вполнѣ разъясненной. Почему, напр., звѣзда вела волхвовъ только изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, а не изъ Персіи въ Іерусалимъ или Виѳлеемъ,—какъ узнали волхвы о рожденіи Царя іудейскаго по звѣздѣ,—по поводу всѣхъ этихъ и подобныхъ вопросовъ можно строить лишь болѣе или менѣе остроумныя предположенія, нисколько не раскрывающія тайны звѣзды волхвовъ, какъ доказано опытомъ многихъ вѣковъ.

В. Аѳонскій.

Къ вопросу о томъ, чѣмъ и какъ удовлетворять жажду нашего простого народа къ чтенію.

(Окончаніе) [1]).

3) Чтобы писать то или иное произведеніе, предназначенное заранѣе для какого нибудь опредѣленнаго круга читателей, необходимо знать этотъ кругъ, знать не только его умственные запросы, но и особенности его умственной ра-

[1]) См. № 51-й за 1912 г.

боты и имѣть ихъ, какъ путеводную звѣзду, во все время творчества.

Одна черта простого русскаго народа, одна характерная особенность склада его ума выступаетъ особенно сильно, особенно отчетливо,—это образность его мышленія.

Все, что бы ни хотѣлъ выразить русскій крестьянинъ, у него облекается въ образъ. Просмотрите народныя пѣсни, пословицы, поговорки, не говорю уже о сказкахъ, вы не найдете здѣсь ни одной отвлеченно выраженной мысли, ни одного отвлеченнаго, сухого положенія.—Здѣсь предъ вами безконечная галлерея образовъ, смѣняющихъ одинъ другой, нерѣдко многихъ для одной и той же мысли, дышащихъ яркостью, нерѣдко—огромной силой убѣдительности и необычайной глубины проникновенія...

Согласно съ этой основной чертой своего мышленія крестьянинъ выбираетъ и книги для чтенія. Изъ излюбленныхъ религіозно - нравственныхъ книгъ онъ особенно охотно останавливаетъ свое вниманіе не на общедоступныхъ изложеніяхъ заповѣдей и символа вѣры, но на воплощеніяхъ отвлеченныхъ положеній въ живыхъ, жизненныхъ образахъ, на повѣствованіяхъ о жизни и спасительныхъ трудахъ христіанскихъ мучениковъ и подвижниковъ.

У крестьянъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи изъ общаго числа 14500 книгъ религіознаго содержанія приходится больше всего на житія святыхъ—3074, затѣмъ на Евангелія—2786. Первое же мѣсто житіямъ святыхъ принадлежитъ среди религіозныхъ книгъ, имѣвшихся у крестьянъ и Нолинскаго уѣзда той же губерніи [1]).

„Житія“, какъ кратко называетъ эти повѣствованія крестьянинъ,—вотъ любимое чтеніе народа. „Житіе“ лучше всего отвѣчаетъ особенности народнаго мышленія—образности; житіе доступнѣе для него всѣхъ такъ называемыхъ об-

---

[1]) Цитов. статья—Е. Щепотьевой—„Умств. запр. народа“... Русск. мысль 1889 кн. 4 стр. 51 и примѣч.

щедоступныхъ, но въ дѣйствительности большею частію только краткихъ, сухихъ изложеній жизненныхъ христіанскихъ истинъ.

Вотъ здѣсь то и указывается намъ тотъ общій характеръ, то направленіе, въ которомъ должно идти изложеніе тѣхъ или иныхъ истинъ для народа, если мы хотимъ, чтобы онѣ дѣйствительно были доступны его уму, чтобы онѣ содѣйствовали дѣйствительному воспитанію его въ желанномъ для Церкви и для него самого направленіи.

Христіанская истина, для успѣшнаго проникновенія въ современную намъ народную среду, должна быть выражена образно.

Но сказать, что въ передачѣ той или иной истины народу нужна образность, далеко еще не значитъ сказать все не только возможное, но даже и необходимое... Вѣдь образы въ отношеніи своего качества могутъ быть и есть до безконечности разнообразны: различна можетъ быть отсюда и образность. Можетъ быть образъ мертвый, неестественный, уродливый, образъ далекій отъ жизни, и можетъ быть образъ живой, естественный, здоровый, жизненный; отсюда и образность можетъ быть неестественная, не жизненная и вполнѣ жизненная, естественная...

Какая же изъ этихъ образностей должна лечь въ основу изложенія для народа?

Требованія неиспорченнаго вкуса всегда должно быть на сторонѣ образа жизненнаго, какъ болѣе естественнаго и близкаго. Ложная же образность, созданная на почвѣ образовъ неестественныхъ, далекихъ отъ жизни, образность уродливая, можетъ быть по сердцу лишь человѣку съ испорченнымъ вкусомъ, или пресытившемуся обычными картинами, привыкшему обращать вниманіе лишь на необычное для заурядной жизни, а не уму неиспорченному, находящемуся въ первобытной своей неприкосновенности, какимъ является умъ нашего крестьянина. Для него нужна образность естествен-

ная, здоровая, ему нуженъ близкій, привычный реализмъ, близкій къ реализму фактическому.

Требованіе именно этого здороваго реализма крестьянъ предъявляетъ и самъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда стараются прислушиваться къ его голосу.

Объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ всѣмъ своимъ отношеніемъ къ разсказу книги.. Въ читаемомъ онъ видитъ описаніе дѣйствительныхъ событій. Съ героями разсказа онъ обращается какъ съ дѣйствительно существующими лицами, онъ узнаетъ въ нихъ даже своихъ знакомыхъ, интересуется ихъ судьбой. Любопытный разговоръ находимъ мы въ I томѣ книги „Что читать народу?“ Послѣ чтенія разсказа „Иванъ Ивановичъ и К°“ Круглова, одна изъ слушательницъ обратилась къ чтицѣ съ дрожаніемъ въ голосѣ:—Я слыхала, вы въ Петербургъ ѣдете.—Ѣду, а что?—Говорятъ, тамъ всѣ сочинители живутъ.—Что же изъ этого?—Нельзя-ли вамъ съ ними повидаться и спросить: живъ ли Иванъ Ивановичъ?“ [1]).

Соотвѣтственно этому своему основному взгляду крестьянинъ предъявляетъ и свои требованія къ книгѣ. Ему интересны всѣ мелочи, всѣ подробности... Больше всего его огорчаетъ отсутствіе конца,—неполнота, незаконченность изображенія жизни героя.

С. Ан—скій получалъ, напримѣръ, такіе отвѣты, что разсказъ Немировича-Данченко „Махмуткины дѣти“ не очень понравился, „потому что *конца нѣтъ*, не сказано, что потомъ стало съ туркомъ“... Жизнеописаніе же Гусса не удовлетворило, напр., слушателей потому, что „про то не сказано: будетъ ли онъ (Гуссъ) имѣть царствіе небесное“. [2])

Огорчаетъ его отсутствіе полноты даже въ мелочахъ. [3]) И, напротивъ, какой восторгъ, какую неподдѣльную радость вызываетъ у него описаніе близкой ему жизни со всѣми

---

[1]) Стр. 139.

[2]) „Народъ и книга“—Русск. Богатство 1902 г. № 6. Стр. 96.

[3]) См. ibid. 97 стр. разговоръ по поводу разсказа „Воръ“.

мелочами ея обстановки и повседневнаго обихода. „Ой, Боже мой! Точно онъ на душѣ сидѣлъ!“ [1])—восклицаетъ слушатель. „И какъ стоялъ, и какъ говорилъ—все опишетъ!—восклицаетъ другой...—То бы еще ничего, а онъ опишетъ и того, что молчитъ, будто онъ у тебя передъ глазами!“

„При чтеніи въ деревнѣ бытовыхъ книжекъ, пишетъ С. Ан—скій, крестьяне и не знали, какъ выразить свое удовольствіе. Иногда они даже переглядывались съ недоумѣніемъ, точно вотъ волшебникъ раскрывалъ передъ ними самые сокровенные тайники ихъ жизни. Они всплескивали руками, переглядывались, подмигивали другъ другу, нервно смѣялись и восклицали: „Бачъ?... Бачъ—бачъ?!“

„При чтеніи, продолжаетъ тотъ же наблюдатель, разсказа „Дѣдъ Софронъ“ на чье то восклицаніе: „Все это правильно!“ —послѣдовалъ горячій отвѣтъ:

—Ужъ и какъ правильно! Какъ читаютъ—кажется: ну, вотъ мы живемъ!

—Все наше жительство, какъ есть! подхватилъ еще одинъ.

—Все дѣйствіе! Всѣ хохлатскіе пожитки!!“ [3])

— „Ахъ, ѣдятъ тебя мухи! восклицалъ отъ радости конюхъ, слушая описаніе конюшни.—Все! Все какъ есть! И хомутъ, и шлея! Вотъ книжка! Вотъ чтеніе!“ [4]).

Поэтому разсказъ книжки является для крестьянина доказательствомъ. Къ нему онъ апеллируетъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ.

---

[1]) „Что читать народу?“ Т. 2, стр. 109.

[2]) ibid. Стр. 145. „Народъ и книга“—Р. Богатство 1902 г. 6, 108 стр. Цитов. статья.

[3]) Слушатели Алчевской по поводу той же книжки восклицали:—„Это наше, наше! Совершенно вѣрно, всѣ признаки! Ну—да, ну—да! Боже мой! На днихъ же это было такъ точно!...“ „Что чит. народу?“ Т. 2, стр. 78.

[4]) С. Ан-скій цит. статья—Р. Богатство. 1902. 6, 109 стр.

„Вотъ и говорятъ, что не существуетъ русалокъ! восклицаетъ одна изъ слушательницъ послѣ чтенія „Русалки“ Пушкина.

— Да и не существуетъ,—отвѣчала ей другая.— Развѣжъ не слыхала, что это сказка?

— Въ книгѣ не напишутъ того, что не бываетъ,— стояла на своемъ первая“ [1]).

— „Могла ли случиться вся эта исторія? кто-то спросилъ послѣ чтенія сказки „Осьминогъ Вакулъ“.

— Говорятъ, что бываетъ, что въ книгѣ понапрасну не пишутъ“—отвѣтилъ другой“. [2])

Соотвѣтственно общему своему взгляду на разсказъ книги крестьянинъ представляетъ себѣ и самый процессъ творчества.

Основный мотивъ его въ этомъ случаѣ есть тотъ, что писатель описываетъ то, что видѣлъ и слышалъ.

— „И настрадался же бѣдный солдатикъ“! говорятъ слушатели по поводу разсказа „Четыре дня“. Ну, а потомъ онъ разсказалъ все это тому доктору, что его лѣчилъ, а тотъ взялъ и написалъ въ книжку“ [3]).

Такъ въ своей неиспорченной душѣ крестьянинъ является сторонникомъ того, что требуетъ вкусъ художественный, требуетъ реализма здороваго, истинно-художественнаго творчества. Это же онъ подтвердилъ своимъ отношеніемъ къ лубочной литературѣ, которая съ конца прошлаго столѣтія начала проникать въ народную массу. За неимѣніемъ лучшаго, народъ принялъ эту литературу, но онъ не перецѣнилъ ея достоинства, а воздалъ должное, не признавъ ее даже книгой и оставивъ ей, независимо отъ содержанія, презрительное въ устахъ народа названіе—сказки, а то и прямо называя ее „побасульсками“, „чепухой“, „дрянью“...

---

[1]) „Что читать народу“. Т. 2 стр. 563.

[2]) ibid.—Т. 1. стр. 228.

[3]) С. Ан—скій Р. Богатство 1902 г. 7, 57. стр. См. также „Что чит. нар.“ Т. 2, стр, 460, 488. 497.

И такое отношеніе къ лубочной литературѣ мы видимъ не только въ средѣ людей пожилыхъ, но даже и въ средѣ молодежи.

Въ статьѣ П. Орлекина [1]), резюмирующей отвѣты бывшихъ учениковъ народныхъ школъ на вопросъ: какія книги они читали и что они вынесли изъ этого чтенія?—мы находимъ такіе отвѣты представителей деревенской молодежи разныхъ мѣстъ Россіи: „въ книгахъ нашелъ мало чего хорошаго, потому что читалъ только сказки, а хорошихъ книгъ на базарѣ не продается". „У „рашеванцевъ" мало хорошихъ книгъ попадается: все больше сказки"; „у офеней такія книги, что разъ прочитаешь—и бросай: ничего въ ней дѣльнаго нѣтъ". „У торгашей продаются только меленькія книжки—пустяки всякіе"... „Не понимаю, какъ цензура позволяетъ печатать такую дрянь". т. е. лубочную литературу; „за неимѣніемъ другой прочитаешь и Бову Королевича или другую какую-нибудь чепуху"...

Итакъ, прислушиваясь къ народной средѣ, мы ясно и отчетливо слышимъ тамъ голосъ, обнаруживающій стремленіе къ реализму здоровому, естественному, къ реализму истинно художественному, къ образности жизненной.

Но эта жизненная образность, этотъ истинно художественный реализмъ, единый въ своемъ существѣ, имѣетъ нѣсколько развѣтвленій.

Можетъ быть реализмъ естественный, жизненный въ собственномъ, въ буквальномъ значеніи этого слова, реализмъ прямо, такъ сказать, выхваченный изъ жизни, когда образъ, со всѣми своими даже мельчайшими частичками и подробностями, буквально выдвинутъ самою жизнью.

Но жизнь растилается предъ нашимъ взоромъ не только какъ безбрежное море, которое мы видимъ въ настоящемъ, какъ настоящее, но и какъ безгранично великое прошедшее. Ею выдвигаются образы какъ въ настоящемъ, такъ и въ

[1]) Русск. Народн. Учитель 1893 г. № 11.

прошедшемъ. И, выбирая буквально жизненный образъ, мы можемъ заглядывать не только въ современную намъ дѣйствительность, но и въ царство прошедшаго, царство, сдѣлавшееся достояніемъ исторіи, и останавливать свой взоръ какъ на первомъ, такъ и на послѣднемъ...

Такъ видъ реализма жизненнаго распадается на два русла—на реализмъ жизненный въ узкомъ значеніи этого слова, какъ взятый именно изъ *настоящей жизни*, и реализмъ жизненный уже не въ такомъ узкомъ смыслѣ—реализмъ жизненно-историческій.

Но можетъ быть реализмъ жизненный не въ буквальномъ значеніи этого слова, реализмъ, основывающійся на образахъ, не взятыхъ буквально изъ жизни, а созданныхъ творческой дѣятельностью воображенія писателя или поэта, но не далекихъ отъ жизни, не уродливыхъ и ненормальныхъ, а вполнѣ естественныхъ, жизненныхъ, реализмъ художественно-творческій, отличающійся отъ перваго способомъ своего происхожденія, имѣющій въ основѣ своей, какъ преобладающее, не наблюденіе, но творчество, созданіе... Таковъ реализмъ нашихъ писателей классиковъ. Всѣ созданные ими безсмертные образы близки, сродны жизни, безусловно естественны. Но въ то же время мы напрасно стали бы искать ихъ, какъ индивидуумовъ, на распутіяхъ жизни. Мы находимъ въ жизни людей, близкихъ къ намъ, имъ подобныхъ, которыхъ мы называемъ даже ихъ именами, находимъ Татьянъ, Онѣгиныхъ, Чацкихъ, но они подобны имъ лишь какъ типамъ, но не какъ индивидуумамъ. Въ индивидуальномъ отношеніи между Гоголевскимъ Хлестаковымъ и Хлестаковыми, встрѣчающимися намъ въ жизни, лежитъ громадная пропасть, хотя какъ типы они безусловно сходны, безусловно родственны.

Такъ передъ нами выступаетъ три подраздѣленія, три рода образовъ—образы, проходящіе передъ нами въ настоящей, современной жизни, образы, прошедшіе въ далекомъ прошломъ и сохранившіеся на страницахъ исторіи, и образы, никогда не проходившіе въ жизни какъ индивидуумы,

но вѣчно повторяющіеся какъ типы, образы, созданные художественнымъ творчествомъ,—а отсюда и три рода образности, реализма: реализма жизненно-современнаго, реализма жизненно-историческаго и реализма жизненно-творческаго.

Всѣ роды жизненныхъ образовъ одинаково близки, понятны и дороги русскому простому сердцу; одни—близки по времени, близки непосредственно, близки какъ наши, какъ постоянно встрѣчающіеся со всѣми своими мелочами, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, другіе, далекіе по времени, близки намъ по духу, дороги какъ носители, какъ воплотители нашихъ стремленій и, наконецъ, третьи близки какъ постоянно повторяющіеся передъ нами въ своихъ существенныхъ чертахъ. Потому и всѣ виды или подраздѣленія жизненнаго реализма одинаково пригодны для передачи отвлеченыхъ положеній простому народу, и намъ думается, что никакого выбора среди нихъ не можетъ быть, никакихъ предпочтеній мы не можемъ отдавать одному изъ нихъ предъ двумя другими. Намъ думается, что какъ всѣ виды печатнаго слова должны служить религіозному просвѣщенію народа, такъ и всѣ виды естественной, здоровой, жизненной образности, реализма должны быть привлечены къ служенію той же великой цѣли.

Какими же способами распространять религіозно-нравственную литературу среди нашего простого народа?

Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ зависимости отъ того, будемъ ли мы ту или иную книжку отдавать народной средѣ во временное пользованіе или же въ вѣчное владѣніе. Послѣднее возможно осуществить двумя способами: или способомъ безплатной раздачи, своего рода подарка, или же чрезъ продажу, чрезъ покупку со стороны потребителя. Первое же предполагаетъ ту болѣе или менѣе широкую, правильную организацію, которая извѣстна у насъ подъ именемъ библіотеки.

Такимъ образомъ предъ нами естественно намѣчаются три способа распространенія религіозно-нравственной литера-

туры среди народа, — это посредствомъ — 1, библіотекъ и, какъ неразрывно связанныхъ съ ними, читаленъ, 2, безплатной раздачи и 3, продажи.

Первые два вида распространенія религіозной литературы, хотя, правда, и въ весьма маломъ масштабѣ и въ неудовлетворительномъ состояніи, но все же у насъ существуютъ, болѣе или менѣе используются. Послѣдній же почему то мало обращаетъ на себя вниманія, почти что не используется. Нужно сказать, что вообще-то торговля книгами даже религіозно-научнаго содержанія у насъ въ Россіи слишкомъ плохо организована. Вѣдъ въ крупнѣйшихъ изъ нашихъ городовъ съ трудомъ приходится доставать самыя ходовыя книги изъ этой области... Тѣмъ болѣе слаба организація продажи религіозно-народной литературы. А между тѣмъ это дѣло особенно важное во многихъ отношеніяхъ.

Для устройства библіотекъ и читаленъ нужны всетаки значительныя средства, которыя не всегда и не вездѣ могутъ найтись. Затѣмъ и вообще-то онѣ нисколько не исключаютъ потребности пріобрѣтенія крестьяниномъ хорошей книжки въ собственность, чтобы во всякое время имѣть ее подъ руками.

Нужны средства также и для безплатной раздачи. Да и при наличности ихъ обычно бываютъ въ состояніи раздавать только листки, среднія же брошюрки уже не употребляются у насъ для раздачи, не говорю о книгахъ... При самой блестящей для нашего времени организаціи такимъ способомъ распространяются лишь массы листковъ... Но вѣдь листокъ одинъ не можетъ быть самодовлѣющей величиной въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія народа; для этого какъ мы говорили выше, необходимо должны быть привлечены всѣ виды печатнаго слова.

Но есть и еще весьма важное обстоятельство, которое говоритъ намъ о чрезвычайной важности организаціи продажи религіозныхъ книгъ, даже о превосходствѣ его предъ идеальнымъ, повидимому, способомъ ихъ безплатной раздачи

Это тотъ фактъ, что народъ иначе относится къ раздаваемой безплатно литературѣ, чѣмъ къ пріобрѣтаемой имъ.

По его мнѣнію безплатно не дадутъ хорошей книги. И это убѣжденіе, этотъ взглядъ поддерживается фактами наличной жизни не только такими, что обычно даютъ лишь листокъ, но и такими, какъ обычай давать *только тогда, когда расчитываютъ получить,* какъ раздача только листковъ Палестинскаго общества и воззваній... Это отношеніе, этотъ взглядъ крестьянина на безплатно дающуюся книгу, думается намъ, понятенъ и изъ обычной жизни... Многія объективно равноцѣнныя вещи и мы цѣнимъ все же различно только благодаря тому, что одну изъ нихъ пришлось намъ получить безъ особыхъ трудовъ и затратъ, а другую съ трудомъ, съ затратой своей трудовой копѣйки. Въ послѣднемъ случаѣ цѣнность какъ то невольно, неуловимо для насъ поднимается возвышается. То же самое происходитъ и въ отношеніяхъ простого народа къ книгѣ. Это весьма мудро и справедливо подмѣчено Библейскимъ обществомъ, положившимъ въ основу своей дѣятельности принципъ—*хотя-бы очень дешево, но обязательно продавать книгу.*

По всѣмъ этимъ причинамъ продажу религіозно-нравственныхъ книгъ для народа мы и считаемъ однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ ея распространенія, наряду съ библіотеками, читальнями и безплатной раздачей.

А. Аболенскій.

ЗАМѢТКА

Необходимое предостереженіе.

Намъ доставлено „объявленіе“ о подпискѣ на новый иллюстрированный журналъ „Церковный Староста“. Какъ вы думаете, что обѣщаетъ дать своимъ подписчикамъ новое изданіе? Вы предполагаете, что оно задается цѣлью освѣтить путь дѣятельности церковныхъ старостъ при новыхъ совре-

менныхъ условіяхъ государственной и церковной жизни, пособить имъ своими указаніями правильно поставить дѣло просвѣщенія въ приходѣ устройствомъ школы, дѣло благотворенія устройствомъ богадѣльни и приходской помощи, организовать кружки ревнителей церковнаго благолѣпія, церковнаго пѣнія и т. п.?

Ничуть не бывало! Новое изданіе имѣетъ въ виду совсѣмъ другую цѣль. Оно намѣрено знакомить читателей „съ жизнію и дѣятельностію во славу Православной Христовой Церкви ея благочестивыхъ и преданныхъ сыновъ“, т.-е. церковныхъ старостъ. Церковные старосты! Вынимайте изъ церковнаго кошелька по три рубля на выписку журнала „Церковный Староста“: но не думайте, что вы этимъ заслужите себѣ похвальный отзывъ въ газетѣ. Нѣтъ, для этого требуется нѣчто большее. „Лицъ,—говоритъ объявленіе,—желающихъ, чтобы въ журналѣ были напечатаны ихъ портреты, просимъ прилагать фотографическую карточку и 5 рублей на расходы по изготовленію рисунка. При желаніи же вмѣстѣ съ портретомъ напечатать въ журналѣ и краткое описаніе и обзоръ дѣятельности слѣдуетъ прилагать 10 рублей“. Трудно представить болѣе безцеремонное отношеніе къ печатному слову и дальше этого некуда итти въ дѣлѣ посягательства на кошелекъ наивныхъ людей.

Пастыри Церкви призываются выяснить церковнымъ старостамъ плохо скрытую цѣль изданія журнала „Церковный Староста“ (если только онъ когда-нибудь будетъ издаваться) и уберечь ихъ отъ подписки на это изданіе (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи **Архим. Амвросій.**

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го декабря 1912 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская. 6.